

Роман Коробенков

ПРЫГУН

Повесть
о суицидальном мальчике
и демонической девочке

«Столичный Скорострел»

Москва 2012

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
К 66

Все права защищены.

Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможно только с разрешения владельца авторских прав.

Художник ДМИТРИЙ ЧЕРНОГАЕВ

Коробенков Роман

К 66 Прыгун. — М.: Столичный Скорород, 2012. — 544 с.

ISBN 978-5-98695-048-8

“Прыгун” Романа Коробенкова — в буквальном смысле головоломная история, замешанная на любви, мистике и философии. Главного героя неудержимо тянет в заоконное (или — зажизненное?) пространство. Почему? Читатель поймет это, когда сложит изощренный текстовый пазл.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-98695-048-8

© Столичный Скорород, 2012
© Р.А. Коробенков, 2012
© Д. Черногаев, оформление, 2012

Содержание

Начало или конец.	7
Менингит.	14
Нокк и его кибербабка.	23
Влюбленный мент.	40
Жена мента.	62
Клочки чьих-то мыслей.	65
Ангел-1.	69
Чаепитие с Мануа.	77
Ангел-2.	105
А-ля Малевич.	125
Пляски с джиннами.	154
Ангел-3.	172
Ур и Ит.	201
Ангел-4.	209
Кричащий ветер.	212
Ангел-22.	236
Ангел-5.	238
Кевин Кваазен.	258
Сожительство с Болью.	294
Сука-1.	308
В тени.	338
Сука-2.	368
День, когда город сошел с ума.	401
Ит и Ур.	426
Смерть ДД.	454
Суицид.	508
Конец или начало.	532

Всем самоубийцам по Любви посвящается.

Начало или конец

“...должна быть высота, после которой все будет иначе...”

Потенциальный самоубийца выполз из своей черно-белой квартиры, богатой мебелью и двухнедельной пылью. Он запер ее ключом, подозревая, что в последний раз, позвонил в звонок, будто прощаясь, и решительно вызвал лифт.

Грубый фольклор в узких застенках, повидавших на своем веку вандалов, прибавил ему мрачной уверенности.

Самоубийца закурил, устало глядя на живописные стены сквозь туманную призму сигаретного дыма.

Одет он был в серое: ветровка, джинсы, кроссовки.

Все мнилось заранее определенным, и уже издавна выстраданным, и даже оформившимся в многочисленные “за” и “против”. В очередной раз за многие месяцы то самое все вдруг встало

на свои выдавленные в поверхности места, ровно и в дружный ряд. Ворох проблем и псевдопроблем стасовался в одноликую колоду, представляя собой высокое, смурое, но аккуратное нагромождение. Это массивное здание должно было быть разрушено одним действием, и запертые двери должны были открыться одним хитрым ключом.

Самоубийце стало чуть радостно оттого, как просто решался жизненный ребус.

Он с сожалением докурил, предполагая, что в последний раз, и вышел из лифта в замусоренный подъезд, который походил на внутренний мир самоубийцы.

Он сбежал по равнодушному бетону ступенек вниз и попал под морозящий дождик.

“...нужно увеличить этажи раза в два...”

“Хороший день, чтобы попробовать еще раз”, — подумал самоубийца, и это было первое, что он окрасил в позитивный цвет за последнюю неделю.

Солнце отсутствовало...

На небо словно пролили чернил. Кое-где еще белое, оно постепенно резалось на куски темными линиями, что раздувались и исходили бахромой, искореняя белизну и возрастая мрачной силой, пуская кровь ненавистным альбиносам, и она — алая — непрерывистым потоком секла тупое безразличие асфальта и бледное, растрескавшееся морщинами усталости лицо самоубийцы. Обычная в такое время столичная осенняя гонорея.

Людей вокруг не оказалось, и самоубийце пришла в голову мысль, что он один во Вселенной. Он не увидел ни собак, ни кошек, ни птиц — ему стало не по себе. Напоследок хотелось перекинуться с кем-нибудь парой бессмысленных фраз. Может, таким образом заработал инстинкт самосохранения.

Он завертел головой, горя желанием исполнить свою собственную последнюю просьбу. Но даже окна домов казались неживыми.

Самоубийца вспомнил, что опять закурил. Сигарета тлела в пальцах, уменьшившись наполовину. Он затаился, стараясь отдаться этому моменту, этому вкусу.

Ноги его понесло влево, в сторону дороги, где шумели машины, а значит, и люди проживали свои жизни.

“Эмоциональное состояние равно минус 5”, — подумал самоубийца.

Если хочется с кем-то поговорить, нужно просто поймать такси. Известно, что большая часть водителей такси любит поговорить. По тем же данным именно эти люди составляют наибольший процент случайных собеседников.

К такой несложной мысли пришел наш герой, стоя у края дороги и вглядываясь во влажное серое варево впереди. Оттуда, разметая воду по тротуарам, периодически вылетали грязные автомобили.

— Куда? — угрюмый с утра, мученически, но будто с угрозой поинтересовался таксист.

Машина его оказалась старой коричневой “Волгой”. Под потолком вился крохотный вентилятор и имелись сотни разнообразных наклеек, что занимали своими пестрыми телами большую часть салона. Треть их была интимного содержания, какие-то олицетворяли карикатуры и шутки, минимум животных, несколько бессмысленных, вроде клякс и иностранного сленга. Кисло запрещалось курить, и имелось жирное сердце, сверлящее отверстия в рассудке.

“...наверное, это последняя такая машина...”

— Ну и? — поторопил водитель, захрустев кожаной курткой и продемонстрировав крупный профиль с массивным подбородком.

— Два-три квартала вперед, — пожелал самоубийца. — Ищу знакомых.

Таксисту было наплевать. Он молча тронулся, опытной рукой правя свое громоздкое судно. Глаза его впились в дорогу, а брови накрыли их так, что стало непонятно: к кому тут можно обращаться.

Но беспокойный самоубийца рискнул:

— Когда не хочется никого видеть, тебя окружают толпы людей, что назойливо добиваются твоего внимания. — Он поймал удивленный взгляд водителя в зеркало заднего вида. — Когда же хочется с кем-то обмолвиться словом, оказывается, вокруг тебя на много километров нет ни души, с которой можно было бы просто поговорить. Почему так? — От заключительного вздоха едва не треснула грудь.

“...в восприятии ли тут дело или в закономерности...”

— Надо перефразировать, — живо, но печально отреагировал таксист. — Правильнее будет: которая бы хотела с тобой просто поговорить. — Две пары разных глаз опять встретились посредством зеркала, и каждые светились о своем.

— И все же? — Самоубийце можно было быть назойливым, хотя бы для того, чтобы почувствовать, как это в последний раз.

— Когда я хочу с кем-то поговорить, — подумал и сказал водитель, — попадают буки, которые с ненавистью пялятся на меня в зеркало, не отвечают и вообще полны презрения. — Он чуть прибавил, как оказалось, включенный магнитофон, и салон наполнился Элвисом. — А когда хочу помолчать, меня атакуют сотни болтунов, которые лезут в уши со своими проблемами, будто мне есть до них дело, я доверху набит собственными. Как думаешь, почему так?

“...вся наша боль состоит из “почему так”...”

— Когда вы злы, вы забываете о том, что иногда и вам хочется общения, — с умным видом резюмировал самоубийца. — А когда хотите поговорить, забываете, что и вы когда-то бываете злы.

“...и все же восприятие...”

— Да ты умный, — саркастически удивился водитель. — Тогда ответь на вопрос. Он волновал меня с детства. Если я злюсь, не хочу ни с кем разговаривать, нужно ли ко мне приставать

и нужно ли мне самому лезть к кому-то, кто выглядит злым, с дурацкими вопросами? — Массивный подбородок опять мелькнул в зеркале заднего вида. — Может, лучше задать кое-какие вопросы себе? А не пахнет ли это травматизмом? А какого черта я еду куда “не знаю”, просто ищу знакомых, когда реальность воплотилась в понедельник и нужно что-то делать? А вообще — есть ли у меня деньги, чтобы расплатиться?

“...чертов бездельник...”

— Нужно перефразировать, — откликнулся самоубийца. — Точнее — перевернуть текст. Есть ли у тебя деньги, странный тип? Ты выглядишь праздно, едешь без цели и ищешь неведомых знакомых? Или просто решил слинять? Тогда можешь нарваться на травматизм, предупреждаю сразу. Может, ты дашь кое-какие ответы или подумаешь вслух? Ох, до чего же я злюсь от этой неопределенности — бесплодной и старой. Помысли вслух, если ты не дурак.

“...эмоциональное состояние равно минус 4...”

— Не совсем верно, — поморщился водитель, убавляя громкость радио и надувая бас. — Она не бесплодная, но старая — моя злость. Если ты не дурак, ты не решил слинять. Ведь тогда праздность покроется неопределенностью, цели растворяются и реальность станет туманна настолько, что не помогут никакие знакомые. Монтировка равна травматизму. Если бы ты был текстом, я вывернул бы тебя. — Жилистые руки скрипну-

ли рулем. — Есть или не есть — вот в чем вопрос. Если ты не кретин, перефразируй.

— Старая злость и бескрайний дурак. — Самоубийца выглядел невозмутимым, а зеркало готовилось запотеть от противостояния глаз. — Монтировка — лишь текст, травматизм — странный тип. Мыслится так, а может, наоборот. Реальность неопределенна, а цели ясны. Праздность столкнулась с типом иным, конфликт философий. Неверна совсем неведомость вопроса — слинять или нет. Наконец-то знакомый...

“...вопросы разные волнуют разные умы...”

Такси взвизгнуло тормозами.

“...нет, лучше так: вопросы разные волнуют разные разумы...”

Очень медленно самоубийца извлек из кармана банкноту и протянул водителю. Она была последней. Стало совсем легко и воздушно.

Таксист нервно взял ее.

Не попрощавшись, они отгородились друг от друга тяжелой коричневой дверью.

Менингит

— Эмоциональное состояние минус 3, — заявил самоубийца вместо приветствия старому знакомому.

Он не помнил, как его звали, потому что давно не видел.

Несмотря на то что погоду нельзя было назвать холодной, этот чужак оказался закупорен в тяжелое синее пальто. Высокий воротник топорщился в небо, поверх был намотан самый длинный в мире белый шарф. Ноги помещались в самые протертые джинсы и самые стоптанные синие кроссовки. На голове росла красная бейсболка.

Человек плохо выглядел: был поразительно худ, бледен, выбивающиеся из-под красной ткани волосы выглядели соломенными. Лихорадочный левый глаз часто моргал, правый же — напротив — усердно восполнял его функцию.

— Это еще ничего, — сказал знакомец. — С этим еще можно жить.

— Мир полон спорных вопросов, — отозвался самоубийца.

“...весь он, как один большой вопрос...”

Они стояли возле телефонной будки. Знакомец собирался куда-то звонить. Но кабина была занята, там отчаянно жестикулировал очередной представитель мира сего. Оставшуюся плоскость занимал тротуар, где пересекались взглядами и терялись навсегда два встречных потока будничных людей. Сквозь паутину человеческих тел просматривались разноцветные куски мимо летящих автомобилей. С этим хаосом деловито сосуществовали многочисленное голубиное общество и мелкий дождь.

Все двигалось в едином ритме.

— Представь, Родик, — сказал знакомец, помнящий имя самоубийцы. — Я как будто болен, хотя окончательно не уверен...

— В смысле?

“...найди отражающую поверхность, и там найдешь ответ на этот вопрос...”

— Иногда я рассуждаю очень трезво. — Знакомца звали Менингит, и еще полгода назад он выглядел иначе, вспомнил самоубийца. — Позже ловлю себя на этом, и тогда во мне просыпается тщеславие. Но иногда откровенно несу чепуху... Позже ловлю себя на этом, и тогда меня охватывает страх. Какие-то жуткие мысли сотрясают голову. Чувствую изменения личности, и эти месячные изменения существеннее, чем изменения последних лет пяти.

— Все мы иногда рассуждаем трезво, иногда откровенно несем. — Самоубийца разглядывал куски автомобилей, мелькающие в прорезях человеческих узоров.

“...а чем старше мы, тем более осознаем, что несли не так давно, а сейчас рассуждаем трезво, но и дальше, с годами проекция эта — увь! — не меняется...”

— Не совсем так. Моя личность опять размягчилась. Такое ощущение, что я опять начал постигать мир, понял, что ошибался до этого... нет, не так... не ошибался... но недостаточно понял в свое время, охватил лишь малый спектр, а сейчас... пошел дальше. Замечаю такие вещи, которые не замечал никогда... Притом многое новое действительно оспаривает старое... Кровавая бойня нового и старого сейчас развивается в моей голове.

— Видел твоих друзей на днях, — прервал путаную речь самоубийца, пытаясь вспомнить настоящее имя Менингита. — Говорили о тебе. Они сказали, что ты сильно изменился. То есть, возвращаясь к первому вопросу, скорее — да, чем — нет.

“...а если дословно: они считают, что ты чокнулся...”

— Им виднее, — мудро согласился Менингит. — Парадоксально, но тогда болезнь дала мне больше, чем отняла. У меня никогда не было подружки, я был слишком стеснителен для личной жизни в принципе. Я даже выработал для

себя психотренинг, дабы не мучиться по этому поводу. Но сейчас у меня есть девушка...

— Поздравляю! — Эмоциональное состояние качнулось в сторону добра, но это было обманчивое ощущение. — Кто она?

“...она — философия...”

“...странным праздничным мерцанием наполняется фоновый цвет, когда логическим звеном в цепи к “он” присовокупляется сложная вселенная “она”... и главное, и самое сложное, при этом сохранить собственную вселенную...”

— Она тоже больна. Мы познакомились благодаря общему взгляду, — развел руками Менингит, и нервный глаз его на мгновение замер. — Я увидел ее в метро и подумал: какой тяжелый взгляд у малышки, почему? Потом посмотрел на свое отражение в стекле и увидел те же глаза. Люди с тяжелыми взглядами всегда различают другие тяжелые взгляды. Но в остальном — она прелестна. Представь, я никогда не был на пикниках, в цирке, не катался на аттракционах, не прыгал с парашютом, не знал, что такое туризм, сейчас — я все это попробовал, я все это знаю.

— Больна чем?

“...да уж, самое глупое занятие наполняется смыслом...”

— Тем, что не лечат.

Самоубийца не нашел, что сказать.

И даже подумать.

— Представь, кроме этого, я недавно заразился трихомонозом, — продолжил Менингит, улыбаясь.

— Что же веселого? — широко распахнул глаза самоубийца.

“...когда дома прохудилась крыша, дом уже перестает быть домом...”

— Приходит время, когда терять нечего, — пожал плечами Менингит. — Просто уже поздно. Кроме менингита и трихомоноза я болен язвой желудка. У меня плохо работают почки, и где-то я подхватил грибок: разваливаются ногти.

— Надо что-то делать, — неожиданно разволновался наш герой.

“...ненавижу чужую шизофрению; будто мне не хватает собственной...”

— Зачем? — пожал плечами Менингит. — Не вижу смысла.

— В чем же тогда смысл?

“...смысл — такая дурная субстанция, что находится там, где ты сам его находишь, а есть ли тогда смысл искать этот самый смысл?..”

— Смысл в том, что я прислушиваюсь к себе. Во мне живут несколько жизней — агрессивных, пытающихся выжить за счет меня. Я прислушиваюсь к ним, организм борется с ними. Но лечиться бессмысленно. Не знаю, может, я сумасшедший, но я получаю от их жизни больше удовлетворения, чем от своей. Хотя не подумай, что я не хочу жить. Очень хочу! Но я чувствую, что постепенно меня психического становится слишком много. Я

схожу с ума. Или ум меня покидает. И это было бы своего рода решением.

— Прекрати, — поморщился Родик. — Расскажешь это своей подруге.

“... всю эту безрассудную ересь...”

— Понимаешь, я — точно Вселенная, — развивал сложную мысль Менингит. — Я вместил в себя колонию организмов. Представь: я — их мир, а они будто мои дети. Органы — планеты, в разных климатах которых живут разные твари. И они летают с одной планеты на другую. Они пользуются мною, как средой, размножаются, растут, выживают за счет меня...

— Строят цивилизации, — поддразнил самоубийца. — В итоге они убьют свою среду сами и с глупым выражением лица умрут вместе с ней.

“... даже природа мстит людям, когда они перестают блюсти субординацию...”

— Прямо как люди, — поднял палец Менингит.

— А подруга? — прищурился Родик. — Ты общил ее к своей философии?

“... шизофрения заразна ли?..”

— Нет, конечно. Боюсь, это напугает ее. Когда мы вместе, я использую материалы прошлого, делиться своими изменениями я опасаюсь. Я и так растерял друзей. Не видел никого уже месяц... Наверное, избегают меня.

— Твои дети могут достаться и ей, — заметил Родик.

“... не началась ли еще миграция колоний от планеты к планете?..”

— Не могут, я не допущу этого! — Лицо Менингита передернулось.

— Любовь?

“...слово-штамп, которым можно утверждать личные дела многих шизофреников, меня включая...”

— Или что-то очень на нее похожее.

— Тогда вообрази: скоро твоя физиономия покроется страшными язвами. Да, еще ногти...

“...ты и так не красавчик, парень...”

— Не успеет. — Улыбка Менингита походила на оскал. — Чувствую, немного осталось. Часто падаю в обмороки, а иногда меня пронзает слабость, в голове что-то вспыхивает, и я вижу яркий свет. Он вытесняет мысли, и, хотя он не несет боли, я боюсь его и кричу. Будто какая-то сила призывает меня отсюда... Я слабею с каждым днем...

— Может, изменения связаны не с болезнью?

— А с чем?

“...сбрендил ты просто...”

— Женщина, — пожал плечами Родик. — Когда женщина появляется в твоей жизни... твоя женщина, это всегда очень ярко. Это всегда озаряет, встряхивает всю твою систему ценностей. И, несомненно, ты слабеешь. Может, ты перепутал две вещи... две болезни...

“...в твоём случае это одно и то же, но пусть тебе будет легче от того, что ты сам будешь называть свой недуг более звучным именем...”

— Думаешь, я не болен?

— Думаю, нет, — покачал головой самоубийца. — По крайней мере до тех пор, пока отличаешь новое от старого. Только держи новое при себе, в голове. Пойми, люди консервативны по своей сути, они боятся всего, что не с бородой. А тех, кто пытается нарушить их моральную устойчивость, они даже сжигают на кострах.

“...и танцуют вокруг пламени, звонко смеясь и держась за руки...”

— Я уже сам понял это. Но иногда новое агрессивно, так и лезет наружу. — Менингит задумался. — Мне страшно умереть позже нее.

— Ей будет еще страшнее, если ты умрешь раньше нее. — Родик начал утомляться тяжелым текстом. — Мой совет: покажись доктору. По крайней мере ты поможешь ей тем самым. Она умрет, чувствуя себя любимой. Для людей это так важно, для женщин в особенности.

“...шизофрении иногда лучше проторять новый путь, в том случае, если она заплутала в трех соснах... это мешает ее концентрации...”

— Знаешь, твой взгляд тоже очень тяжел. — Определенно этот безумный иногда зрил в корень. — И у тебя что-то не так?

— У меня все замечательно, — уверенно отозвался самоубийца. — Сейчас мне легко так, как не было легко год или два. Все наконец встало на свои места. — Он обратил внимание на то, что телефонная будка опустела.

“...я проторил новый путь, от этого — мне легче...”

— Может, я стал мнителен... — Менингит цепко всматривался внутрь головы самоубийцы. — Но в твоих устах это звучит зловеще.

“...я только что понял, что мой лабиринт не так уж сложен...”

Сотовый телефон самоубийцы затрясся.

Он решил использовать звонок как возможность распрощаться с трудным разумом. Жестикулируя что-то, не означающее ничего, он вслушался в аппарат и плавно оказался в толпе. Он не боялся обидеть Менингита, так как не планировал когда-либо опять увидеть его.

А номер не определился.

Нокк и его кибербабка

— Алло, — метнул он в неизвестность.

— Привет, — сквозь короткую паузу произнес изломанный кокетством женский голос.

Ему почудилось в голосе немного вины, хотя хозяйка приятной дрожи связок не отличалась столь сложной моральной организацией. Скорее это было мизерное смущение от того, что ей приходится звонить самой, особенно после их двухмесячного молчания.

— Тевирп, — отозвался самоубийца, на ходу обременяясь сигаретой.

— Родик... — назвала она его по имени. Ему почему-то показалось, что она сейчас начнет отговаривать его от задуманного. Но такого быть не могло — она не стала бы, не ее стиль.

— Кидор, — опять высказался на непонятном наречии самоубийца.

“...как далеки наши планеты сейчас, хотя моя по-прежнему самовольно норовит стать спутником твоей...”

— Прекрати, пожалуйста, — попросили из трубки, скрещивая в интонации приказ и просьбу. — Ты же знаешь, я терпеть этого не могу!

— Авде ил ым ясмидохан с йобот в хикат хяи-волсу, ыботч таминирп ов еинаминв еотв “терпеть” и “не могу”, — фыркнул Родик.

“...ненавижу свет твоей звезды...”

— Как хочешь. — И голоса не стало.

— Аруд, — прокомментировал самоубийца, пряча трубку.

Он отмел звонок в самый глубокий и пыльный угол подсознания.

Встреча и диалог с Менингитом произвели на него преобразующее воздействие. Он чувствовал себя странно, тяжелый мозг сумасшедшего словно проник в его мыслительное логово.

Самоубийца усиленно мешался в толпе. Но создавалось ощущение, что она не принимает его, отрыгивает. Все спешили по своим делам, тогда как наш герой не был озадачен никакой целью. Он всматривался в пролетающие мимо лица: лица женщин, лица мужчин. Кто-то отвечал взглядом, кто-то раздраженно смотрел сквозь. Иногда начинало казаться, что тот или иной человек знаком, но вскоре он понимал, что это не так.

“...иногда чьи-то мысли, как дробь, что, прострелив твою голову, отвратительно саднит в пронизанном нервными окончаниями мясе беспокойного мозга...”

Влекомый толпой, он спустился в метро, сел в электричку, потрясся в ней, но высокие мра-

морные своды действовали еще более угнетающе.

В голове демонически ломался голос Менингита. Стало жарко, и самоубийца почувствовал, как спина покрылась тонкой клейкой пленкой пота.

“...эмоциональное состояние — минус 5...”

Человеческие потоки заполнили все ходы и выходы, живая паутина вплела в своей бескрайности беспомощное тело самоубийцы. Он безвольно обмяк.

Но вскоре течение вынесло его на поверхность. Там, желая вырваться из пламенных объятий толпы, наш герой вжался в кафельную стену подземного перехода.

Это произошло как раз между двумя просителями, что табличками озвучивали свои чаянья, тогда как каждый из них был занят своим делом. Справа расчесывал огромную собаку маленький мальчик, чисто и хорошо одетый, но, по всей видимости, нуждающийся в средствах. Собака то и дело зевала, обнажая пасть, где могла поместиться часть ее хозяина. Справа сидел безногий, одетый, выглядящий и ведущий себя — безобразно.

“...вписываюсь ли я?..”

Он громко озвучивал свои мысли, отвратительно вонял и явно был не в себе.

Большая кудлатая борода делала его похожим на Карла Маркса, так же много волос, как и у социалистического светила, помещалось на его го-

лове. Некогда модный джинсовый костюм порос пятнами, грязью и критическими потертостями. Деревянный квадрат на колесиках служил средством передвижения. Подле валялись деревянные ручки, которыми инвалид приводил эту конструкцию вместе с собой в движение.

Нищий раскачивался, тряс бородой, шевелил культиями, создавая болезненное ощущение зловещего ритуального танца.

— Бедные, бедные люди! — горланил безногий странную песню без рифмы. — Что же творится за вашими лбами?! Гляжу в ваши напряженные лица, пытающиеся управлять собственным телом и собственной головой. Вы в ужасе от того, что происходит внутри ваших черепных коробок, потому как чувствуете, что все сложнее и страннее... — Безногий захлебнулся в собственном рассуждении, но через отрывку и одновременный хохот продолжил: — ... становятся происходящие там процессы... Они мутируют, из одной крайности ныряя в другую. А самое страшное в том, что вам вдруг становится глубоко симпатична эта самая крайность. Потому как у этой крайности ваше лицо! Я хотя бы лишен одной проблемы — мне не надо думать о ногах! — Истерический хохот распахивал его грудь, а седоватая борода билась о пол. — Кто хочет поменяться со мной местами? Ты?! — вперился он безумным взглядом в Родика. — Давай садись, а мне помоги встать! — Старик, опять утонув в диком хохоте, тем не менее тянул и тя-

нул очень широкую ладонь с длинными кривыми ногтями.

— Нет, — покачал головой самоубийца, чуть отстраняясь. — Боюсь, мне это не подойдет.

“...не мой образ, не мой костюм...”

— А ты попробуй! — Старик пристально шарил глазами в области лица самоубийцы. — Вдруг понравится! — Теперь в голове пронзительно зацарапали мысли старого нищего. — Поменяемся галактиками... Ты будешь управлять моей, а я твоей.

“...едва ли я в твоей найду успокоение, старик...”

— Это не мой мир, — негромко отказался Родик.

— А какой твой? — прищурился безногий.

— Никакой, — не нашелся самоубийца. — По крайней мере свой я не нашел. Меняться нечем.

“...и мой костюм, такое ощущение — не мой...”

— Тогда какая разница — быть в твоём положении или моем?

— Наверное, нет разницы, — пожал плечами Родик.

“...свой я таскаю более двадцати лет, поэтому хотя бы знаю, где расстегиваются пуговицы и ослабляется галстучный узел...”

— Я тоже не нашел свой. — Нищий перестал веселиться. — Поэтому стяжаю всевозможные отсюда. — Он выудил из кармана подозрительную коричневую бутылку и показал самоубийце. —

Это мой поезд туда, — он кивнул за свое левое плечо, — в миры, что за левым плечом. — В грязной когтистой руке небольшая прямоугольная бутылочка смотрелась зловеще. — Ап! — Поезд тронулся, и два больших глотка ушли внутрь нищего. — Иначе никак! Потому что я пробовал — и не хочу... А разница есть...

— Чего не хочешь? — не понял самоубийца.

“...не хотеть чего-то — это уже победа над собой...”

— Ничего, — грустно отозвался нищий. — Чего можно хотеть в моем положении, твою мать?! Должен понимать, раз имея все, не хочешь ничего... Или ты не особо понимаешь, о чем это я? — На бутылочном стекле нацарапано слово, но букв не разобрать.

— Понимаю, — возразил Родик. — Отчасти.

“...понять тебя — значит стать тобой, старый демон, поэтому я буду понимать тебя наполовину... и лишь наполовину буду показывать себя...”

— Как тебя зовут? — Взгляд нищего уже не выглядел таким бессмысленным, каким казался вначале. — Или не помнишь? — Еще один глоток с шумом отправляющегося поезда ушел внутрь старика.

— Родик, — отозвался самоубийца.

“...и почему я не назвался Алексеем?..”

— А я — Нокк, — представился старик.

— Кто? — не услышал в общем шуме Родик.

— Нокк! — возопил старик, и толпа испуганно отшатнулась от них, но так было ровно секунду.

— Почему — Нокк?

“...куда ты клонишь, старый бес?..”

Вместо ответа страшный нищий отставил в сторону бутылку и уронил на замусоренный пол огромные руки. Острые ногти со звонким кланьем, в порядке от мизинца до указательного, плавно царапнули безразличную плиту. Звук получился ужасно громкий, более того, когти тут же повторили дикую мелодию. Пальцы ускорились, дробь усилилась, и кусок видимой реальности мелко затрясся под неведомое колдовство, прошитый бритвенной музыкой демонических пальцев безногого.

— Прекрати! — с трудом перекричал это самоубийца. Лицо его исказилось, а из носа капнула кровь.

Нокк прекратил и ответил:

— Потому что как-то в темноте я познакомился с такой же, как я. Она спросила, как меня зовут, но в одурманенном состоянии я понял что-то другое. И сказал, что у меня нет ног, а она подумала, что меня так зовут. И стала называть меня — Нокк. Я не видел этой женщины больше, утром проснулся, ее уже не было. Новое имя мне понравилось. С тех пор я — Нокк.

“...лиричность теплится везде...”

— Для нищего ты говоришь осмысленные вещи, — заметил самоубийца с замысловатым сарказмом.

“...хотя осмысленность твоя сродни твоему костюму...”

— В самую тупую голову порой приходят удивительные мысли, — заметил Нокк. — А моя голова некогда ценилась дорого. Оглянись вокруг. Странно, правда: часто складывается ощущение, что кто-то зло пошутил и расставил фигуры на доске так, что пешка встала на место короля, а ферзь — на место пешки.

— Самоуверенно, — улыбнулся самоубийца. — В соответствии с твоим мышлением все, кто является пешками, на самом деле ферзи, ладьи и туры. В таком случае — плохо ли, если все пешки — ферзи?

“...пожалуй, с точки зрения себя, иначе мыслить невозможно, отсюда и рождается та самая, которую издревле прозвали Зависть...”

— Конечно, плохо, — фыркнул старик. — Ведь это означает, что оставшиеся фигуры — пешки.

“...что в этом мире не меняет ничего...”

— Кем ты был? — Родик опустил на корточках возле нищего, вместе они выглядели более чем забавно. — И был ли кем?

“...амбициозный нищий, что может быть странней?..”

— А было ли раньше? — по-своему перефразировал Нокк. — А не другой ли я теперь? А не жил ли я жизнью двух людей: Нокка и того, кто был, когда у меня были ноги? Не разные ли это люди? Скажу точно: разные! — Он проорал это, и толпа отшатнулась. — Какая разница — кем я был? Стал-то я ничем.

— Так ли все плохо?

“...я знаю жизнь, в которой хорошо — есть плохо, а плохо — это хорошо...”

— Я алкоголик ныне и отчасти — полинаркоман, — сказал Нокк, а в руках его вдруг оказалась таблетка выразительно белого цвета. — Я лишен слишком многого, поэтому вынужден забывать в грезах. И делаю это, потому что лишен ног. У меня нет полтела! — встряхнул окружение новый вопль. — Многие же погрязают в мирах за левым плечом так, что жизни в их молодых красивых телах меньше, чем в моей старой половине. Я читал, что сигарета может привести к ампутации ног, сосуды медленно убиваются никотином. И это только сигарета...

— Не только, — не согласился Родик. — Она сильнее многих, как и алкоголь.

“...традиционность порой бывает несправедлива, и в призме этой консерватизм олицетворяет зло...”

— Меня тоже это удивляет, — пожал плечами старик. — Что-то запрещено, а что-то разрешено, и кто определил, что есть меньшее зло, а что большее? Убивает и то, и это.

— Я не очень хорошо разбираюсь в такого рода вещах, — открестился самоубийца.

“...и просто не люблю эту тему...”

— Я разбираюсь и чувствую на себе эту глупость. О, алкоголь — страшная жидкость. По деструкции может сравниться лишь с самыми тяжелыми зельями. С героином, например. Посмотри на пьющих людей, они меняются даже

в лицах. Мутируют, начиная примерно через год пьянства. Чем дальше — тем хуже. Деградация не только внутренняя, но и внешняя. Я много лет переживаю на себе этот жуткий эксперимент. Посмотри на алкоголика, что утром, с трясущимися руками, с изнасилованной душой и телом, с опухшим от несчастья лицом несется в магазин! Бывший ученый или профессор в университете. А если у него нет денег? А если у него нет ног? Его трясет, знобит, корчит, ломает. В такие моменты он способен на что угодно, как, впрочем, и наркоман. Но и это не самое страшное. Слышал про кибербабку?

— Кибербабка? — удивился Родик.

“...ужасен замкнутый круг собеседников, постепенно перестаешь развиваться, перемалывая в бессмысленных диалогах одно и то же...”

— Разработки третьего тысячелетия в Министерстве внутренних дел, — пояснил Нокк. — Надеюсь, догадывался, что у ментов есть свой НИИ? Который думает денно и нощно, как изловить социально опасных элементов. Так вот эти сукины дети придумали сперва такую фишку: нужно всех активных старушек привлечь во внештатные сотрудники. Платить слегка, за что те будут сливать бесценную информацию, которую фиксируют за день. — Безногий выдержал эффектную паузу. — Затем кто-то там посчитал и вывел, что накладно это для бюджета. При этом информацию старушки не проверишь, она может быть и ложной, а платить надо. Проще

ввести в эксплуатацию киберстарух, то есть по большому счету кибернетические организмы, одетые в кожные ткани старого человека. Искусственные, само собой. Муляж, твою мать. Вот ведь придумали, суки! Получается, что даже неестественность движений и та списывается на то, что старый человек. Снаряжаешь такую старуху, программируешь, а лучше управляешь откуда-нибудь, сидишь себе за компьютером... — Старика повело. Разум из глаз его исчез, и создалось ощущение, что лохматые очи потухли. Но после секунды пугающих конвульсий Нокк ожил. — О чем это я?

— О кибербабке.

“...неужели шизофрения стала естественной частью наших жизней, за единственной лишь разницей, что каждому своя?..”

— А, да. Так вот сидишь за компьютером, а киборг ходит-бродит по местам дислокации не гуманистически настроенных индивидов, по разным неблагополучным пунктам. Там, откуда приплыла оперативная информация. Глядит сквозь огромные очки, хлопает ресницами, а под дореволюционной одеждой скрывается джентльменский набор. Камера, диктофон, система дистанционного управления и прочая дрянь. Ну, кто подумает на бедную старушку? Кто в чем обвинит божьего одуванчика? На это и расчет! В этом-то и гениальность идеи.

— Фантастика, — высказал свое мнение самоубийца. — Шизофрения.

“...ты книги бы писал, старик...”

— Не без нее, — с готовностью согласился Нокк. — А ты чего хотел? Посмотри, как я живу. Думаешь, ты сохранил бы трезвость рассудка в таких условиях, твою мать? Но я научился общаться со своей шизофренией, она стала моим другом. Я не очень интересен и привлекателен для людей реальности, но зато в собственном мире я делаю что хочу, могу быть кем угодно — полицейским, пожарным... космонавтом! Меня окружает куча народу, которому интересно со мной. Женщины, мужчины, дети, животные и марсиане. Шизофрения — единственное, что остается мне сейчас, когда за нами наблюдает кибербабка. — Старик бородой указал на противоположную стену перехода. — Потому что этот мир, — он развел руками, — я ненавижу. Сечешь?

— Секу, — машинально согласился Родик, сквозь человеческие прорехи разглядывая морщинистую старушку с серебряными волосами, выбивающимися из-под черного платка. Маленькую и сторбленную, с протянутой рукой, вовсе на них не обращающую внимания.

— Само собой, — вскричал сумасшедший, будто услышал это замечание. — А ты хотел, чтобы она во все глаза на нас таращилась? Да кто будет делать свои криминальные дела, когда на него пялится кто-то, пусть и беспомощная старуха? Это же глупо! Она смотрит в сторону, но видит все. И нас, и пацана с собакой, и музыкантов, которые сейчас начнут тренькать свою отвра-

тельную музыку. Но в первую очередь нас: я давно в разработке. Я в таком виде, в котором ты меня видишь, только потому, что давным-давно в разработке. У меня не было выбора, как спрятаться на самом дне. Я спрятался, но они нашли меня и тут.

— Кто — они? — не понял Родик.

“...заразна или нет — вот в чем вопрос...”

— Не могу сказать, — ответил Нокк. — Тогда ты тоже будешь в разработке. И у тебя тоже не будет ног.

— Что за бред?

“...радиоактивная ересь...”

— Тогда ты не сможешь от них убежать, — запальчиво рявкнул старик. — Когда есть ноги, ты всегда можешь сделать их. Когда ног нет, ты далеко не убежишь. Они всегда будут рядом и будут смеяться над твоими попытками. В свое время я заключил договор, подписал одну бумажечку, взамен получив огромные возможности. Когда же пришел час встречного обязательства, я попытался убежать.

— Ты сумасшедший, — подытожил самоубийца. — Даже более сумасшедший, чем я.

“...и что я здесь делаю...”

— Выпей! — протянул ему бутылку Нокк. — Прозреешь! Увидишь все. Сможешь видеть насквозь! — Старик вопил. — Они не спрячутся от тебя!

— Мне этого не нужно, — покачал головой Родик. — И так вижу все насквозь.

“...с безумием своим хочу скрестить его безумие?..”

— Да ну? — усомнился нищий. — Тогда скажи, что за кровь движет все это жизнетечение?

— Скука, — мгновение спустя ответил самоубийца. — Венозная скука.

“...ее еще называют размеренным жизнетечением, а столбики, отмеряющие отрезки скуки, — это учеба, карьера, семья...”

Старик рассмеялся:

— Только в молодости думаешь так. — Он опорожнил кулак с очередной безымянной таблеткой себе в пасть. — Когда молод, здоров, полон сил. Тебя ждет масса интересных событий. А ты бесишься с жиру и заявляешь во всеуслышание — мне скучно жить, люди! — Он задохнулся в смехе. — А когда твои почки гудят, как колокола, когда твоя печень давит на остальное... когда чувствуешь, что сердчишко-то не бьется, а дребезжит, вот тогда понимаешь...

— Что понимаешь?

“...все запрограммированы на одно и то же, бултыхаемся в Скучном озере...”

— Что так хочется еще побыть тут. — Лохматый глаз нищего разродился правдоподобной слезой. — Что тебя может не быть. Что биосистема выживания... скорлупа, позволяющая находиться здесь, чувствовать этот мир, раз и навсегда может подвести... — Старик весьма реально плакал.

— Тут? — удивился Родик.

“...хм...”

— Тут, — подтвердил Нокк сквозь слезы. — Тут есть, а там... Есть ли оно — там?

— Не в курсе, — покачал головой самоубийца. — Без разницы.

“...когда есть тут, имеет значение — там, если нет — тут, значит, нет и там...”

— Только когда начинаешь разваливаться на части, когда твое тело начинает предавать тебя, как когда-то ты предал его, — заведенно вещал старик. — Кровь этой жизни состоит из той же материи, что и внутри тебя. Как ты сам чувствуешь это...

— Ты противоречишь сам себе.

— Яростно споря однажды, в другом случае я могу согласиться с тем самым.

— Но живописно рассказываешь.

“...странный день, полный странных персонажей, наверное, виноваты магнитные бури...”

Нокк:

— Потому что я умею не только созерцать, но и точно описывать то, что вижу. А вижу я уже пятьдесят лет. Есть сигарета?

— Не курю, — высказался Родик. — Сигареты... когда трезвый... и еще... боже! Как все спорно! Ты совсем запутал меня.

“...любая шизофрения — концепция, и любая концепция — шизофрения...”

— В том моя миссия, — ответил Нокк и принялся крениться влево, словно пытаясь привлечь. — Ты должен понять, что в путанице и есть главный смысл.

— Не вижу.

“...то есть смысл в бессмыслице?..”

— Не видишь — придумай! — Глаза Нокка запахнулись. Он явно уже пребывал в ином мире, и только сильное желание закончить интересный разговор не давало ему окончательно выпасть куда-то. — Запутай сам себя, придумай свою кибербабку... или кибердедку... Или поменяйся со мной местами. Тогда поймешь чертов смысл... — Или же его просто давно никто не слушал.

— Я так и думал, что это выдумка, — констатировал Родик.

“...чертов смысл?..”

— Знаешь, как вычислить кибербабку? — словно не слушал его Нокк.

— Как?

“...знаешь, как вычислить собственное безумие?..”

— Она всегда одна и та же. — Нищий будто спал. — У них не хватило финансирования сделать разные модели. Она всегда одна и та же.

— Устал от тебя. — Наш герой поднялся.

“...устал от себя...”

В кармане дрыгался телефон, но самоубийца и слышал, и не слышал.

— Заходи, если будет скучно. — Старик то ли уснул, то ли умер. — Или когда решишь поменяться со мной местами.

Самоубийца поспешил прочь.

Определенно, это был странный день, и странные люди населяли его своими странными душами.

Ступеньки, с оттисками миллионов ног, попавших под дождь, вывели нашего героя на поверхность, где в затылок остро уставилось вдруг проглянувшее солнце.

Дождь ветрами унесло дальше, в сторону Европы.

Это было странное ощущение покоя при общей суете.

Влюбленный мент

Этим-то самоубийца и выделялся.

В этом-то и содержался секрет, которым пользовались столичные стражи порядка, вычисляя приезжих и иных лиц, у которых слишком много свободного времени, сразу и точно.

Они не в ритме, они созидают, вместо того чтобы использовать автопилот.

Они всегда позади, всегда отстают.

— Добрый день. — Это был улыбчивый мент. — Могу я взглянуть на ваши документы?

Самоубийца любил, чтобы карманы были пусты — по этой причине он не курил, не болел, любил опасный секс и не носил документы. Сотовый телефон со скрипом жил исключением.

— Оставил дома.

Мент оказался огненно-рыжим, веснушчатым, над верхней губой пылал костер щетинистых усов. Форма делала бы его совсем смешным, если бы не приличный рост и широкая кость.

“...иногда я вынужден говорить с кем-то, когда менее всего хочу говорить...”

Вспомнился таксист.

— Жаль распоряжаться вашим временем, но на этот счет имею соответствующий порядок действий, закрепленных законодательством и соответствующей должностной инструкцией. — Мент развел руками так же широко, как улыбался. — Сожалею, но вам придется пройти со мной. — Было видно, что он действительно сожалел. Фигура его казалась настолько массивной, что обойти ее почти не представлялось возможным.

— Я спешу...

“...оставь меня в покое, сука, пока я не размозжил твою проклятую голову...”

— Понимаю. Но общество требует бдительности в данном нюансе.

— Теперь вы ссылаетесь на общество.

“...ненавижу тебя вместе с ним, так как появление его определило появление тебя...”

— Надо же на кого-то ссылаться.

— Легко ссылаться на нечто многочисленное и массовое, установить истину в таком случае невозможно.

“...жаль, что невозможно захлебнуться улыбкой...”

— Поймите меня правильно... — Человеческие потоки оплели их, точно бисер камни в заковыристом украшении. — Я такой потому, что не могу быть иным. Сейчас я пользуюсь своим

правом причинить вам неудобство тем, что веду вас в отделение якобы проверить. Хотя чему я научился за десять лет службы, так это тому, что по виду сразу определяю степень социальной опасности индивида. Вы — не преступник. Но у меня такое ощущение, что в вашем кармане завалялись мои деньги. — Лицо мента выглядело почти детским.

— Почему именно в моем кармане? В этом городе есть сотня других карманов, гораздо интереснее моего.

“...дать или не дать...”

— Слышали про теорию вероятности? — вновь лукаво сослался на сложное мент. — В соответствии с ее непонятной логикой мы оба попали сейчас в дурацкое положение.

— Общество, теория вероятности... — Самоубийца выглядел задумчивым. — У вас талант ссылаться на сложные материи. То, что не оспоришь без серьезной библиотеки. Изошренные методики.

— У меня тоже есть желания, — дружелюбно заявил мент. — У меня дома сидит красивая юная особь, которая хочет всего, мне приходится хотеть этого вместе с ней. Я не в силах ей отказать, она, следовательно, не в силах отказать себе. Такой злой логикой я окрутил свою жизнь, и за это невольно приходится страдать другим, в том числе вам. За это я хотел бы извиниться. — Он на секунду уронил взгляд на асфальт. — Таким образом, вы участвуете в моих проблемах. Выбора

нет. Это и называется “естественное распределение материальных благ в природе, в процессе человеческого общежития”. Представленную трактовку прошу толковать глобально, так как это общемировой процесс. Мы всего лишь участники вселенского действия, космической иррациональности, которые, вероятно, никогда больше не увидят друг друга, поэтому лучше относиться к таковой динамике как к данности. Поэтому без обид, ничего личного, все подчинено логике.

— По вашим словам — нас свела сама жизнь, и моя миссия закончится сразу же, как только энная купюра перекочится из моего кармана в ваш, — заметил самоубийца.

“...интересная концепция...”

— Между прочим, денежные отношения — и есть жизнь, — с серьезным видом пояснил мент. — Гигантские финансовые потоки, которые сносят города и на месте их в минуту возводят новые, которые крутят земной шар и заказывают погоду и войны. Которые состоят из миллиардов жил и вен, опутывающих все, дающих жизнь существу, поддерживающих тепло и энергию, демоническое топливо, заставляющее нас сотрясаться в конвульсиях жизни. Любая мелочь погружена в эту материальную матрицу, она точно кора, внутри которой ядро проблемы. Вот где математика жизни, вот что кровь современного мира, кровь этого города и миллионов других городов. Остальное логически совмещается — жена, дети, домик в деревне, желания.

Идти против этого — значит спорить с определенностью. — Мент изобразил такое лицо, что самоубийце показалась отвратительна его собственная жадность. — А по поводу вашей миссии — вы правы. С точки зрения меня, ваша миссия на этом закончится. Но только в отношении меня. Наша главная миссия — закончить большее количество миссий из тех, что в соответствии с логистикой жизнетечения, с той или иной долей вероятности прописаны в канве моего или вашего отрезка существования.

“...смысл, цель, Скучное озеро, венозная скука...”

— Встроенные команды, — произнес самоубийца и посмотрел на мента укоризненно.

Незаметно они перешли на “ты”.

“...сукин сын пытается вести меня...”

— Прости, — забегал глазами тот, чуть похудев в плечах. — Действительно, в этом нет сейчас необходимости. В наше время все решается просто, путем взвешенного диалога и переуступки, перегруппировки прав и благ. — Он чуть сбился в стройном диалоге и умело сменил тему. — Обратил внимание на эволюцию мента во времени?

— Не понимаю...

“...и не хочу понимать...”

— Я про то, что мы изменились с 90-х. Теперь мы почти не используем командные ноты, мы вежливы и предупредительны, мы уважаем права и свободы. Мы тоже читаем книги про маркетинг и в курсе, каким образом клиент легче

расстается с деньгами. Кричать — бессмысленно, всегда можно дотолковаться. Мы любим клиента, мы холим его и лижем ему пятки.

— До тех пор, пока не появится доказательный материал.

“...собери лысых и их причесывай...”

— Так было до конца XX века. Потом мы эволюционировали, теперь мы еще более вежливы и предупредительны, если знаем, что человек виноват. Мы скорбим над его социальным падением, мы омрачены самим преступным фактом биографии. Мы вместе ищем выход, мы согласовываем условия, мы — та самая соломинка, мы — небольшая, но замечательная дверь с надписью: ЕХТ. Мы те самые последние, кому можно доверять.

— Мне не нужна такая дверь.

“...и эта информация для лысых...”

— Хорошо, хорошо! — Лицо мента на мгновение сжалось в сотню морщин, но так же быстро разгладилось. — Но ты должен понимать, что нам нужно до чего-то договориться.

— Понимаю, — сказал Родик. — Хотя и не должен.

В этот момент то проявляющийся, то исчезающий мелкий дождик, который давно превратился в данность, неожиданно сменился тончайшей снежной сыпью. Несмотря на скорость изменений, и у мента, и у самоубийцы возникла мысль, что оное произошло у них на глазах, и они даже видели ту границу, где прозрачная вода сменилась белью.

Соответствующие изменения произошли и в головах:

— Кто ты? — спросил мент. — Чем занимаешься?

— Я — самоубийца, — отозвался самоубийца. — Прыгун.

“...с некоторых пор мне нравятся окна...”

— Что это еще за профессия?

— Не профессия. Скорее призвание.

“...окно тоже своеобразная дверь с надписью: EXIT...”

— И суть его?

— Меня завораживает высота. Нравится ощущение полета. Когда вижу под собой бездну нескольких десятков этажей, меня отчаянно начинает манить туда. Пальцы словно пытаются поймать что-то в этой пустоте, маленькие предметы внизу кажутся безобидными, не ассоциируются с опасностью. Знаю, что не птица, но поделаться ничего не могу. Могу часами сидеть на подоконнике, свесив ноги... или на перилах балкона... Висеть ногами вниз, головой вниз... Меня отвращают проблемы. Моя проблема в том, что я слишком люблю жизнь, поэтому, как ни странно, бегу от нее. Мне нравится не та жизнь, которой живет город. Я люблю наблюдать жизнь, но не жить ею.

“...теперь ты перевари чужую ересь...”

— Сложновато, — признался мент. — Ты уже прыгал?

— Два раза, — после паузы признался Родик. — По-настоящему. Но высоты не хватило.

“...не простая штука эта высота...”

Они стояли друг против друга, и снежная пыль, густея, стремилась к земле, там мгновенно сторая. Она словно текла сквозь них, не задерживаясь ни на плечах, ни на обуви, и казалось, что благодаря ей прорезалась ось координат, точки, на которых стояли два разнонаправленных тела, выбирая следующий шаг из пункта А в пункт В.

— У меня все проще, — сказал мент. — Я жертва любви.

— Сильно. — Прыгун опешил. — Таки жертва?

“...или жертва другого процесса?..”

— При этом я сам сплел паутину, в которой сейчас запутался.

— Я бы, наверное, послушал эту историю.

“...невыдуманные истории о любви всегда интересны... в них можешь увидеть свои ошибки, понять следующий собственный шаг...”

— Тогда нам надо зайти перекусить куда-нибудь. — Мент облизал губы, оглядываясь вокруг. — Я дико голоден, ибо любимая с утра вывернула мои карманы, а день сегодняшний полон такими же несговорчивыми, как ты.

— То есть ты хочешь, чтобы я оплатил твою еду?

— Нет, каждый платит за себя, — покачал головой блюстититель. — Об иных материях с водяными знаками поговорим позже. — Он ухмыльнулся своей шутке. — Я знаю неподалеку тихое местечко, маленький бар, где нас неплохо на-

кормят. — Мент решительно развернулся и бросил через плечо: — Идем!

Они пошли сквозь снежные помехи, точно по экрану испорченного телевизора, ломающего их реальность, что предстала хаотичными кусками, наполненными шумом города. Вкрадчивый переулочек всосал их в свои морщинистые узости, небо сразу вытянулось и предстало чем-то весьма далеким, когда как сами люди ощутили собственную истинную малость.

Под ногами начало поскрипывать, то снег переломил ход событий в свою сторону, заключив договор о совместной деятельности с резво сидящим асфальтом.

— Слышал за психодрамы? — спросил мент, неожиданно останавливаясь возле едва различимой на фоне кирпичной стены красной дверцы, ведущей в царство струганого дерева, пропитавшегося запахом пива и гриля. Потолочные низины подсвечивались бледными лампочками, пол слегка пружинил, а множество мелких картинок отображали сотню крохотных окошек в чьи-то чужие миры.

Прыгун покачал головой.

— Мужчине после тридцати в виде удовольствия остается только пиво, — заявил мент, усаживаясь на деревянный стул в самом темном углу бара. — Два пива! — гикнул он в сторону высокой стойки, выглядевшей заброшенной.

Кроме них, в баре никого не оказалось, что неудивительно, так как было совсем не то время, когда пивные бары увеличивают свою выручку.

“...мужчине в любом возрасте остается то, что он сам оставляет себе...”

Мент отцепил от пояса дубинку и положил поперек стола:

— Я всегда был, как эта дубинка. Всегда гнул свою линию, женщины всегда слушались меня, и мое слово было весомее женского лепета. Я был такой же тяжелый, тупой и негибкий. Но так было до поры... — От стойки отделилось почти прозрачное молодое тело, что, полосую мутную атмосферу острыми блондинистыми прядями, донесло до их внимания неразличимый в полумраке поднос, на котором высились тяжелые пенистые кружки.

— Будете что-нибудь заказывать? — отрешенно спросила девушка, вблизи оказавшаяся худощавым мальчиком.

Мент заказал первое и второе, самоубийца ограничился салатом.

— Так вот — психодрамы, — вспомнил или продолжил мент. — Это особая манера человеческих отношений, конкретно — отношений полов. До нее шаблоном моих отношений с женщиной была просто драма, обыкновенная российская драма, что выросла и длилась на протяжении многих поколений межполовой действительности. Надоело до хруста на зубах. Однако в силу того, что совместный быт — понятие не особо поэтическое и сопряженное с чем-либо, что нелогично в принципе, воспринимался он сносно. — Мент ненадолго спрятался в пивную кружку.

— Скучное озеро, — вздохнул прыгун.

— Психодрама — нечто иное, — не слушал или продолжал мент. — Психодрама — как иголка, на которую накалывают бабочку, если бабочка жива, она долго будет трепыхаться и пытаться вырваться. Если ее отцепить, она будет жить, оставить на острие — умрет. — Он усмехнулся. — Потому что психодраму надо сопрягать с драмой... тогда будет более удобоваримо, и ты сможешь в совокупности это усвоить. Такая вот аналогия кнута и пряника. В итоге — не затвердевающий интерес, эмоциональная активность. Если пользоваться метафорами — представь себе бетономешалку. Эмоции — бетон, он не может принять свою любимую форму... ему не дают...

— Сложная у тебя жизнь, — съязвил Родик.

“...я не одинок...”

— Когда мы познакомились, она была очень хорошей и казалось, что просто обречена на драму. В ней было что-то такое... потому я решил поработать над нею, попытаться пресечь эту пародию на миллионы аналогичных нашим жизней, как сейчас, так и много лет назад. Мы играли в разные игры, вернее, я играл с ней. Говорил, что она Ева Браун, а я Адольф Гитлер или доктор Геббельс. Потом я превращался в злого Волка, а она в Красную Шапочку. Но она боялась этих игр. Отскакивала и заливалась краской, стыд прямо лез из нее, я видел его скользкое лицо. Он похож был на ее мать, отца, бабушку, дедушку, чуть-чуть на нее саму, было и другое лицо. Лицо общества?

Оно очень большое... застывшее в пуританской гримасе, а на самом деле похотливое.

— Я видел эту гримасу, — перебил самоубийца. — Это два лица, застывшие в одном. Одно — злое, другое — доброе. Только это не общество, это оттиск внутреннего мира.

“...оттиск плачет и хохочет одновременно, и чем сложнее голова, тем громче хохот и истеричнее плач...”

— Может быть. Хотя, по мне, все это означает одно и то же, — согласился мент. Его кружка была пуста, а прыгун только добрался до половины. — Если оно будет больше доброе, значит, ты столкнулся с драматической женщиной. Если больше злое — тогда речь о психодраматической леди. Моя вначале лучилась добротой, но я не дал этому пробыть слишком долго. Кропотливо и нудно объяснял, какая мне нужна женщина, чтобы не наскучила и я не убежал. Она слишком хорошо усвоила уроки.

Стол начал заставляться.

Самоубийца без аппетита поглядел в свой салат.

— И что же?

“...концептуальный мент...”

— Расскажу, пожалуй, с чего началось. — Мент приаттачил к рубашке салфетку, взялся за нож и вилку. — Она была обыкновенной украинской нелегалкой, которую я выловил на вокзале, с необъятными баулами и огромными глазами. Я планировал на ней заработать. Спросил паспорт,

настойчиво предложил со мной пройти. — Он с хрустом разломил сигаретную пачку, добираясь до сигареты. — Глядел на кроху, едва достающую до моего плеча, с тяжелой копной черных волос и веснушчатой задорной мордашкой, на крепкие ноги, твердо стоящие на земле, несмотря на гнет сумок. Я плавал в огромных глазах, ветра ее ресниц покачивали мое тело, большие губы по-детски с акцентом объясняли мне что-то. Она пыталась достучаться до человека внутри меня, наконец, до мужчины, не понимая, что перед ней не кто иной, как черствый мент нынешней российской действительности. Человек и мужчина — как только покидает форму, то есть перестает думать по обязанности свыше.

— Обязанности ли? — прищурился прыгун.

“...виноват, как всегда, кто-то другой... пусть даже действительность...”

— Именно, — непреклонно нахмурился мент. — Не могу плыть против течения, не могу быть другим, когда я такой. Любой одежде присущ образ поведения, этой серости присущ такой. Быть иным — значит не быть собой. Понимаешь?

— Отчасти.

“...на эту тему в данной голове мента сложилась диссертация... себе человек всегда объяснит что угодно, иначе как возможно жить после некоторых поступков?...”

— Не в этом дело, — махнул рукой мент. — Твое мнение — твое мнение. Суть в бабе. Мы пошли

с ней в отделение. Она все лопотала, я был суров и немногословен. Мой небритый подбородок мрачно покачивался в такт диаграмме моих корыстных побуждений. Денег у нее не оказалось, она ехала домой, в Москве жила у какой-то родственницы, телефон которой почему-то молчал... Был выходной, в отделении — никого, — мент лихо совмещал прием пищи со словоохотливостью. — Я понял, что денег у нее действительно нет. Под вечер успел принять на грудь пинту красного. Понятно, тут же аналогичным цветом исполнились мои глаза и мысли. Полез к ней, пытаюсь наложить свои похотливые руки на, как мне казалось, притворную украинскую непосредственность. Мы подрались. Это была наша первая драка, полноценная, я старался так, словно противником был мужчина. Она же проявила недюжинную физическую силу. И в конце концов разбила графин с водой о мою голову, что и привело меня в чувство...

— Кофе, — перебил самоубийца, обращаясь к блондинистому юноше. — Чтобы прибавить динамики собственным колебаниям в пространстве, — пояснил он менту. — И?

“...судя по всему, она взяла вверх над тобой, что и продолжает делать...”

— Я отступил, — признался мент. — С меня капала вода, жидко смешиваясь с кровью из многочисленных царапин, глаз превратился в ссадину, ухо надорвано, на голове не доставало волос...

— А она?

“...уважаю эту женщину...”

— Она поднялась с пола, вытирая лицо,правляя волосы. Схватила острое стекло, оставшееся от графина, и медленно начала приближаться ко мне. — Лицо мента странно ломалось, перекрещиваясь морщинами, проваливаясь в ямки мимики. Будто он был и тут, и еще где-то. — Лицо ее пугающе исказилось, горело бледным фосфорным пламенем ненависти и фанатизма. Я же просто смотрел на нее, во мне еще имелись силы, но не было зла. Наоборот, я зауважал ее. Она подошла очень близко... — От этого воспоминания мент постарел лет на пять. — Стекло воткнулось мне в шею, но совсем чуть-чуть. Снизу вверх я видел огромные мерцающие глаза, скривившийся от ненависти рот. Я не сопротивлялся. Просто сидел и смотрел. Это был какой-то больной момент, она могла легко убить меня. Просто слегка надавить.

“...не стало ли это вашей сексуальной фантазией?..”

— Вместо этого она одним движением порвала мой ремень. Не убирая стекла, запрыгнула сверху на мои колени, колыхнулась два раза, и я оказался внутри нее, на пике бешено фонтанирующего адреналина. В нее словно вселился бес, это были все те же глаза, все тот же рот, все то же самое, до истерического скрипа белых зубов. До острых ногтей, что располосовали на моей спине мундир... Это длилось и длилось, так что я

даже успел устать. Губы мои кровоточили, следы укусов заполняли шею и плечи... Пива! — на секунду отвлекся он на юношу, что принес кофе. — Тогда я испытал странное ощущение смещения сознания: вначале поймал странное чувство — словно наша предварительная драка была как раз то самое — я пытался сопротивляться, она пыталась добиться меня силой и добилась. Затем мне показалось, что таким образом она сотворила надо мною то, что я пытался сотворить над нею. А она забылась в сонном бессилии у меня на плече. Меня заворожило то лицо, те глаза, то безумие, которое я видел. Я вознамерился сделать это безумие своим. И все время старался его сохранить, сделать так, чтобы оно не чахло внутри нее.

— А что со стеклом? — прервал прыгун.

“...как жаль, она не перерезала тебе горло...”

— Она не выпускала стекло из руки, красное от крови, ее крови. В раже она разрезала себе ладонь, случайно, конечно, и кровь капала на потертый линолеум.

— И как легко ты сделал своим то, что хотел?

“...как тебе вообще это удалось, видимо, в чем-то я тебя недооцениваю...”

— Очень много времени потребовалось, чтобы сломить ее, — признался мент в густые усы. — Никто не мечтает быть подругой мента. Но я был терпелив, помогал ей, помогал деньгами, моя машина всегда была в ее распоряжении. Родственница ее так и не нашлась, денег у нее

не было, и вскоре встал вопрос — где ей жить. Моя двухкомнатная квартира давно вздыхала по постоянной женщине. Я убедил ее попробовать. Пробуем уже несколько лет.

— Успешно?

“...нашел, что искал?..”

— Переменно, — пожал плечами мент. — Я превратил свою жизнь в сплошную психодраму. Действовал, как психохирург, не знаю, существуют ли такие. Жестоко правил ее лицо, искажая нежные линии в острые хищные пунктиры. Те, которые увидел, когда пытался овладеть ею.

— Доволен?

“...скорее всего она всегда была конченной стервой...”

— Не знаю. Иногда устаю и пытаюсь вновь добиться равновесия между лицами. Но гораздо труднее выправить сволочную графику в образ взаимопонимания. Я выкорчевал все, что мог, оставил голое оскаленное эго, выжженную землю “я”, ее “я”.

— Два “я” не могут сосуществовать, — со знанием дела вставил самоубийца. — Либо “мы”, либо одно единственное “я”.

“...жаль, что мой аналогичный опыт родился с потерей человека, которого я не хотел терять, ведь даже стерва желает, чтоб ее приручили...”

— Я поздно это понял. — Челюсти мента методично расправлялись с едой. — Когда вдруг осознал, что не контролирую ничего, что, занимаясь ее программированием, я сам того не желая

создал нечто, что сильнее, хитрее и подлее меня. Особь настолько сильную, что я мгновенно стал ее рабом. А ведь я около года жил иллюзией, что структурирую наше сосуществование. И был поражен, когда оказалось, что это не так.

— Ты с самого начала ничего не контролировал, — сквозь зевок произнес прыгун. — Она какой была, такой и осталась. Просто вначале ты видел только одну сторону лица — добрую, потому что таковую она показывала тебе, стояла так, что ты мог видеть только позитивную половину. — Он флегматично гонял между пальцами сигарету. — Чуть позже она стала изредка обращаться к тебе другой своей частью. Ты стал видеть, что в улыбке просвечивает гримаса, что второй глаз не голубой, как первый, а желтый, что второе ухо острое. Она показала клыки, мирно соседствующие с самыми красивыми в мире зубами.

“...будущее предсказать легко, потому что оно у всех одинаковое... в разной последовательности случаются одни и те же события, а детали мы не помним даже сами...”

— Мне было страшно, — заговорщицки подхватил мент. — Но я продолжал обеими руками тянуть ее за подбородок, дабы увидеть, что там... что есть далее...

— И увидел, — хладнокровно констатировал самоубийца. — А легче не стало, потому что ты понял, что обманут, загнан в угол. Но жить с этой мыслью было сложно. Посему ты убедил себя,

что хотел этого сам. — Он прицельно ткнул пальцем в красное лицо мента. — Более того, убедил себя в том, что сам сделал ее такой, что это-то тебе и нужно. Но не сам, и не хотел, и не нужно.

“...тебе тоже могут понравиться окна...”

— Что же теперь делать? — Менту казалось, что прыгун должен знать.

— Ничего. — Он действительно знал. — Ровным счетом ни хрена. Зверька нужно было приручить, сделать так, чтобы он понял — ты желаешь видеть только его милую часть, демоническая сторона противопоказана вашим отношениям. Сейчас его уже не перевоспитать. Он знает, что в любом конфликте проиграешь только ты, а раньше он не знал этого или не был уверен. В любом случае — рано или поздно он узнал бы. Очень трудно прятаться, тем более когда хочешь эмоций, просто хочешь человеческого тепла... ты не можешь контролировать себя...

“...мучайся, парень, ты сам вырастил это растение из гнилого зерна...”

— И не хочешь...

— Все верно. Когда понимаешь, что выпустил процесс из-под контроля, когда начинаешь пробовать урегулировать происходящее, заставить ее считаться с тобой — тогда она, в свою очередь, видит твое истинное лицо, твой оскал хищника. Веди ты себя раньше правильно — ничего подобного могло и не быть. Тогда ты был для нее чистым листом, который сам и заполнял масляными красками. Теперь любые изменения

портрета, который ты и нарисовал — в ее голове, — приводят к тому, что она видит ту самую ощерившуюся часть лица... и не может понять, чем вызвано это...

“...ты показал ей ее силу, а этого никак нельзя было делать...”

— Все так сложно?

— Нет, еще сложнее. Это игры для сильной психики, для выносливого сознания. Нужны опыт, время, чтобы заниматься этим. Это ювелирная работа. С глупой головой там делать нечего. Это противостояние под видом любви, масса взаимных “за” и “против”, в одном случае нужно сделать так, в другом, аналогичном, абсолютно иначе. Когда вас связывают эмоции, лицо часто бывает одно на двоих. Если хохочет ее часть, твоя должна плакать. Если плачет она, твоя часть рта кривится в улыбке. Гармония — в равноценности глаголов.

“...в свое время я так же все запустил...”

— Доброе зло или злое добро?

— Вроде того. Любви как таковой нет, она существует в тебе или в вас. В последнем случае эта иллюзия имеет эмоциональный смысл. Но, кроме как в ваших или твоей головах, ее нигде нет. Ты сам создаешь иллюзию, потому что хочешь этого по смутному велению самого себя самому себе. Выбираешь объект, наделяешь божественным свечением, которое только ты и видишь, не считая пары тебе подобных, и впрягаешься в зависимость от того, чего нет.

“...такое вот злое самопрограммирование, но даже знание этого не помогает избавиться, так как это императивная программа...”

— Мне кажется, не совсем так.

— Тебе кажется. Сравни диалог двух женщин — одна будет великолепна, другая нет. Одни и те же слова в двух разных устах будут означать для тебя разное, ты по-разному переведешь каждую фразу, иначе поймешь и воспримешь. Хотя обе они имели в виду одно и то же. Но ты слышишь то, что хочешь слышать. И получаешь то, что хочешь получить.

“...ты обречен обманываться вечно...”

— Ты же сказал, что не сам, не хочу и не нужно.

— Не отказываюсь от этих слов. Не сам, не хочешь и не нужно.

“...все гораздо сложнее, сынок...”

— Не понимаю.

— Кроме лица у вас сейчас и воля на двоих. Ты не знаешь, чего желаешь, и механически желаешь того, чего желает она. Она тоже не знает, чего хочет. Но так как ты позволил ей определяться за вас двоих, она творит то, что обычно можно творить, когда ты не знаешь, чего хочешь. Ты не веришь тому, что я говорю, потому что запер себя в своей иллюзии. Как раз иллюзия у тебя собственная, и в ней ты одинок.

“...еще один подвид шизофрении; слишком часто в последнее время я стал сталкиваться с ее образами...”

— Звучит как проклятие. — Мент с мрачным видом откинулся на спинку стула.

— Притом собственное. Ты проклял сам себя. — Родик, напротив, придвинулся ближе к столу.

“...забавно, когда ты уже знаешь, а кто-то только наступил на ту самую мину...”

— ...

— Слишком долго ее часть хохочет, пока ты плачешь. Этого соотношения не изменить, а последствия будут еще плачевнее. Иллюзию нужно контролировать, даже когда она уверена, что контролирует тебя. — Сказав это, самоубийца поднялся из-за стола.

“...а может, я просто отомстил тебе, бросив в объятия другой программы, в противовес той, которой ты пытался запутать мой разум...”

— Ты далеко? — спросил мент, видимо, еще надеясь на что-то.

— Далеко, — удаляясь, бросил через плечо прыгун.

— Ключ есть? — спросил мент, ухмыляясь ему в спину.

— Нет.

— Дать?

— Не надо.

С улицы пахнуло снегом, мелкие, точно стеклянные осколки метнулись в лицо мента, рассыпавшись по его волосам, рукам, тарелке.

Ему это показалось приятным.

Жена мента

Она дрожащими руками отперла тяжелые замки двери, ставшей вдруг незнакомой, иступленно шепча себе за спину:

— Спрячься... спрячься... ты не знаешь его...

Дверь неправдоподобно широко обнажила проход, и в квартиру вплыло сокрушительное бешенство, с тяжелым дыханием, безумным взглядом и ответом на вопрос в уголках губ. Она поняла, что эту мощь, поставленную на рельсы, сейчас не остановишь. Потому ничего не успела и не стала говорить. Покорно дала вмять себя глубоко в стену, после чего обреченным взглядом проводила в комнату его широкую, обтянутую пиджаком спину.

Ее трясло. Она понимала — вряд ли что-то спасет их сейчас.

Она ушла в другую комнату, не хотела слышать музыку борющихся тел, что сплелись во всепоглощающей ярости вытеснения одного из мира другого, жизнетечения вообще.

Она села на широкую кровать, ставшую невыносимо жесткой, не в силах даже думать о будущем. Она чувствовала — что-то потеряно, чего-то не вернуть.

Она услышала страшный вой — безумный плач по чьей-то духовной смерти. Треск материи заставил ее дрогнуть. Звон разбитой посуды вбил ее голову в плечи.

Она зажмурилась. Но от этого стала слышать только лучше.

Кто-то плакал навзрыд.

Она не могла определить — кто, и ей стало еще хуже.

Раздался очередной глухой удар.

Все стихло.

Она поняла, что пришел ее черед.

Она знала эту силу, этот всплеск. Но раньше сила не была такой — 9-балльной.

Тяжелое тело бесшумно мелькнуло в прихожей. Она смотрела в пол, но видела не только его, но и все остальное.

Он смотрел на нее пристально, изучающе, словно видел впервые. Словно пытался понять — она ли это, как так могло получиться, как он недоглядел чего-то в прошлом, ведь что-то наверняка свидетельствовало о возможности подобного.

Теперь она могла видеть только коричневый пол, и даже не его, а щели между досками, неплотно подогнанными. И еще дальше, глубже стремились ее глаза, хотелось ей быть. Спрятаться от других глаз.

Она зажмурилась. Но они никуда не делись.

Так она сидела долго. Два пронзительных ока мерцали в полной темноте, жая ее.

Она распахнула замечательные ресницы и посмотрела туда.

Там никого не оказалось.

Она встала. Ноги понесли ее в прихожую.

Дверь была нараспашку.

Она прислушалась к звукам в подъезде, но там тоже скучала тишина, нарушаемая тихим перестуком рамы открытого окна...

Клочки чьих-то мыслей

Где-то далеко за городом горит торф, горит глубоко под землей. Поэтому едва ли может быть остановлен. Из-за самодурства ветра город находится в страстных объятиях дыма. Дым плещется в окна и форточки. Дым обжил легкие. Дым убил четкость реальности. Видимость окружения стала огорчительно мала. Реальность, что обычно наступает со всех возможных сторон, равная в таком случае возможности глаза объять последнюю, ныне сужена настолько, что люди появляются из ниоткуда и пропадают в никуда. Та же история и с прочей предметикой, известной любому, кто иногда выходит на улицу.

Я покинул квартиру минуту назад, но словно остался дома — улица напоминает череду комнат. Из одной попадаю в другую, и если дома все разграничивают стены, то здесь все на свой манер разграничил торф, который горит далеко за городом.

У этого есть плюсы. Как и дома, я чувствую себя невидимым, защищенным. Улица более дружелюбна, и я различим малому кругу людей, которые почти сразу же вязнут в прошлом, потому что я иду дальше.

Ноги слились с асфальтом. Незнакомые люди идут по своим делам.

Ступаю бесшумно. Осязаю вялое дыхание осени, в которую переливается горячая кровь донора-лета. Скоро осень окрепнет и разрастется в плечах, а старые декорации отправятся вслед за спинами, секунду назад бывшими лицами.

Мне нравится происходящее — и осень, и дым, и то, что все поделилось на комнаты. Это созвучно настроению, что сейчас призрачно оформилось в рамках меня, и вообще — лишь притворяется настроением. В действительности являя собой совершенно другой процесс, зародившийся внутри меня, но занесенный туда извне.

Какая глупость — писать о любви, ничего о ней не зная. Анализируя симпатии, будничные увлечения, давя из них скудные соки вдохновения, искусственно распаляя себя, мучиться понапрасну. Думать, что ведаю, прогнозируя и логически вычисляя, гиперболизируя, наращивая, мысленно давая несостоятельному прогрессивный рост вширь, вглубь и в высоту. Ошибаться, когда, как теперь известно, что оно приходит само по себе. Процесс неконтролируем, хотя и происходит нежно, без насилия.

Последнее заявление в известной степени условно, так как насилие настолько вкрадчиво, мило и приятно, что называется обычно другими именами.

“...теперь известно кому?..”

К примеру, мне... и той сотне миллионов из шести миллиардов, которые сейчас чувствуют в себе замечательные преобразования, несвойственные мысли, тягу к прекрасному, трудолюбие во имя кого-то, странный ритм сердца, навязчивое томление в чреслах, безграничное терпение, электрическое нетерпение, щемящее свойство души, беспричинную вездесущую ревность, сладкую боль, горькую боль, неповторимую легкость, бог знает что еще.

Не претендую на единообразную палитру чувственных следствий. Может, в чьей-то загадочной душе нечто переваривается иначе и вызывает иные побуждения. Может, это зависит от внешнего раздражителя, в результате активных мероприятий которого мой разум, зрение и душу застилал густой дым и я перестал ориентироваться в пространстве. Это я о созвучии, встреченном на улице, что было сродни творившемуся во мне.

Страстно хочется написать и о том, как выросло возле меня дерево, которое затем оказалось аккуратно пересажено мне в голову, о логической цепи чающего процесса, о его предпосылках. О том, как началось и набрало силу все, окончания чего пока не ведаю.

Некогда я озадачивался мыслью, как распознать. Обманывая себя, прислушивался к гулу сердца, надеясь, что оно даст ответ — то самое или не то самое.

Теперь такого вопроса нет.

Мир меняется на глазах. Меняется восприятие его. Меняются люди. Трансформируются ценности и идеалы. Все приходит в легкое движение, словно еще одно половое созревание, становление личности. И личность засасывает в себя множество нового. Того, что всегда лежало под ногами, но чего не умели видеть.

Банальные вещи обволакивает тонкая прозрачная вуаль мистицизма. Мистицизма яростного, который можно откопать только в обычных вещах. В реальности, в неизменном сознании, того противовеса прочим искусственным объемам все его же, которые я находил в других мирах, в тех, где его увидит любой при соблюдении определенных условий.

Ангел-1

В поисках мистики в ее последнем значении и пребывал я в момент, когда дрожащим глазом, тщательно фокусируясь и теряя то четкость, то цвет, впустил в собственную голову хрустальное создание. Очень быстро оно минуло, оставив там лишь некоторые мазки. Тогда в них с трудом можно было разобрать то, что сейчас я не в силах забыть.

Уже через минуту я, не помня о происшедшем, прокладывал дорогу в сторону больших черных диванов, которых там, где я находился, имелось великое множество.

Это было сумасшедшее измерение северного сияния. Плоское и ограниченное в своей малости, наполненное зеркалами, диванами, телепортами и эксцентричными пришельцами обоих полов. Очень глубоко погруженных в электронный абсолют и высвобождающих дурную энергию.

Я не сознавал, как оказался здесь. Видимо, где-то в реальности обнаружил замаскированный телепорт, который и забросил меня в этот неведомый край.

Время здесь отсутствовало, в нем не было надобности. Вместо него висела музыкальная пауза. Не длинная и не короткая, так как это определения времени, а его там не было. Никто и ничто не отсчитывало минуты, часы, годы.

Неизвестно, сколько суток я находился там. Ведь я не знал длины отрезков, что разделяли собой события.

Там хранилось очень много темноты.

Девушка источала динамику, синхронно нарезая пласты тяжелого воздуха на равномерные куски.

Стоило забыть о ней, как неожиданно я наткнулся на нее глазами. Стоило намеренно выискать ее среди пришельцев, как начинало казаться, что она канула в другое измерение. Но только я переставал искать ее, как самым краем ока чувствовал яростное мерцание, так акула чувствует в воде электричество человеческих движений.

Я задался целью изловить серые глаза юной лисицы — первые мазки, что плотно вживались в мою память, дабы не уйти оттуда. Они уже начинали призрачную активность.

С разных точек я предпринимал сканирующие действия, надеясь выловить две-три секунды, после которых у меня не останется выбора.

“...ну, заметь же!..”

Однако мир ее в тот момент отличался от мира, что видел я.

Она сливалась с электронным абсолютom, пронзавшим черные стены и мокрые тела, испепелявшим время, высасывавшим силы. Он воровал энергию, которой в ее ладном теле было более чем достаточно. Тело захлебнулось в поедающем свете стробоскопа, заразилось ритмом, который истязал ее, точно болезнь, сотрясая в восхитительных конвульсиях дьявольской пластики. Это было безумие молодой жизни, надумавшей быстрее всех добраться до кусочка счастья.

Я видел электроволны мускулов, задающие скорость происходящему там, где сплелись два разных удара в секунду, пронзительных и стремящихся обогнать друг друга.

Я пробовал двигаться в ту сторону. Но тело не слушалось команд.

Счастье умерло несколько часов назад. Лицо мое выглядело измученным, шарниры скрипели, а потому я безнадежно отстал и спасался от температуры в самом темном углу. Под нежным шепотом кондиционера.

Она появилась со спины, откуда я не ждал. Плескаясь на бережке электронного моря, где тщаь из этого мира попасть в тот, вдруг краем глаза я снова уловил из-за плеча мерцание и обернулся. Она точно выпала откуда-то из темноты и едва устояла на ногах, дрожа зеркальными коленками. Тонкие пальцы хватались за стены и

искали опору хрустальной личности, чью хрупкость я поймал в ладони, силясь удержать.

Она поморгала, становясь то прозрачной, то вновь наливаясь цветом.

Сфокусировалась на мне и сказала:

— Перегрузки. — Она нетвердо держалась на ногах. — Мне нужно сесть.

Мы не знали друг друга. Но это не было важно.

Главное, что в этом переплетении — сотни миров с внутренними координатами, каждая из которых может проходить рядом, но чуть выше или чуть ниже, оттого твои руки, ища плоть, щупали воздух. В этих длинных диагоналях от одного куска реальности к другому я сумел нащупать маленький мир, в котором задержался на полчаса. И не ошибся, так как спустя немного времени в нем чудесным осадком выпала она.

Моей задачей было удержать ее.

Цветность по-прежнему рябила. Я понимал, что вскоре могу неожиданно и необратимо отдалиться, перестав поддаваться ее органам чувств. Стать невидимым для них, потеряв для себя возможность прикосновения, стать планетой иного измерения, а соответственно — спутником совершенно другого материального объекта.

На этом крохотном пятачке нашелся и необходимый стул. Туда мы бережно направили ее уставший организм. Она недолго еще померцала и окончательно материализовалась, приобретя цветовую устойчивость. Закурила из моей легкой руки, осмысливая происходящее.

И обратилась ко мне:

— Ты кто?

— Я — Родик, — сказал я, целясь в нее ухом, чтобы нейтрализовать шум.

“...ответ, который не говорит ни о чем, но и как будто объясняет многое...”

Она кивнула, словно так и думала. Отвернулась, будто запоминая, но себя не назвала, погрязнув взглядом в месиве пришельцев.

— А ты кто? — вкрадчиво забрался я в ее симпатичное ухо.

— Сашенька, — отозвалась она, вновь сосредоточившись на мне.

“...теперь я знаю код твоего внимания...”

Вглядываясь тогда в эти сладкие черты, я впечатал в голове миг, когда полотно поросло новыми мазками, скопищем невидимых линий и портрет предстал в отчетливом виде, вбирая в себя мои зрение, внимание и слух. В дальнейшем не раз вспоминал я это мгновение, с ухмылкой всматриваясь в него из далекого будущего и понимая, как мало знал. Всего лишь плавал любопытным глазом в лукавом озерце ее лица, мысленно примеряя ей психологический костюм, который даже близко не соответствовал тому, что оказалось на самом деле.

Недлинные коричневые волосы, опаленные продолжительными телепортациями, безжизненно обтекали шкодливое личико, царапающее меня мудрым взглядом. Особый свет и тени его распознал я так же уже потом, мысленно воз-

вращаясь в этот день. Тогда мне виделось скорее просто нечто милое и женственное, нежели наделенное разумом. Позже меня удручал ничтожный объем информации, которым я владел в ту секунду и который силился пополнить, снисходительно глядя на ветреную голову. Забирался в глубокие серые глаза, что видели гораздо больше и затягивали гораздо сильнее, чем мне тогда казалось.

Властный вздернутый нос прицельно следил за моими внутренними реакциями, тонкий миниатюрный рот играл с сигаретой, гоняя из уголка в уголок.

Женский палец поманил меня ближе.

Я снова превратился в ухо:

— Что ты здесь делаешь?

— Нахожусь, — пожал я плечами. — Я тут второй раз...

— Откуда ты? — Девушка вглядывалась в мои черты, словно ища ответ в них.

— Точка М., — поведал я. — А ты, наверное, точка П.

— Да, — кивнула она. — Только не та П., а другая — маленькая. Как нынче в М.?

— Нормально. — Я неопределенно потряс рукой.

— Хочу подвигаться, — сообщила Сашенька. — Но перегрузки...

— Подвигайся, — отозвался я. — Я буду следить за твоим статус-кво.

“...информация напоминает пазлы...”

— Будешь? — Секундная ухмылка сверкнула на волшебном лице. Она попыталась встать на длинные замечательные ноги, но постэффекты телепортаций уронили ее обратно. — Нереально. — На груди новой знакомой едва дотягивался до глаза тела короткий космический топик с паукообразным крестом во всю его доступность. Ниже межпространственного пупка имелись тугие галактические шорты. Минимум, который позволяет легко перебираться из одного измерения в другое без риска застрять где-нибудь между.

— А что реально? — спросил я, держась за ее стул, в разумном опасении быть выброшенным на задворки своей реальности. Более всего мне не хотелось остаться одному, не получить ответы на вопросы, от которых густо дымилась голова.

“...можно ли сейчас однозначно ответить на этот вопрос?..”

— Реально покинуть это место, — отозвалась она, опять увязнув в заманчивой бессистемности пришельцев. — Перебраться уровня на три вниз. — Глаза ее вернулись, и в их ледяной сорокости я увидел себя, мерцающего и постепенно теряющего необходимые мне краски.

— Что за уровень?

“...если нет ответа на вопрос об общей реальности, наверняка есть ответ на вопрос о реальности в частности...”

— Я покажу. — Сашенька встала на ноги, что справились с ее образцовым телом в тот миг.

Сильные пальцы поймали меня за руку и тем самым зафиксировали.

Шум отдалился. Навалилась темнота, поглотив все.

Вскоре сквозь густые чернила принялись проступать отдельные линии, и прямо поверх тьмы схематично нарисовался новый уровень. Реальность треугольной формы, заставленная черными диванами и столами для неизвестной мне игры. С минимумом света, основная масса которого приходилась на барную стойку, где стоял маленький телевизор и показывал происходящее на том уровне, откуда мы только что прибыли. Кто-то негромко позвякивал бутылками в баре, и на подсвеченной столешнице иногда появлялись высокие коктейли, но бармена различить не представлялось возможным.

Вокруг было несколько силуэтов. Они кружили возле столов и занимали малую часть диванов. Я же видел только спутницу. А она — меня.

“...куда угодно, только бы с тобой...”

“...это я подумал?..”

Чаепитие с Мануа

Этот союз в многоликости своей и эксцентричности был весьма примечателен и являлся одним из самых забавных и необычных союзов, которые встречались на коротком пути прыгуна. Отец Мануа, он же Нирваня, то есть Иван, стремящийся к нирване, в канве безумного осмысления окружающей реальности кроме прочих достоинств был волхвом и кудесником, знахарем и хиромантом. По крайней мере так убеждала реклама в периодических изданиях, где отец постоянно и широко заявлял о собственном искусстве.

Отец Мануа имел офис в паутине столичных переулков недалеко от центра. Там он с утра начинал прикладываться к различным энергетическим субстанциям, впадать в прострацию, исполнять ритуальные пляски. А также очищаться медитациями, дымить благовониями. И к полудню, когда официально начинался его рабочий

день, достигал высшей меры эксцентричности. При соприкосновении с ней любой маловерный в секунду убеждался в бесовском могуществе описываемого персонажа.

— Я воспринимаю лишь ту реальность, что всецело пропущена сквозь призму моего безумия, — говорил он. — Остальное пока не существует.

Боевая его подруга, рыжеволосая Нирксана, старалась быть при нем, если только различные женские надобности не отвлекали ее на пару часов. После чего она вновь возвращалась в бизнес-лоно, где харизматический муж творил свое действо.

Многочисленная паства нарекла их не иначе как отец Нирван и мать Нирксана.

Оба они были шарлатанами, если дело касалось способности порчу наложить или снять, обет безбрачия отвести и т.п. — ничего не получалось. Единственным их даром была телепатия. На этом они и спелись.

Некогда просто Ваня долго работал на старой потрепанной заправочной станции в ночную смену. Одним глазом листал тяжелейшие учебники по психологии, которой имел честь обучаться, другим пялился в монитор компьютера, наблюдая колонки цифр. Специфическое занятие, если иметь в виду, что атмосфера его рабочего места была полна неожиданных видений, ютившихся с ним в каморке и чинящих там шабаши. И с тем — странных переосмыслений,

опровергающих друг друга и убеждающих будущего отца в несомненном хаосе и неопределенности мира сущего.

Такой работой он озадачивался несколько лет, по той причине дух бензиновых испарений породнился с ним. Значение это имеет лишь в том контексте, что спустя неделю после увольнения по собственному желанию будущий волхв и кудесник обнаружил в себе странные свойства. Видения исчезли, переосмысления тоже, зато появилась замечательная способность заглядывать в человеческие головы.

Чудесную способность он использовал по сей день, дабы рассказать клиентам о том, что мутит их души.

Доверчивый люд, вкусив отцовской эксцентрики, насмотревшись его плясок, мановений, гримас и прочих выходов, с бесноватой подачи освободив душу от тяготящих дум, претерпев безумный хохот над своими злободневностями со стороны странной парочки, так или иначе начинал видеть собственные проблемы в ином свете.

А Нирксана несколько лет просидела в темной каморке за пуленепробиваемым окошком пункта обмена валют, где компанией ей были пачки купюр, счетный аппарат, электрический чайник и ультрафиолетовая лампа. Эту деталь чья-то гениальная голова прикрутила под потолок, и квадрат помещения оказался бесперебойно залит мистическим синим светом. Этот свет,

по всей видимости, и явился причиной того, что Нирксана стала способна заглядывать за преграды лбов, выискивая крупницы нужной ей информации.

Знакомство телепатов произошло в кинотеатре, где отец любил копошиться в человеческих головах, анализируя эмоциональный разнбой по поводу происходящего на экране. Самое интересное заключалось в соотношении оногo и собственных реакций. Тогда-то Нирваня Мануа прознал свое отличие от прочих.

Именно в душном темном пространстве кинотеатра произошел немой диалог, озвученный лишь в двух головах:

“...ты зачем лезешь в мои мысли?..”

“...ты слышишь меня?..”

“...конечно... ты шумишь, как слон в посудной лавке, а ведь это моя голова...”

“...прости... показалось интересным, о чем думает такая милая девушка...”

“...оставь эти книжности... помни, я знаю, о чем ты думаешь...”

“...и как тебе мои мысли?”

“...соответствуют дитю информационного века”.

“...хм... как на счет чашки кофе в баре?”

“...предпочту виски...”

“...годится...”

Отношения их формировались проще, как ни странно, чем у множества прочих. Так как точное понимание желаний оппонента, его слов,

поступков, проявлений и прочего процессуального мусора, которым полны любые совместные и одиночные жизни, приводило к возможности предопределять и предугадывать, подстраиваться и удивлять. А это имеет тактическое значение на общем эмоциональном фоне.

Тем не менее сложность проявилась и тут. Невольно — соответствуя человеческой природе — наши герои искали пути спрятать нечто друг от друга, опасаясь абсолютной открытости. Постепенно они научились запираť собственные головы от ненавязчивых происков второй половины.

Некоторое время это не служило причиной резонансов внутри супружеского мирка. Прошел месяц, другой, и неудовлетворенная привычка знать все и соответственно — быть уверенным начала проявляться в межполовых экспрессиях. Они перестали доверять друг другу, наталкиваясь на шероховатую кирпичную стену там, где привыкли искать успокоение. Минуло еще немного времени, и обнаружилось ощущение тех самых потемок, которые часто приписывают чужой душе.

В апогей семейной драмы, в момент, когда чье-то терпение дало трещину, и появился к ним в гости самоубийца.

Поднялся на скрипучем лифте на последний этаж, где в углу подле мусоропровода флегматично ржавела металлическая лестница на чердак. Именно там располагался ведьмический офис,

в который можно было войти либо договорившись заранее, либо, если приходишь не в первый раз, просканировав отпечаток пальца на дверном устройстве.

Наш герой приложил палец к сканеру. Люк с шумом отворился.

Мануа был рассержен, пребывал в сложной многоэлементной ярости, разветвленные щупальца которой вились над рыжеволосой головой невозмутимой Нирксаны. Оба кутались в белые мантии, из-под которых нет-нет да и выглядывали потертые джинсы и кроссовки. Отец был всколочен остатками волос, мать тоже не выглядела приглаженной.

Пахло благовониями, плавали и лениво взаимодействовали смутные фигуры, тонко рождаемые вечно тлеющими сигаретами. Полумрак мягко покачивался на многочисленных подушках. Стены и потолок, обитые черной бархатистой тканью, отливали глубиной. Казалось, все пять сторон не ограничены ничем, и фосфорический блеск манил попробовать пройти сквозь словно дышащую чернь.

Повсеместно валялись карты из странных колод. Вычурные лампы бледного цвета, одетые в деревянные сетки, в дружном множестве занимали пол, стены и потолок.

Со всем этим забавно сосуществовала современная кухня, представленная там же в виде гарнитура в стиле модерн, на пестрой столешнице которого мудро замер иссиня-черный кот.

Самоубийца ощутил смутное дежавю: показалось, что хозяйничающая на улице невесомая снежная пыльца похожа общим рисунком на столешницу. Кое-где, обильно оплывшие, дрожали крошечным пламенем жирные высокие свечи.

Мануа, то и дело разражаясь бранью, суетился из стороны в сторону по черно-белому ковру, на котором оставались и медленно исчезали его следы. А Нирксана позевывала в огромном черном кресле, театрально орудуя пилочкой в области левой руки.

Прыгуна они оба не замечали, озадаченные собственной драмой.

Тут же третьим находился, но не подавал признаков жизни некто Луций.

— Тебе придется, — вскричал вдруг Мануа, прицелившись во вторую половину острым пальцем. — Тебе придется впустить меня, детка... У нас нет иного выбора.

— С чего это? — флегматично спросила подруга волхва, не отрываясь от ногтей.

— С того, что я заставляю тебя, — сквозь зловещую улыбку признался Мануа. — Если тебе нечего скрывать, какого хрена ты не пускаешь меня в башку?

— Не хочу, — пожала плечами Нирксана. — А скрывать мне нечего, дорогой. От тебя по крайней мере... — она театрально зачастила ресницами.

— Докажи, — безапелляционно потребовал отец, вперив в нее красноватые глаза. — Я хочу

убедиться, твою мать. Хочу посмотреть и увидеть это сам, дорогая. Чтобы избавиться от паранойи. Понимаешь? Паранойя — моя родная сестра, поэтому, милая, не осложняй жизнь себе, мне и ей!

— Ты должен верить мне, Ваня, — упрямо гнула свое Нирксана. — Верь.

— Черта с два, — взвился Мануа. — Не хочу верить, хочу знать! — Он проорал последнее слово почти в лицо подруге. — Точно знать при этом! — Он было поднял над ней руки, но затем одумался и на всякий случай отскочил. — Пусти! — Он вновь впился в нее взглядом, еще больше налившимся кровью. Казалось, таким образом он силится проникнуть внутрь нее. Но Нирксана лишь задрожала. — Сука! — резюмировал Мануа, повернувшись к ней спиной.

— Привет, — помахал им ладонью смущенный Родик, на которого они вдруг одновременно посмотрели.

“...приятно видеть ваши лики...”

— Ага! — обрадовался ничуть не смущенный Мануа. — Попрыгунчик явился. А я уж думал, что не увижу тебя ...

— Спасибо на добром слове.

— Родик! — Нирксана ровно секунду повисела на шее вновь прибывшего и так же моментально вернулась в свое кресло. — Как полеты?

“...и откуда они все знают?..”

— Рассуди нас, — потребовал Мануа, меняя одну сигарету на другую.

— Кровотечение десны,
Наверно, с этим лишь сравнимо
Поползновение весны

На homo sapiens либидо... — продекламировала Нирксана, сквозь зевоту, явно на что-то намекая. Пилочка в ее руках незаметно сменилась сигаретой.

— Иногда у меня создается ощущение, — заговорил наш герой, — что жизнь ваша исчисляется сигаретами. Каждое событие, каждый отрезок времени, который вы проживаете, метится очередной сигаретой. Вы начинаете чувствовать себя в рамках следующего отрезка-события, лишь пропустив его через призму курения. И идете по жизни от сигареты к сигарете, от пачки к пачке.

“...эстафетная палочка для самого себя...”

— Едва ли это та тема, которой я сейчас хотел бы увлечься, — тут же отреагировал отец, с улыбкой более чем маньячной. — Что говорить о сигаретах, когда в нашу эпоху эта предметика превратилась в символ полового созревания. Что есть сигарета в руках малолетней девочки, как не подсознательный сигнал маленькой самки некоему самцу о ее мнимой зрелости? Меня заботит сейчас иная концепция. Я не могу безболезненно впитать в свой мозг сложную данность. А именно — моя женщина заперла свою голову от меня. Тем самым перерезала горло моему спокойствию. Вопрос: почему?

— Быть может, мозг ее устал
От твоих вечных изучений

Тот самый пика час настал

Привычных смены положений, — с серьезным видом ответила Нирксана.

Прыгун понимал, что в разворачивающейся мизансцене нет ничего серьезного. В силу даров супруги давно ведали друг о друге все, что только знал каждый из них по отдельности. Поэтому иногда, а значит, очень часто, они не стовариваясь находили себе новое развлечение, вроде того, которым были заняты сейчас.

— Может, это пройдет быстро, — сказал самоубийца, опускаясь на один из черных диванов. — Может, это чистой воды женское упрямство.

“...что может быть разрушительнее его, пронизанного странными мотивами...”

“...мотивы эти покоя мне и не дают...”

— А кто тогда гарантирует мне, что нечто не минуло мое сознание? — вперился в него взглядом Мануа. — Что нечто там, в темноте лежало, злобно попискивая, а я не увидел? Прошел мимо? Кто?

— Определенно не я, — покачал головой Родик.

“...гарантия — тоже из Скучного озера...”

“...в этом есть судьбоносный смысл, просто ты его еще не знаешь...”

— Он хочет тотального контроля, — подала голос Нирксана. — Выудил из чужой башки дурацкую теорию перерождения и в соответствии с ней мучает меня вторую неделю.

— Людей надо воспитывать, как животных, —

сухо глянул в сторону Нирксаны Мануа. — Если животное что-то сделало, что не лезет ни в какие рамки, его надо ударить, иначе никак. Только испытав шок, оно запомнит эту ситуацию и, что главное, сможет проанализировать ее и сделать вывод. Некоторые твари могут понять тебя и без этого, но это гениальные твари. Повторное насилие застрахует тебя от подобной животной дерзости. Во всяком случае, кошка поймет, собаке, возможно, понадобится третий опыт, но человек — умнее собаки и кошки. Он умнее всех на этой глупой планете, именно поэтому он понимает все с первого раза. Однако иногда женщине — иногда! — необходим бывает второй опыт, иногда и третий. Но не потому, что она не поняла, а потому, что ей так хочется, только и всего. Она желает легкой трепки. Или нелегкой — зависит от состояния психики. И мне кажется, что кто-то сейчас выпросит трепку...

Нирксана не ответила.

По вздутым желвакам отца самоубийца понял, что ничего не изменилось после угрозы.

— Теория? — Самоубийца проследил за отцом, который выбрал подушку побольше и, как подкошенный, поменял градус расположения тела.

“...люблю теории, в них может быть то, о чем я даже и не думал...”

— Много теорий, — проявился некто Луций. В его руках маялся огрызок карандаша, которым он время от времени остервенело черкал в толстом блокноте.

— Знаешь, как много интересного складировано в человеческой голове? — спросил Мануа, прикрыв глаза. — Если иметь туда доступ, самая глупая голова покажется планетой. Мироздание чьих-то мечтаний, планов, амбиций, фантазий, представлений и иного мысленного мусора, в котором увлекательно копать. Хотя встречаешь и жуткие вещи. Ты даже не представляешь, что порой я вижу и слышу. И она... Иногда в ужасе я кричу: “Бедные люди, как же вы несчастны, вы даже не можете контролировать собственные головы!” — Родик вновь ощутил дежавю. — Бывает, создается ощущение, что голова — существо, отдельное от прочего тела... от сердца... души... чего там еще... А порой выкапываются разумные вещи. Такая вот психоархеология.

“...не против был бы я чужие головы читать, как книги...”

— Любопытно. — Родик закурил тоже, сочувственно постреливая правым глазом в сторону Нирксаны. Теперь в комнате курили все, включая некоего Луция. — Так что за теория?

“...с другой стороны, я в ужасе от собственной головы... нелегко, наверное, проникать в великое множество их...”

“...главное — не сливаться с ними, всегда помнить, что ты — ухо постороннее в липкой паутине чьего-то частного хаоса...”

— Знаешь, почему раньше предпочитали уничтожать всю семью неприятеля? Чуть ли не весь клан, весь род — еще раньше? — Мануа прищу-

рил глаз. — По той причине, что душа отца вернется в его сыновьях и она захочет отомстить. А мать, что всегда заодно с отцом, вернется в ее девочках, которые тоже будут испытывать ненависть и жаждать поквитаться. Одни и те же люди возвращаются вновь и вновь, их эмоции не меняются. Соль человеческого бессмертия в этом. Так человек продлевает свою жизнь, перерождаясь в собственных детях. Пока ты жив, их разумение в некоторой степени автономно. Оно копит силы, чтобы после твоей смерти принять мощный энергетический посыл отца... или матери... если дочь... Происходит все неосознанно, как для отца, так и для ребенка. Он уверен, что живет собственную жизнь, полагая, что его “я”, то, как он чувствует себя, — это и есть “он”. А на самом деле из поколения в поколение “я” — одно и то же.

— А если несколько детей? — резонно заметил прыгун.

“...что может быть интереснее теорий, которые невозможно доказать...”

“...поверь хоть на минуту, и все докажется само собой...”

— Слышал про многоликого Януса? — осклабился Мануа. — Примерно то же самое. Одно “я” во множестве лиц, множество сынов и дочерей древнего тебя. Но, конечно, сильнее всего такое “я” развито в старших детях, младшие более автономны. Но тем не менее отцовское эхо живет в каждом из них, шепчет, что делать, куда стремиться и зачем. Чем меньше становится старших

детей, тем сильнее общий дух растет в младших. Догоняешь?

— Догоняю, — сказал самоубийца.

“...ты рассказываешь это для меня или для нее?..”

“...черствая сучка слышала это сто раз...”

— И что же ты догоняешь? — Мануа въедливо копошился взглядом в области лица прыгуна. — Что именно?

Пауза, точно комар, завилась над головами.

— Наверное, ты уже знаешь ответ.

“...поменьше вопросов, побольше рассказа...”

“...я так и думал...”

— И он неверный в корне. Мораль такова: Господь создал человека по своему подобию. Не только внешне, а вообще. Человек очень силен, можно пытаться убить его, но он всегда возвращается. Он множится, не позволяя врагу уничтожить свое “я”, которое является ответами его на вопросы самому себе: кто, как, зачем и почему. Человека становится все больше, переиграть это воспроизводство, эту магию перерождения невозможно или очень трудно. Глобальных “я” на весь мир — миллионов пять, остальные — система выживания человека, его неуязвимость, его бессмертие... — Целитель выглядел безумным.

— И мы — далекие звенья цепи? — усомнился Родик. — Не слишком ли скучно? Быть системой выживания, пусть и глобальной?

“...придумал бы ты теорию повеселее, чем эта венозная скука...”

— Все еще хитрее, — улыбнулся Мануа. — Ты ощущаешь себя внутри своей оболочки, где-то там сидит твое “я”. Другого ты не знаешь, потому что “я” отца автономно от твоего “я”. Ты не ведаешь, что идешь его стопами. Так же как и он не ведает и при смерти спокойно продолжает жить внутри тебя. А ты уверен, что ты — это просто ты. Процесс бесконечен, необратим. Ты не знаешь своего места в цепи, ты отвлечен напрочь от многочисленных “я”. Ты знаешь только свое “я”, глобальное тебе неизвестно. Невольно ты осуществляешь общие задачи. И на подсознательном уровне осознаешь лишь, что в любом случае ты — часть мира в его целостности, и поэтому тебе не скучно. Ты переживаешь другую цепь — замечательных событий, разнообразной роскоши минут. Ты в упоении, у тебя немеют пальцы от того, как тебе хорошо жить. Можно привыкнуть к этому “хорошо”, перестать его замечать, но оно всегда есть. Догоняешь?

— Ты прочитал мои мысли, — сообразил самоубийца.

“...программируешь меня, хитрый бес?..”

“...тычу пальцем в то, что ты не хочешь увидеть, хотя и слышишь хрустальный хруст процессов под слепыми ногами...”

— И мне не понравились эти мысли. Это ложный голос внутри тебя, не ты, — излучая уверенность, заявил отец. — Поверь мне, я знаю твой истинный внутренний голос, этот свистящий шепот мне незнаком. — Ноги понесли его к кух-

не, застучали створки шкафов, щелкнула кнопка чайника. — На самом деле это даже больше женский шепот... какие-то злобные мантры... — донеслось из кухонного угла.

“...я порой вычисляю ее внутри себя, пере-страиваю волну, теряю ее ненадолго, но потом вновь обнаруживаю голос внутри себя, который несет ее посыл...”

— Значит, мы с тобой бессмертны?

“...поменьше частного анализа, побольше — общего...”

— Само собой... — согласился Мануа, нервно распаковывая чайную пачку.

— Но если все равно процесс бесконечен, может, я просто хочу сменить оболочку? — Прыгун приподнялся. — Всего лишь... переместиться дальше по цепи, не более того.

“...и если это так, то дальше я только и буду шагать по цепи, меняя обличья...”

“...идиот...”

“...я даже могу убить президента, птицей впорхнуть в оболочку другую...”

“...еще одно свидетельство того, как люди любое предположение подстраивают под собственное миропонимание...”

— Вдруг мы не сможем познакомиться в твоём новом амплуа... А мне очень не хочется терять такого друга, — через плечо заявил Нирваня. — Из чистого эгоизма, не более того, — поддразнил он, постукивая чашками. — Кроме того, у тебя нет детей.

— Люблю бывать у тебя, — сказал самоубийца, игнорируя посыл Мануа. — Потому что каждый раз чувствую себя Алисой в Стране чудес, именно в том моменте, когда она пришла к Шляпнику и Мартовскому Зайцу попить чайку.

“...имею слабость к больным персонажам...”

— А у меня? — Нирксана явно была недовольна.

— Почти комплимент! — Отец был польщен. — Я специально соткал тебе эту ассоциацию. — Он колдовал кипятком над четырьмя чашками. — Более того — это мой любимый момент в “Алисе”, и я постарался воссоздать у нас то мероприятие. Только ты сказал об этом первый. Суть в другом. Теперь ты понимаешь, почему я так принципиален? Почему жажду уверенности? Почему в любом случае достучусь до этого мозга? — Он ткнул пальцем в сторону Нирксаны.

— Если приглядеться... — с умным видом начал самоубийца.

“...то станет понятно, что она и так твоя до мозга кости...”

— Не надо приглядываться, — отрезал Мануа. — Все беды людские от того, что кто-то к чему-то приглядывался. Надо знать то, что определимо с беглого взгляда, остальное нас не касается. И если пытаешься тем не менее высмотреть нечто — слишком много берешь на себя. Пристальность никому не сослужила хорошей службы. Нам дано видеть лишь то, что требуется, остальное — лишне. Пристальность — от лукавого. Ясно?

— Не противоречишь ли ты себе сам?

“...по-моему, из всех пристальных ты самый пристальный...”

— Пристальность не сродни элементарной осторожности, не угляди маниакальности в моих действиях. Когда дело касается высших материй, а именно — итогового перерождения, я и любой другой должны быть уверены. Мы не можем легкомысленно доверить любой женщине продлить нам жизнь. Это должна быть твоя до кости мозга женщина. Тут не место подвоху. Ты можешь думать, что обо всем позаботился, спокойно смотреть, как подрастает сын. А оказывается — он имеет к тебе смутное отношение. Рядом паразитирует чужое “я”! Самое страшное — ты можешь об этом и не узнать. Просто на этом жизнь твоя закончится. Ты потухнешь, и все. Перерождения не будет. Поэтому я так принципиален. Не хочу выпасть из цепи. Мне слишком хорошо тут, слишком радостно.

— Из чего складывается твое “хорошо”?

“...оставь свои программы для своей бабушки...”

“...мои слова ювелирно точно отображают мои соображения, сынок...”

— Из того, что я не думаю, из чего оно складывается, — откликнулся отец и развернулся. Дым от чашек валил адский. — Мне всегда хорошо, без мотивации. Попей чайку... И пойми, что даже в этом сосредоточен неистовый кайф. Знаешь... кто-то названивает на мой сотовый, —

с задумчивым видом поведал он. — Раньше днем, теперь еще и ночью. Беру трубку, человек слышит мой голос и дает отбой.

— Ничего мистического, — зевнул Родик. — Какая-то девушка какому-то лопуху дала неверный телефон. И теперь этот лопух названивает тебе, наивно внушая себе, что, возможно, ты брат, или отец, или любовник богини, а она в ванной, и если перезвонить через полчаса, то ответ будет не столь басист.

“...когда-то я тоже представлял восторженных поклонниц...”

— Вечно ты все портишь, — скривился Мануа и мысленно продолжил, сверкнув недобрый взглядом в сторону подруги: — А я надеялся на яркое мистическое продолжение.

— Ага, — злое еще зафиксировала Нирксана.

— Вот надежды, яркого цвета, мистики и продолжений мне и не хватает! — Самоубийца поморщился от крепости чая, где не было ни сахара, ни молока, но зато имелось очень, очень много заварки. — Несколько лет назад я бы подумал так же по поводу ночных звонков, как ты. Сейчас я не могу врать себе. Вернуться бы годков на пять... Как-то интереснее было, сейчас отчего-то иначе. Веселее было, что ли. Но если разобратся, я мало что помню. Машина времени была бы кстати в любом случае.

“...я развлекался бы тем, что поступал бы иначе в прошлом и анализировал бы изменения в будущем...”

— Машина времени? Я скажу тебе, что такое машина времени. — Отец завис над самоубийцей, дыша горячим паром в лицо. — Машина времени — это одеться так, как одевался пять лет назад, собрать людей, которых не видел пять лет, принять наркотик, который принимал пять лет назад, говорить языком, которым говорил тогда. И вы вместе возвращаетесь в прошлое, временные рамки смещаются. Другой машины времени не существует.

— А то, о чем ты говоришь, — это полосы, — подала голос Нирксана.

— Какие полосы? — развернул профиль в ее сторону наш герой.

“...на каком диалекте вы тут лопочете?..”

— Черные и белые, белые и черные, — продекламировала девушка. — После того как было хорошо, обязательно должно быть плохо. Хотя бы потому, что “хорошо” заканчивается или ты просто привыкаешь к нему.

— Мне не плохо, — пожал плечами самоубийца.

“...мне никак...”

“...это существует только в твоей голове, посмотри на это дело под другим углом, и все изменится...”

— Даже обычное “плохо” для того, кто недавно познал “хорошо”, — с умным видом вставил Луций, не отрываясь от писанины.

Отец добавил:

— В голове еще одного чудика я прочел не менее интересную мысль: он собирался купить

подруге очень дорогую, очень скоростную машину. Не мог дожидаться, когда оплатит ее. А это была очень мощная машина. — Отец поднял палец, приглашая затаить дыхание. — Зная спесь своей суки, он отлично понимал, что она ни за что не станет ездить медленно и скоро он сможет освободиться от надоевшей сирены. Эта мысль пришла ему неожиданно, когда мы говорили на другие темы. Он обдумал ее в секунду и сделал вывод: все суки ездят на дорогих машинах, потому что у каждой есть человек, который желает ее смерти. У этого типа собственное “хорошо” и “плохо”.

— Какая-то злобная бредятинна, — поежился Родик. — Такие мысли лучше не читать.

“...не лишенная смысла чья-то бытовая философия...”

“...любая философия — шизофрения, и любая шизофрения — философия...”

— Это самое скромное из того, что можно обнаружить в черепной коробке, — фыркнул отец. — Ко мне тут приходит батюшка. Забавный человек, искренне верующий, а кроме того — с собственной теорией. Приходит, по большому счету, поболтать. Он полагает, что волосы — греховный материал, чем более мы грешны или предрасположены к греху, тем более волос на теле и голове. Единственная чистая растительность — борода. В подтверждение своей версии он вспоминает, что блудил в молодости, и утверждает, что волосы на его теле появились

в те самые времена, когда он систематически выпивал, волочился за женщинами, в общем, вел себя как попало. Каждый новый волос, по его мнению, олицетворяет новый грех. Поэтому так много волос в области паха. Тонкие черные волосы на белом теле — что-то вроде метки.

— Иисус Христос тоже был при волосах, — заметил самоубийца.

“...едва ли что-то вообще можно утверждать определенно, и любую определенность вероятно оспорить...”

“...и я сейчас докажу тебе твою собственную мысль...”

— Все верно, — ухмыльнулся Мануа. — Я тоже обратил на это внимание батюшки. Он предложил вспомнить, что Иисус пришел в образе человека, чтобы отмучиться за людей и принять на себя их грехи. Когда же я указал на голову моей жены, — отец неодобрительно стрельнул глазами в сторону Нирксаны, — и спросил, почему женщины так обременены волосами, он печально улыбнулся и ответил: “Да потому что грешна женщина”.

— Хм, — самоубийца задумался.

“...так похоже на правду, что может быть правдой...”

“...или созвучно собственным мыслям, поэтому легко берется на веру...”

— Еще пример. — Мануа схватил прыгуна за рукав и оттащил к большому окну, выходявшему на крышу. — Залезай! — В офисе это было един-

ственное светлое пятно дизайна, но и оно чаще всего пряталось за тяжелой портьерой. — Видишь теннисиста? — показал он пальцем вниз, когда шифер захрустел под их ногами.

— Да.

— Он — безумен. Считает, что он президент. Лупит в стену мячом и разговаривает сам с собой. И так часами. А в прошлом — человек, который зарабатывал тысячу долларов в минуту, по крайней мере я так слышал. Или Луций. Знаешь, что он тут делает? Его привели родители. У парня навязчивая идея, будто он может что-то упустить из того, что творится в его голове. Очень умный мальчик, отличник и все такое, но, как полагают родственники, завистники навели на него порчу. Он все записывает, ведь в голову приходит так много мыслей каждую секунду, что случайно можно пропустить мысль, которая изменит твою жизнь, сделает тебя кем-то. Вот и записывает все, чтобы проанализировать на досуге, потом перечитывает. Впрочем, сейчас и перечитывать не успевает. Но самое забавное думают люди в туалете! В тот момент мысли их лишены гордыни, ведь, сидя в собственном облаке зловония, трудно предаваться пафосу. Можно сказать, это эфир человеческой мысли, тогда он лишен социальных, интеллектуальных и личностных скрепок. Мне кажется, в этом есть божественный посыл — дабы человек всегда помнил, что он всего лишь подобие. Обычно это добрые, будто извиняющиеся мысли... — На крыше оказалось скользко от

недавнего первого снега, кроме того — раннего, так как осень еще очень твердо стояла на своих позициях. Мануа едва не поскользнулся, но прыгун поймал его за локоть.

— А ты понял, о чем я там... — усмехнулся Мануа тем временем. — Ты знаешь, как важно быть уверенным.

Чашки истерично дымились.

— Ты знаешь причины, по которым я тут... — начал было Родик торопясь, как бы отца вновь не увлекло в философскую лирику.

“...должен знать по крайней мере...”

— Слава богу, не попрощаться, — хмыкнул отец. — Хотя я слышал о причине — одной, о второй, полагаю, ты еще не успел подумать с тех пор, как мы вновь увиделись. Хотя можешь не продолжать, уже услышал. Отец демонической девочки. Он хочет с тобой поговорить?

— Уже с месяц. Он звонил как-то. Потом еще раз. Мне уже неудобно откладывать его на завтра.

“...каков же может быть отец у демонической девочки...”

— Зачем тебе я?

— Фамилия Кваазен тебе ни о чем не говорит? — Вид с крыши впечатлял примитивной красотой: множество наложенных друг на друга, подобно кроссворду, задних дворов и проулков образовывали гармоничную скученность, где один двор вращался в другой. Все это уплотнялось нависшими крышами и ребрами карнизов, стя-

гивалось в общую картину электрическими проводами и бельевыми веревками, разбавлялось шумной детворой, пересечениями птичьих траекторий, стуком ракетки и мяча теннисиста.

— Кваазен? Хм... Кевин Кваазен? — Мануа и прыгун присели на корточки.

— Да. Ты что-то слышал о нем?

“...меня не покидает странное ощущение, что я слышал о нем, и не раз. Я как будто слышу о нем по крайней мере раз в неделю. С другой стороны — готов поклясться, что, до того как он назвался по телефону, я не слышал это имя и эту фамилию...”

— Что-то да, — неуверенно сказал отец. — Или нет. Странно, но я уверен, что слышал это имя, хотя что-то во мне утверждает, что я слышу его впервые. Есть такой момент — когда читаешь человеческую голову, не все слышишь так, как слышишь обычно, в повседневной жизни. В общем, жуткий мусор, полный слов, обрывков слов, звуков, образов. Плюс наложений подсознания, плюс куча непонятных шумов, ветров, которые часто, так мне кажется, исходят не от человека. Когда мышление обглаживает нечто отнюдь не положительное... я бы даже сказал — очень злое... — Мануа синхронно активизировал свои морщины. — К примеру, последний раз я слышал шум... или ветер, когда прочел чудака, который решил купить подруге очень дорогую машину... то ли это шло фоном чтения, то ли его подсознание шептало, а может,

это было теми самыми шумами, но я слышал: “кевин кваазен, кевин кваазен, геквакен геквокен... кевин кваазен, кевин кваазен, геквакен геквокен” или что-то типа того. — Глаза собеседников встретились. — Вычленишь из текста это имя, да и вообще различить точную последовательность букв практически невозможно было бы, если бы ты ее только что не озвучил так похоже.

— Этого я не знал. Ее отца зовут Кевин Кваазен.

“...по крайней мере он так назвался...”

— Американец? — деловито уточнил Мануа.

— Может быть. По-русски говорит чисто.

“...и в манере его речи есть что-то от демонической девочки или наоборот...”

“...есть еще одно...”

— У меня есть клиент. Его зовут Дима, фамилия Нота. Дима Нота. У него интересная профессия — он зарабатывает на спортивных соревнованиях. Апогеи его гонораров приходились на Олимпиады, где он находил слабые звенья в рядах спортсменов, судейского состава, тренеров. Он плотно сотрудничает с букмекерскими конторами, которые весьма неплохо его оплачивают. Суть — театр в спорте, покупные победы и проигрыши. Моя задача — максимально очистить карманы Димы Ноты во время наших с ним сеансов. Его проблема — лет пять назад он на своей машине сбил ребенка. Сбил и не заметил. Огромные деньги помогли избежать

тюрьмы, но с тех пор плач малыша преследует его. Дима считает, что я могу помочь ему. Я-то знаю, что нет, но переубедить его не собираюсь. Я слышу этот плач, когда Дима находится здесь. Странный плач, ненормальный. Он срывается на шипение, на свист, на хрипоту. И в общем звучании это все те же слова — “кевин кваазен, кевин кваазен, геквакен геквокен, кевин кваазен, кевин кваазен, геквакен геквокен”.

— Мне нужно, чтобы ты почитал его, — пресек Мануа Родик. — Демоническая девочка очень боялась своего отца, больше она не боялась ничего. Даже умереть... Она говорила, что каждая его фраза — искушение. Она говорила, что с ним невозможно говорить, контролируя себя. Незаметно он подчиняет твою волю и навязывает что хочет. — Они встретились глазами. — Я хочу, чтобы ты контролировал наш диалог. Чтобы ты давал мне знак, если будешь чувствовать, что я теряю над собой контроль.

“...этот бред произнес я?..”

“...да, и с очень серьезным лицом...”

— Хм... — Кудесник подозрительно щурился. Он, видимо, как всегда, знал нечто, что, возможно, знало только подсознание собеседника.

— Опасаюсь, что все может вернуться на круги своя.

“...говорю себе — “нет”, но в глубине души знаю, что — “да”...”

— Демоническая девочка?

— Она тоже.

“...и вся многоликая шизофреноидальная армия ее проявлений...”

— Ясность полная. Знаешь, какой основной чужеродный шум в твоей голове?

— Она?

“...озвучь мне то, во что я пытаюсь не верить...”

— Это ложный голос внутри тебя, не ты, — повторил Мануа. — Поверь, я знаю твой истинный голос. Этот шепот мне незнаком, это больше женский шепот... кто-то хочет убить тебя... кто-то хочет отомстить... таким образом, чтобы ты сделал это сам... кроме того, зовет тебя куда-то... и звучит он так же... кевин кваазен... только чуть тише и невнятнее...

— Я два раза выпадал в окно и жив до сих пор. Почему?

— Наверное, не пришло время.

— Ты можешь сейчас пойти со мной?

“...кевин кваазен, кевин кваазен, геквакен геквокен, кевин кваазен, кевин кваазен, геквакен геквокен...”

По лицу его я видел, что он мог.

Над нашими головами пролетела тощая ободранная, но большая грязная птица с торчащими перьями. Она издавала протяжный жалобный крик. Словно не она кричит, а скрипят ее крылья.

— Странно, — проводил ее взглядом Мануа. — То ли мне показалось, то ли это очень умная птица.

Ангел-2

Тигровая бабочка вылетела из ее сумки, махая прямоугольными крыльями. Была в момент изловлена и оказалась глянцевым блокнотом, похожим на плитку шоколада, с бледным клетчатым полем, точно наложенным поверх белых страничек. Сашенька что-то внесла туда тонкими пальцами. Подумала, опять внесла, затем отделила один листочек и подала мне.

Мы лежали на одном из черных диванов. Его кожаные чресла бережно покачивались, держа наши изнеможенные тела на своем искусственном объеме. Они прятали нас от внешнего мира, сопрягаясь в этой миссии с заботливым мраком.

Я заглянул в послание:

“354546463646474737625618189.

Александра.

Здесь всегда зеленый цвет, даже если он красный.

Целую”.

— По этим координатам всегда найдешь меня, — вкрадчиво пояснила она. — Во всяком случае, голос мой точно там будет. — Она хохотнула. — А с ним вы до чего-нибудь определенного договоритесь. Он расскажет, где найти остальную меня.

— Если буду в точке П., — пряча листок в карман, ослабил я.

“...теперь я знаю твой код в этой матрице...”

— Будешь, — уверенно ухмыльнулась Сашенька своим мыслям. — Кто побывал в точке П., тот еще не раз сюда вернется.

— Завлекательная точка, — согласился я. — Теперь вдвойне.

“...любимая точка на оси координат...”

— А я никогда не была в точке М., — нахмурилась девушка, забираясь глубже в диванные глубины вместе со своими длинными замечательными ногами. Диван казался нереалистично огромным, будто он рос под нами.

— Приезжай, — оживился я. — Буду гидом по точке.

“...будем чертить кривые нас, крепко за руки держась...”

— Возможно, — серые глаза изучали мою помятую личность, наши лица были близко, властный нос ее напрашивался на “чмок”.

— Я никогда не был на этом уровне, — вместо этого сказал я.

“...и никогда не встречался с таким занятым человеческим уравнением...”

— Ты много где не был, — пожала плечами Сашенька. — Будет время, посмотрим вместе. — Она попыталась со мной переглядаться.

Эта чарующая утвердительность позабавила меня.

— Будешь гидом?

“...веди же меня, детка...”

— По точкам, уровням и измерениям.

— Звучит заманчиво. И самоуверенно.

— Сомневаешься? Зря. Это все принадлежит моему отцу.

— Твоему отцу?

“...каким же образом, если этого в принципе вообще нет?..”

— Да.

“...это есть, просто не здесь...”

— И кто же он?

“...где же тогда?..”

— Зажги мне, пожалуйста, сигарету. — Один из редких случаев, когда я услышал эту просьбу в середине фразы. — Ненавижу прикуривать сама себе. — Мой вопрос она проигнорировала.

“...в голове...”

— Запросто! — Я вооружился нужными средствами, извлек огонь, породил тление и подал сигарету изящной пальчиковой комбинации.

“...красивые пальцы, красивые ногти...”

— Умница, — похвалила Сашенька. — Вот раскрыли в тебе твой первый талант.

— У меня много талантов, — загадочно сообщил я.

“...красивое тело, злое лицо... тоже красивое...”

— Проверим. — Она пустила длинную никотиновую стрелу в сторону максимальной точки уровня. — Хочешь, прочту рассказик?

— Рассказик? — ресницы мои взлетели высоко. — Что за рассказик?

“...сдержать бы улыбку...”

— Наведался тут в голову. — Сашенька передразнила мои ресницы своими. — Если интересно, могу поделиться.

Со стороны мои губы были все так же бескровны и одеревенело занимали прежние точки графика. Однако внутренняя улыбка распахнулась во всю доступную ширь, и скепсис покрыл мои мысли своим резко пахнущим лаком. Я не был его причиной, просто чуть раньше слышал много разных “рассказиков” и рассказов, чьи достоинства оскорбляли мою чуть менее графоманскую душу.

— Очень интересно, — давя улыбку, произнес я. — Люблю слушать чужие рассказы.

Из сумки Сашеньки вновь вылетела тигровая бабочка, цепкие коготки изловили ее, а сильные пальчики разломали посередине. Она помолчала, словно размышляя, стоит ли посвящать меня, затем рот ее приоткрылся, вобрал воздух и быстро, а с тем бесстрастно она начала декламировать:

“...”

Я онемел, другими глазами глядя на Сашеньку. Пессимизм “рассказика” ошпарил меня, мрачные образы рассекли на две части мою улыбку.

Стиль, симбиоз злых ассоциаций произвели на меня сильное впечатление. Заставили заглянуть глубоко в подсознание, где под тяжелым прессом собственного легкомыслия лежало нечто, отдаленно созвучное теме “рассказика”. И, конечно, это был не “рассказик”, это были мысли, свинцовые, со смещенным центром тяжести. И разрывные, что в обилии заряжали своей тяжестью бумажные листы, выстреливая оттуда с помощью их хозяйки столь неожиданно. Простреленная голова, в которой начинали осуществляться процессы, какими насытила свои хищные фразы Сашенька, долго отказывалась сопротивляться новой силе воздействия, от которой по коже моей давно бегали мурашки.

— Сильно, — искренне оценил я. — Я немного понимаю в этом.

“...понимаю ли...”

— Иногда бывает, — ответила она. — Иногда руки точно пишут сами.

“Необыкновенно”, — подумал я.

И повторил вслух:

— Ты необыкновенная девочка.

“...марсианка...”

Сашенька улыбнулась какой-то своей мысли. Пальцы ее зашелестели листочками, она нашла еще что-то, отображенное симпатичным печатным почерком, подумала, затем захлопнула блокнот и сказала:

— Может, еще когда-нибудь, — бабочка упорхнула в сумку. Сашенька стряхнула пепел со сво-

ей сигареты, о которой за время чтения забыла, седая голова вредной привычки переросла само туловище.

“...хотя вряд ли...”

Из мрака окружения материализовался пришелец. Он был моего роста, моего сложения, и вообще он был со мной, так как обычно я не пускаюсь в сомнительные вояжи в одиночку. Одним из имен ему служило — отец Мануа. Общаясь с талантливой девочкой, я напрочь забыл о нем.

Он медленно подплыл к нам, поблескивая большими тонированными очками, и завис над диваном:

— Вот ты где...

— И ты, значит, здесь... — в том же духе ответил я.

“...замкнутое пространство измерений...”

— Там ад, — вздохнул пришелец. — Он пугает меня.

— Так всегда, когда начинает светлеть, — сообщила Сашенька. — И ты, к своему ужасу, видишь, что представлявшееся необычным и занимательным оказывается скорее демоническим, нежели каким-то еще.

— Не пора ли нам? — озвучил пришелец свою идею.

— Скоро, — согласился я, — но попозже.

“...пора... пора...”

— Я устал, — с вселенской грустью молвил отец Мануа. — Мои ноги не держат меня.

— Мои тоже. — Я измученно улыбнулся.

“...а есть ли они, ноги?..”

— Куда это вы собрались? — Сашенька прищурилась.

— В убежище, — сообщил Мануа. — Где четыре стены, друзья и дверь на замке.

— Мы обычно прячемся от реальности после телепортаций, — сказал я.

“...так как сразу после — ее суровое лицо невыносимо...”

— Все прячутся от нее после, — не удивилась девушка. — К ней ведь тоже нужно привыкнуть.

В воздухе соткался еще один объект, он тоже оказался моего роста, однако женского сложения и не пришел сюда со мной. Через секунду я мог разглядеть его. Вспомнил — он был с Сашенькой.

— Ты! — встретила последняя новоприбывшую. — Явилась...

Девушка тоже была в галактических шортах и в космическом топе. Она выглядела пошире в плечах, чем моя собеседница, на ее сильном теле розовело гораздо больше мяса и мускулов. Черные волосы безжизненно висели, но добродушная мордочка светилась вьевшейся улыбкой.

— Привет, — сказала она.

Пришелец повалился и увлек ее за собой, таким скоропалительным образом они заняли другой диван.

— Вы сестры? — спросил я у Сашеньки, хотя они не были похожи.

“...вряд ли...”

— Конечно, нет, — презрительно фыркнула она.

— Подруги, — резюмировал я.

“...одинаково одеты...”

— Глупости. У меня нет подруг.

— Вообще?

— Вообще. И друзей нет. — Она нахмурилась. — Хотя один все же есть. Остальные — знакомые. Или приятели. Называй как хочешь.

— Что же держит вас вместе?

“...что за клей отношений имеет место быть?..”

— Ничего не держит. — Сашенька пожала плечами. — Я ее терпеть не могу. Обрати внимание, та же одежда, что и на мне. Не идиотизм ли?

— Хм... — Я был слегка озадачен. — Странные отношения.

“...странный клей...”

— Ничего странного, — не согласилась Сашенька и, чуть повысив голос, дотянулась им до второго дивана. — Эй! Дай сигарету! — Там раздалось шевеление. — Ну же! — Девушка покорно освободилась от Мануа и принесла требуемое. — Зажженную! — Голос Сашеньки звенел от раздражения. — Свободна! — Она отвернулась от “не подруги” и посмотрела на меня. — Вот и все отношения.

Я улыбнулся:

— Где же ее гордость?

“...я бы отправил тебя очень далеко в той же самой тональности...”

— Какая гордость, о чем ты?

— Принесла, не возмутилась.

“...даже не вообразить...”

— Так всегда, — осклабилась Сашенька, заглядывая мне в глаза. — Со всеми так. Я не знаю, почему. Все бегают.

— Все? — усомнился я, тогда еще очень гордый и самоуверенный.

“...я не такой...”

— Я сегодня ходила по магазинам, — двигалась дальше Сашенька. — Купила кучу вещей, как всегда. Купила прикольные носочки, хочешь посмотреть?

“...твой носочки, пожалуй, хочу...”

Девушка посмотрела в пространство у подножия дивана, и между нами появился высокий белый пакет. Оттуда материализовались два носка — веселые, цветные: одни с пчелками, другие — с Микки-Маусом. Это меня позабавило. Я с невольным интересом наблюдал это странное, ужасно привлекательное создание. Уже не улыбающееся, разглядывающее меня умными глазами тогда, когда я отвлекался, и убегающее взором, стоило мне попытаться уловить ее взгляд.

— Усталость, — подал голос пришелец откуда-то не издалека. — Она гложет меня.

“...и кстати, я не могу здесь читать головы, я их не слышу...”

— Не хочу в убежище, — наморщила Сашенька лоб, забыв о носках и без причины раздражившись. — Я пойду дальше.

“...я словно глухой, или эти головы ни о чем не думают...”

— Куда? — не понял я.

“...разве есть еще — дальше?..”

— По уровням, — пояснила она, тут же успокоившись. — Все выше и выше, все дальше и дальше. Не вижу смысла останавливаться.

— Неужели совсем бессмысленно? — чуть напрыгся я, приподнимаясь на локтях.

“...это игра?.. или ты действительно собралась меня покинуть?..”

— А что толку? — выразительно глянула она на меня. — Точка М. далеко отсюда. Это почти другая галактика. — Носки упорхнули в пакет, а тот соскочил на свое место. — Глупо продолжать далее пятиминутного диалога.

— Уже столько по три раза, — прикинул я.

“...сложный мозг...”

— И это ошибка, — констатировала Сашенька. — Потому что каждая лишняя минута это еще один шаг навстречу. — Она замерла, точно раздумывая. Лоб ее слегка наморщился, она мысленно ушла в сигарету. — Чего хорошего можно ждать? Потом ты исчезнешь, будто и не было.

— Ты не хочешь этого?

“...конечно, исчезну...”

— Сейчас мне наплевать. Но через час во мне может пробудиться сожаление.

— И я не застрахован.

“...подумаешь об этом через час, шахматная королева...”

— При чем здесь ты? У тебя будет так, как и должно быть. А себя мне жалко, — заявила Са-

шенька, нахально выискивая мою реакцию. — Я берегу себя от подобных нелепостей. Избегаю их, чтобы не состариться раньше времени, — хотнула она.

Так проявилась еще одна ее особенность. Она любила говорить на серьезные темы, легко, сопригая их с юмором, изображая все так, словно вы говорили в шутку, заставляя чувствовать неадекватность твоих переживаний. А стоило тебе перенять ее лукавую манеру, как все возвращалось к сложности и взрослому осмыслению. Эта манера по-разному кроить реальность позволяла ей с ходу заводить ссоры, путая тебя в двух противоположных крайностях, маскируя ее мнение. Она с улыбкой защищала и разоблачала собственные тезисы, доводя тебя до усталого молчания, вкуче с пониманием некой социальной деструкции, под пресс которой тебе не посчастливилось попасть.

Неведомого происхождения шум неожиданно наложился на наше восприятие. Осмысляя это, мы превратились в слух.

Вначале показалось, что звук имеет техническое происхождение, он ласково шипел, словно помехи при плохой антенне.

— Дождь, — разобралась Сашенька, видимо, правильно расценив мои пустые глаза. — Где-то там идет дождь...

— Рассудок пытается достучаться до нас, — предположил я. — Зовет обратно.

“...мой друг природный меня ищет ...”

— Стоит ли слушать его?

— Люблю дождь, — признался я, удивляясь, как сразу не узнался старый природный друг. — Это очень символично, что именно сейчас пошел дождь. — Сейчас он звучал так очевидно.

“...почему именно сейчас?..”

— Люблю дождь, — согласилась Сашенька. — Слушать его, засыпать под него, но не находиться под ним. А в чем символика?

— Как бы это описать... — Я не мог сформулировать. — Он всегда идет в мои особые моменты. У нас некоего рода немая договоренность. Когда я родился, он тоже приветствовал меня. И то, что дождь пошел сейчас, на границе нашего выброса из измерений в реальность, свидетельствует о необычности момента.

“...в необычное время необычный мальчик с необычной девочкой под необычным дождем так необычно...”

— Неужели? — Губы девушки расплавила загадочная улыбка.

— Позже я узнаю, как расценивать его сегодняшнее появление. — Я тоже слепил сложную композицию рта. — А чаще всего он идет, когда я нахожусь в точке П. Может, это означает, что данная точка предназначена для особой миссии в ключе моей жизни. Может, мне нужно побольше находиться в этой точке? Может, что-то ждет меня тут, ждет, когда я на него наткнулся там или здесь.

“...или наткнулся...”

— Или наткнулся, — засмеялась Сашенька, но тут же посерьезнела. — А вообще в точке П.

дождь не редкое явление. Одно из самых частых.

Наше положение на диване чуть изменилось. Мы пили нечто из пластмассового флакона, но вкуса я не чувствовал, следя за плавными движениями губ девушки. А она дирижировала себе очередной сигаретой.

В одну из пауз, застопорившую нас в определенных позах, на стыке амбивалентных мнений, мы услышали усталый голос Мануа, что добросил до нас банальный вопрос, который иногда не рекомендуется задавать:

— Сколько тебе лет?

— Восемнадцать, — ответила знакомая Сашеньки.

Я повторил тот же вопрос.

— Восемнадцать, — отозвалась Сашенька.

— Стоп, — сказал я себе. — Откроем пленку назад, — сказал я уже нам. — К моменту, как ты прочла “рассказик”. Вырежем остальное и приклеим вопрос о возрасте. Значит, восемнадцать?

“...не сделал ли я чего лишнего?..”

— Да, — не задумываясь, подтвердила Сашенька. — Почти девятнадцать.

Внутри меня произошли личностные трансформации. Я сфокусировал собственный глаз в совершенно ином свете, где измученная телепортациями красота девочки крепко срослась с глубокой интеллектуальной печатью, а затем расслоилась на веер воспоминаний о диалогах, родившихся на черном диване.

Все выглядело совершенно иначе.

— Ты где? — отвлекла она меня от мыслей о ней.

— Тут, — отозвался я. — Никогда бы не подумал.

“...может ли это быть правдой?..”

— Что? — прицелилась она в меня взглядом.

— Ты слишком взрослая для своих лет, — улыбнулся я. — Слишком сложные мысли приходят тебе в голову. Помню свои восемнадцать: в ту пору я радовался совершенно иным вещам. Другие цели двигали мой организм по оси достижения целей.

“...ведерком творил пирамиды...”

— Может быть. — Сашенька, видимо, не придавала особого значения моим открытиям. Являясь той, которой была, будучи всем тем, необъятным, что помню я под ее названием, моя демоническая девочка обладала уверенностью, что заложенное в нее есть прожиточный минимум, присущий всем. Если мир и делится на умных и глупых, полагала Сашенька, то она всего лишь относится к первым.

Я улыбнулся себе, мне нравилось, что она не осознает своей уникальности. Она вертела хрустальной головой, высказывая те или иные мысли, а я с удовольствием впитывал их, ныряя то в глаза ее, то в волосы. Хотелось погладить беспокойное существо, но я держал руки при себе. Я следил за ее мимикой, наслаждался реакциями. Длинные замечательные ноги одновременно покачивались, используя пластичность мебели.

Руки жонглировали предметами, что в изобилии появлялись то из ее сумочки, то из пакета. Часть доносилась до моего сведения, часть безнадёжно падала обратно.

Незаметно волосы создания оказались убраны в аккуратный хвостик позади. Вместо галактического топа воцарилась телесная майка с милым красным жуком на месте сердца, а космические шорты сменились узкими синими джинсами.

“...или я сам соткал эту иллюзию, а на самом деле все иначе?..”

— Смотри! — указала Сашенька наверх. В черной треугольной границе указанного уровня отчетливо прорезался небольшой прямоугольник. Темный цвет его размылся, и осталось стекло, на котором эксцентрично, но гениально рисовал свои полотна дождь. — Вот и она.

Я молчал, глядя во влажное стекло, за которым, несмотря на разводы, отображалась поразительная четкость. Прямоугольник манил, дождь гипнотизировал. Подмывало приказать телу не сопротивляться и, сорвавшись с дивана, улететь к этому единственному светлому пятну. Позволить ему вобрать меня, бросить в дождь. Я знал, что долго не протяну здесь, цветность моя подрагивала, истощенный организм требовал убраться прочь из этих странных местностей.

Я сканировал взглядом задумчивый профиль, медленно скользя вдоль прелестной линии лба. Глаз, упрямого рта...

“...хочу тебя...”

Неожиданно кто-то сильно и крепко взял меня за руку. Я узнал теплую и холодную одновременно ладонь. А глаза ее хозяйки плавали далеко, в новых измерениях уже внутри ее. Там, где каждое из них давало разные ответы на одни и те же вопросы, тасовало ассоциации.

Сила Сашеньки оказалась поразительна, я не чувствовал ногами плоскость, видел лишь аккуратный затылок с каштановым хвостиком. А он целеустремленно двигался вперед, маня за собою острые плечи, меня, Мануа и его спутницу.

“...куда угодно...”

Стекла на прямоугольнике не оказалось. Неизвестно, на чем изображал дождь свои картины, но когда мы достигли этого крохотного отверстия в другой мир, в лицо нам прозрачными пулями полетели ласковые капли.

Помогая друг другу, мы покинули черный треугольник с черными диванами и столами для неизвестной мне игры.

Приветствуя нас, мой природный друг усилился, лаская уже не только лица, но и тела. Руки мои распахнулись, одежда на секунду отпустила тело, чтобы тут же еще крепче обнять его.

Трое закурили, пряча огоньки в ладонях, кому-то стало не по себе, кому-то, наоборот, очень хорошо.

“...очаровательно роскошно...”

Это была неизвестная крыша неизвестного дома в одной из многочисленных маленьких точек в одной масштабной незыблемой точке П., созданной некогда кем-то по имени Петя, что

придумал это как-то и воплотил. Создал свой уровень поверх другого — природного.

Вокруг волновались шифер, антенны, чердачные выпуклости. Еще присутствовали небо, дождь, сутулые ряды домов, мрачно косящихся в нашу сторону многочисленными слепыми и зрячими глазами. Различалось несколько цветов, один мрачнее другого, но имелась очаровательная четкость и притягательность, как на черно-белом снимке. Было скользко, мокро, прохладно. Черные очки группировали что-то, что лилось на нас в виде дождя, но было не только дождем. А может, я чувствовал это один, остальные ощущали нечто другое.

— Слушай, — обратился я к Сашеньке. — Какой это уровень? — Я полагал, что она знает ответ на вопрос, который давно мучил меня. — Ведь и явное имеет какой-то уровень?

“...расскажи мне, ты же знаешь...”

— Конечно, верхний, — не сомневалась Сашенька.

— Почему? — задал я второй вопрос. — Ведь вначале оно самое низшее.

— Да, — согласилась она. — А затем самое высшее. Оно и само ядро, из которого попадаешь в измерения и уровни, оно же и оболочка, за которую нужно попасть, вырвавшись из цепких объятий телепортов. Все относительно в разных условиях, и все не так, как кажется вначале. И ты, пройдя этот путь насквозь, никогда уже не будешь тем, кем пришел сюда.

— Измерения тоже по-своему интересны, — заметил я.

“...хотя бы потому, что там можно найти тебя...”

— Это пройдет. — Сашенька не улыбалась. — Со временем. Они перестанут радовать.

— Почему же? — пробасил из-за ее спины Мануа.

— Понимаешь, бывать тут часто — значит быть частью этого. Если будешь входить в эти двери постоянно, когда-нибудь обнаружишь, что дверей больше нет, а соответственно — нет выхода. Поверь, исчезнувшие двери никогда не будут дверьми входа, только наоборот. Так все задумано тут. — Сказанное прозвучало зловеще, глаза Мануа широко распахнулись и наполнились уважением.

“...по-моему, ты себе противоречишь...”

Я снял с глаз темные очки, умалявшие изумительную резкость картинки. Дождь мгновенно смыл с лица налипшие несколько дней и потухшую сигарету.

Я убрал стекла в карман и посмотрел в мокрые лица спутников.

Они походили на пришельцев с другой планеты, перенесших массу несчастий на длительном пути в сторону большой разноцветной точки З. Попавших в аварию, столкнувшихся с агрессивной внеземной цивилизацией, испитых до дна в смысле энергии и сил и только сейчас изрыгнутых загадочным космосом на неведомую крышу неведомого дома. Сашенька выглядела спо-

койнее других, чуть наморщив лоб, она искоса поглядывала в сторону, из которой в нас палили водой. Сжатые губы имели свое мнение, к лицу прилипла интеллектуальными пятнами тяжеловесная мудрость. В глазах читалось сомнение, а сильная рука машинально мяла мои пальцы. Одежда девочки прилипла к гибкому телу, влажные волосы плотно обложили лицо, придав ей вид чуть более взрослый.

Дождь усилился в мгновение, подарив забываемый эффект схематичности, в изображении которого моя новая знакомая выглядела потрясающе.

Дождь усилился еще больше, став проливным и пряча нас друг от друга. Я шагнул к Сашеньке поближе, выцеживая из-под водяного грима эмоции и выражения. Попытался поймать глаза.

— Я не смотрю в глаза обычно, — сказала Сашенька, заметив это.

— Странное качество, — сказал я, продолжая охоту за прячущимися в дожде живыми сферическими кусочками льда.

“...а придется...”

— Еще один шаг навстречу, — пояснила Сашенька. — Поэтому — нет.

— А я люблю заглядывать в уголки глаз, — поделился я. — Люблю просто смотреть в лица, фиксируя эмоции, мимику, выражения, подсознательные игры. Если тебе это не нравится, скажи, постараюсь этого не делать.

“...но я знаю, что тебе нравится это...”

— Смотри. — Создание изобразило равнодушный вид. — Если хочешь...

Ей нравилось, когда на нее смотрели. Она больше других походила на инопланетянку. На нечто неземное, скроенное из особых материй, аналогов которым в нашем мире как будто нет.

Марсианская взрослость маленькой девочки чаровала меня, тонкий привкус уникальности призрачно ловился моими рецепторами. Я усиленно копался в области ее лица, стяжая дозволенное мне. Она старательно убегала от этого взгляда, пряча что-то, что, возможно, я мог выискать там.

Время опять зависло, несмотря на то что здесь оно существовало во всей красе и во всех разнообразных проявлениях.

В эту паузу, когда кто-то что-то делал и принимал, мы увлекались банальными вещами, которые тогда еще оставались таковыми и наполнились мистикой гораздо позже. Подобные вещи осуществляет каждый индивид на дню по несколько раз, не осознавая их внутренней жизненной силы за непробиваемой толщей привычки. Индивид допускает лишь одну ошибку: придает банальным вещам устойчивую форму. Из раза в раз делает так, как делал всегда, не понимая, что чуть видоизменения или чередования, при которых одна категория быта не смешивается с другой, плавно и изумительно окрасит несложные действия в особый замечательный цвет.

Цвет бытового мистицизма.

А-ля Малевич

Эта странная донельзя встреча произошла за несколько месяцев до описываемых событий, когда самоубийца уже стал тем, кем стал. Если можно назвать происшедшее событиями в том смысле, что отношение прыгуна к ним проявлялось более чем безучастно, в силу вообще сложного отношения к жизни, как к папке, где эти события хранятся. Их мистический фон с позиций нигилизма, частично поразившего червивую душу самоубийцы, воспринимался им словно сквозь толстое стекло в разводах, вызывая эмоций не больше, чем кино. А отчет им в качестве таковых был дан спустя время.

Декорациями явился маленький, но курортный городок к югу от точки Р., что с одной стороны подоткнут горами, обложен призраками облаков, которые в свое время поймались на острые пики и вынуждены были там умереть. С другой же — сросся с зеркальным, но мутно-

ватым полотном моря, которое лениво и вечно утюжат полусонные баржи и промысловые корабли.

Стояла невозможная жара.

Она размягчала сталь и камень, превращала брюнетов в блондинов, непреклонно озадаченная целью сделать людей братьями, окрашивающая их по одному типу и одевающая всех в черные очки.

Берега, сложенные из мелкого камня, полнились телами и зонтиками. Черные фигурки торговцев прыгали по пустующим клеткам, разногласие предлагая холодное пиво, сушеную рыбу и золотую кукурузу.

Был утренний бар, где полумрак съел возможную видимость далее трех метров. Металлические конструкции генерировали образы барной стойки, клиентских посадочных мест, металлических ступеней, соединяющих первый этаж со вторым. Мерцало энное количество плоских экранов, где круглосуточно и наглядно транслировались актуальные тенденции моды. Электронный бит, рикошета от многочисленных плоскостей, шрапнелью басов поражал нервные уши редких в это время посетителей.

В последнее время я превратился в завсегдатай. Здесь в утренние часы отпивали кофе редкие гости, в обеденное время возникал острый дефицит посадочных мест, вечером вообще было не протолкнуться, а ночью разворачивалась дискотека суховатой электронной музыки. Соби-

рался разнообразный люд на ритуальные танцы в честь некоего современного языческого бога.

Моей основной пищей, как материальной, так и духовной, частым спутником, своего рода атмосферой, в то неожиданное время оказался необузданный зеленый напиток — абсент. Он окрашивал в свои болотные тона мой флегматичный замкнутый досуг. Тогда на фоне общего эмоционального штиля, того, что бывает перед диким штормом, рождались порой взрывные извержения чувственных вулканов.

Действо обычно начиналось так: рано утром, плавный донельзя, в шортах и шлепках, я вплывал во всегда распахнутые двери замечательно-го бара.

В полумраке и прохладе лениво заказывал и дожидался металлическую посудинку с подозрительно замершей в ее естестве маслянистой жидкостью инопланетного цвета. Изредка бросал взгляд в сторону прямоугольника входа, за которым горел огнем песок, чуть дальше лизало берег фиолетовое море, и на фоне роскошных гор покоились вдали будто рисованные баржи.

Опрокинув в себя колдовскую субстанцию, я недолго маялся на пупырчатой коже дивана, прислушиваясь к стремительному путешествию абсента по заданному пути организма. Кровь нагревалась, в голове появлялась отчетливая ясность цели и значения моего тут пребывания.

Самое забавное, что никаких задач передо мной не стояло. Я приехал, озадаченный исклю-

чительной тягой к безделью, острозаточенным желанием отвлечения от ртутных паров, являющихся эхом одного человеческого существа и агрессивно парящих внутри ангара моей души.

Прочувствовав, что зеленая волна улеглась, я воспарял и с легкостью нырял в горячий прямоугольник, пересекая границу параллельных миров с необычайным воодушевлением. Душу мою переполняла радость от яркости песка, что вгрызался в мои шлепки, от обилия коричневых тел, невольно рисовавших своей загорелой целостностью фантасмагорические картины, от аляповатых вкраплений зонтов. Ощущение пламенной родственности наполняло меня точно фужер.

Счастье от осознания этой концепции, как пузырьки шампанского, отрывалось из области паха и стремилось вверх, к голове, прикосновением своим рождая новый прилив искристого тепла.

По мере приближения к постепенно зеленеющему морю пакет в моей руке раскрывался. Оттуда выпархивали полосатое полотенце, узкая фляжка с изумрудным зельем, пара концептуальных журналов “Мэнз Хэлф”, пара книг, попеременно читаемых мною, колода карт, плоский блин надувного матраса, крем для загара и пачка сигарет.

Этот скаруб я в вольной системе располагал на бережке, нетерпеливо поглядывая в сторону зазывно плещущихся волн.

Перед тем как осуществить бросок в параллельный мир гидросферы, я раскупоривал зер-

кальный металл еще одной параллели. Флегматично прикладывался пару раз, поджигая собственную кровь и с наслаждением наблюдая, как инфантильное море приобретает неотлично абсентный оттенок. Системы координат постепенно начинали сдвигаться, образуя связь, стягивая в общий четырехмерный мир реальность суши, воды, меня и абсента. Солнце спускалось пониже, дабы сварить этот симбиоз. После чего одним прыжком я вонзался в податливое тело жидкого космоса.

Море не сразу принимает тебя.

Первые несколько дней на отдыхе я не особо стремился к купанию. Вода точно отрыгивала мое молочное тело, норовила забраться в нос, уши, легкие. Я не чувствовал себя одним целым с соленой водой, а значит, не ведал чувства безопасности, которое необходимо для состояния личного комфорта.

Прошло немного времени, плечи мои обуглились, лицо запеклось в привлекательной маске загара. Я слился с югом, я перестал быть НЛО в стране песка, солнца и поджарых ягодиц. Море ответило мне благосклонностью. Именно тогда буйки остались далеко позади.

Мы подружились.

Теперь море само показывало мне свои миры, мои руки хватались за песок глубоко под водой, пытаюсь удержаться. Я висел на камнях, не торопясь всплывать. Когда мозг все же заставлял это сделать, конвульсирующее тело взметалось над

водой, а перед широко распахнутыми глазами плыли темные круги.

Нередко подводный мир, выкрашенный в изумрудные тона, начинал полниться образами, характерными для земных реалий. Я видел целые города, изогнутые стержни небоскребов, растущих из тьмы в тех местах жидкого пространства, где уже не существует дна. Множество мелких деталей: светофоры и птицы, реки в море и целая жизнь, которую ткало воображение. В тот момент мысли являлись материалом, из которого экранное полотно моря плело реалистичные картины.

Когда, обессиленный, я добирался до суши, распухшими руками начиная чувствовать сокровища гальки, выпадая из воды с изнеможением старого астронавта, моя мускулатура вопила. Тело сотрясало в нервном тике, а женщины, в одиночестве зазывно коптящиеся на солнышке, вдумчиво созидали мой ползущий к полотенцу образ сквозь линзы черных очков.

Ненадолго я застывал на тканом прямоугольнике, метящем мое место, забываясь в вожделенном спокойствии недвижимости. Но спустя минут десять солнце заправляло до краев мои батарейки, и рука оказывалась способна вновь схватиться за зеркальную сущность фляги.

Я делал два раскаленных глотка, топил посудину в песке, чтобы поддерживать температуру. Обильно мазался кремом, медленно, но верно надувал морского цвета матрас. Бросал его на

воду, брал флягу, глянцевого журнал и, оттолкнувшись от берега, клал его на лицо, чтобы снискать отвлечение и оказаться в нигде.

Дыхание мое точно пропадало, и в тот момент появлялся странный звук, который я и те, кто его когда-либо слышал, называли “электростанция”. Он весьма специфичен. Это дыхание невообразимой мощи.

Кажется, будто рядом находится гигантский государственный объект, вгрызшийся вечным фундаментом в горячий песок, где есть только ты и он — на большое количество километров. Исполосованный бритвенными нитями проводов, угрожающе гудящих от пропускания сквозь свое существо электрической вселенной, исполинской силы, распределяющейся по всему миру и рождающей жизнь, подобно сердцу. Рельефные ребра аккумуляторов, подпирающие небо вышки, окислившиеся от перерабатываемой ярости батареи, тысячи распределительных щитов со страшными значками, обозначающими смерть. Быстро стареющие от работы тут люди, и постоянный незыблемый гул, вкрапляющийся в сознание и будто гипнотизирующий тебя. Почему-то мне казалось, что мир будущего должен быть насыщен постоянным присутствием такого звука.

Приходил в себя я уже поздно вечером, когда солнце начинало клониться за горы, берег прослеживался в расплывчатой дали, фляга пустела, а кожа, постоянно смазываемая кремом, тем не менее тревожно саднила.

Чтобы проснуться окончательно, применялось море, чьи соленые объятия вмиг растормаживали полное зеленых зайчиков сознание. Обожженное тело благодарно млело, а ввевшаяся в слух “электростанция” неожиданно сквозь толщу границы миров принималась звучать по-особому. Это на-поминало приглушенный шепот, в котором ныне отчетливо помнилась окоlesiца: “кевин кваазен, кевин кваазен, геквакен геквокен, кевин кваазен, кевин кваазен, геквакен геквокен...”

На берегу меня ждал слегка уменьшившийся пляжный рисунок.

Я подбирал полотенце, прятал в него раскаленные плечи, вооружался колодой карт, с которой в свое время научился обращаться очень даже бойко. Коричневые ноги волокли меня к ладной фигурке побледнее. Я пускал пыль в глаза хорошенькой головке, отражаясь в ее черных очках, гадая на ее судьбу и в любом случае нагадывая ей себя.

Вечер мы проводили вместе, я открывал жажущим впечатления курортницам зеленый мир абсента. Мы пили, проводя пространные беседы, затем вливались в электронный ритм, отдавшись пластической хирургии тьмы и неона, что правили наши движения, черты и мысли, которые потом сплетали наши тела в необузданном поцелуе.

Оплавленные тела и души требовали немедленного внимания, Мы уединялись в моем или не моем номере, где замечательная девушка на

изломах белоснежной простыни до утра мазала меня маслом.

Обычно и однажды я проснулся после подобного развития событий уже ближе к вечеру. В комнате оказалось жутко накурено, кроме того — жарко. Валялась разнообразная посуда, пепельница поросла окурками. В кровати рядом никого не было, хотя память выдавала туманные образы, пляшущие на фоне языкатого пламени ядовито-зеленого цвета.

Меня затошнило сразу же, как я пришел в себя.

Затем исчезло молоко, пакет которого я выпил залпом. Сигарета наполнила мой номер кривыми линиями брожения по выжженной земле собственной памяти. Картинки мельтешили. Проявлялась ложная память либо реальные воспоминания — понять я не мог.

Посмотрел в распахнутое окно и увидел жаркий день часов около пяти. Коричневые фигурки,двигающиеся по кривым своих задач, множество разомлевших котов, покоящихся на траве. Зигзаг морщинистого тротуара, что вел узкую дорожную ленту, размежеванную редкими ступенями, вниз, сквозь лиственное изобилие — к морю.

Через час в холодильнике нашлась запотевшая бутылка ледяного пива. Я с небывалым наслаждением влил ее в организм, чувствуя, как он просыпается и начинает со скрипом крутить многочисленные шестеренки. Вяжущая тяжесть вытравилась из головы, кости блаженно захру-

стели, и даже тонкий бутерброд оказался способен незаметно проникнуть в меня.

Я надел ярко-красную майку и ярко-синие шорты. Гостиничный номер не был сейчас родственен моему состоянию, поэтому я планомерно организовал целлофановый пакет с традиционным набором предметов. В промежутке на полу обнаружилась женская шпилька, что, вызвав во мне умиление, оказалась в кармане шортов. Убирать я поленился и, не слушая попискивания чистоплотной души, метнулся на улицу.

Дорожная лента оказалась многолюдна: по пути встретилося большое количество шоколадных женщин в купальниках, с тяжелыми копнами разноцветных волос, с большими улыбками, с различными предметами в руках. При некоторых шлепали такие же темнокожие дети. И все они смотрелись очень совершенно. Мне стало приятно, что я такой же темный, цветной и совершенный.

Дорожка закончилась крупной галькой. Впереди — метрах в ста — море домогалось берега. По правую и левую руку существовал малый пляжный бизнес, множество разноцветных зонтов полнили собой видимость, а со стороны чужих берегов медленно, но настойчиво плыла воинственная тучная гряда. Дожди не были редкостью, но проходили безболезненно, часто при ярко-слепающем солнце, и большинство пляжников даже не меняли позы или пережидали его в теплой воде.

Я увидел стремительное приближение дождя. Галька, по которой он ступал, однолико чернела, секунда — и поток захлестнул меня. Но такой теплый дождь сулил лишь удовольствие. Тело двинулось ему навстречу, ощущая летнюю нежность, лижущую лицо, слегка разведя руки, чувствуя необыкновенный душевный подъем и природное единение.

Точкой стремления, как обычно, для начала стал круглосуточный бар. В его ультрафиолетовые застенки шагнул я из влажных объятий, как из иной реальности, сквозь прозрачные помехи телепортаций. Закуривая на ходу, канул в электронный сироп, что именно сейчас оказался замечательно вязок.

Попросил абсента, упал в самом темном углу, мерцая синим лицом в дрожащем свете неоновых ламп. Глаза пробежались по сторонам, но народ плавился на пляже, не страшась дождя.

Я отвлекся на монитор неподалеку, где рассеянно прогуливались девочки в бикини.

Экран был идеально квадратным. Я следил за динамической сутью, плавно начиная проникать в сразу недоступное мельтешение. Оно после первой стопки абсента приняло затягивающий характер, а после второй — по углам отчетливо проступили изумрудные тона. Колесания множества линий женских тел получили внутреннее продолжение. Я увидел множество преломляющихся теней, исполняющих сложные сексуальные игры с мужским подсознани-

ем. Мгновение — и тени отбросили собственные отражения, а мимическое эхо размножилось до десятка повторов.

Я поводил взглядом, с удовлетворением заметив, что оказался способен править бал теней по собственному разумению, а через него и происходящее на экране. Девочки забегали по несвойственным им точкам координат, исполняя произвольную программу. Спустя секунду они разделились на пары и принялись жарко целоваться.

По краям подиума, который осваивали модели, стояли поразительно узкие вазы с нереально толстыми букетами цветов. Я подбросил один, другой... Цветы сродни природному фейерверку слили в гармоническое целое происходящую на экране вакханалию. Там уже отстреливались бюстгальтеры и рвались тонкие ниточки трусиков. Но один букет я не смог подбросить, пришлось выпить четвертую стопку адского пойла. Я собрал всю магическую волю, зеленые импульсы которой видел то между пальцев, то в области груди. Но сделать ничего с проклятым букетом не удавалось, хотя прочую картину я давно завертел в порнографическом вареже.

Я заметил еще одну любопытную особенность: при массировании глазами упрямого букета неожиданно принималась шалить моя температура — из жара в холод, и наоборот. И другое странное ощущение мелькало внутри черепной коробки — я сравнивал тела моделей с собственным телом, а что могло быть удиви-

тельнее? Стоило отвести глаза — все проходило, стоило глянуть на демонический букет, как я начинал ощущать лишние наросты на теле. Вполне определенно — женскую грудь и тяжелую копну волос на голове.

Непродолжительные эксперименты вывели еще несколько причуд: настроение мое из пьяно-радужного менялось на цинично-тревожное, пальцы рук удлинялись, вооружая их кончики длинными цветными ногтями. Под стать всему в голове родилась философская концепция с зеленоватым фундаментом. Эта теорема звучала примерно так: даже беспорядочный мир абсента, поддающийся коренной правке, имеет точку незыблемости, которая не правится, не меняется, и общий смысл, и предназначение, и намек которой в том, что реальность — субстанция твердая. Теорию казалось необходимым подтвердить, а соответственно — проанализировать, замешать в колоду наук, обнаружить нечто, прямо или косвенно подтверждающее или опровергающее выведенное.

Этим я и занялся, решив проследить точку и прочертив диагональ в противоположную сторону, где с прискорбием ученого увидел человеческое лицо.

Женское, бледное, определенно красивое, в черных очках, в большой соломенной шляпе. С выбивающимися сажными прядями, с нервно дергающимся в приступе хитрой улыбки уголком рта, с сигаретой в другом уголке, аналогич-

но мне абсентирующее на этот мир за точно таким же столиком.

Экран меня уже не интересовал. Я поднялся и твердой поступью с точки зрения абсента побрел к странной девушке, испытывая к ней чувства, подобные тем, которые испытал бы астронавт, встретив другого землянина на Марсе.

— Что это было? — так прозвучал мой первый вопрос.

“...ты знаешь, Расскажи...”

— Точка соприкосновения, — ответила девушка, не менее внимательно разглядывая меня.

— Я не знаю, что это, — признался я, немного подумав.

— У всех людей она есть, нужно уметь ее найти. — Девушка словно и не удивилась мне. Ультрафиолет окрашивал ее лицо в синий цвет. Голос был будто знакомый.

— То есть попросту наши взгляды пересеклись?

“...в точке С., благодаря чему точки А. и Б. обнаружили присутствие друг друга...”

— Попросту, да. — Узкое тело помещалось в белом льняном костюме, рука не помнила о сигарете.

“...более того — даже сместились, на время соприкосновения обнаружив единую точку — АБ...”

— Забавно, я почувствовал твой взгляд. И в тот момент словно на секунду оказался в твоём теле.

“...ничего себе так тело...”

— А я — в твоём.

— Как тебе?

“...забавно, я так давно в своём теле, что даже определённо сказать, что значит быть мной, пожалуй, не смогу...”

— Мое лучше.

“...кто бы сомневался...”

— Я присяду?

“...только не глупи, малышка, не нужно казаться сложнее, чем ты есть...”

— Присядь.

“...”

Я оседлал металлический стул и вонзил локти в гладкую поверхность столешницы. Сосредоточился на том глянце кожи, который мог видеть, пока девушка полулежала на ласковых пупырышках кожаного дивана, так же внимательно копошась в моем образе.

— Как тебя зовут?

— Аля. Малевич Аля.

— Почему ударение на “я”?

— Потому что так оно и есть.

— А я — Родион, и меня надо любить, как родину. — Поддразнивая ее, я так же переставил ударения в слогах. — Ты давно тут?

“...мог ли тебя я не заметить...”

— Только пришла. Меня, как и тебя, принес дождь.

— А точка соприкосновения... она есть всегда или только сейчас?

“...или только в случае определенной связи — эмоциональной либо...”

— Всегда, только о ней мало кто знает, да и обнаружить ее нелегко. Люди ведь большую часть времени проводят в той или иной степени динамики, а если и сталкиваются, то не успевают понять, списывают на “показалось” и забывают.

“...какое сложное мозгоустройство...”

— А какая польза от этой точки?

“...есть же в ней внутренний смысл...”

— С ее помощью люди иногда находят друг друга. Кроме того, если научиться ее ловить, можешь читать голову человека, как книгу. Правда, есть нюанс — ее очень трудно удерживать, поэтому ты обычно видишь клочки чьих-то мыслей. — Девушка выглядела очень серьезной, если не считать нервный уголок рта. — Допустим, ты сейчас пытаешься понять, где ты меня видел.

“...странное ощущение наготы...”

— Знаешь, я будто и вижу тебя, и не могу запечатлеть твой образ в памяти. Кажется, я знаю тебя, но не знаю — откуда.

— Тьма и неон — лучшие пластические хирурги. С помощью твоей эйфории они сейчас рисуют то, что ты хочешь видеть.

“...кто ты?..”

— Мне приходила эта мысль в голову. Есть еще третий хирург — абсент.

“...ты украла ее оттуда?..”

— Должна была, ведь это очевидно.

— Так я тебя знаю?

“...не умничай, детка...”

— Нет.

— Ты говоришь, словно не уверена.

“...я слышу, как тренькают хрусталики лжи в твоём голосе...”

— Наверное, это ложная память.

“...так ли это?..”

— У тебя очень красивый голос, я не знаю его, но как будто я знаю твои интонации.

“...твоя манера складывать слова, окуная фразы в ванночки эмоций...”

— Это сложная манера знакомства?

— Я пугаю тебя?

“...теперь будет такой...”

— Нет. Я сама способна напугать кого угодно.

— И я не из пугливых.

“...ибо я знал самую жуткую из женщин...”

— Знаю.

— Так ты знаешь меня?

“...не много ли ты знаешь или пытаешься сделать вид, что знаешь?..”

— Нет. Но я знаю твой социотип.

— И что же это за социотип?

“...самому любопытно...”

— Мой тип мужчины.

— Приятно. Может, пойдём на пляж? Хочется запомнить тебя, кажется, свет в этом поможет. Я мог бы взять немного абсента, мы могли бы поговорить. Люблю говорить на самые разные темы.

“...и очень люблю, когда меня целуют в шею...”

— Абсент. Интересный выбор.

— Как вижу, в нем я не одинок.

“...и над твоей головкой выются эльфы...”

— Симпатизирую я цвету.

— Идем?

“...и сменим этот шум на шепот моря...”

— Зачем?

— Диалога ради. Не более того.

“...а по камням твои чернильные я распле-
скаю пряди...”

— А кто тебе сказал, что я нуждаюсь в диалоге?

— Желания, которым изумрудный цвет при-
сущ, известны мне, поэтому тебя зову я в сто-
рону песка, и пусть вода нам лижет ноги. — Так
запустился код, которым я легко настроил ее го-
лову на нужные мне желания.

Аля протянула свои пальцы. Берясь за кончи-
ки их, я ощутил холод, идущий из глубины ее, от
самых пяток, погруженных в минималистские
вьетнамки.

Посредством алкогольного облака, в цепкие
объятия которого она была глубоко инкрустиро-
вана, я видел ее нетрезвую ауру. Она повисла у
меня на руках. За несколько секунд я успел вни-
мательно покопаться в поле ее внешности, на-
сколько это позволили ее непроглядно-черные
очки и отбрасывающий тень диск соломенной
шляпы. Я не узнавал ее, но странное ощущение
старого знакомства не уходило.

— Ты красивая, — почти машинально сказал
я. В этот момент мне казалось, что сейчас, когда

я поддерживаю ее за талию, мы вращаемся вокруг своей оси вопреки законам гравитации.

“...ты красивая, Малевич...”

Я купил еще бутылку абсента, зеленую и таинственную. Придерживая спутницу, которая была уже далеко впереди погружения в изумрудный мир, я вывел наши тела на пляж.

Мгновенно стемнело.

Вместо шести вечера в секунду наступила полночь.

Вокруг престранно никого не оказалось, любимый бар неожиданно отделился на сотню метров, а впереди волнующе задышало море.

Взгляд мой привлекло небо: на его чернильной сущности в режиме реального времени появлялись звезды. Я с легкостью распознал несколько созвездий, некоторые из них могли быть известны даже астрологической общественности.

— Мистика, — охарактеризовал я происходящее, закатывая ее льняные брюки до колен. — Скидывай тапочки!

Малевич будто ничего не заметила. Сбросила вьетнамки и побрела в сторону, словно намеревалась на этой ноте прекратить наше общение. Я не стал вмешиваться, двигаясь чуть поодаль. Пуская себе за спину никотиновые шлейфы, прекрасно зная — чуть агрессивное незнание собственного “хочу” быстро сменится принятием любого дружелюбного сценария.

Аля вскоре устала, непослушное тело накрепко, и она села на гальку, в трех шагах от

воды. Сбросила шляпу, но осталась в огромных очках, под которыми маскировалось интригой ее аккуратное лицо. Волосы сажными колечками рассыпались по плечам, она была отличительно бледной в загорелой галактике. Босые стопы салфеточного цвета машинально играли с мелкими камешками, захватывая пальцами их и отпуская.

У нее имелась ярко-коричневая родинка, замечательно посаженная чуть ниже левой линзы ее загадочных очков. Это была необычная деталь, и она обладала гипнотическим эффектом. Уловив ее, я понял, что оставшаяся целостность окружения исполнена в черно-белых тонах, тогда как единственный иной цвет на этой палитре мгновения — ее родинка. Стало ли так сию секунду либо было издавна, выяснить оказалось проблематично.

Треснуло кольцо крышки, и зеленый джинн выбрался на волю.

Аля улыбалась мне странной улыбкой. Чувствуя это профилем, я пытался расшифровать ее рот. Но улыбка могла означать что угодно.

Высоко в темноте человеческим голосом вопила чайка, казалось, что я разбираю отдельные слова.

— Чему ты улыбаешься? — спросил я наконец, меланхоличной струйкой цедя зеленого змия в крошки-стопочки.

“...абсентное мое дитя...”

— Тебе! — Улыбка стала еще острее, полоснув мой воспаленный абсентом мозг.

“...сам ты дитя...”

— Что забавного во мне?

“...надеюсь, ты не хочешь меня обидеть...”

— Ты сам, — ответила она, а улыбка ее все росла, занимая уже большую часть лица. — Такой пьяный и самоуверенный...

“...плохо ли это?..”

— Не менее пьяный и не менее самоуверенный, чем ты, — парировал я, протягивая ей стопочку, подмигивающую чарующим изумрудным оттенком. — Видишь, как мы похожи.

“...почти одно целое, а ведь в этом смысл нашего диалога и сотни других диалогов, способных родиться на этом побережье между мужчиной и женщиной...”

— Даже более чем ты думаешь, — ответила она. — Я думаю... ты сможешь меня защитить. — Наши стопочки сошлись в коротком поцелуе, после чего мы направили зеленое пламя под кожу и кость наших голов. — Сможешь?

— Защитить? — Я выдержал паузу. — Пожалуй, смогу. Тебе кто-то угрожает? — Я откинулся назад, оказавшись на боку и захватив ее полностью в свой взгляд.

“...сейчас я способен защитить даже себя от себя...”

— Да, — мягко проворковала девушка, пьяные глаза ее были потрясающе глубоки. — Мне угрожают джинны.

“...хм...”

— Джинны? — не понял я.

“...не пристрастна ли ты к абсенту настолько, что тебе уже требуется иная помощь?..”

— Я поселилась в нехорошей квартире. Думаю, там кто-то умер насильственной смертью.

— С чего ты взяла?

— Меня опять душили джинны этой ночью.

“...бедная детка, я сразу заметил странный блеск в твоих глазах...”

— Не веришь? — негромко, но с пламенем в глазах спросила Аля.

— С чего ты взяла? — с каменным лицом не согласился я.

“...как глубоко ты зришь, мне даже чуть не по себе...”

— Я умею читать нашу точку соприкосновения, ты забыл?

“...забудешь тут...”

— Не много ли вопросов за одну единицу времени? — Я заткнул вредный рот сигаретой, то же сделал и с собой. — В любом случае у тебя есть возможность доказать мне наличие этих самых джиннов. Ведь так?

Лица наши непроизвольно сближались. Мы оказались очень близко к тому, чтобы начать дышать дыханием друг друга.

— Каким образом? — прищурилась она.

“...ничего премудрого...”

— Ты пригласишь меня к себе, — невозмутимо произнес я, вцепившись взглядом в ее глаза и стараясь думать о хорошем. — Увидишь, джинны не придут. — Мое лицо плавно покачивалось над ее чертами.

“...но самого шайтана ты увидишь...”

— Я-то приглашу, — улыбнулась Аля большой улыбкой, и в лице ее не промелькнуло страха. — Только не убежишь ли ты, увидев бесов? — Неожиданно она прикоснулась ко мне губами. Область щеки воспламенилась, пустив электричество по всему телу, что откликнулось разнообразными реакциями.

“...джинны — это детский плач...”

— Они ужасны? — Я очень нежно дотронулся губами до ее лица, чуть выше губ. — Я совладаю с ними. — В то время руки мои нехитрыми манипуляциями вновь наполнили наперстки.

— Они огромны, а ты жалко мал. Они свирепы, молниеносны и издают ужасные звуки. — Аля распахнула глаза, по углам их заматались тени. Мне показалось, я увидел там нечто самостоятельное. — Они нападают, они смеются, они тянут огромные руки и хватают за горло и, что-то крича и хрипя, хохоча, душат. — Голос ее усилился. Мне стало вдвойне не по себе, поэтому я стремительно выпил, маскируясь нарочитой небрежностью. — Они сильны. — Она выпила вслед за мной. — Самое страшное — утром помнишь об этом, помнишь их, но описать не можешь... не можешь сказать, что видел конкретно. — Она несколько раз жарко и больно укусила каждую мою губу. — Ты уверен, что справишься?

“...сейчас я слишком трансцендентален...”

— Да, — сказал абсент моим ртом. — У духов нет шансов.

“...почти неуязвим...”

— Ты смелый, — неожиданно посерьезнела Аля. — Это хорошо, мне не нужен слабак. С иным настроем не победить.

— Да, я такой, — согласился я сквозь очень мужественную улыбку. — И с настроем у меня все тип-топ. Но для начала мы искупаемся. Ты не против? — Зеленая эссенция полилась в меня прямо из бутылки.

“...хочу увидеть тебя без одежды...”

— Нужно ли?

— Более чем, — сухо нажал я, кусая ее нижнюю губу. — Мы должны смыть наши грехи, прежде чем я вступлю в неравный бой с джиннами. — Я улыбнулся ей. Но Аля осталась сурова. — Чтобы Бог был на моей стороне. — Гремя галькой, я размашисто занял положение “на ногах”.

“...если мне суждено погибнуть в схватке с джиннами, я хотя бы должен знать, за что...”

— Что-то мне страшно туда...

Вода в оформлении ночи походила на чернила. Лунный отблеск демонически дрожал на жидкой ряби, и цвет его не был белый, больше — зеленоватый.

— Там хорошо. Я буду держать тебя за руку. — Я поднялся на ноги и молнией лишил себя майки. Загорелое тело отчетливо контрастировало с мраморной кожей новой подруги, параллельно я закурил и остался лишь в плавках и с сигаретой.

“...как я тебе?..”

Девушка привстала, ноги держали ее с трудом, и, резким движением расслабив тесьму на поясе,

я самостоятельно лишил ее брюк. Слабая ткань упала на правильные стопы, еще движение — и клепки на льняной рубашке распались. Уже ничто не могло удержаться на стройном теле.

Нижнего белья не оказалось. Взгляду предстала естественная красота молодой плоти, где линии, разбегаясь чуть выше, ниже сливались в единое целое, чтобы вновь разбежаться и слиться опять, образуя непорченную излишествами эстетику с легким изумрудным налетом.

Несколько секунд я молча созерцал, ослепленный увиденным, тыльными сторонами ладоней едва касаясь лунного глянца совершенной кожи.

— Боже, какое идеальное мгновение, — изрек я, глядя в вопросительные омуты новой знакомой. — Совершенная ночь, совершенное небо, восхитительный пляж с совершенными звуками совершенного моря, под этим покровом совершенство молодости, два цвета кож... Как красиво... Нам необходимо слиться со всем этим, — добавил я стремительно и, обгоняя возможные ее реакции, потащил за холодную руку к непроглядной глади загадочных вод.

“...слияние — очень красивое и многозначительное слово...”

“...черный король и белая королева...”

— Я должна пописать, — заявила Аля и остановилась, забрав свою руку себе. Иллюзия совершенного чуть расслоилась, но усилием воли я собрал слои в узел, наложив все вытесняющую призму идеализации.

— Пожалуйста. — Я не стал бороться с природой. — Ты знаешь, где меня искать. — И с шумом поменял твердую реальность на жидкий мир.

“...найди же меня скорее...”

Я максимально долго пробыл под водой, дабы дать возможность Але ощутить себя одиноко, как в контексте реализации физиологических нужд, так и в психологической провокации желания общества. Когда я вернулся на поверхность, млея от томных ласк моря, берег оказался чистым. Нигде не было видно ни нашего бара, ни моей одежды, ни странной девушки. К этим обстоятельствам я отнесся никак, лишь чуть удивившись, насколько возможно сквозь отупляющее зарево абсента. Нырнул еще раз, призрачно надеясь, что картинка сменится. Но все представило таким, как секунду назад.

— Дура, — резюмировал я, плавно покачиваясь на воде.

Призма всеобщего совершенства начала рушиться на моих глазах. Противоположные стенки хрупкой конструкции разъехались, потеряв связывающую целостность. Разбивая друг друга, они рухнули мне на голову, обдав берег, море и меня ливнем стеклянных брызг. Стало некомфортно.

Я почувствовал ногами твердь, стопы неуютно жгли осколки бывшего совершенства, усеявшие подводную плоскость. Меня понесло на сушу, где я вдруг осознал свою полную наготу. Область паха светилась знакомым мне цветом.

Вертясь на месте от осознания описанного, я наступил ногой на нечто холодно-металлическое. При ближайшем анализе предмет оказался моей флягой. Машинально я поднял ее, отвинтил крышку, допил то пламя, что в небольшом количестве там имелось. И тут ощутил, что руку мою сжимают.

— Соскучился? — широко улыбаясь, спросила Аля, по-прежнему нагая, с зеленоватым фосфорическим светом в области глаз и нежных мест.

— Где ты была? — удивленно спросил я.

“...а-ля Малевич...”

— Тут и была, — заявила девушка. — Едва вытащила тебя из воды. Ты словно решил поменять место жительства, нырнул и не хотел выныривать. Я даже испугалась. А потом упорно отказывался говорить и, мне показалось, видеть. Зачем-то утопил свою и мою одежду. Абсент играет с тобой в злые игры, мальчик.

“...абсент ли?..”

— Если вдруг потеряешь меня опять, — продолжала Аля, встав ко мне лицом и рукой оглаживая мою ягодицу, — ты всегда сможешь отыскать меня тут, дорогой. — Она хохотнула, а я поцелуем проглотил этот смех.

“...заткнись...”

— Прямо тут?

— Тут прямо, — поддразнила Аля и уронила свой взгляд. Я машинально проследил за ней и увидел узкую женскую стопу, пальцами переворачивающую одну из составляющих большого

семейства гальки. На этом плоском рыжевatom камешке, не выделяющемся из общей массы, с обратной стороны оказалась приклеена цифра. Я с трудом сфокусировал взгляд и увидел — “13”.

“...чертова дюжина...”

— Захочешь увидеть, — повторила Аля тяжелым дыханием в мое ухо, — переверни этот камешек и там найдешь меня. — Голова моя затряслась мелкой сладострастной дрожью. — А пока — пусть он смотрит вниз. — Пальцы ее цепко изловили мистический катыш и перевернули прежней стороной.

— Как же найду его в этом море гальки? — задал я удивительно разумный вопрос, случайный в ауре зеленоватой самоуверенности. Губы мои тем временем гуляли по лунным просторам ее плеч.

“...сложные ребусы ты задаешь мне, крошка...”

— Захочешь — найдешь, — сухо заявила девушка. — А не найдешь, значит, не хотел. Я буду помогать, ведь это не море гальки, а море Альки! — Она хохотнула, теряясь устами в области моих губ. — А сейчас у нас задача посложнее.

“...какая же, сложная девочка?..”

— Каким образом мы доберемся до меня без одежды? — спросила Малевич. — Ты ведь утопил все, во что мы могли спрятать наготу.

“...притворимся, что невидимы...”

Неожиданно я понял, что почти не говорю вслух. Тем не менее диалог не утихал, и Малевич прекрасно меня понимала.

— Хорошая идея, — резюмировала она. — Тогда необходима сыворотка невидимости. — Откуда-то из-за ее спины появилась старая плоская бутылка абсента. Почти пустая, с крохотным осадком на самом дне ее, который мы в тот же миг поделили.

Изумрудное мерцание усилилось. От паха странный свет пополз на грудь и ноги. Мгновение — и даже глаза наши вспыхнули злыми огоньками. При этом напрочь отсутствовала линия, разделяющая тела.

“...мы невидимы...” — не раскрывая рта, поведала девушка.

Ее рука вплелась в мою и потянула в сторону, голое тело слепило фосфорическим блеском. Среди ночи ярче нас горела только луна.

Передвигались мы быстро, я едва успел заметить, как где-то в углу глаза промелькнул бар, в котором мы познакомились. Подле него покачивались в такт музыке люди, не обратившие на нас внимания. Далее понеслась невыносимо долгая лента пляжа, назойливо разматывающаяся из-за горизонта. Как только мне это надоело, пейзаж сменился каменными ступеньками куда-то высоко вверх, куда попали мы быстрее, чем можно было ожидать.

Мы шли по узкой тропинке, освещенной тусклыми фонарями, среди густых зарослей кустарников будто марсианского происхождения.

Пляски с джиннами

Мы прошли мимо человека, курившего сигарету и выглядевшего задумчивым. Он не повернул головы в сторону двух голых молодых людей, мечущихся по периметру курортной зоны. Перемещение наше было более чем бесшумно, говорить мы могли, не издавая звуков.

“...тепло — внутри и снаружи...”

“...такое доброе ощущение, точно это наше общее тепло, а не каждого по отдельности...”

“...смотри, люди...”

“...наше месторасположение сейчас несколько смещено, они не могут видеть нас...”

“...месторасположение?..”

“...график на оси координат, наши точки не совпадают...”

“...наши совпадают...”

“...ты понимаешь, о чем мы... это приятно...”

“...ты светишься...”

“...вот и дом, а там джинны...”

“...пугаешь?..”

“...предупреждаю...”

“...мило...”

“...можешь передумать, можем пойти к тебе...”

“...нет...”

“...они могут не прийти, они приходят не каждый раз...”

“...не имеет значения, я никогда не видел джиннов, поэтому страх мой беспредметен, любопытство легко справляется с ним... не мне тебе объяснять, какое это безрассудное любопытство в моем состоянии...”

Маленькая гостиница была сконструирована целиком из дерева, деревом обшита, имела приятный лесной запах, который защекотал легкие, как только мы заскрипели скользким паркетом.

Консьерж проигнорировал нас, склонив голову над газетой, пока под мелодию досок мы осваивали лестницу. Она приблизила к нам третий этаж, где в коридоре мы вычислили ту самую замечательную дверку, к которой подошел ключ, неведомо как сохранившийся у Малевич.

“...милый дом...” — беззвучно пропела она, кружась и таким образом вplывая в лоно собственной квартиры.

“...почему я слышу тебя, а ты слышишь меня?..”

“...точка соприкосновения, милый... каким-то образом мы не теряем ее сейчас, мы настроились на одну волну... жаль, но это пройдет...”

“...может быть, нет...”

“...да, дорогой, да...”

Номер выглядел тривиально: пара низких, почти горизонтальных кресел, двуспальная кровать, затянута в белый чехол, журнальный столик, заваленный женскими предметами, плоское лицо телевизора, заросшее двухдневной пылью. Еще тончайший японский ковер под всем этим, а также пластмассовая люстра на динамичном шнуре. Распахнутые пасти двух чемоданов с вырывающимися оттуда коктейлями ярких цветов, задвинутые в угол, чтоб всегда быть под рукой, початая бутылка вина подле кровати, два бокала, пепельница, полная окурков. Поникшая голова высокого вентилятора, еще одни пляжные тапочки, большое затворенное окно, для верности запахнутое тяжелой коричневой портьерой.

Дверь очень медленно закрылась за нами.

Мы вступили на территорию джиннов.

“...Я...”

“...ТЫ...”

“...МЫ...”

“...муррр...”

Молочные руки обвили меня, при этом она принялась пятиться. Я инстинктивно двинулся за ней, стремясь быстрее сковать ее объятиями. И вдруг обнаружил, что, пока ее горячие ладони свободно гуляют по моему телу, мне почти не удается дотронуться до нее.

“...стой же...”

“...стою...”

“...отдайся...”

“...возьми...”

Это было нелегко: она распалила меня. Гладил, хватала везде, смеялась, целовала из ниоткуда, а я лишь метался по комнате, силясь ухватить девушку и перехватить инициативу.

Абсент на этот раз сыграл со мной злую шутку, я точно потерял координацию. Стены сменялись перед глазами, я даже натыкался на мебель. Отовсюду в меня летели части женского тела, которые я пробовал изловить, но это получалось ровно на мгновение.

Глаза застилало подобие тумана, он казался прозрачным, но отбирал четкость картинки.

Когда я устал, дрожащий от вожделения, тяжело дыша и замедляясь в атаках, так же вдруг — я возымел над ней власть.

Горячее тело с размаху схлестнулось с моим, руки в секунду превратились в замки, а раскаленные губы зашептали мне на ухо:

“...ты устал?..”

“...немного...”

“...я дам тебе силу, ты не должен уставать, иначе тебе не победить...”

“...мне нужна сила...”

С размаху мы рухнули на кровать. Старое дерево угрожающе захрустело, принимая к себе молодую страсть и ярость, слившуюся в древнейшем из видов борьбы, когда одно начало побеждает второе. Хотя на чьей же стороне будет

окончательная победа и кто тут Цезарь, однозначно сказать невозможно.

Силы действительно прибыло. Я ощутил невероятный прилив энергии, который напряг каждую мышцу, воспламенил сердце.

Это поняла и услышала моя женщина. Ее глаза округлились, а стоны переросли в вопли.

Глухо хрипя, пальцами я располосовал простыню, поцелуями собирая мед ее тела, безумный от наслаждения.

В тот момент мне не были страшны джинны, я забыл о них, а если бы и помнил, то вряд ли они вызвали бы во мне опасения. Тогда я полагал, что способен победить кого и что угодно, разрушить, что захочу, подчинить все и всех.

“...любимый... — трещала и трескалась по швам наша общая точка соприкосновения, — ... обожаемый...”

Увлеченный, я не заметил, как со стороны углов начали стучаться тени. Как постепенно они принялись наползать, медленно приближаясь к кровати, густея по пути, начиная расти в высоту, принимая замысловатые формы. Скорее всего я не увидел бы их, ватная пелена застилала глаза, и единственное, с чем она не могла справиться, — абсолютное мерцание глянца кожи новой знакомой. Любые колебания ее чресл сокрушительным чувственным эхом сотрясали сложную упорядоченность моего подсознания. Собирая все это, ускользящее, пальцами, я выли нечеловеческим голосом.

Я чувствовал, что визуально-плотское отражение горящих зеленым пламенем душ в телесном мраморе друг друга и дает мне ту диковинную силу, что бесновалась в каждой клетке.

И вот — гигантская волна направленного взрыва раскаленной неги, как раз по периметру нашего ложа. Я ощутил неистовый жар, от которого лопнула на багровых плечах моих кожа. Он с невероятной скоростью метнулся вперед, испепелив нас в мгновение ока, благодаря чему клочковатые облака общего пепла медленно, но верно смешались.

“...человеческая роскошь...” — обессиленно просипел я, флегматично материализуясь, с измученными лицом и голосом, ища губами ее плечи и спину и чувствуя, что диковинная сила навсегда покинула меня.

“...злодей...” — прозвучал ответ прерывающимся голосом, фея потянулась и в мгновение ока уснула.

Исполненный лучших чувств, я кое-как натянул на нее тонкую простыню, сопротивлявшуюся мне с отвагой бетонной плиты. Перевернулся на спину, постигая сопротивление и внутри себя, и благодарственно замер, прислушиваясь, как во мне, точно в сосуде, мерно и ласково плещется истома.

Веки упали сами собой, сразу же сформировалось состояние полета. Будто кровать наша парила в незамкнутом пространстве, и подобие южного ветра остужало оплавленные оболочки.

Мироощущение освободилось от оков времени, так могло пройти и десять минут, и десять часов.

Неожиданно, повинаясь импульсу внутри, глаза мои распахнулись. И не увидели комнаты, которая была декорацией описанных событий. Вместо этого они уже на пороге век столкнулись с жуткой физиономией, крупнее моей раза в три и ощерившейся в огромной зубастой улыбке. Отвратительное лицо плотно прижалось к моему, и там, где скалился злобный рот, пребывала основная и самая важная часть моей головы.

Джинн отчасти был эфемерен. Пустые глазницы тем не менее разили злым неместным весельем. Джинны всегда встречали жертву подобным образом, делая так, чтобы первым делом она видела их и только их.

Комната наполнилась зловещим бормотанием, казалось, о своем в один миг зашептали углы и стены, пол и потолок.

Инстинктивно я попытался закричать, но в горле плотно застрял ватный ком, и я не издал ни звука. Однако джинн колыхнулся, отпрянул, после чего махнул подобием руки, что, словно лепесток, сорвала меня с кровати и бесшумно, но больно размазала о стену по левую руку.

Оглушенный, я с удивлением обратил внимание на то, что не заметил собственного полета, зато заметил прыть метнувшихся ко мне обоим. Правый глаз флегматично констатировал безмятежный сон моей спутницы, левый успел заме-

тить руку нечисти, метнувшуюся ко мне, после чего горло мое пережало, точно плоскогубцами. Я заметался, пытаюсь сопротивляться, но вместо этого почувствовал себя бабочкой, пришпиленной к листу бумаги. Дыхание ушло в никуда, я жалко дергался, пытаюсь царапать и бить джинна, но тот в ответ на все мои потуги шикарно улыбался.

Задыхаясь, краем глаза я видел, как моя новая подруга перевернулась на другой бок, оказавшись ко мне лицом, но Морфей по-прежнему царствовал в ее голове.

“...сопротивляйся!..”

Перед глазами завились круги, джиннов стало невыносимо много. Их улыбки сводили с ума, странное бормотание застилало разум, я перестал чувствовать плоскость, на которой сидел. Мои руки вдруг бессильно упали и забились внешними сторонами в демонической пляске конвульсий. Почти сразу же между пальцев попался некий предмет. Настолько небольшой, что сквозь призму насильственного умерщвления он показался мне последней тактильной галлюцинацией. Иллюзия не пропала, остатков гаснущего сознания хватило, чтобы зафиксировать это нечто в руке, осмыслить туманную возможность и с размаху ударить предметом по отвратительным глазам джинна.

“...мой мальчик...”

Комбинация подействовала, демон взвыл, и руки его потеряли мою шею. Бормотание уси-

лилось, вселяя панический ужас. Я, как был — сидя, попятился и с помощью стены оказался на ногах. В эту секунду изнутри меня взмыла волна, встряхнув тело и голову. После этого на свет божий отпрыгнул зловещий ступок, в момент обратившийся в еще одного джинна. Удар, и угол с готовностью принял мое брненное туловище, вознамерясь придать ему собственную форму. Затея не вышла, и боль с дружелюбием напалма лизнула каждую клетку моего организма. Инстинктивно я выставил перед собой спасительный предмет, который так неожиданно помог мне выжить. Еще удивительнее то, что нечто оказалось женской шпилькой, которая в моем придушенном сознании виделась огромным древним оружием, хотя и терялась в пальцах. Я осуществил несколько резких движений ею, отгоняя страшные морды, которые, дрожа горловыми раскатами, кружили надо мной, пропадая и появляясь.

“...как храбро...” — скользнул камешек под корой головного мозга и с бульканьем ушел в подсознание.

Джинн материализовался подле Малевич, его зубастая пасть затрепыхала над ее глубоко сонной головой. Это заставило меня выйти из угла, а абсентового беса внутри меня — преисполниться яростью. Отвратительно непостоянная ткань чресл тварей плеснулась на недавно целованную мною кожу.

“...изыди!” — возопил я беззвучно, чувствуя исполинское эхо недавних сил. Колебания из

моего рта взрыхлили атмосферу подле. Она нервно стугутилась, потемнела и — рванулась вперед гвоздеобразными осколками, поражая одно из мерзких тел. Руки мои взмыли вверх, усилие не показалось человеческим. На секунду руки замерли с поднятой вверх шпилькой, казавшейся невероятно тяжелой, после чего ухнули вниз, стремясь сокрушить нервно хрюкающего беса.

“...защити меня!..”

Бес с поразительной прытью улизнул из-под самого удара, лишив меня почти вкушенного удовольствия нанесения травмы. Шпилька снесла начисто спинку кровати, а еще один тяжелейший ответ пришелся из ниоткуда в солнечное сплетение. Стена по-родственному приняла мое слабое тело, с нежностью товарного поезда размазавшись о мой позвоночник. Организм встряхнуло, и он с легкостью расстался с воспринятой некогда пищей в жуткой изумрудной ауре.

С лицом душевнобольного и с той же природы упрямством через мгновение я был в центре комнаты. Руки неистово рассекали воздух шпилькой и метили в эфирные тела беспрерывно бормочущих тварей.

Казалось, зло соткало их из грязного куска реальности, и щедро, с размаху они раздавали мне оглушительные оплеухи, исходящие из ниоткуда и уходящие в никуда. Они намеренно резвились подле кровати спящей, выманивая меня из обороны, а в атаке я в любом случае проигрывал, размазываясь об очередную стену.

Мебель крошилась на все более мелкие осколки, под ногами хрустело, но боли я уже не чувствовал.

“...убей их, любимый!..”

Все слилось в один злобный автоматизм.

После очередного пассажа с крушением мебели и встречей с равнодушной стеной где-то на дне себя я находил слезы сил и благодаря им кое-как поднимался на ноги. Взмахивал оружием и вновь кидался в центр комнаты, рубя с плеча и наматывая конечности джиннов на заляпанную грязью шпильку.

Со лба моего что-то капало, заливая глаза и руки. К бормотанию джиннов добавилось мое, абсолютно произвольное, вызванное истощением материи и духа. Голова точно отделилась от тела, перемалывая отвлеченные лиричности, а изломанное мясо само собой сходилось в бойцовой пляске с неопределенностью моего мира.

Наваждение спало неожиданно. В тот момент одна из тварей оказалась пришпилена к стене, а мое оружие вlepилось в ее грудь по основанию. Вторая нечисть тем временем сидела на моих плечах и когтистыми дланями методично правила мою внешность, испуская на волю гранатовое войско жизненной энергии.

В тот самый стильный момент, в обрамлении воплей, льющихся безумными реками из моего рта и чужих пастей, голова моя оказалась повернута именно таким образом, что я увидел широко распахнутые глаза. А с ними — уголок кра-

сивого рта, тронутый легкой, но двусмысленной улыбкой.

Явной вновь стала черно-белость окружения, что была и последние несколько часов. В течение этих же часов коричневая родинка на лице моей возлюбленной ни на секунду не теряла насыщенности цвета.

“...люблю тебя...”

Я повел плечами, и джинна, сидящего на моей шее, разорвало на куски, обдав меня кровавым душем с кусочками. Из груди того же, что был приколот к стене, я вынул ту самую — теперь крохотную — шпильку, и он стремительно испустил дух.

Бросив ставший бесполезным предмет себе под ноги, с непроницаемым лицом, обогранным жестоким утренним заревом, я повернулся к Малевич.

Реальность вздрогнула. И я уже находился рядом с ней. Секунды хватило на то, чтобы осмыслить это как собственную неосознанную возможность и кончиком пальца снять с ее щеки загадочную капельку.

“...доброе утро, дорогой...”

Мир преисполнился цветом. Острое солнечное лезвие одним взмахом отсекло все ложное и эфемерное. Комната оказалась опрятной и уютной, мебель в полной неприкосновенности, а растерзанные тела джиннов растворились в утренней улыбке, которая томно, а с тем лукаво блеснула в отогнутом уголке жалюзи.

Малевич не было.

На кровати, не прячась в простыню, а с долей гипнотизирующего бесстыдства потягивалась Сашка, олицетворяя полнейшую невозмутимость.

Она из воздуха вытягивала зажженную сигарету и бокал с очаровательно длинной ножкой.

“...как у меня...” — услышал я глубоко в голове и понял, что слышал этот голос не раз, почти каждый день, но только сейчас понял его правильно.

Глаза обожгла собственная нагота.

— Откуда ты? — единственное, что нашлось во рту.

“...а ведь чувствовал ее...”

И действительно — выросший в груди моей за длительное время нашего с ней общения своего рода “сашконометр” зашкаливал который день. Только психологический скафандр абсента не давал вовремя его различить.

— Я уже три дня тут, дорогой. — Демоническая девочка улыбалась. — Наблюдаю за тобой со стороны. — В бокале плескалось нечто рыжего цвета, аккуратный рот тянул это внутрь. — И все это время ты был так себе, а сегодня — молодец.

— Как ты узнала?

— Я узнала еще до того, как ты подумал об этом месте...

“...какие глупые вопросы, дорогой...”

— Откуда?

— Отец посоветовал съездить сюда. Я тоже не сразу поняла почему.

— Отец?

“...старый сукин сын...”

— Да, видишь ли, быть дочерью дьявола иногда очень полезно. — Тело бестии извивалось в еле заметном движении. Она догадывалась, что я отвык от нее, забыл. И соскучился по ее красоте. И теперь, как водой при смертельной жажде, она незаметно давала мне упиться этим.

— Ты достойная дочь своего отца.

“...сука...”

— Не груби, любовь моя! Неужели ты не скучал?

“...я же вижу обратное...”

— Ты себе льстишь.

“...отнюдь...”

— Ты изменил прическу.

— От тебя ничего не ускользает.

— И очки другие.

“...те были лучше...”

“...а мне плевать...”

— Так ты выглядишь гораздо моложе, я даже не сразу тебя узнала... загорел...

“...скорее почувствовала, что это ты... узнала твой запах...”

— Я сменил образ, стал другим человеком, даже парфюм сменил. Это старый психологический прием. Тот человек был поражен отвратительной хворью, до нового меня она доносится лишь эхом — очень редко.

“...так же как и ты сразу ощутил запах меня...”

— Неужели все было так плохо?

— Порой замечательно, но порой жутко, и это “жутко” не стоит сотни “замечательно”.

“...ненавижу тебя...”

— А ведь я всегда была рядом.

“...я тоже ненавижу тебя, дорогой...” — Лицо ее не изменилось, незаметно став злым.

“...”

“...поэтому и не хочу оставить тебя в покое...”

— Слово “изыди” горит во мне неоновыми буквами.

“...что ты имеешь в виду?..”

— Как будто мы друг друга не знаем!

“...не шепчи мне в голову...”

— Посмотри, какой ты сильный со мной! Поверь, ни одному земному существу не справиться с джинами. — Рыжая жидкость в ее бокале не кончалась.

— Мне это не нужно теперь.

“...но ведь я и люблю тебя, дорогой...”

— Это не любовь.

— Ты не понял, милый, это сложная любовь. Я не могу ни причинять боль, это моя любовь с болью, я причиняю ее и тебе, и себе. Я мучаю нас обоих. Не могу без тебя, более того — не хочу без тебя. Потому что я люблю тебя.

“...я могла сделать так, что они убили бы тебя...”

— Я тоже люблю тебя, дорогая.

“...не могла...”

— Знаю.

— Поэтому не хочу быть с тобой. Я принял правила игры, я вошел во вкус, я причиню боль

нам обоим. Ты была рядом, когда я второй раз прыгал в окно?

— Если бы меня не было рядом, ты убился бы еще в первый раз, дурачок.

— Тебе нравилось это зрелище... — Бесшумно я вернулся ближе к кровати и прилег подле Сашки. — А ведь я всю жизнь боялся высоты.

— Очень! — Улыбка ее стала как бритва. — Но я не могла позволить тебе умереть. — Она заложила руки за голову, а большая подушка создала сложную иллюзию прически. — Мне было и страшно, и захватывающе. Всегда хотелось и убить тебя, и спасти, но второе побеждало, потому что мне пока трудно представить, как это, когда тебя нет вообще.

— Я умер бы? — Глаза мои не моргали в потолок.

— Да. Когда ты прыгнешь и больше не придешь в себя на больничной койке, знай, тогда меня не было рядом. — Она хохотнула. — Или ты меня разозлил.

“...я нужна тебе...”

— А ен ароп ил ман тичноказ ровогзар? — с серьезным лицом спросил я.

— Перестань, ты знаешь, я не люблю этого. — Сегодня она уговаривала.

— Отэ ен орп янем.

— Я тебя прошу! — Она почти мурлыкала.

— ...

— Любимый...

— ... — Я почти спал.

— Ты ведешь себя, будто меня нет. — Крохотная пауза завилась, как комар, уже в полной темноте моего разума.

— А ты есть? — Я неистово и целеустремленно хотел спать. Крепко, беспробудно, долго.

— Да... — Она словно задумалась. Игра ее была безупречна.

— Ты сама начала эту игру давно, вела себя, будто тебя нет. Была со мной и не была, потом не была и будто была.

— Но сейчас же я есть. Я рядом, ты видишь меня.

— Вижу, слышу, могу потрогать, но не воспринимаю.

— Это все синонимы, мой хороший, одно означает другое.

“...и масса аналогичных глаголов...”

— Ты — патентованная сука.

“...брось психотерапевтический тон...”

— Не говори так, Родик. Нельзя говорить такое человеку, который только что сказал тебе, что любит тебя... как бы ты к нему ни относился... тем более что ты сам...

— Кажется, мы говорим на разных языках.

— Прекрати.

— Каждый сам с собой.

— Не надо.

— Теперь здесь живет цинизм, детка. — Я не дал ей закончить. — Мне пора. — Я попытался встать, но понял, что не смогу. Веки налились свинцом, тело не шелохнулось, хотя мозг исте-

рично и отрывисто приказывал подняться на ноги.

В комнате сгустилась тишина. Стены начали дрожать, затем размываться, появилось ощущение плавного и горизонтального спуска. Я пощупал рукой рядом, осуществив исполинское усилие, но рука не нашла ничего, хотя “сашконометр” давал показания несомненного ее наличия.

— Забудь, — бросил я все-таки из последних сил. — Или сделай вид, что забыла, или сделай вид, что сделала вид, будто забыла, или забудь и сделай вид. Все это ты отлично умеешь.

Проснувшись, я не помнил — пригрезилось мне последнее или было. Все пенилось предельно ярко в моей памяти, что очень редко случается, если купаться в зеленом озере, но я не был уверен, так как ни в чем уверен быть не можешь, когда имеешь дело с абсентом.

Я выкурил единственную сигарету, найденную на полу, и вышел из номера. Где-то что-то попискивало, но я маскировался безмятежностью.

С двух сторон на меня шли четыре женщины, три внимательно посмотрели на меня, а одна даже заглянула в глаза.

Они явно собирались на пляж.

Ангел-3

— Привет.

— Привет.

— Как дела?

“...так приятно тебя слышать...”

— Почему не позвонил вчера?

— Спал целый день. А ты не звонила?

— Я же сказала, что не позвоню. Только ты, если хочешь.

“...такая вот жизненная позиция...”

— Хочу, потому и звоню. А где ты?

— В маленькой точке К.

— Это что такое?

— Крошечное измерение реальности.

— И что ты там делаешь?

— Гуляю.

“...что, по-твоему, я здесь могу делать?..”

— А...

— А ты где?

— Стою на балконе, щурюсь от солнца.

“...как кот...”

— У вас жарко?

— Да. А у вас?

— И у нас.

“...надоело...”

— Я буду в точке П. в эти выходные.

— ...

— Ты слышала?

— Да. Ты серьезно?

— Да.

— Ты сумасшедший.

“...и это определенно плюс...”

— Ко мне приехали друзья. Сейчас у нас культурный отдых, но позже нас полюбому потянет к телепортам. А уж там мимо вас мы не пролетим.

— Что ж... Это хорошо. Позвони мне, когда будешь здесь.

— Хорошо.

“...конечно...”

— Ты не забыл мой домашний?

— Нет.

— Назови его.

Я назвал.

— Теперь наоборот.

Я переименовал.

— Теперь назови третью цифру.

Я назвал.

— Теперь пятую.

— ...

— Первую, седьмую...

Я хорошо помнил его.
— Умница. Звони мне.
“...всегда... много... долго...”
— О’кей.
— Целую, пока.

После разговора остались смешанные чувства, притом смешанные самим собой в собственной голове.

Прошло пять дней, и тяжелые несколько суток на других уровнях остались набором картинок. Я помнил забавную марсианку, но объемы перегрузок того времени и немного М-реальности запудрили ее лицо до неузнаваемости, палитра опять оказалась совокупностью разрозненных мазков. Только изнутри жгли эмоции, эта субстанция имеет большую активность в то время, когда прошлое уже разложилось на отдельные вспышки. Они обладают внутренней памятью, которая слабо явна для тебя, но пространна для подсознания. Эти импульсы старательно мешались с любыми М-проявлениями, вытравливая их изнутри, всему местному придавая слабый фантомный оттенок П.

Я пытался понять, мое ли это решение — о поездке. Так иногда бывало, и позже я недоумевал, как я тут оказался. Но ни в тех, ни в других случаях понять заранее не удавалось, оставалось надеяться на то, что кто бы ни вел меня — сам я или кто-то: главное — чтобы он знал дорогу. Понимал, что делает, ведя меня по тропинке, созданной исключительно для того разового случая,

когда по ней неторопливо пробреду я, чтобы потом преспокойно зарости бурьяном и соединить в одно целое два поля.

Такие мысли были тяжеловаты для длительного увлечения ими. Они лишали необходимого покоя и внутреннего штиля. А в ту пору я ценил это особенно, избегая любых возможных чувственных катаклизмов, прячась от них в глухих закоулках юношеского скептицизма. Посему я с головой окунулся в материи земные, усиленно страхуясь ими от невидимой, но пронизывающей марсианской радиации.

— Привет.

— Привет.

“...это ты...”

— Я в точке П.

— Чем занимаетесь?

— Сидим в убежище... пока...

— Вас много?

— Семеро.

— Сумасшедшие. И что вы?..

“...ну и зачем я вам?..”

— Мы будем на пятом уровне. Ты знаешь это измерение.

— В моих планах сегодня уровень шесть.

— М-м-м...

— Что такое?

“...не пойму тебя я что-то...”

— Крутовато для новичков. Ты точно решила?

— Давно там не была.

— Жаль.

“...жаль...”

— Поугovarивай меня, я, может, подумаю.

“...не сдавайся, мальчик...”

— Сашенька, я бы очень хотел тебя видеть.

“...мне очень хочется быть с тобой, девочка...”

— Не приеду. Плохо уговариваешь.

— Мы будем на пятом уровне, если хватит сил — доберемся до шестого.

— Или я доберусь до вас. Возможно, увидимся.

“...хотя вряд ли...”

— Договорились. — Я разочарованно отключился.

Ощущения повторялись.

Показалось, что все-таки я сам управляю собой. Мысли мелькали разные, но уверенность в том, что я забуду обо всем на свете, едва начну шагать по уровням, насилием оттеснила неприятные размышления. Внутренняя моя оборона ожила, в мозг вклинилась настойчивая гипноз-команда на отвлечение, и я срочно спрятался в диалогах от возможных мыслительных диверсий.

Убежище принадлежало нашему старому товарищу еще по точке У. Одно из его имен звучало так — преподобный Лясандер. Он знал все, что нам нужно, и главное — где ближайший телепорт.

Раньше подобные вещи считались недостижимыми для простых смертных, но ныне телепортация перестала быть научной фантастикой,

и найти ворота в другое измерение можно где угодно, включая частный сектор.

Мы поговорили о том неизвестном герое, который первым нашел телепорт и не утаил находки, а просветил массы.

Затем поели, поспали, дождались темноты, погрузились в нее с головой.

Транспортное средство, ведомое преподобным Лясандером, доставило нас до таинственного места, где высились одни кирпичные стены. Ни людей, ни фонарей, лишь густой кустарник, в котором прятался нужный нам шлюз.

Темнота давила на глаза, мы передвигались на ощупь.

— Помассируйте виски, — осклабился товарищ из У. — Вдохните полной грудью. Окиньте взглядом печальным окружение, так как на некоторое время вам придется забыть о существовании его. — Он храбро пил пиво, хотя известно, что алкоголь — не лучший спутник телепорта. — Уровень? Третий? Четвертый? Пятый?

— А шестой? — прищурился я.

“...есть ли тут мужики?..”

— Шестой, — протянул преподобный Лясандер. — Я сам там давно не был. По-любому начинать следует с уровня пониже, залезть выше мы успеем всегда. Предлагаю пятый. Крутовато для новичков, но это быстро научит вас плавать. — Он с ухмылкой оглядел мою диверсионную группу. — Считайте, что вас заранее посвятили в рыцари... — И он полез в кусты.

Телепорты обычно прячутся под невинно-грязными канализационными люками. Их немного, но и не мало. Если постараться, можно отыскать маленький обрывок чуда у себя под боком. Государственные люди заперли все это толстым круглым куском металла, дабы глаз несведущего не мог закрасться в темные подземелья и услышать скрипичный звук трансформации собственной психики. Но кто-то когда-то нашел первый телепорт и по человеческой цепочке поделился открытием с миром. Началась глобальная эра путешествий по измерениям, которую кто-то принял, кто-то оттолкнул, а кто-то продолжил жить как жил, сделав вид, будто ничего не случилось.

— Я тут один люк знал, — бросил через спину преподобный Лясандер, словно прочел мои мысли. — Прямо на проезжей части, в самом центре. Ворота в седьмое измерение. Но мы мало им пользовались, государственные люди сделали свое черное дело. Чаще всего телепорты убивали толстым слоем бетона или асфальта.

“...как обычно...”

Наш люк был открыт, притом давно, так что успел врасти в место, куда мы его отшвырнули. Из отверстия прямо на звезды презрительно пялилась крошечная тьма, она казалась чернее той, что пыталась целовать ее снаружи. Чернильная бездна выглядела вязкой и страшной.

Преподобный Лясандер поднял руки, замер на секунду, занес ногу над дырой и без коммен-

тариев ухнул в никуда. Миг я видел его стремительно удаляющуюся макушку. Чернь осталась недвижимой.

— Это ворота в пятое измерение, — поведал я спутникам. — Просто шагаете туда, и все. Пока будете лететь, а это секунд пять—десять, лучше не шевелиться, потому что по пути встречаются параллельные порталы, которые могут засосать куда угодно. Даже на уровень седьмой или десятый, а последний означает необратимые изменения психики. — Все вооружились сигаретами. — И это не самое страшное. Существуют так называемые тупики. Вход в них, как в обычное измерение, только самого измерения в конце не будет.

“...и конца этому тоже...”

— А что будет? — спросил кто-то из пришельцев.

— Ничего не будет, — хладнокровно сказал я, пересказывая старую легенду, в которую никто не верил. — Вечное парение, вечный полет. В тупиках нет параллельных порталов, или, как их называют, форточек. А раз нет форточки, значит, выбраться не получится, ведь полететь обратно невозможно. Только туда, куда тебя несет телепорт, а если он несет тебя в никуда? Так что не шевелитесь.

“...щенки...”

— А как выглядят порталы? — спросил один из новичков.

— Темные дыры, — ответил я и показал пальцем в дыру. — Еще более темные, чем эта. Чем

темнее дыра, тем выше номер измерения. Опытные ныряльщики умеют их различать и путешествуют направленно.

“...снуют из одной дыры в другую...”

— Как выглядит тупик?

— Никто не знает. — Я усмехнулся. — Оттуда редко кто возвращается, а кому все-таки везет, тот мало что помнит — от шока. В основном — что нет форточек... ничего нет...

“...а форточка — это важно...”

— А как же? — коварно прищурился один из пришельцев. — Как же они обратно?

— Иногда тупик выплевывает тебя, — пожал я плечами, развивая сказку. — Это самое стойкое предположение. Но это разовые случаи, обычно человек просто не возвращается. Его ждут и не дожидаются. — Меня утомили вопросы, и, дабы избежать следующих, я словно невзначай шагнул назад, где призывно чернела голодная клоака. Там меня не стало, я возник здесь, а остальное принадлежало уже выбору пришельцев-новичков. Добавить мне было нечего, а где найти меня, они должны были догадаться.

Пришла в голову мысль, что одним шагом я разорвал наш маленький социум гигантским непокрываемым расстоянием.

Телу привычно стало прохладно от чувства головокружительного полета-падения, а повсеместный мрак словно и не двигался, одномоментно создавая ощущение зависания.

Вспомнились рассказы о тупиках, где полет-зависание обречен на жуткую продолжительность. Я не верил в это, но и не шевелился, начав замечать изредка мелькающие сажные пятна по сторонам. Одно движение могло резко изменить путь совершенно в другую сторону. С этой мыслью темь прорезалась, и, хотя в другом мире также не доставало света, глаза кольнуло, и я зажмурился.

— Наконец-то, — возник подле меня преподабный Лясандер. — Уже устал ждать.

“...хреново быть одному тут...”

Мы находились подле простирающейся высоко лестницы. Стены не поддерживали ее, под них маскировалась темь. Без перил она росла куда-то ввысь и выглядела одиноко и заброшенно. Серая плитка под ногами, нарушая убогую целостность, во многих местах расслоилась и пустила трещины. Кое-где замечались окурки — яркое свидетельство присутствия братьев по разуму.

Мы взялись за ступеньки и легко преодолели их, так как в пятом измерении наличествовал премилый факт — ограниченная сила тяжести. И тело с его составляющими приобретало дополнительную энергию за счет внутреннего ресурса, который затем дочиста снимался электронным абсолютом.

По пути я заметил пришествие несвойственных мыслей. То проявился обычный симптом легкой трансформации личности — из-за роста физических возможностей.

Вокруг обжился полумрак. Грязными пятнами темнели по черным стенам гулливерские диваны, с хаотичностью насекомых повсеместно ползали нервные пятна света. Пол не выглядел плоскостью, он преломлялся в самые различные формы и изгибы, то же происходило со стенами и потолком. Рваные, кровавые брызги многочисленных бликов расплескивались во все доступные стороны, и с каждым апогейным взвизгом абсолюта стены и многочисленные зеркала забрасывало мириадами красных клякс.

Абсолют свирепствовал.

Он проникал всюду. Он пронизывал и вытеснял все, кроме себя. Он подчинял, затягивал и мучил конвульсиями. Он жалил, заставлял метаться, давал силу, но тут же забирал ее в двойном размере. И я знал, что через некоторый отрезок буду чувствовать себя как стакан, который совсем недавно был полон.

Где-то в пространстве над головами надежно зависло злое солнце. Ослепительный золотой диск, чье неутомимое совершенство ежеминутно разрушалось всплесками ядовитых красок, режущих его идеальное тело. Благодаря им стало заметно, что не мы вращаемся вокруг светила, а само странное солнце кружит на своем месте по часовой стрелке. Вращение это туманило мозг своей скоростью, краски будоражили сознание. Казалось, что абсолют и золотое око — единое целое. Неутомимый мотор пятого измерения. И стоит ему остановиться, замрут все, здесь находя-

щиеся, зависнет на одной пронзительной ноте и сам абсолют. Но стоит мускулу шевельнуться и набрать запредельную прыть, как разъярится в своем нагнетании электронный вампир, и пришельцы безумными лейкоцитами сотрут себя в порошок адской скоростью...

Она пришла позже.

Я не сразу узнал ее, хотя ангельское личико не изменилось. Все те же вырезанные из цельного куска вредности черты: самоуверенный нос, глаза, пристально фиксирующие реакции. Загадочная улыбка, хитрость которой выдавали уголки рта, направленные один — слегка вниз, другой — слегка вверх. Классический стиль: черный пиджак и белоснежная рубашка, туго наполненные ее стройным телом, при коротком синем галстуке, погруженном в белую клетку. Узкие агатовые брюки, вмещающие в свои границы замечательные ноги, под цвет сумочка, зажатая в музыкальных пальцах, и молочные туфли.

На секунду я перестал замечать и слышать что-либо, не имеющее отношения к ней. Кровь словно замерзла внутри меня, потом резанула кипятком, заставив сердце подавиться очередной ее порцией.

Это слишком отличалось от того, в чем я видел ее. Это выглядело строго, но в совокупности с ней — беспредельно элегантно и мило. В голове моей запестрели сравнения, и начались они со слова “девочка”, а закончились словом “ангел”.

Она излучала особое сияние — от кончиков аккуратно уложенных волос до крохотных туфель. Она двигалась не спеша, отображая собой ту гениальную чистую красоту, то мимолетное виденье, о которых писал поэт и которые я вдруг осмыслил.

— Привет, — сказала Сашенька и уронила на мою щеку поцелуй.

“...как ты...”

Выброшенный гипнотической волной за ограду собственного сознания, я машинально дотронулся до гладкой кожи пересохшим ртом и, скоропалительно забираясь обратно и теряясь в безупречном рельефе ее внешности, невнятно произнес:

— Привет. — На секунду мной овладело злое тупоумие. — Ты ослепительна!

“...что за вяжущая тупость...”

— Да? — словно безразлично переспросила она. — Тебе нравится?

“...не напрягайся, все видно без слов...”

— Очень! — Хотелось потрогать ее руками. — Этот галстук... эта рубашка... они великолепны! Ты просто чудо. Девочка-ангел. Не думал, что тебе так пойдет классический образ...

“...или ты так пойдешь классическому образу...”

— Люблю галстуки, — пожала плечами Сашенька. — Наверное, потому, что никто их не носит.

“...а если кто-то что-то не носит — это мое...”

— Я не люблю галстуки, — выдал я. — Наверное, потому, что мне когда-нибудь придется их носить. В то время я буду совсем иным, что-то изменится. Но ты — другое дело. Глядя на тебя, я начинаю думать, что галстук придуман специально для тебя. И сегодня ты закончила жизненную миссию этой вещи.

“...я подарю тебе галстук когда-нибудь, когда ты перестанешь его носить...”

— Я ее закончу минут через десять, — заявила Сашенька. — В этом неудобно путешествовать. Я захватила шорты и майку.

“...и мне не терпится в них погрузиться...”

— Те самые?

— Нет, другие, — смерил меня взглядом самоуверенный ангел. — Конечно, другие. Не люблю повторяться.

“...точнее — ненавижу...”

— Охотно верю.

— А еще я ненавижу, когда на ком-то такая же вещь, как на мне. — Сашенька достала сигареты, а что делать дальше, я знал. — Все правильно. — Она поощрительно улыбнулась, вооружая свою улыбку вредной привычкой.

Позже я не раз замечал, что Сашенькино понимание действительности и недействительности сопрягается с ее внутренним “как должно быть”. Притом многое из того, что, как казалось ей, должно было протекать по следующей схеме, мне виделось под иным углом. Любая мелочь, включенная в ее алгоритм представлений о моих

будущих действиях, но не исполненная мной в реале, вызывала ее активное недовольство, даже если в остальном я попадал в яблочко.

Достижение параллельности мышления оказалось ее завуалированной задачей и целью, требовалось чувствовать это самое “как должно быть”. Иные сценарии выводили ее из себя, что являлось одно время краеугольным камнем нашего единства, пока я не понял основной принцип.

— А где твоя псевдоподруга? — поинтересовался я.

“...ты одна сегодня?..”

— Понятия не имею. — Сашенька нахмурилась. — А где твои семь гномов?

“...гномовод...”

— Высвобождают дурную энергию. — Я огляделся, но знакомых лиц не увидел. — Но мы их еще сегодня увидим, и я тебя познакомлю. — Наши взгляды уклонились в сторону столика.

“...и сдают ее в банк дурной энергии...”

Мы не сели, но зависли над гладкой поверхностью.

“...а там из нее синтезируют плутоний...”

— Преподобный Лясандер тоже тут? — спросила Сашка. — А отец Мануа? — Мы с откровенным удовольствием поедали друг друга глазами. Я отчетливо видел, как ее идеальные ноздри часто вздрагивали, пытаясь меня обонять.

— Лясандер тут. — Я улыбнулся. — Пытается выпить абсолют, а тот пытается поглотить его. А отца сегодня нет.

Измерение прогрессирующими темпами обживалось эксцентричными пришельцами. Раскаленные тела и головы сновали туда-сюда, воспаленные одной задачей — удержать и то, и это в едином целом. Блики захлестывали все, адское солнце незаметно, но верно набирало скорость. Кто-то вопил в безбрежной экзальтации, зеркала копировали всех и повсюду. Пол вырывался из-под ног, а электричество, которым был пронизан воздух, встряхивало то одно испаренное тело, то другое. Далее по цепной реакции неожиданно начинало сотрясать целые группы, все измерение. Видимость колебалась, острые углы стен хищно щерились.

— Скоро буду, — объявила Сашенька и исчезла.

“...должна быть...”

Я повертел головой, пожал плечами и обратился к столу, где была сервирована бутылка виски, кучковалась кока-кола и имелись залежи льда.

Я сделал глоток и ощутил тот самый знакомый электрический разряд. Меня сильно потрянуло, взрывая в щепки внутреннюю оборону, а через мгновение пол уже подбрасывал тело вверх, не давая возможности приземлиться. Судорога свела руки, ноги, позвоночник. Он завился змеей, заставляя трепыхать все мои составляющие. Голова откинулась назад. Издав протяжный и дикий вопль, я оказался в центре человеческого водоворота.

Кругом щерились лица, огромные оскаленные улыбки, вытаращенные на этот мир глаза. Люди и иные непонятные существа вились в электронной буре с остервенением, какое бывает у человека, медленно уходящего в трясины.

Неконтролируемые волны принялись сокрушать меня со всех сторон, оставляя темные пятна перед глазами и короткие зрительные фотографии общего безумия. Оно наполнилось пронзительными воплями, нескончаемой дрожью в каждой клетке, что буквально распахивала тебя по швам, выпуская в общую атмосферу раскаленную энергетическую субстанцию. Несколько раз мелькнули знакомые лица, перекошенные до такой степени, что вполне могли быть и незнакомыми.

Самую яростную борьбу возле шипастых стен вел возвышающийся над толпой преподобный Лясандер. Азиатское лицо его горело маниакальной решимостью, а нестигающиеся пальцы вязли в аморфном туловище врага.

Попав в абсолют, расстаться с ним было сложно. Ноги не шли в нужную сторону, тело творило что вздумается. Мозг отказывался подчиняться, но сильная холодная ладонь сбоку рывком вынула меня из этой микроволновой печи, утягивая за собой в другое пространство.

Там абсолют встряхивал гораздо нежнее, существовала возможность ненадолго спрятаться от него на балконах, закрепленных в нигде.

Сашенька оказалась в синих галактических шортах и фиолетовом космическом топе. Замечательные ноги хвалили свою длину, а загорелый живот играл глубоким пупком, напомнившим мне таинственное отверстие телепорта. Голова пряталась в пеструю косынку, узкие плечи на гребне ритма ловко лавировали между многотонными волнами электронного моря.

— Ну как? — осведомилась Сашенька, когда мы забрались на балкон.

“...во всех смыслах...”

— Замечательно, — сказал я, имея в виду и ее, и измерение.

“...без исключения...”

— Зря сопротивляешься, дорогой, — сказала она. — Во-первых, бессмысленно, во-вторых, теряешь больше сил. Это как водоворот: если засосало, надо расслабиться и не сопротивляться, тогда есть вариант, что выплунет.

“...то же и со мной...”

— Меня пугают эти силы. Поэтому стараюсь их контролировать.

— В итоге все равно они контролируют тебя.

— ...

“...как и я...”

— ...

“...я знаю, что ты в виду имеешь...”

— Рад, что ты все-таки пришла.

— Долго думала, стоит ли.

“...сложное решение...”

— Потому что я плохо уговаривал?

“...но в итоге ты тут, детка...”

— Нет, — покачала она головой, в привычной манере пряча от моего взгляда свои серые холодные кусочки льда. — Просто я хотела на уровень выше. И все еще хочу.

“...а мое “хочу” — это очень важно...”

— Но ты останешься? — обеспокоился я.

— Пока да, — кивнула Сашенька. — Но кто его знает, что дальше придет в голову.

“...я живу импульсами...”

— И вообще, это бессмысленно, — поведала она спустя короткую паузу. — Что толку от нашего общения? Ненужные шаги навстречу, которые могут привести к ненужным последствиям. Увлечаться, когда бессмысленно, это еще бессмысленнее, чем первичная нелепость. Слишком большое расстояние между нами. Возможно ли его преодолеть? — Она играла роль разочарования.

“...бессмысленная бессмысленность бессмысленности...”

— Это тяжело, — согласился я. — Но возможно. А раз возможно, значит, не так уж бессмысленно. Необычно, что ты понимаешь этот нюанс. Достаточно дальновидно. Зачем изобретать проблему, которая, вероятно, проблемой и будет? Проще уклониться. Рациональный подход.

“...ты склонна к психоанализу...”

— Нетрудно представить, — пожала плечами Сашенька. — А нужно ли это мне?

“...то есть — нужен ли ты мне?..”

— ...

— ...

— Мне просто доставляет удовольствие на тебя смотреть...

“...ты мне нужна...”

— Смотри... — Уголок губ девушки тронула улыбка, но тотчас была казнена.

— И оно вытесняет прочие удовольствия.

“...гипноз...”

— Вытесни... — кажется, сказала она, но, может, мне показалось.

“...ты еще не знаешь гипноза...”

— А кроме того, разумные начала.

“...это в первую очередь...”

— Какое по счету это сердце из тех, что ты разбила?

— Да ладно тебе. Это все дурь.

“...тебя разобью, как статуэтку...”

— У тебя много тут знакомых?

— Очень.

“...еще больше...”

— Я просто скажу, а ты реши сама, как к этому относиться...

— ... — Хитрые глаза прищурились.

“...вся во внимании...”

— Мне неприятно видеть тебя с кем-то, кроме себя.

“...только я...”

— Ага. Хочешь, чтобы я ни с кем не задерживалась?

“...ты мой...”

— Примерно.

— Хорошо. Не буду делать этого. — Улыбка ее стала шире.

“...ты совсем мой теперь...”

— Не знаю, есть ли у меня основания, но меня уже мучит ревность.

“...не знаю, о чем ты думаешь, улыбаясь так, но ты права...”

— Мы не станем ее беспокоить сегодня. Сегодня в первый раз я сужу круг своих знакомых. Сегодня я хочу и могу это сделать.

“...а ты мил...”

— Я знаю тебя недолго, но ты мне уже дорога.

“...очень дорога и одна дорога...”

— Как это глупо с нашей стороны, — будто с легким раздражением заявила Сашенька.

“...тебе нравится, я вижу...”

— Я хочу этой глупости.

— Жаль, не могу сказать так же однозначно.

“...все сложнее ребус...”

— Мы будем работать в этом направлении.

“...однозначность будет твоим полным именем скоро...”

— Прикури мне сигарету для начала.

Я послушно активизировался.

— Надеюсь, ты явился сюда не для абсолюта?

“...ты искал меня?..”

— Я привез в это адское место гномов.

“...я не нагляделся на тебя в прошлый раз...”

— При чем здесь гномы?!

“...не беси меня...”

— И я очень хотел увидеть тебя.

“...очень...”

— Уже лучше.

“...это было понятно и так...”

— Просто данная информация относится к стратегической. Всегда есть нечто, что знает женщина, но о чем не следует знать или следует только догадываться мужчине. И у мужчины всегда имеется что-то, о чем женщине знать не рекомендуется, как бы ей этого ни хотелось.

“...то самое нагнетающее что-то...”

— Боюсь, со временем тебе придется поделиться всем, что ты прячешь в переулках своего рассудка, — предостерегла Сашенька. — Я люблю знать все, и я буду знать о тебе все, даже самое тайное. Даже то, в чем ты еще сам себе не признался. Иначе никак. Мое любопытство постоянно требует пищи, а я не привыкла морить его голодом. Ты ведь расскажешь мне?

“...обо всем, что прячешь в своей голове?..”

— Если это будет обоюдно...

— Если я буду знать все, значит, мы проведем какое-то время вместе, — резонно заметила Сашенька. — А соответственно кое-что ты сумеешь узнать. Но...

“...не более того...”

— Но? — Я не совсем понял ее.

— Сама я ничего не буду тебе рассказывать. — Впервые мы надолго встретились взглядами. — Тебе придется все понимать самому. Учиться на своих ошибках. Методом проб. И если все будет

правильно, со временем мы изучим друг друга. Только разными способами.

“...я пойду путем прямым и коротким, а тебе придется идти извилистым и длинным...”

— Почему именно так?

“...а вместе по короткому не можем?..”

— Потому что я так хочу. Потому что я так привыкла, — почти нежно продекламировала девушка, вспомнив, что она закуривала.

“...нет...”

— Мое “хочу” не учитывается?

— Ты же сильный пол, — осклабилась Сашенька, дирижируя сигаретой разверзшимся вокруг хаосом. — Неужели ты будешь спорить и настаивать?

“...я ошиблась в тебе?..”

— Наверное, нет, — пожал я плечами.

Мне нравились игры этой девочки, они казались взрослыми и в ее исполнении выглядели особенно эффектно. Я заметил каприз, мелко мерцающий в самой сердцевине ее глаза, приметил вредность, что свила гнездо на самоуверенном носу. Крохотные красные чертики резвились в ее волосах, ныряя и выныривая, а ехидные уголки складывали самую сволочную улыбку.

— Вот и хорошо, — произнесла она, теперь уже глядя в сторону.

“...пора носить бирочку с моим именем...”

— А ты не проста, — казалось мне, подумал я.

“...не всегда до конца тебя понимаю...”

— Ты только сейчас это заметил? — Улыбка растворилась, бритвенная гримаса полоснула мою психику. Она любила так делать, вынимать из слов вторичные, третичные смыслы. Цепляться за несвоевременность сказанного, обижаться, чтобы просто услышать извинения.

“...дурак...”

— В смысле?

— Мы с тобой прообщались кучу времени.

— ...

“...и?..”

— Если толковать твои слова строго в соответствии с текстом, получается, что до этого ты считал меня заурядной. — Злые глаза подозрительно вскапывали мое лицо. Могло показаться, что она говорит серьезно, и лишь позже я узнал и понял, что это не так. — Может, я выгляжу простушкой?

— У каждой фразы свое время, — ответил я. — Я заметил давно, но сказал сейчас, когда уже не мог не сказать.

“...она как звено в цепи...”

— Один балл в вашу пользу, — улыбнулась Сашенька. — За находчивость. И кстати, у каждой фразы тоже свое лицо... поэтому я верю тебе.

“...и все знаю про тебя...”

— Ты будешь применять ко мне балльную систему?

— А как же? Балльная система применима ко всему. В зависимости от баллов так или иначе строятся те или иные последствия. Ты не согласен?

“...согласен ведь...”

— Согласен.

— Соглашайся со мной почаще.

“...я всегда права...”

— ОК.

— Я серьезно. Люблю, когда со мной соглашаются.

“...всегда...”

“Параллельность мышления, — подумал бы я сейчас, — жесткая и неукоснительная...”

— Хочу, — сказал я тогда.

“...с тобой и тебя...”

— Проверим. — Она шагнула в почти незаметный в темноте черный проем.

Покачиваясь, я двинулся следом и вышел на балкон, что завис над неровным куском реальности с обратной стороны. Там можно было разобрать куцый двор с зонтиковым кафе, рядок машин, беспорядочно набросанных вокруг, арочные ворота с будкой. А за ней — дорожную ленту, пустую, темную, впаянную в перила серых зданий.

— Мне хочется на другой уровень, — после минуты молчаливого созидания сказала Сашенька.

“...прямо сейчас...”

— ...

“...хм...”

— Можешь оставить семь гномов? — пытливо заглянула она мне в лицо.

“...ты должен...”

— Думаю, их надо уводить отсюда, для первого раза достаточно.

— Думаю, они позаботятся о себе сами.

“...тебе пора позаботиться обо мне...”

— Я устал, Сашенька, мне надоел даже пятый.
Я не хочу.

— ...

“...а ведь я ошиблась...”

— ...

“...в тебе...”

— Ты неправильно сказал. Быстрее скажи что-нибудь другое...

— Не хочу.

— Передумай.

— Нет.

— Зачем ты так? Зачем тебе надо было все испортить? — Неожиданно она отстранилась.

— В смысле?

— Все было так хорошо, а ты взял и испортил... — Хитрые глаза недобро блестели.

“...не понимаю тебя...”

— ...

— Говори же что-нибудь!

“...исправь!..”

Я не говорил.

— Если ты сейчас не ответишь, я сделаю то, что не хочу делать, — пригрозила Сашенька.

— Прекрати, пожалуйста.

“...не надо...”

— Знаешь, у меня сейчас ощущение, будто наши отношения — веревочка, и на ней выросли стены. Высокие... — Она увела глаза в сторону, не позволяя мне туда заглядывать.

“...с шипами...”

— Зачем ты...

“...не понимай меня так...”

— Ничего. Я пойду туда одна.

— Пойдем вместе.

— Я поеду одна! Стены не позволят поехать туда вместе. Правда, мы можем поехать раздельно. Ты в одном такси, я в другом. И там, словно не знаем друг друга...

“...даже не будем смотреть друг на друга...”

— Я передумал. Я хочу туда, очень хочу. — Я попытался приблизиться к ней.

“...я уже там...”

Она молча отодвинулась, отстраненно улыбаясь. Настолько холодно, что меня передернуло. Стало неуютно.

— Зачем ты так? — Глаза мои мстительно прищурились.

“...веселишься, сука?..”

— Стены, — тихо пояснила она. — Мне уже пора... скоро...

— Убери их.

— Не могу. — Вид нарисовался такой, будто от нее и в самом деле ничего не зависело.

“...извини...”

— Хочу, — устало процедил я.

“...извини!..”

— Поздно! — Лик ее выражал сожаление. Много всяких сожалений, от вида которых на ее лице мне стало плохо.

— Извини. — Я пошел на крайность, на которую редко позволял себе идти. И с тех пор делал

это еще очень много раз на один квадратный день. Создавалось ощущение, что я выговаривался за те девяносто девять случаев, когда не сказал ничего подобного.

Сашенька скучающе разглядывала свои длинные ногти.

Откуда-то снизу мозг окатило ледяным спокойствием, я резко расслабился, хотя секунду назад трепыхался в беспомощном напряжении. Глаза стали еще уже, и в минуту насильственной командой я все переосмыслил в корне и покрыл отталкивающей краской мужского цинизма. Тогда я мог совершать такие подвиги.

Точно ветром меня сорвало с проклятого балкона. Я не стал более ничего комментировать и поменял пятый уровень на четвертый.

Меня обожгло абсолют, который теперь свирепствовал здесь. Чтобы отогнать странное ощущение победы-поражения, я влился в него со всего размаху. И через пять минут выбрался опустошенным.

Ядовитые языки звука с трудом отпускали меня, их раздвоенные кончики захлестывали тело, оставляя рваные раны не только на коже, но и на душе и в мыслях.

Странные месяцы света расплескало по стономам, в совокупности они выглядели сотнями дьявольских ртов, истерично надо мной хохочущих оглушающим голосом музыки.

Край моего глаза опять поймал призрачное мерцание, она курсировала где-то рядом, совсем

недалеко. Видела меня, но старалась, чтобы я не видел ее. Я и не стремился, пожелав покинуть измерение и на ходу вдеваясь в перемещенную когда-то на пояс майку.

Лестница, битая плитка, темный портал вновь встретили меня. Я хотел, чтобы это произошло быстро. Целился воспаленной головой глубоко прочь отсюда. Я хотел ощутить на себе тяжелое неповоротливое тело реальности, разmozжить себя им, придавить крепко-накрепко к плоскости. Однако сильные тонкие руки со сложным длинным ярким маникюром неожиданно и цепко оплели мои стремящиеся плечи, шею, голову. Их замок был настолько уютен и крепок, что я мгновенно обмяк, тело мое замерло...

...ослабло...

...повисло...

...поддалось...

“...ТЫ МОЙ...”

Ур и Ит

Странный, странный ночной мир.

Проблески цивилизации остались далеко позади. Впереди асфальтовая лента, вьется, мечется, кидается влево, вправо, намереваясь сбросить тебя со своего разбитого, старого тела. Клонятся к земле деревья, взявшиеся за руки, темь придала их морщинистым лицам осмысленное выражение. Лобовое стекло замылено горой еще дневных трупов сдуру выбившихся на шоссе насекомых, вздумавших помахать в этой зоне смерти прозрачными крылышками. Они лишились движения так же неожиданно и непонятно, как это движение было приобретено ими.

Ухо полно музыки для медитаций. Трели распыскивает во все стороны старенький “Пионер”, который все тщится исполнять свои функции исправно, выбрасывая на табло марсианскую белиберду палочек и точек. Последние некогда были осмысленными знаками, а ныне — еще одно

звено ночного северного мистицизма. Того, что вдруг часто задышал в боковые стекла, швырнул дорогу куда-то круто вниз и утопил автомобиль в глубоком тумане, будто во сне. Зачарованно завертелись на уставших шеях тяжелые головы, высматривая в белой повсеместности злоеющие деревья, волшебные поля, рыжие скирды и жальщие лазеры чужих фар.

Самодовольное “Билайн” исчезло с экрана телефона, вынутого для неведомой цели, вспомнить которую в туманной пропасти, где растится ощущение одиночества и замкнутости, никто не в состоянии. Рука хватает вторую трубку, трубку водителя, но и там уже нет той самой надписи. Вместо нее прорезается иное — неведомые кабалистические знаки, сопряженные со знакомой приставкой — GSM. Последнее есть символ мира, что остался за спиной. Ты в рамках дорожного однообразия, где даже нет асфальта, а лишь бледная отрывистая полоса разметки, клочья тумана и странная вечность. Пусть часы послушно тикают, времени куда больше, чем думалось и чем могло бы быть.

И опять телефонные спазмы. Опять попытался народиться старый символ, и снова победил новый знак. Составное звено северного сияния, которое не дает чувствовать время. Зато четко познаешь плавный переход из одной реальности в другую.

Кто-то другой решил позаботиться о части нашей жизни — телефонах. Со сменой старого

значка пришло ощущение, что наше автовторжение прошло не столь уж незаметно. Зря полагали, что ночь и туман надежно спрячут две дымящиеся головы в искристо-белой карете современности. Кто-то так же чувствует чужую жизнь, как чужая жизнь почувствовала его. Кто-то дает знак, кто-то приветствует приход в его родной мир — непонятные послания свихнувшегося “Пионера” в виде мириада точек и палочек, моргающих, пропадающих и меняющих даже музыку. Она одну часть дороги звучала так, теперь — из тех же инструментов, через те же аккорды выплеснулась иначе.

Точка М. плавно изменилась и стала точкой П. Старое осталось далеко позади, новое разверзлось.

Туман закончился так же быстро, как начался. Видимо, он служил чем-то вроде границы. Отдельные облачка попадались и дальше: цепляющиеся за кроны, лежащие на камнях, бегающие по полям, вразвалочку переходящие зону смерти прямо под оскаленным тупорылым металлическим носом.

Давно не было видно людей, каждый встречный или обогнанный автомобиль ожидался с замиранием сердца. Он свидетельствовал о том, что одиночество и замкнутость — лишь реакция мозга на погружение в нечто перпендикулярное тому, к чему существовала привычка.

— Я думал, дорога будет лучше, — задумчиво глядя в ничто, что нарезалось фарами, заявил водитель.

— Должна быть лучше, — пожал плечами штурман. — Хотя я обычно поездом.

— Точно не используется, — словно не для кого констатировал Ит.

— А может, мы сбились с дороги? — предположил Ур. — Мы что-то так долго ехали, музыка играла, мысли разные, могли и проскочить не там. Сейчас движемся по направлению в другое место.

— Не должны, — посерьезнел Ит.

Они помолчали.

Было время, когда дорога утомила. Не хотелось вертеться и выяснять, когда хочется верить, что вокруг лишь напрасные страхи, дорога все та же, а расстояние сокращается.

Их связь с внешним миром вдруг сама собой переложилась на чужие плечи, словно к ним подключилась другая галактика. Это означало, что контакт со старой зоной потерян.

С неба смылась луна, туман принялся виться кольцами, протягивая арканные шлейфы. Нос машины то взлетал, то чуть опускался, отображая крутость пути, и проступала глянцевая темнота, что безуспешно вспахивалась световыми плугами. То ли проявилась злая ночь, то ли слева и справа ничего не было, но создалось ощущение, словно дорожная лента вместе с разметкой висит в воздухе, попробуй сбиться с пути — и падение будет вечно.

— А вообще, — вдруг произнес Ит, — я бы вышел ненадолго из машины.

— Кажется, дождь собирается, — поежился в окно Ур. — Пять утра, там, наверное, холодно.

— А мне хочется, — заявил Ит. — Нужно по-есть, умыться, и вообще — не дурно бы поменяться местами. Я устал.

— Прости, — отозвался Ур. — Я в принципе готов. Зря только пил пиво.

— А что пиво?

— Как-никак две бутылки, — улыбнулся Ур. — Но это неважно, я готов.

— Хм...

Машина уклонилась чуть вправо, цепляя правой стороной громкоголосый гравий.

Автопутников затрясло, и через секунду машина остановилась. Щелкнули двери, и оба катапультировались в естественную природу, обдающую влажным утренним дыханием. Узкая красная полоска появилась далеко впереди у горизонта, обозначая скорый приход светлоголого солнца.

Ур взялся разложить на капоте журнал, куда спустя мгновение приземлился тяжелый блестящий термос и задымилась пара пластмассовых стаканов. Нашли пакет, собранный Уром, там были бутерброды в фольге, сырки, шоколад, два яблока. Все это легло туда же, чтобы вскоре исчезнуть вовсе.

Ощущалось дыхание жизни.

Чувствовалась бодрящая влажность, все виделось, точно сквозь новейший и тончайший целлофан. Путников окружали поля, нарезанные на

кусочки, словно торты, нескончаемые в своей длине, тянущиеся к горизонту, подоткнутые слева размашистой водяной кляксой, подсвеченные скорым рассветом. Хлеб хрустел на зубах, расплавленный сыр пленил зубы. Чай исходил густым ярким паром, и казалось, что пар виден издалека. Это рождало еще одну иллюзию, что якобы смотреть на это некому — ни здесь, ни вообще. Надо всем главенствовала идея о единственном движении в замершей всюду жизни. То было движение пара и челюстей. Куда-то подевались машины, птицы, насекомые. Осталось дыхание окружения и две смутные фигуры с большими глазами, в молчании постигающие происходящее, пьющие чай и поедающие бутерброды.

— У чая есть вкус, — поведал свое наблюдение Ит. — А бутерброд его лишился.

— У этого есть вкус, — провожая пар в небо, сказал Ур. Он не сказал, что именно вкуса не имеет, но это был уже давно заданный вопрос и давно полученный ответ.

Оба они что-то искали.

Первый — отвлечения от падения за духовный борт. Он неожиданно выделил себя из хаотичной упорядоченности мегаполиса, увидел сутолоку со стороны. Люди-звенья, покрывающие своим количеством и энергией заданные цели общества, когда каждое стремление “для себя” преследовало вкупе с прочей массой стремлений общие задачи. Именно этот процесс в отдель-

ности представлял собой систему, что являлась ячейкой другой, глобальной системы, благодаря которой строятся здания, летают в космос аппараты и поливается цветок на подоконнике Ура.

Второй, наоборот, отвлечения от того, что слишком сросся с кристаллической решеткой причин и следствий, которая незаметно выпивает соки, подтачивает организм, пытается нерв и разум. Главное тут — почувствовать миг, когда пора разрубить ненадолго этот узел, состоящий из тысячи узелков. Выйти за рамки таблицы, где тебе подыскано место, и ненадолго зависнуть в воздухе.

Вне.

Это все происходило совсем недавно, до тех пор, пока неведомая сила не наделила эти сумрачные головы странной миссией, непонятной, безумной, но необходимой. В это верили они и не задавали вопросов.

Небо, скопище темных мазков, каждый из которых отличен от собрата. Наложенных на розовое и замешанных в сумасшедший коктейль, со сложными рисунками разных тем. Как извращенное отображение того, что тянется к нему с земли: кусочки поля и зеркало воды, деревья и безлюдность.

Провожая пар, автопутники присоединили этот отрезок реальности к тому, что дышало им в глаза. Места спайки бесшумно соединились, срослись, и стало еще необычнее. Мир увеличился, углы раздались и отдалились, верхняя

планка сиганула вверх, а человеческие головы стали ближе к тому, куда гнет спину сила притяжения. Зафиксировалась малость того, что есть “я” в этом масштабе, загипнотизировали высоты и широты.

“А ведь я не замечал этого раньше”, — подумал Ит.

“Миссия... — думал Ур. — Зачем мне это?”

Нужно было двигаться дальше.

Ангел-4

Прошел месяц, который поделился на семь-восемь телефонных звонков.

— Привет.

— Привет.

— Как ты?

“...судя по тембру, не очень...”

— Плохо.

“...а ты не слышишь?..”

— Почему?

— Встала только.

— Почему так поздно?

“...хм...”

— Так вышло.

“...угадай...”

— Поздно пришла?

— Не помню.

— Расскажи.

— Нет настроения.

“...потом, может быть...”

— Диалог не клеится.

— Можешь положить трубку.

— Думаешь, так будет лучше?

— Я положу тут, ты положишь там.

“...и друг на друга тоже...”

— Как хочешь. — Я остался наедине с гудками.

Понять я вновь ничего не смог, как всегда — позитив клейко мешался с негативом. Она любила все делать первой, и не в последнюю очередь класть трубку. Момент оказался более чем принципиальным. Тогда во мне еще существовало подобие гордости, которое тут же принялось опрыскивать все толстым слоем нигилизма. Покоя не давал один момент — не проступало причинности.

Прошлый разговор закончился нежно, сегодня я позвонил вовремя, как и договаривались. Конфликтность не имела предпосылок с моей стороны, то есть все определялось острым эмоциональным дисбалансом в точке П.

Сумрачно катая желваки, я побродил в четырех стенах. Погрустнело, и я с радостью выплеснулся за окно, дабы сыскать отвлечение. Но покой не явился до тех пор, пока сотовый не затрясся от очередного вызова и на определителе я не увидел ее имя.

— Привет, — сухо вато бросил я в объемную тишину динамика.

— Привет, противный. — Это был тот самый голос, проникновенный и пропитанный кокет-

ством, используемый как оружие, подобно всем прочим ее составляющим. — Я сегодня купила билет к тебе. — Голос капризный, сволочной, чуть истеричный. — Скоро увидимся, и настроение мое улучшится. — Ее приезд и должен был быть, и не должен, о нем говорили, но определенности не следовало, как обычно.

— Замечательно! — Я действительно обрадовался. — Когда?

— Послезавтра. — Она засмеялась. — В пять утра.

— В пять?!

“...ничего не бывает просто...”

— Да. А что? — Вопрос был подчеркнут.

“...ты же имеешь дело со мной...”

— Ничего. Ты — хоть в четыре.

— Правильный ответ! — Голос точно переливался из одного сосуда в другой. — Попробуй только не встретить меня, животное.

— Исключено.

— Целую. Пока. — Я ни разу не слышал, чтобы она прощалась иначе. Всем без исключений она выдавала этот сухой штамп. В самые эмоциональные наши разговоры, на грани лезвия ссоры и перемирия я слышал эту фразу, в которой изредка лишь переставлялись слова.

Гудки отбросили меня на семьсот пятьдесят километров прочь.

Кричащий ветер

“...эмоциональное состояние — минус 7...”

Иногда бывает, что самый интересный жизненный процесс — наблюдать за домашним котом, которого никогда не выводят на улицу, но который часто смотрит в окно, постигая громадный мир за тонким стеклом с нагретого места. Это кошачье телевидение, животному любопытно действо, он поглощен представленной динамикой, но вряд ли стремится туда. Скорее всего в нем брезжит далекое эхо инстинкта, а подсознание выдает смутные картинки быстрого бега в сторону — куда глядят глаза.

Экран окна сегодня целый день проецирует снег с дождем, подобная природная неопределенность сродни душевной меланхолии. Кот замер, точно статуэтка, в комнате стоят все часы. Схематичная фигура — который день — лежит на кровати, не расстилая ее, не меняя позы, и кажется, будто жизнь замерла, в комнате нико-

го нет, лишь окно мельтешит неживыми помехами.

Кроме кота и кровати есть письменный стол с лампой, с одиноким и чистым листом посередине, книжная полка, беспорядочно забитая книгами, вросший в свою тумбу телевизор. Еще — до зеркальности гляцевый безумный шкаф, подражающий Пизанской башне, с всегда открытыми дверцами. Еще — тусклые бра, похожие на насекомых, скрипучий пол, столетний ковер, картина и две тяжелые гантели в углу. На картине изображена точная копия рамки, в которую одета картина, внутри ее находится другая рамка, поменьше, потом — другая, и так до бесконечности. Квадрат помещения одет в некогда светлые обои с частым и увеличенным нотным рисунком.

Неожиданно очень близко за стеной кто-то начинает петь. Это пение по нарастающей раздастся неделю. С каждым днем оно становится все сильнее, а сегодня это почти рев.

Родик вздрагивает, потому что пение это исполинское, так могут петь только джинны. Ни один человек не может петь с такой силой, у него не может быть такого яростно-сильного голоса.

По телу истерично принимаются маршировать бесчисленные армии мурашек, волосы на голове беспорядочно и заметно шевелятся.

На кровати кажется небезопасно, не хочется делать ни шага, но ужасно тянет проверить, что же это такое.

Там кто-то смеется, и от смеха этого дрожат стекла в рамах.

Самоубийца снимает комнату в пятикомнатной квартире, где в каждой из прочих комнат живут женщина среднего возраста — мама и женщина несколько моложе — дочка. Кому-то из них принадлежит и сама квартира.

Приводить никого не разрешается, Родик удивлялся, как ему разрешили здесь жить. Правила строго блюдетсЯ, и, кроме него, здесь не бывало других мужчин, а в свинцовом воздухе пыльных комнат в ленивом восторге порхает малютка шизофрения. Одна из женщин иногда тоже поет, при этом она настолько выжила из ума, что не помнит ни слова из песни. Подсознание невольно выдает старые, некогда потерявшиеся там мотивы, если не выдает — мотив синтезируется самостоятельно. Происходит это и рано утром, и поздно ночью. Она поет лишь звук “ля”, спрягая его во всевозможных тональностях, не жалея голосовых связок, безжалостно тянет несчастные ноты. Она выкладывается так, что невозможно заниматься чем-либо под этот кошмар, даже смотреть телевизор.

Но это — не ее пение. Скорее мужской голос, зычный, пронзительный, вездесущий. Он проявляется вновь, ведЯ неведомый мотив, похохатывая в местах припева, очень ровно и точно накладывающийся на композицию “вне времени”, что представлена в комнате.

Очень медленно, стараясь не скрипеть кроватью, Родик встает и крадучись добирается до двери. Приоткрывает ее и выглядывает в коридор, который, однако, сакраментально пуст, и лишь пустячные картинки замерли на водянистого цвета обоях.

“...кевин кваазен кевин кваазен геквакен геквокен кевин кваазен...”

Родик прикрывает дверь, возвращается обратно, но голос неумолим, он вызывает по телу всевозможные реакции. Кровь приливает к корням волос, голова становится тяжелой. Собственное тело кажется то невесомо легким, то невыносимо бетонным.

Тяжеловесным орнаментом неведомого пения прибавляется отвратительное подобие музыки, негромко зашипевшей, точно змея, после чего возопившей так, что подпрыгивает лампочка под потолком. Она почти оглушительна, злое варево рока, сквозь который едва протискивается писк телефонной трубки, что находится не на базе, а где-то лежит.

Родик слышит писк, понимает, что звонят ему, и ему необходимо найти ее (Ее), услышать важный звонок, но музыка путает поиски. Он понимает еще, что никогда не найдет телефонную трубку, предпочитая бессильно лежать. Со стороны он напоминает психопата, что вьется в петлях предположений, корчась в потолок лицом от предчувствуемой бесполезности метаний или, может, от предчувствия беды. Он даже поч-

ти знает, кто звонит. Он не способен однозначно сказать это именно сейчас, можно сказать, он не способен вспомнить, но он чувствует ту руку, которая набрала цифры.

Появляется странное ощущение — все это будет происходить вечно. Музыка усиливается, и голова начинает гудеть ей в унисон, гул растет неумолимо и постоянно.

К горлу подкатывается волна спазмов, и приходится резко встать, чтобы не осуществилось то, от чего станет еще гадостнее.

Ноты на обоях начинают прыгать с места на место, сам по себе белый лист на столе складывается в аккуратный самолетик и, взлетев, делает петлю вокруг лампы, после чего отважно покидает комнату посредством форточки. Само по себе, с размаху и разбегу, к дрожащему телу приносится окно. Создается ощущение, что оно выпрыгнуло из стены, дабы подпереть локти самоубийцы щербатым подоконником. На нем как был недвижим, так и остался, не повернув головы, серый созидательный кот.

Очень медленно глаза сквозь гулкие удары век фиксируют происходящее на улице.

Схематичный день. Его с невероятной скоростью и под зловеющий аккомпанемент голоса и музыки полосует в клочья дождь-маньяк. Размытые человеческие фигурки, среди которых неожиданно проступает нечто до боли знакомое. К ужасу своему, Родик различает в этой безразличности кибербабку Нокка. Она такая же, как

тогда в метро, и опять делает вид, что не смотрит в его сторону, внимательно разглядывая голубей. Станным образом прочие силуэты также приобретают смысл, переставая выглядеть шахматными фигурками. Они перестают нестись по заданной кривой собственной биографии, выстраиваются в дружные ряды, меняются местами и образуют собой в совокупности стрелку, указывающую прицельно куда-то вниз, под самое окно. Лица всех, удивительно различимые с высоты седьмого этажа, поразительно знакомы.

Родик знает всех и каждого, он смотрит в их до боли знакомые черты и понимает, что они — уже не они. Они улыбаются как всегда, но чуть натянуто, смотрят на него как обычно, и все же это странные взгляды. Они все курят, и это выглядит чуть иначе, при том что многие из них вообще не курят. Их всего человек двадцать, но лиц уже насчитывается более сотни.

Створки окна распахиваются не внутрь, как устроены, а противоестественно наружу.

Тело Родика воспаряет над уродливым камнем подоконника, руки на секунду замирают на его облупленной поверхности, удерживая на миг дурное тело в сложной геометрической фигуре. Потом они все же отталкиваются, и под воцарившуюся тишину лишь кричащий ветер наполняет одежду самоубийцы легкомысленной лаской.

Сердце в этот момент не бьется, оно замерло от страха и ожидания. Мысли же, наоборот,

фонтанируют внутри головы, скоропалительно перемалывая все, что было и что могло быть.

Одежда трепещет, и это самый красивый звук, на который способна ткань. Руки ловят воздух, предательски надеясь найти что-либо, что не будет утекать сквозь пальцы. Кожа не чувствует дождя, точно капли летят мимо. Будто кожа уже не материальна для этого мира.

Секунды хватает, чтобы разглядеть, куда указывала стрелка: это тентовая крыша уродливого автомобильного фургончика. Она гораздо дружелюбнее, нежели суровое лицо асфальта, распростершегося на многие километры вокруг, хотя это нелегкая физика для тела, падающего с высоты седьмого этажа.

“...кевин кваазен кевин кваазен геквакен геквоен...”

Звук самолета — очень странно. Откуда взяться тут звуку самолета, такому близкому, что появляется ощущение — подними руку и ухватишь его за крыло? Предположительно, это моя голова, раз я нахожусь внутри нее. Соответственно любой шум должен быть знаком, или этот самолет — та самая неконтролируемая часть меня, которая порой творит те самые необъяснимые вещи.

Позже звук перестал напоминать мне самолет. Больше он напоминал электрическое гудение, гул чего-то невидимого, но исключительной мощности. Электростанция всегда рядом, когда я совершаю очередной прыжок. Она первая, кто

встречает меня, и именно ее гудение подсказывает мне тогда, когда я еще не понимаю, мои ли это мысли либо это мысли сами по себе, что все-таки опять — я жив.

Определенно в моем теле что-то сломалось. Определенно это нечто горячее, что будто омывает мое тело — боль, понять которую я смогу уже очень скоро, и тогда вопль жизни распахнет все мои поры в их пугающей многочисленности.

Потом забытье, длящееся неопределенное время.

Вот веки вновь приобретают силу. Создается ощущение, что это самое сильное, что есть сейчас в организме Родика.

С шумом они распахиваются, и он оказывается на все той же кровати, замечательной полуторке, до головы накрытый черным блестящим покрывалом. Оно огромное, и большая его часть стелется по полу. Белый потолок полнится голографическими розами, настолько розовыми, что от них начинают слезиться глаза.

Родик пытается пошевелиться, чтобы стряхнуть наваждение, и чувствует сплошную обжигающую пощечину боли. Покрывало чуть сползает, и ниже шеи обнаруживается бинт, еще ниже — гипс, гипс в самом низу, забинтованные пальцы рук, каждый забинтован отдельно. Но дышится удивительно свободно, нет нездоровых пеней и страшной музыки.

В остальном — ничего удивительного, по крайней мере для собственного разума.

Родик озирается, словно восстанавливая в памяти комнату, где, как кажется, не было некоторое время. Ничего не изменилось, даже кот на том же месте. Но в одном из углов комнаты, совершенно неприметно, даже если вглядываться, стоит человек. Одетый в черный халат, на вид из того же материала, что покрывало, неопределенного пола, с белой маской на лице, выражение которой отсутствует — ведь у нее нет мимики. Тем не менее кажется, что это проекция лица, которое спрятано под маской. И черты этого лица слишком мелкие, чтобы быть правильными.

Маска смотрит на него.

Родик пристально вглядывается в маску.

“...кто ты?..”

“...”

“...ты не слышишь меня?..”

— Кто ты? — спрашивает он, наконец осмыслив, что это может продолжаться вечно.

— Есть разница? — вопросом на вопрос отвечает маска, но яснее от этого не становится. Голос звонкий и чуть грубее женского, но нежнее мужского.

— Как зовут тебя? — спрашивает Родик. Сейчас он пытается понять, не грезится ли ему человек в маске.

“...я же должен называть тебя как-то, раз уж ты здесь...”

— Шиза, — отвечает маска сквозь короткую паузу. — Можешь называть меня так.

— Ты — это я? — высказывает предположение Родик, пытаясь приподняться, и морщится от боли.

“...неужели я столкнулся лицом к лицу с собственной шизофренией?..”

— С чего бы это? — фыркает маска.

— Но ты — часть меня? — предполагает Родик.

“...или нет?..”

— Определенно нет. — Маска не согласна. — Может, позже, но не факт.

— Уже легче, — вздыхает самоубийца, в бессилии откидываясь на подушки. Они большие и очень глубокие.

— В чем легкость? — Маска покидает свой угол и медленно плывет по комнате, мимо книжной полки, мимо кровати, мимо насекомоподобных бра. К пустому месту на стене, где логично смотрелась бы картинка.

— В том, что ты не часть меня, — объясняет Родик. — У тебя странное имя.

“...оно пугает меня...”

— Это псевдоним, — отвечает маска, поворачиваясь к Родiku личиной. — А значит... ничего не значит. Я хочу выпить. Хочешь выпить?

— У меня ничего нет, — покопался в памяти наш герой.

Маска молчит. Она поднимает небольшую белую ладонь и проводит ею вдоль стены. Тут же водянистого цвета обои в том месте отслаиваются, открывается скрытая в стене ниша, а на месте отслоения оказывается полочка.

Приподнявшийся сквозь боль Родик видит радужный блеск бутылок.

— Скрытые запасы кое-кого, — поясняет маска, звеня посудой.

— Какого ты пола? — спрашивает Родик.

Этот вопрос ему кажется исполненным первостепенной важности. Он пытливо копается в фигуре маски, дабы вычислить самостоятельно, если она не захочет разоблачаться.

Маска не отвечает. Она наливает нечто из коричневой бутылки в два низких, но широких стакана, ставит сосуд обратно в стену и медленно поворачивается. Берется за полы халата и туго натягивает его на собственном теле. Отчетливо проступают широкие бедра и выпуклости в известных местах.

— Еще есть вопросы? — спрашивает маска.

— Я знаю тебя? — Родик начинает нравиться эта игра.

“...Сашка?..”

— Нет, — уверенно отвечает маска. — Но теперь будешь знать...

— Ты покажешь мне свое лицо? — Родик наблюдает, как незнакомка берет стаканы и медленно, но неумолимо двигается в его сторону.

Однако “сашконометр” молчит.

— Может быть, — отвечает маска. — Но не обязательно...

Она садится на край кровати в ногах Родика и протягивает ему посудину с занятно колышущейся там медной субстанцией.

Он видит, что у маски очень красивые руки, или по крайней мере ему кажется так.

— От чего это зависит, Шиза?

“...любопытно, как называть тебя ласково...”

— Понравишься ты мне или нет, — улыбается маска, до того неподвижная. — От чего это обычно зависит?

— Что мы пьем?

“...могу ли я доверять тебе?..”

— Это конопляное пиво, — отвечает она, и опять улыбается.

Вначале они выпивают все конопляное пиво, которое вмещает таинственный бар в комнате самоубийцы. Потом принимаются за шампанское, затем иссушают виски. Настает черед мартини, и, когда оно вполне логично заканчивается, принимают к сведению коньяк. Следом в баре умирают все соки. И после всего этого приходит жуткое нечеловеческое похмелье.

В тот момент Родик уже лишается части гипса и бинтов, которые разлетаются сами собой в пьяных бдениях. В подсознании погибают болевые эффекты, но голова саднит ужасно — мозг мелкой дрожью бьется о стенки черепной коробки.

Маска спит рядом. Ее лицо всегда безмятежно, халата на ней нет, а если быть более точным — она нага. Пьяные феерии привели к естественному результату сближения полов, а в этом случае произошло слияние всех трех — горизонтального, мужского и женского. Черная блестящая ткань растерзана на куски, а цвет кожи молодого

тела слился с цветом маски, которую она отказалась снимать.

— Отдайся, — сказал он ей одно слово в предопределенный момент, и она отдалась.

— Забавно, — сказал Родик уже после того, как общий электрический разряд всколыхнул их мускулы и разум и на смену этому пришел этап бессилия и неги. — Маска настолько хорошо подобрана по цвету, что смотрится частью тебя...

— Она и есть часть меня, — ответила маска, стремясь уклониться от диалогов — в сон.

— В каком смысле? — шепчет ей на ухо Родик, не в силах забыть, как попробовал он убрать этот загадочный атрибут во время любви, но как не поддался он, даже не выдал места, где материал единится с кожей.

— Все мы носим маски, — сквозь сон произносит незнакомка. — В той или иной степени.

— Бывают моменты, когда нужно показывать настоящее лицо, — говорит самоубийца, но ему не отвечают.

Маска спит, и сна ее не слышно.

Родик встает, курит сигарету, что сливается цветом с его забинтованными пальцами. Вглядывается в улицу сквозь невидимое тело стекла. Там же так же предается сновидениям флегматичный кот, и лишь ухо его изредка дергается, семафоря о событиях в драматическом мире Морфея.

Замечая все это, видя все тот же дождь за окном, что смазывает любые картинки, а ули-

цу делает безлюдной, Родик вдруг подвергается странному гипнозу кошачьего уха. Оно неожиданно привлекает его внимание, и вслед приходит невыносимая жажда сна.

Почему-то самоубийца начинает сопротивляться. Первой мыслью становится выпить кофе, что он стремительно и делает, чувствуя, как титаническая сила валит его с ног.

Кофе дает обратный эффект, и очертания комнаты начинают плыть перед глазами. Тело деревенеет, и, едва добравшись до кровати, Родик проваливается в самый глубокий из когда-либо донимавших его снов.

Кажется, сон длится бесконечно. В темноте дремлющего подсознания мелькают черно-белые виды быта: завтраки и обеды, какие-то встречи, походы в кино и куда-то еще, шопинги, просыпание в одной постели и вечернее общее укладывание в нее же. Само собой, секс и всяческие его прелюдии, такие сцены преобладают, в качестве второго актера — неизменно белое лицо маски.

Во сне Родик удивляется, как же невыносимо долго он спит. В углах разума теплится осознание сна, при этом мельтешащие картинки ассоциируются с жизнью. Кое-что из происходящего явно до мелочей, но тем не менее остро чувствуется повторяемость событий. Мытье посуды наслаивается на интим, а поцелуй неулыбчивого рта единится с молчаливой поездкой в никуда. Вскоре новые сцены становятся редкостью. Раз-

ум, будто устав от разнообразия, замешивает односложное варево — остаются только сексуальные сцены. Их непроглядно много. Они проецируются очень быстро, меняется лишь фон, положения тел, главное остается неизменным — механические фрикции, из которых словно выпотрошили любое проявление эмоций.

Тело начинает сводить. Чем больше телесных картинок со скучными движениями, тем больше тонкая зудящая боль начинает мелко терзать кончики пальцев рук и ног. Потом она впрыскивается глубоко в тело, приводя к его излому в отвратительной истерике мышц, к скорому бессмысленному их сокращению.

От этого Родик просыпается.

Лицо маски возвышается над ним. О чем оно думает — непонятно, и самоубийце становится не по себе — тоскливо и отвратительно.

— Ты должна показать мне лицо, — решительно говорит он неулыбчивому рту.

— Должна ли? — спрашивает маска.

Родик смотрит ей за плечо: комната изменилась, а точнее — исчезла. Вокруг царствует крошечная тьма, не видно дальше кровати, которая по-прежнему отчетлива в тех местах, где нет черного, как уголь, покрывала.

— Почему так темно? — спрашивает Родик у маски.

— Не знаю, — отвечает она резким голосом. — Я проснулась, так уже было, а ты спал невыносимо долго.

Родик приподнимается, пытаясь найти пищу зрению за пределами кровати, но вокруг угольный мрак. Есть лишь кровать, и они на кровати. Так темно в комнате не было никогда.

— Ты должна показать мне лицо, — повторяет Родик.

Маска молчит.

Взгляд ее вязнет в нигде.

Пауза длится около десяти минут. Как только самоубийца открывает рот, чтобы в третий раз произнести требование, он понимает, что маски уже нет. Человек остался лежать на месте, как и лежал, но маска с лица пропала. Особых изменений не произошло, маска действительно плотно облежала лицо своей хозяйки, так что основная направленность черт сохранилась. Скорее даже это была маска, у которой не имелось собственного лица. Ее лицом становились черты, на которые она накладывалась.

Этой малости хватило, чтобы Родик сумел распознать в женщине дочку хозяйки квартиры. Очень привлекательную, самую привлекательную из всех дочек и вообще женщин, населявших это не очень большое количество квадратов.

— Я нравлюсь тебе? — спрашивает бывшая маска.

— Более чем, — отвечает Родик онемевшим ртом. — Мне трудно расшифровать, что означает та или иная моя реакция, но, кажется, я с ума схожу по тебе. Не знаю, что я делал и буду делать без тебя.

“...правда в том, что женщина не должна понимать твоего отношения к ней, по крайней мере женщина, которая действительно нужна тебе, и это знание можно часто использовать как оружие, порождающее обратный эффект...”

— Я влюбилась в тебя, — признается маска. — С тобой хорошо.

— ...

“...но иногда таким образом можно наступить на мину настоящей любви, живущей лишь в одной голове из двух, которая при этом не подзревает, что нельзя говорить подобное особи сильного пола...”

— Я пыталась нащупать пол, но его нет, — продолжает маска.

— Что ты имеешь в виду? — Родик пристально вглядывается в лицо.

— Я хотела найти пепельницу. Но не смогла нащупать пол, который был до того, как мы уснули, и где стояла пепельница, которую я сама туда поставила. Такое ощущение, что мы висим в воздухе.

“...хм...”

— Ты сошла с ума? — Родик приподнимается на локтях. — Как такое может быть?

— Попробуй сам, — говорит маска.

Родик садится на кровати. В теле его нет боли, поэтому он с сомнением оглядывает бинты, стягивающие его грудь и пальцы. Осторожно выбирается из-под сливающегося с тьмой покрывала

и осторожно подбирается к краю кровати. Щупает рукой, пытается найти твердь стопой.

Лицо его искажается в маске изумления — пола действительно нет.

Он находит в кровати некогда забытую зажигалку, кидает ее вниз, но звука падения не слышно.

— Где мы? — спрашивает маска.

— Висим где-то, — отвечает ей Родик, выглядя растерянным.

— Что делать? — спрашивает его маска.

— Висеть, — пожимает плечами Родик и откидывается на спину. — По крайней мере постель — лучшее место, которым можно быть ограниченным.

— И я думаю так, — соглашается маска, в голове ее сквозит облегчение. — С тобой я могла бы находиться тут вечно.

От такой жуткой фантазии Родику становится не по себе. Созревает острое сигаретное желание, но сигарет тоже нет. Желание любви давно прошло. Становится понятно, что ограниченность в кровати — рознь ограниченности в кровати.

— Разве так бывает? — подает голос маска, и самоубийца понимает, что успел уснуть и что она только что его разбудила. — По-моему, так не должно быть. — Черная простыня, из-под которой коротко растут его грудь и голова, сливаясь с тьмой, рождает ложное чувство, что ничего более и нет.

— По-моему, тоже. — По его затуманенным глазам становится ясно — он имел в виду что-то абсолютно свое, и даже не половину своего тела.

Проходит неизвестное количество времени.

Преимущественно они молчат, меняют позы, то засыпают, то просыпаются. Вскоре появляется ощущение, что уснуть не удастся никогда, слишком много сна было.

Скука наполняет члены самоубийцы до краев, и он слышит острое желание расчесать в кровь тело. Весь тканевый материал, доступный рукам, превращается в веревочное целое, кроме покрывала, которое не удастся порвать и приходится использовать целиком. Закрепившись в изголовье кровати, Родик мечет самодельный канат вниз и, уже не силах смотреть на влюбленное лицо маски, не говоря ни слова, соскальзывает вниз.

— Если ты не вернешься через пять минут, — слышит он себе вслед, — я отвяжу тебя. — Голос маски подтверждает, что она не шутит.

Ткань в ладонях заканчивается мгновенно, вокруг все та же тьма, при которой глаза бесполезны. Глянув вверх, самоубийца едва различает призрачное беление простыни, но кровати не видно. Выбор невелик: назад в вечность или вниз в неизвестность, а время на размышление ограничено пятью минутами. На память приходит зажигалка, чей звук так и не был услышан, в темноте проступает лицо маски, которое до смерти надоело самоубийце.

Он отпускает одну руку, второй крепко держась за заветный простынный кончик.

“...вот с таких пор и начинают нравиться окна...”

Чернь манит, словно человеческим голосом. Родик не думает долго. В конце концов падения и полеты — в какой-то степени его стихия.

Пальцы разжимаются, сердце подлетает к горлу.

Некоторое время будто ничего не происходит, наш герой перестает даже понимать — летит он или нет.

Ощутимо холодает.

Мрак начинает разжижаться на глазах, что становятся способны исполнять свою функцию.

Родик убеждается, что летит камнем вниз, руки его истерично цепляются за воздух, паника взрывается без того нервное мясо мозга.

“...не цепляйся...” — подсказывает кто-то.

На секунду Родик замирает, так как голос знаком. Но он слишком напуган, чтобы распознать владельца голоса.

“...просто лети...” — подсказывает он.

Самоубийца взмахивает руками так, как если бы имел крылья, взмахивает уверенно и широко, раз за разом усиливая силу взмаха. Падение резко замедляется, становится возможным оглядеться, и оказывается, что тело нашего героя мелко дрожит в словно нарисованном небе. Внизу темнеют крыши домов, это высотные дома, но наш герой машет руками гораздо выше их.

“...не маши руками...” — хохочет кто-то невидимый рядом.

Более того, самоубийца уже знает, кто это.

Он перестает дергать руками, которые отчетливо занемели, но падения не происходит. Лишь ветер шелестит бинтами, и странное тонкое предчувствие, как игла, пронизывает тело.

Под ногами нет ничего, от этого внутренности пробирает дрожь, руки безумно щупают воздух, тщась найти в нем твердые частицы.

Холодно, ледяные потоки накатывают, точно волны, — следующий холоднее предыдущего.

“...как тебе крылышки?..” — рисуется из небесной сини Сашка, она абсолютно нага, смертельно хороша, а тонкий рот несет на себе кровавый цвет помады. За спиной горят переливчатой прозрачностью большие стрекозиные крылья. Они мелко дрожат, благодаря чему бестия не только не падает, но и чертит между облаками сложные фигуры.

“...идут тебе...” — не раскрывая рта, отвечает Родик.

За своей спиной он замечает такие же крылья. Почти неразличимые, но солнечные и ослепительные, словно собранные из чистейшей мозаики цвета слезы, дрожащие в синхронной истоме, благодаря которой самоубийца понимает, что может летать.

Он взвивает ввысь, едва не столкнувшись с большой загадочной птицей, чье поразительно умное лицо напоминает ему человеческое. Последние бинты опадают с его тела, и наш герой оказывается наг.

Становится еще холоднее, тело немеет, а Сашка неумолимо догоняет, хохоча и красуясь, хотя он и пытается оторваться.

“...где я?..” — спрашивает Родик, тормозя в воздухе и поворачиваясь к ней лицом. Кровавые губы оставляют след на его лице, хотя он пытается уклониться от поцелуя. Сашка очень ловко оказывается за его спиной, хватается руками за крылья, парализуя их замечательное шевеление.

Два голых стройных молодых тела с жуткой красотой и скоростью летят вниз. При этом она беспрерывно целует его короткими, острыми поцелуями, схватив так, что он почти не может оказывать сопротивление. Тем не менее Родик отчаянно пытается вырваться.

“...в моей голове, тварь...” — зло говорит она ему в лицо, и слова эти обжигают его так, что появляется стойкое ощущение, что лица больше нет.

Резким рывком Родик все же освобождается.

Крылья вновь ударяются в синхронную дрожь, и на уровне крыш высоток самоубийца пытается упорхнуть спиной вперед, не выпуская из поля глаз бесстыдную фурию.

“...нечего мне тут делать...” — зло выплевывает он в ее сторону.

Лицо ее становится страшным, металлическим, рот исчезает.

“...я убереу тебя отсюда...” — в руках ее появляется металлическая трубочка.

Прежде чем Родик успевает что-либо осмыслить, она приставляет ее ко рту. Через секундное надутие щек в сторону прыгуна отправляется стремительный металлический шарик. Его идеально круглое и неуловимо маленькое шустрое тело беззвучно проносится над плечом самоубийцы и в мелкую крошку разносит левое крыло.

Единение с небом нарушается, Родика швыряет в сторону и вниз. Он вновь начинает истерично ловить воздух, который совершенно ему не дается.

“...я убью тебя...” — слышит он ледяной и такой близкий шепот в самое ухо, от этого делается больно. Сашка налетает откуда-то сбоку и бесшумным плевком разметает в прозрачную пыль правое крыло.

Небо становится чужим.

Оно отвергает тело Родика, что с диким воплем устремляет вниз, теряя из виду голую убийцу, перестав чувствовать что-либо, кроме падения и холода.

Опять лишь кричащий ветер наполняет волосы самоубийцы легкомысленной лаской.

Сердце не бьется, оно замерло от страха и ожидания. Мысли же, наоборот, фонтанируют внутри головы, скоропалительно перемалывая все, что было и что могло быть. Руки точно ловят воздух, предательски надеясь найти что-либо, что не будет утекать сквозь пальцы. Кожа не чувствует дождя, точно капли летят мимо, будто эта кожа уже не материальна для этого мира.

Внизу — парк, полный еще зеленой травы. Он гораздо дружелюбнее, нежели суровое лицо асфальта, распростершегося на многие километры вокруг, хотя это нелегкая физика для тела, падающего с высоты девятого этажа...

Точно не наяву в голове появляется голос ма-ски:

— Чтобы выбраться, не надо было прыгать в окно, — сухо произносит он. — Надо было просто залезть под одеяло. Оно не случайно было таким черным, как то место, где мы висели. Если залезть под одеяло и ползти, как я сделала, ты через некоторое время оказываешься там, где заснул...

“...кевин кваазен кевин кваазен геквакен гек-вокен...”

Ангел-22

- Привет...
- Да, привет, да...
- Ты в пути куда-то?
- Я? Да, где-то тут.
- Это где?
- В парке я, в парке.
- В каком еще парке?
- Не знаю я, черт. Какой-то парк.
- Как ты туда попала?
- Забрела. Ногами.
- Уже поздно.
- А я не знаю?
- Ты одна?
- Нет.
- С кем ты?
- Один знакомый.
- Знакомый? Кто он?
- Тебе, видимо, было бы лучше, чтобы я была одна. В темном парке. Тут так страшно, даже вдвоем.
- Одна бы ты не была в парке. С кем ты?

— Была бы. Ты его не знаешь.

— И мне от этого должно стать легче?

— Нет, наверное.

— Я должен все это терпеть?

— Что — все это?

— Не понимаешь?

— Наверное, понимаю.

— Уверен, что да. Ты умная девочка.

— Известно.

— Только иногда пользуешься своим умом во вред...

— Когда это?

— Я знаю — когда.

— Мне тут страшно, а ты...

— Неужели некому помочь? Защитить, обогреть...

— Ты меня благословляешь?

— Нет, конечно.

— Успокойся, верь мне. Завтра ты приедешь, а пока мне скучно.

— ...

— Тебе нечего бояться.

— ...

— Слышишь меня?

— ...

— Не молчи, меня это бесит.

— ...

— Не пошел бы ты...

— Куда?!

— Собирать вещи ко мне.

“...я люблю тебя...”

Ангел-5

Пять утра, и как данность: мое местонахождение в самом неприятном месте в мире, в котором возможно оказаться в столь ранний час.

Поезд походил на дьявола, его недобрая запыленная морда выглядела угрожающе. Он пронзительно шипел, и весьма нездоровыми выглядели лица как у помятых проводниц, так и у несущейся навстречу публики.

Дело в отсутствии сна, загнанного энергетическими напитками глубоко в подсознание, и в том, что недавнее пьянство только-только смылось с собственной физиономии. Поэтому люди, бегущие мимо, показались мне демонической свитой единственного пассажира, ради которого я здесь оказался.

Странно, но еще ночью, за несколько часов до моего появления на трех вокзалах, куда, как известно, приходит множество поездов с самых разных точек одной огромной точки Р., у меня

нестерпимо начало чесаться в области сердца. Началось это так, как обычно — начинается и сразу заканчивается легкий, ничего не значащий зуд. Но прошло немного времени, и он повторился. Потом опять, все сильнее и сквозь более короткую паузу.

Сейчас сердце чесалось постоянно, я усилием воли пытался забыть, но то и дело скреб пальцами вокруг левого соска, где наметилась кровавая ранка.

Я неэмоционально разглядывал темные стекла электровоза, сквозь них не проступало ни малейшего движения. Я со зловещим спокойствием думал, что этот поезд вполне мог приехать сам по себе, управляемый самим собой, а при желании — и прилететь.

Разум мой дрожал в мелкой ряби, глубоко внутри пенилось волнение, и тело изредка встряхивала блуждающая дрожь. Снаружи вид мой казался отрешенным таким образом, когда кажется, что ты наблюдаешь за кем-то со стороны.

Человеческий поток начал редеть, на перроне остались только голуби и люди в синих формах.

Я вынул из кармана джинсов телефон и набрал номер, выбитый на меди моей памяти, на самом высоком месте.

Механический голос иносказательно посоветовал мне расслабиться и сгенерировать другой способ достижения определенности в моем психическом мире.

“...где же ты...”

В то время мы еще не умели общаться таким образом. Наша общая точка соприкосновения еще лежала за границей восприятия, ожидая, когда эмоционально возбужденные души отыщут ее.

“...где ты, маленький монстр...”

На этой мысли она появилась, словно впрыгнула в трещину реальности, не предоставив возможности понять даже, из какого вагона. Схематично нарисовалась вдали и вознамерилась увеличиваться, позволив разобрать в скором времени льняные брюки песочного цвета и белую майку с рисунком улыбающегося, сильно напмаженного рта. А также большую красную прямоугольную сумку на колесиках, ползущую рядом будто своими силами.

Она не улыбалась, лицо выглядело заспанным и злым.

Я слегка споткнулся в собственных эмоциях и даже сник, но неожиданно Сашка крепко обняла меня, а ее голова оказалась у меня на плече. Она поцеловала меня в шею, затем в щеку, затем в губы.

Я онемел.

— Я знаю, о чем ты думал, — заявила она, заглядывая мне в глаза, ища там нужные ей ответы на неизвестные мне вопросы. — И так могло произойти, но не произошло. В последний момент я решила, что нам нужно увидеться.

— Приветствую твоё решение, — сказал я, принимая в бесчувственные пальцы длинную ручку ее сумки. — Роскошно выглядишь.

— Вряд ли, — не поверила Сашенька. — Я только проснулась. Меня будил весь вагон.

Я не согласился:

— Ты слишком юна, чтобы подобные мелочи сказывались на внешности.

Мы синхронно показали демоническому поезду спины и медленно побрели прочь.

Раннее утро, отсутствие целей, предвкушение совместного нахождения, лето с его солнцем и уютом — все это способствовало незаметному выводу ситуации в местоположение вне времени.

— Куда мы идем? — остановилась моя демоническая девочка, когда мы покинули здание беспокойного вокзала. Вместе с ней зачарованно завис целый мир.

— Домой, — предложил я, пожимая плечами. — Ко мне домой. А что? — На нас пристально смотрели замершие представители бездомной общественности, голубиная армия, разметавшая пестрой мозаикой автомобили.

“...дом, который я приготовил для тебя...”

— Нет, — уверенно отрезала моя гостья. — К тебе мы не пойдем. Пока. — Она уклонилась резко в сторону, уверенно зашагав в собственном направлении сквозь невесть откуда примчавшуюся морось.

— Почему? — Шум колесиков ее сумки заглушил меня.

Но спустя минутную паузу она ответила через плечо:

— Я должна привыкнуть. В твоих стенах ты будешь иметь надо мной преимущество.

“...это неправильно...”

“...непонятно...”

Дождь насытил темным тоном вроде бы робкую мягкость оттенков раннего утра, оживляя декорации и ткани на наших телах.

С замечательно взрослым выражением на юном лице Сашенька закурила.

Грудь моя все так же невыносимо чесалась, и я почти бежал, пытаюсь успевать за гостей. При этом уши начисто закладывал шум колесиков удивительно тяжелой сумки, а левый сосок почти стерся в пыль под воздействием остервенелых пальцев.

“...потерпи...” — услышал я второй раз слова из ниоткуда.

Кажется, они рождались в моей голове, так как по Сашкиному затылку не было заметно, чтобы она пыталась что-то сказать.

Вскоре я потерял ее из вида, тем не менее отчетливо представляя, в какую сторону мне нужно двигаться.

Свинцовая тяжесть сумки превращала правую руку в реку боли, но я терпеливо греб вперед, принимая лицом дождевую сыпь и щупая взглядом впереди себя.

Мучительное путешествие продолжалось около получаса, разбавленное светофорами, подземными переходами, будто абсолютно бессмысленными движениями сквозь гигантские

универмаги и будто одинаковые проулки. После чего неожиданно закончилось возле высотного здания гостиницы, исполосованной строительными лесами.

Там я нашел Сашеньку, что со спокойным лицом курила очередную сигарету возле явно неживых дверей, которые когда-то умели раздвигаться, а сейчас мертво покоились, не позволяя даже разглядеть что-либо через заляпанное краской стекло.

— По-моему, она не работает, — заявил я, приблизившись. Сумка остановилась, и уши точно обожгла комариная тишина.

— С чего это? — фыркнула Сашенька. На ней оказалась другая майка, нежно-салатового цвета, с едва различимой надписью — "...тебе это необходимо...", и тугие джинсы в цвет дождя.

— По-моему, ее собираются сносить, — сказал я, покопавшись в памяти. — Взрывом.

— По-моему, ты ошибаешься, — с сомнением поджала она губы и уверенно ступила к дремлющей двери, чьи створки удивительным образом абсолютно бесшумно разбежались в стороны, а затем сомкнулись за ее фигурной спиной.

Шум колесиков сумки опять стал невыносим, морщась от их отвратительной музыки, я последовал за Сашкой.

Створки с готовностью распахнулись и пропустили меня в царствие пыли. Она висела и клубилась везде, живыми комками суетилась вокруг ног, величественно плавала в воздухе, в

назойливой ласке обнимала предметы. Даже ключ, который лежал на длинной рыжей стойке рецепшн, оказался почти незаметен под тяжестью мохнатого пальто.

Под ногами покоился мраморный пол, стилизованный под шахматную доску, отраженную в кривом зеркале. Однотонные серые стены с вросшими в их тела колоннами и иссеченной паутиной лепниной служили декорациями при высоченном потолке, напряженном от тяжести многоэлементных люстр.

Имелось множество громоздящихся по диагонали балконов, к которым следовало отыскать лестницу с несомненно ковровой дорожкой.

— Зачем мы здесь? — спросил я, оглядываясь по сторонам.

Сашка вела себя так, точно провела в этом здании кучу времени. Она молниеносно отыскала ключ, затем взяла меня за руку, и спустя минуту мы уже стояли пред зеркальным металлом лифтовых дверей. Последние были испещрены мириадами известковых прыщиков.

Разглядев себя там, Сашенька замерла в строгой пристальности, а затем объявила:

— Какая же я красивая! — В глазах ее сверкнуло искреннее восхищение и что-то еще, что для себя я расшифровал как зависть к самой себе.

“...зачем мы здесь?..” — повторил я вопрос про себя, собираясь немедленно его озвучить.

“...для тебя...” — прошептал кто-то в моей голове Сашкиным голосом.

Я удивленно поглядел на нее и увидел невыносимую грусть в ее взгляде, от которой мне стало некомфортно.

“...как это ты...” — то ли спросил, то ли просто подумал я.

“...особая связь... — услышал я. — ...только у влюбленных...”

“...почему для меня?..”

“...кое-что ты будешь делать в скором времени... и я должна попытаться объяснить тебе кое-что...”

“...что же именно?..”

“...потерпи немного...”

Створки лифта распахнулись, призывая нас в свои зеркальные внутренности. Там десяток Сашек посмотрели на десяток меня, затем в стороны. Затем все разом мы улыбнулись. Настроение и мое, и Сашки всколыхнулось. Я почувствовал, как потеряла невыносимую тяжесть сумка в моей руке, я уверился, что с этой минуты не будет душераздирающей песни ее колесиков.

Одно из зеркал сменилось коридором.

Так закончился наш подъем, которого мы даже не ощутили.

Некогда белые стены повторяли вид вестибюля в более компактной коридорной ипостаси. И люстры не напоминали гигантские грозди винограда из страны Алисы, и имелась сплошная ковровая дорожка, крикливая в алой пестроте.

Номер оказался еще большим пристанищем пыли.

Я раздвинул шторы резким движением. Комната давно не знала света, предметы потускнели, приобретя одинаковый цвет. Атмосфера взбодрилась, солнце ослепило интерьер, предметам начали возвращаться прежние тона. Они налились им, точно яблоки.

“...я в душ...”

Сашка отгородилась от меня одной из дверей. Констатируя последний этаж, я присвистнул игрушечному миру, что жил микрожизнью там, внизу, и, казалось, не имел к нам отношения.

Отставив сумку возле окна, я повернулся к номеру лицом, структурируя время фиксацией деталей, описывать которые не имеет смысла по причине отсутствия мебели, да и не задержимся мы долго в этих стенах.

“...принеси мне полотенце...” — сказали мне стены, я покопался в Сашкиной сумке, нашел махровый прямоугольник на самом верху, в соседстве с двумя пластиковыми белыми масками на резинках. Одно лицо выглядело добрым и лучилось искренней улыбкой, другое было доброе наполовину, а вторая часть лица кривилась в злобной усмешке.

Сашенька сияла совершенной наготой, от которой я ненадолго впал в кому, гуляя блуждающим взглядом по аккуратной материи ее тела, дразнящего меня с тыла и фронта, кокетливо нарисованного в зеркале. Рука сама по себе отдавала полотенце и в ответ приняла банальное тело расчески.

— Расчеши меня, — попросила она, вытираясь, и дрогнула мокрой копной, с удовольствием фиксируя мою реакцию.

— Я?.. — Я замялся.

Она пояснила:

— Чтобы любить меня так, как люди обычно любят себя, ты должен участвовать в моей внешности, так как, творя меня, ты будешь становиться мною, вернее я буду становиться тобою, короче, мы будем двумя сторонами одной монеты.

Слегка неловко я справился с миссией, от которой словно впал в транс. Монотонность и одинаковость движений наряду с созерцанием хрупкости плеч и сложной архитектуры спины вскоре увлекли меня в сонное никуда, откуда вернуться я смог лишь после очередного стука изнутри моей головы:

“...теперь твоя очередь...”

Она оставила меня одного в математической законченности широкого белого кафеля с розовыми прожилками.

Некоторое время я постоял в тишине, разглядывая себя в зеркало. Затем стал медленно раздеваться, а когда закончил этот процесс, вдруг обратил внимание, что мое отражение запотело. Поверх гладкого стекла проступили мелкие закорючки, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся словами:

“...беспокойся...”

И еще ниже:

“...нервничай...”

“...какое-то вуду по-женски...” — подумал я, забираясь в душ.

Под его холодными пальцами я будто недолго вздремнул, плавно покачиваясь с пяток на носки и вслушиваясь в бессмысленную дробь воды о музыкальное темя.

Течение времени вновь нарушилось. И когда капризный голос внутри меня поведал, что ему скучно и холодно, я не мог однозначно сказать, долго ли тут нахожусь.

Из окна торчала лишь Сашкина спина, когда я вернулся назад, — голая, красивая и беззащитная. Остальной своей частью с ногами, грудью, головой она висела на высоте двадцатого этажа, слегка покачивая длинными тонкими ногами с черным педикюром. Будто дирижировала ими жизненным оркестром, который на утренней субботней ноте флегматично развивался вниз.

— Что ты делаешь? — спросил я.

— Хочу прыгнуть, — хохотнула она, и острые позвонки взметнулись под кожей, сбросив сердцевидную попу с бледного камня подоконника. Я дернулся, но сильные руки демонической девочки, ставшие прозрачными от напряжения, в секунду втянули ее назад. — Испугался?

— Да, — признался я.

— Сядь рядом.

Завернутый в полотенце, я приземлился около — попа к попе, аналогичным образом свесив волосатые ноги. Вид, открывшийся мне, был роскошен, завораживал и не менее эффектно пу-

гал, опустив на тощие лодыжки свои ветреные пальцы.

— Потрогай, — сказала Сашенька. — Чувствуешь ветер? Слышишь его пальцы на своих ногах? Чувствуешь, как он будто берет тебя за руку? — Она вытянула ладонь, показывая мне — как нужно. — Ты не можешь потрогать свою реальность, только предметы в ней, поэтому мы часто не уверены — есть мы или нас нет. Тут, на высоте, ее можно погладить. Собственную жизнь, собственное — есть. Можно даже пощупать, я покажу тебе потом, как.

Высота в двадцать этажей силами ветра, взвинченного рассудка и адреналина действительно прикасалась к моей коже, гладила по губам и волосам. Я поводил рукой энергичнее, повторяя движения Сашки, и ощутил сопротивление. Что-то почти невесомое точно перекатилось по моей ладони, слегка пожало дрожащие пальцы и сквозь них опять растворилось в общей прозрачности.

“...теперь ты должен поцеловать меня...” — сказала она вдруг внутри моей головы.

Я отпустил свою реальность, которую только что почти поймал за юркий хвост с кисточкой, повернул легкомысленную голову в сторону странной нимфы и канул в колодцах ее глубоких, но непонятных глаз.

Тонкие острые губы медленно подплыли ко мне на уровне подсознания и плавно, но хищно атаковали мой рот, подчинив его своей мармеладной динамике. Последующая минутная мо-

торность вобрала мир без остатка, лишив предметы привычных цветов. Этот мир стал вначале едино-прозрачным, потом залился вязкой патокой карамельных чернил.

“...почему мы закрываем глаза, когда спим, когда мечтаем, часто — когда летим или когда целуемся?.. — услышал я нежное мурлыканье самой красивой в мире кошки. — ...потому что многие прекрасные вещи невидимы... я буду любить тебя с закрытыми глазами...”

“...Я...”

“...нет, я...”

“...маленький вопрос...”

“...да...”

“...а если я когда-нибудь поцелую другого... при тебе...”

“...”

“...и?..”

“...я уйду... уйду навсегда...”

“...не говори так!..”

“...но это так...”

“...не говори...”

“...почему?..”

“...чтобы мне не захотелось доказать тебе обратное...”

“...”

“...я много чего тебе докажу...”

“...”

— И я знаю, от чего ты умрешь. — Она резко отстранилась, но голос ее звучал в том же ключе, поэтому я не сразу понял, что тема сменилась.

— Я... — впервые в жизни подумав о смерти, опешил я. — От чего же?

— Ты покончишь жизнь самоубийством. Прыгнешь из окна. — Сашенька как-то странно улыбалась. — И разобьешься на мелкие осколки, а я буду собирать их с асфальта и плакать.

Взгляд мой устремился далеко вниз, где игрушечный мир отчетливо старался выглядеть серьезно. Наши стопы, гигантские в сравнении с миниатюрным воспроизведением городского муравейника, зловеще покачивались в синхронном такте.

— Это вряд ли, — не поверил я, неуверенно улыбаясь ей вслед и полагая, что мы играем в дурацкую игру. — Мне нравится жить, я люблю жизнь. Я не смогу убить себя — никогда.

— До этого мгновения — да, — согласилась Сашенька. Она была ослепительно нага и соблазнительна. Тело ее пребывало в динамике, изламываясь на своей оси координат, отчего разум мой звонко сотрясался внутри черепной коробки. — До этой самой дребезжащей секунды. Самое забавное в том, что, не покажи я тебе сейчас, как можно погладить собственную жизнь, тебе бы в голову это не пришло — никогда. Еще забавнее, что, не скажи я сейчас то, что сказала, может, у тебя и был бы маленький шанс исчезнуть иначе. Но теперь ты приговорен.

— Я боюсь высоты, — признался я.

Мир струился сквозь пальцы моих ног.

“...ты сейчас висишь в окне двадцатого этажа...”

“...с тобой я способен на что угодно...”

“...это ты точно заметил...”

— Но это будет так. — Сашка втянула ноги обратно в номер, подняла белую попу с холодного камня подоконника и направилась к сумке. — Твоя боязнь пройдет, и тебе захочется летать.

— Люди не могут летать, — сказал я, выбираясь из манящих объятий высоты, которая, казалось, мягко затягивала назад.

— Ты научишься, — уверенно заявила Сашка, копаясь в сумке. Позвоночник ее проглянул под хрупкой узостью плеч, его извилистая тропка нарисовалась до ямочек внизу поясницы. Хищный изгиб стоп кокетливо заглянул мне в уголки глаз. — Ты будешь щупать свое “есть” за самые сокровенные места, яростно сжимать ягодичы своего “тут”. И в десяти метрах от земли будешь понимать, что ты жив.

— Зачем? — спросил я у Сашкиного уютного затылка, переминаясь с ноги на ногу. — Зачем мне это?

— Потому что, когда меня не будет, — ответил затылок, широко улыбаясь, — ты перестанешь понимать — есть ты или тебя нет. Твой мир станет черно-белым. Так ты будешь от меня лечиться...

“...куда же ты денешься?..”

“...ты выгонишь меня...”

“...и буду лечиться, прыгая в окно?..”

“...глупо, но так...”

“...не верю...”

“...мы вернемся к этому разговору...”

“...в какие игры ты играешь?..”

“...в игры влюбленной женщины...”

“...ты влюблена в меня?..”

“...да... не так, как ты в меня, но...”

“...почему я выгоню тебя?..”

“...устанешь от моей злой любви...”

“...я думал, любовь — это что-то из области добра...”

“...не в моем случае... моя любовь, как бритва...”

“...почему?..”

“...со временем сам ответишь на этот вопрос...”

“...хм...”

— Расскажи о своих ощущениях. — Сашенька повернулась ко мне лицом. На ее теле выросла майка цвета граната, а ниже властно поглядывала на меня мать-природа, со всей ее курчавой пристальностью.

— Ощущениях?

— Хорошее слово, правда? В этом смысле человек, как космонавт, у него появляются новые ощущения — всего, они формируют представление об окружающем. — Сашка вспорхнула со своего места и оказалась у меня в руках. — Опыт. Я нарушу эти твои ощущения, внесу отрицательный радиоактивный опыт, дорогой. Нечаянно, но непременно... — Ее губы опять вытеснили прочее окружение.

— Страшные... — выдохнул я, задыхаясь под игом маленького властного рта, — прогнозы... —

Неожиданно пол выскользнул из-под ног, и с шумом я оказался на спине. — ...делаешь ты... — Демоническая девочка органично заполнила собой все мои изгибы.

— Я буду всегда стоять в шкафу души твоей, и в маленькую щелку будет моргать мой хитрый глаз, — прошептала она мне в ухо, наполняя голову обжигающим паром. — Я не дам тебе умереть, не бойся.

“...почему же?..” — Мои руки заметались по роскоши ее тела.

“...потому что люблю тебя...”

“...взаимно... вот точное слово в этот момент...”

“...если хочешь что-то изменить, уйди сейчас...”

“...уйти?..” — закричал я про себя, превращаясь с нею в одно целое.

“...да, сам и сейчас... потом я не отпущу...”

“...я хочу остаться...”

“...бедный мальчик...”

“...прекрати...”

“...тогда я буду делать с тобой все, что захочу...”

“...”

Истома пустила трещины по всему моему телу и разуму. Мы задвигались, словно единый механизм, и в движении нашем были и сопротивление, и любовь.

“...и ты будешь терпеть от меня что угодно...”

“...нет...”

“...скажи еще раз... если я изменю тебе... на твоих глазах променяю тебя на другого... как отреагируешь ты?..”

“...я... я... уйду...”

“...не говори так уверенно...”

“... я бы не смог так жить...”

“...так уходи... сейчас...”

“...”

Агрессия моя возросла, дыхание ее участилось.

“...это твой выбор, мой мальчик...”

“...может, я знаю тебя лучше, чем кажется мне и тебе... может, твой цинизм напускной?.. может, все не так уж плохо, а намного лучше, чем кажется... скажи мне что-нибудь хорошее!..”

“...во мне нет ничего напускного...”

“...прости, я... ошибся...”

“...но это не означает, что ты в корне не прав...”

“...зачем все это?..”

“...ты повторяешься...”

“...”

“...потому что я люблю тебя...”

“...”

“...поэтому не вру тебе...”

“...любишь ли?..”

“...”

“...странно любишь...”

“...бесполезно кидать в меня камни логики, в такие моменты я становлюсь прозрачной...”

“...”

“...как зовут меня сейчас?..”

“...”

Едва ли в этот момент я мог слагать буквы в слова.

“...как?!..”

“...Лед... тебя зовут... Лед!..”

Это был вопль.

“...”

Потом тишина звенела так, что из ушей моих потекла кровь.

“...Я постигаю женские имена через женщину же... было время, когда мне нравилось только одно женское имя — имя матери... прочие имена стали иметь значение и вызывать эмоции лишь после того, как имя индивидуализировалось каким-либо образом... в призме влюбленности... тем более — любви... впрочем, как и просто симпатий... ты начинаешь произносить имя по-особому, вдумываешься в него, начинаешь правильно его слышать... только тогда ты постигаешь мелодию имени... через человека...”

“...заткнись, пожалуйста...”

“...”

“...просто молчи...”

“...”

“...просто слушай дрожь меня...”

“...”

“...и знай — это ты...”

“...я?..”

“...ты — дрожь меня, Родичка...”

“...люблю тебя...”

“...любовь — человек, являющийся эквивалентом тебя, лишь пола противоположного...”

“...я — ты...”

“...да, поэтому тебе придется прыгать в окна...”

“...почему?..”

“...чтобы доказать себе, что ты есть, ты будешь щупать свою реальность за ее интимные зоны...”

“...зачем?..”

“...чтобы найти себя...”

“... ”

“...мы будем учиться летать вместе...”

Кевин Кваазен

Кто не знает Кевина Кваазена?

Кто не знает высокого, всегда загорелого мужчину, с внешностью, которая очень нравится женщинам, с зачесанными назад волосами, поблескивающими от геля. С живой, точно отдельное существо, улыбкой, чей изгиб насильственно делает тебя его другом. Каждая часть его лица будто ведет отдельную игру, в совокупности образуя гипнотический механизм. Тогда ты не в силах реагировать, сбитый с толку, а способен лишь беспомощно наблюдать атаки острых глаз, чей цвет лучше не пытаться определять, дабы не забыть, о чем идет речь, и слепо не подписать то, что могут подsunуть холеные длинные пальцы вездесущего маэстро. Ручка, которой вы подпишете себе приговор, будет, несомненно, золотой и изящной, и вы поставите подпись с легким сердцем и придурковатой улыбкой.

Высокий лоб его иногда линует морщинами, чья бесовская динамика наряду с весьма ак-

тивной бровью — будь то удивление или безудержное веселье, имеют свойство завораживать не менее.

Кевин заразительно весел, и, о чем бы ни шла речь, жертва всегда чувствует себя хорошо и спокойно рядом с такой убедительной и легкой на слово персоной.

Хищный нос с горбинкой постоянно целится в оппонента. Он единственный, кто незаметно семафорит об опасности, но все остальное слишком отвлекает, чтобы появившееся сомнение могло развиваться в психологическую оборону.

Имен у Кваазена много.

Разные люди называют его по-разному, в разное время у него были разные документы. Но его нетрудно вычислить по тому, как он завоевывает ваши симпатии — завоевывает мгновенно. По тому, как с разбегу вокруг него начинают шумно вращаться шестеренки его задач и целей, как закручивается жизнь по его сценарию. И вот под истерический хохот своего хозяина руки тянут из воздуха невидимые нити, завязывая их в сложные узлы. Жизнь вертится подобно гигантскому кубику Рубика, один пласт видимости подгоняется к другому. Так растет гигантский бутерброд черного успеха отца демонической девочки.

Он любит и не любит строгие костюмы, он не любит чего-то статичного. Он может быть в офисе в шортах и в майке, он может быть там же мертвецки пьяным лежать на столе и регулиро-

вать процессы. Очень мало народу обслуживает его огромный офис. И как много всего делает он сам! Иногда им интересуются компетентные органы, бдительные люди пытаются следить за подозрительной организацией, но офис быстро исчезает, улики же расползаются, будто тараканы.

Кваазен — тот, с кого начинается торговля оружием, и речь идет не о простых механизмах, которые способны нести единичный урон. Он очень уважает сложные вещества и зловещие микстуры, обладающие апокалипсическими силами, разного рода маленькие чемоданчики и агрессивные атомы. Но Кевин очень умен и, ведя страшную торговлю, всегда держит под контролем тех, с горящими глазами, кто приобретает страшные приборы, ведь в его планы не входит лишиться части рынка. Его люди продают все это его же людям, а тот, кого ослепила иллюзия независимости, просто глупец, он видеть не хочет, что стал слугой черного маэстро.

Кваазену принадлежит большинство измерений, он сделал электронный абсолют своим союзником. Любые релаксационные, будоражащие, видоизменяющие, трансформирующие, отключающие и прочие зелья синтезируют его черные химики, пряча дурманных джиннов в крохотные разноцветные капсулы, кристаллы порошков и коварные жидкости.

Целая армия черных специалистов преданно служит отцу демонической девочки. Черные юристы, рождающие сложные схемы перераспре-

деления ценностей, черные маркетологи, иницирующие засилье зловещих товаров, черные экономисты, заставляющие крутиться шар земной в обратную сторону, черные менеджеры, занимающиеся продвижением черного цвета во всех его ипостасях, черные врачи, сеющие болезни...

Вам срочно понадобилось новое сердце или, может, ваша печень уже не та? И этим ведает сокрушительная воля Кваазена, он поможет обновиться, поможет стать молодым. Вы вновь будете полны сил и сможете застать время, когда автомобили наконец оторвутся от земли и взлетят.

Кваазен ждал нас в полдень.

За десять минут до встречи самоубийца почувствовал острое беспокойство. Щемящее чувство набросилось на него из-за угла в паре кварталов от адреса, названного ему по телефону.

Отец демонической девочки, как и его дочь, для своих дел старался подбирать места, где никто не стал бы его искать и даже случайно не мог бы помешать. Это были здания на капитальном ремонте или закрытые по тем или иным причинам объекты. Если таких не находилось — он сам организовывал что-то подобное.

По указанному адресу не оказалось ничего, кроме телефонной будки. Отличительно-новой, обыкновенно-красной, с тонированными стеклами. Что в ней было не так, Родик и Мануа поняли не сразу. Но дом с нужной им цифрой отсутствовал, поэтому невольно пришлось вернуться и обратить внимание на будку.

— Это самая странная телефонная будка в Москве, — сказал Мануа, привлекая взгляд самоубийцы.

— В Москве есть телефонные будки? — спросил тот.

Таких будок действительно никто не видел давно, а если быть точным, подобные видели, но в такой модификации — никогда.

В тот момент к будке подошел человек и нервно подергал дверь. Она не открылась. Человек попробовал увидеть что-либо сквозь темное стекло, но по обиженному лицу было понятно, что он не увидел ничего.

— Мы на месте, — вдруг уверился самоубийца.

Мануа проследил за его взглядом. Взгляд прицельно прощупывал знакомое яркое пятно через дорогу, аляповато растущее на тротуаре. Там среди кричащего бывшего тряпья проступало сухое морщинистое лицо, погруженное в огромные очки в роговой оправе. Во всей своей незамысловатой красе обнаружилась кибербабка Нокка, старательно смотрящая в другую сторону, что-то бормочущая под нос, но несомненно и неподдельно — она.

— Мне нужно, чтобы ты читал меня, — сказал самоубийца Мануа. — Демоническая девочка очень боялась своего отца, более она не боялась ничего. Она говорила, что каждая его фраза — искушение. Она говорила, что с ним невозможно говорить, контролируя себя, незаметно он подчиняет твою волю и навязывает то,

что хочет. — Они встретились глазами. — Я хочу, чтобы ты контролировал наш диалог через мою голову. Чтобы ты давал мне знак, если почувствуешь, что я теряю над собой контроль... если услышишь чужие голоса в моей голове... Но не лезь в его голову... не смей даже! Мне кажется, он услышит тебя...

Родик атаковал дверь будки, без лишних усилий и шума она отперлась, а внутри не оказалось ничего, что бы можно было использовать в привычных целях. Сквозь темные стекла виделась улица, а стенка впереди отсутствовала, вместо нее плескался чернильный прямоугольник. Слегка дрожащая чернь напоминала черные дыры телепортаций, полеты по которым вместе с демонической девочкой и без нее иногда жгли безжалостным пламенем досуга беззащитное время.

Помедлив, как обычно, Родик шагнул туда уверенным шагом, отдаваясь манящей вязкости, которая вмиг облепила его так, что он перестал различать даже себя.

— Ты тут? — спросил он в темноту, но ответа не последовало.

Самоубийца погреб вперед, не понимая, идет он или летит. Перед глазами иногда мелькали чуть более светлые пятна, но были это “форточ-ки” или просто игры зрения, проверять не хотелось.

Это продолжалось около получаса. Испугавшись, что оказался в “тупике”, Родик перешел с

шага на бег, затем на столь яростную прыть, что в воздухе запахло отчаянием. Он кричал и звал Мануа, но ни звука не раздавалось в ответ. Из-за темноты казалось, что тело застыло на месте, от того стало еще жутче.

Такое наказание вполне сочеталось с Сашкиным стилем, но, как только самоубийца сквозь злые слезы уверился в этом, тьма чуть рассеялась и впереди, дразнясь, запрыгало белое пятнышко.

Задыхавшись, Родик понесся к нему, вытянув вперед руки. Было неясно — приближается пятно или нет. Световой зайчик задорно прыгал впереди с места на место, но вскоре принялся расти, набирать вес, вымещая липкую чернь. Ярко-белый свет сочно объял видимость окружения, наслоился на нашего героя, проявив его отчего-то черно-белую телесность. Затем беззвучно лопнул.

Родик оказался в просторной тихой комнате. С огромными окнами, с шахматным полом, где клетки заменяли идеальные круги. С длинным столом, занятым лишь раритетным телефоном с замечательным диском, крупным многоцветным глобусом и невозможно высокой бутылкой “Джонни Уокера”. В комнате имелись два кожаных кресла “а-ля генеральный директор” с неестественно огромными дутыми спинками. В дальнем правом углу пылился огромный сейф, подпирающий потолок и наглухо закрытый, судя по виду. Справа на стене висело продолговатое полотно, изображавшее танцующих у исполинского костра людей. Стоило отвести глаза от кар-

тины, как люди начинали вполне реально танцевать, а гигантское пламя — отбрасывать блики, но, когда глаза возвращались, все издевательски замирало. Стены выглядели выпукло-мягкими от кроваво-красной кожи, в какую обычно закатывают сиденья в лимузинах. Белый потолок держал в светлом покое нагромождение продолговатых ламп, уложенных в хищную форму звезды, плененной идеальной окружностью.

Одно из кресел занимал пузатый коротышка с отличительно брутальной физиономией, короткими черными волосами на раздутой голове, с крохотным носом, но огромным губастым ртом. Напоминающий огромного хорька, он почти лежал в кресле, расположив волосатые руки, увешанные золотыми гайками, на подлокотниках. Цветастая рубашка на пузе расстегнулась, оттуда выглядывала татуировка, детально изображающая его лицо, такая же противная, с удивительно живым выражением. Короткие ноги не доставали до пола и мерно покачивались внутри белых льняных штанов и блинного вида и цвета кроссовок. Глаза его были прикрыты, а мохнатые брови настолько густы, что казалось, будто это рисунок маркером и под ними ничего нет.

Рядом на полу лежал на боку граненый стакан.

Второй персонаж, с заостренным носом и жестокой улыбкой, находился подле одного из окон. Выкрашенный в агатовый оттенок ткани, в черных лакированных туфлях, с такого же цве-

та бриллиантом в увесистом перстне, при сажной, как тьма, шевелюре. Виднелся лишь его профиль, так как он вглядывался в окно, держа в левой руке внушительный пульт ДУ, на котором через равные промежутки нажимал разные кнопки. Невообразимо, но содержимое окна стремительно менялось.

На глазах изумленного Родика за стеклом мелькнули вполне материальные небоскребы Нью-Йорка, далее взамен прорезалось определенно экваториальное солнце, в орнаменте словно беременных облаков. Мгновение — и клочковатые снежные хлопья закружились наискось в ленивом падении. Еще секунда — и снег прошел, а за окном гордо вытянулся старик Биг-Бен, что замер в странной гармонии с продолговатой бутылкой “Джонни Уокера”, покоящейся на столе Кваазена.

Несомненно, это был он.

Недовольно покачивая головой, он с минуту понаблюдал всамделишный Лондон, после чего изрек:

— Сгустим краски. — Маэстро щелкнул пальцами, и за стеклом стемнело той самой беззвездной вязкостью. — Надо переезжать, — продолжил он, вдруг оказавшись лицом к Родику. — Эта бабка торчит тут неделю, и вон тот грузовичок стоит третий день... Интересно, как им понравились мои дружеские мороки...

— Да-да, — не открывая глаз, согласился толстяк. — Думаю, да.

— Ты о переезде? — покосился на него отец демонической девочки.

— Обо всем, — продолжая дремать, ответил толстяк.

“...еще одно безумное чаепитие, только чай тут заменен одноцветной субстанцией — виски...”

В тот самый момент по правую руку самоубийцы материализовался Мануа, взъерошенный, бледный, со сбившимся дыханием. Он сипло поздоровался и, пытаясь сориентироваться, вдумчиво встретился взглядом с самоубийцей.

— Вы опоздали на пять минут, господа, — недовольно продекламировал Кваазен точно не своим голосом, вперив в гостей увесистый взгляд. — Из этого можно сделать массу выводов и даже приблизительно нарисовать ваши психологические портреты. Как вы догадались, ничего лестного в них не будет, — каждый из его глаз набросился на скромные персоны гостей с подчеркнутой насильственностью.

“...ничего особенного, как я и предполагал...”

— Извините, — пожал плечами Родик, думая о том, что вовсе не горел желанием подобных встреч. — Мы не сразу поняли, что нам в телефонную будку... — Внутренне он совладал с собой и решил, что не позволит чужому родителю, кто бы он ни был, давить на себя.

“...не люблю чужих родителей...”

— Меня зовут Кевин Кваазен, — представился Кевин Кваазен. — Это мой компаньон, его имя —

Геквакен Геквокен. Имена не совсем привычные для вашего уха, но мы граждане другой страны, посему все следующим образом...

— Планеты ли, — сквозь дрему брякнул представленный компаньон. — Мира ли...

— Вы хорошо говорите по-русски, — сказал самоубийца, стараясь смотреть сквозь Кваазена, чтобы не встречаться с его прожигающим взглядом. — Меня зовут Родик, я говорил с вами по телефону. Это мой друг Нирван.

“...не смотри ему в глаза...”

— Я хорошо говорю на любом языке, — сообщил Кваазен. Лоб его беспрестанно линовался морщинами, отображая диковинные рисунки, что, казалось, несли каббалистический смысл. — Наша встреча случайна в высшей степени, более того, я не хотел, как и ты, этой встречи. Но Сашенька настояла... Она — моя любимая дочь, иногда я не могу ей отказать. По какой-то туманной даже для меня причине она в некотором роде привязана к тебе. В этом смысле в ней невероятно громко говорит человеческое, что жутко раздражает меня, но с чем я вынужден мириться, так как понимаю, что мать ее была земной женщиной, соответственно подобное вполне возможно. — Он сделал короткую паузу, внимательно посмотрев на Мануа. — Но в остальном она — моя дочь...

“...не думай позитивно... — услышал Родик скорый шепот своего друга в собственной голове. — ...это не ты... только отрицательно...”

— Сразу хочу пояснить вам обоим... — Лицо Кваазена пересекла широкая кривая улыбка. — Я позвал тебя из любопытства, а не чтобы переубедить. Она много говорит о тебе, а я вообще против ваших отношений. Ей не нужен человек, ей нужен джинн.

Самоубийца обнаружил, что переминается с носков на пятки и обратно, со стороны это выглядело подобно состоянию транса. А Мануа словно отсутствовал, его блуждающий взгляд прыгал по предметам.

— Виски? — неожиданно подал голос Геквакен Геквокен, при том глаза его были крепко сомкнуты. — Кто-нибудь хочет виски?

К своему ужасу, Родик осознал, что говорит не сам толстяк — жирный рот его покоился на объемистом подбородке. Говорила его татуировка, и глаза ее распахнулись настежь, полыхая алым огнем.

— Я... — подал голос Мануа, побледневший еще сильнее.

“...не смотри ему в лоб...”

— Вот что значит, когда приходишь без приглашения! — Кваазен зловеще улыбался Мануа. — И ведешь себя дерзко, прежде не проверив, можно ли здесь вести себя подобным образом...

“...он слышит меня...”

“...не вздумай читать его мысли... не думаю, что ему это понравится... да и тебе не понравится в голове дьявола, не думаю, что оттуда можно вернуться в здравом рассудке...”

В комнате появилась женщина.

Баскетбольного роста, с хорошо развитой костью, коротко стриженная зрелая блондинка. Огромные глаза поглощали и обглаживали, сильные кисти несли смертельный маникюр. Она холодно улыбалась, и от улыбки ее становилось холодно. Тугая белая очень короткая блузка с очень узкими бриджами подчеркивали великолепие ее тела, от этого мутилась голова. Пальцы ног ее в открытых туфлях казались хищными. Из ямок спины наглым образом моргал цветной татуированный глаз, на изящно слеппенной лодыжке переминалась с лапы на лапу грациозная пантера цвета ночи.

Привычным движением женщина вооружилась худосочным “Джонни Уокером”, движение руки — и на столе возникли пять стаканов. Все они мгновенно наполнились, и первый стакан канул за ее крупные безжалостные губы. Остальные она раздала присутствовавшим короткими немymi движениями. Последняя была вложена в мокрую ладонь нашего героя, чьи пальцы оказались стиснуты до слез, после чего женщина исчезла.

— Выпьем за правильные решения, — объявила татуировка Геквакена. — Которых делаем мы в жизни так мало! — Он хлопнул стаканом куда-то в лицо, и посудина опустела.

Все присутствовавшие выпили вслед.

Вдруг отовсюду накатила страшная вонь. Ничто не пострадало и не изменилось, но нос захотел исчезнуть. Пахло непонятно чем, непонятно

как, более того, Родiku начало казаться, что это он источает кошмарный запах. Стало жутко не по себе, он покрылся потом, одновременно подскочила температура.

“...он вспахивает твой разум...”

— Джинн, — преследуя тепло по телу и пытаясь не дышать, подал самоубийца голос. — Вы упомянули джинна! — Эта публика была ему более чем знакома.

— Да, — подтвердил Кваазен, присаживаясь на краешек стола. — Джинн, что будет ее рабом и сможет сделать для нее в сотни раз больше, чем сможешь ты при всем твоём желании. Что не позволит ногам ее ступать по земле, так как для ее передвижений имеется его спина. Который будет легко убивать за нее, а ты способен убить разве что только себя. Который будет поддерживать ее силу, а ты можешь только ее ослабить.

— Она не нужна мне! — Взгляды их соприкоснулись, Родика точно дернуло током, но и с лица Кваазена пропала отвратительная улыбка. — Она — мое прошлое.

“...он ненавидит тебя...”

— Чем ты занимаешься? — прищурился один глаз, а другой распахнув, осведомился Кваазен. — Позволь полюбопытствовать. Есть у тебя какая-нибудь цель или ты, как червь, стремишься в никуда?

“...я — это я ...”

— Можешь не отвечать, — заявил маэстро. — Я знаю все про тебя. И все сильнее не понимаю

ее. Хотя понимаю... Потому что знаю, как устроена ее голова, знаю мотивы, но от этого еще больше не понимаю. И на чем работают твои батарейки, мне тоже известно, — он усмехнулся. — Более того, я считаю, что ты глупец! Ты идешь дорогой, которой нет. — Слова его становились все громче. Затем он неожиданно сбавил тон, и Родик с нелепым замиранием ждал, что он скажет дальше. — Если бы она осталась с тобой — это было бы все равно как если бы она навсегда осталась одна. Потому что тебя нет. Я тебя не вижу, я вижу сгусток, который умудряется доносить до меня свои мысли. — Самоубийца заметил, что снова раскачивается на носках в разные стороны. — Я говорю с пустотой и в пустоту. Или ты не согласен? — В ушах маниакально плодилось кваазеновское эхо. — Тебе есть что возразить? Она — твой последний шанс материализоваться в этом мире. Она — твой выигрышный билет, который бывает у каждого в жизни, даже у последнего неудачника, но я рад, что ты, как последний неудачник, лишился его. — Черты Кваазена хаотично мелькали перед лицом, точно мошकारа.

Родик не мог сосредоточиться, голос маэстро звучал со всех сторон.

“...не слушай его...”

— Ну что ты, Кевин, — подал голос притворявшийся мертвым Геквакен, и истинные глаза его распахнулись. — Он просто иначе, чем мы, представляет структуру вещей, но мы натаскаем его,

покажем пару хитростей. — Глаза были цвета пронзительной голубизны. — Пара лет у нас — и парень горы свернет, поможет старичкам встретить безбедную старость. — Заявив это, толстяк взревел в разночастотном смехе. — Что скажешь, пацан? — С его пробуждением, казалось, крепким сном заснула его татуировка.

— Он? — Лицо Кваазена дрогнуло в сомнении. — У него нет имени, и самого его почти нет. — Маэстро щелкнул пальцами, и ослепительное солнце перерезало горло тьме за окном. — Он из тех, кто выиграл в лотерею и отказался от выигрыша. Посмотри на него!

Родик увидел, как солнце проявило на полу тени отца демонической девочки.

Их было шесть.

— У вас шесть теней, — желая подумать, вслух произнес самоубийца.

— Мои тени меня охраняют, — высокомерно изрек Кваазен. — Ко мне нельзя подойти со спины. Меня нельзя застать врасплох. А как они страшны в ярости! Ты не отбрасываешь и одной. — Наш герой проследил за взглядом маэстро и увидел, что на полу действительно нет ничего, хотя бы отдаленно напоминающего тень.

“...иллюзия...”

— Единственное твое достижение в жизни — ты успел к яйцеклетке первым. — Кваазен делал вид, что говорит сам с собой. — Если мы не договоримся, это будет означать примерно то же, как если бы ты к ней не успел. В смысле ката-

строфичности момента, а не в смысле, что я тебе угрожаю. Это было бы лестно для тебя, так же как внимание моей девочки к тебе. С твоей точки зрения, она родилась слепой.

“...кх...”

— Если так все плохо... — Говорилось с трудом, но зло, что выплескивалось на самоубийцу, порождало ответное зло. — Зачем я вам? К чему этот диалог? Вы не можете решить этот вопрос? Не верю.

“...не верь...”

— Красивые люди должны спать с красивыми людьми, — подал голос Геквакен. — Пусть это будет смыслом для тебя.

— Я... — Родик был сбит с толку.

— А что? — спросила татуировка Геквокена, так как хозяин ее вновь дремал. — Самый красивый смысл. И ни к чему искать иной... — Она застрялась смехом на жировых складках хозяина.

“...они правы...”

— Нет... — Родик терял нить разговора.

— В чем причина такого странного упрямства? — холодно поинтересовался Кваазен. — Она не нравится тебе? Я уверен, что нравится, потому что иное невозможно. Она — человеческая роскошь, она — мое творение, лучшее творение. Ты не годишься ей в подметки, мальчик. В ней все — и ум, и красота, и грация, и харизма, и даже то, для чего вы, люди, не придумали слова. Я раскрыл моей крошке все человеческие секреты, я показал ей все ваши слабые места.

Она знает все о том, как сделать человека своим рабом. Почему ты ищешь исключения? Возьми в руки то, что никогда больше не встретится тебе в жизни. Пройдет немного времени, и ты поймешь, что упустил нечто, озарявшее твою нелепую жизнь. Это гордыня, юноша. Я поселил этот грех в людях, и мне ли не знать его проявления.

— Ты сейчас принимаешь самое важное решение в твоей жизни, — поддакнул Геквакен Геквокен. — Это не просто выбор очередной подружки. Это выбор целой жизни, возможного ее варианта. Думаю, тебе не нужно объяснять, какой вариант будет ярче.

“...соглашайся...”

— Она замучает меня, — истошно признался самоубийца. — Она, как лед.

— Лед можно растопить, — заявил Кваазен, упав в свое скучающее кресло. — То, что ты говоришь, означает, что ты слабак. Ты никогда не заставишь крутиться земной шар в обратную сторону, а будешь меланхолично вертеться с ним вместе, и у тебя будет кружиться голова. — Рукой он с дикой скоростью закрутил глобус, от прыти которого сделалось прохладно. — Она могла дать тебе силу, ты мог стать очень сильным. Но тебе не обуздать ураган.

“...”

Мануа завалился на бок, по бессмысленному выражению его лица стало понятно, что он потерял сознание.

— Я люблю ее, — признался Родик. — Но ее любовь превратит меня в насекомое. Я ничего не могу объяснить ей...

— У нее есть один существенный недостаток — это касается и ее, и тебя. — Кваазен был серьезен, точно пытался понять.

— Какой?

“...один ли...”

— Молодость. Ты прав, ей трудно что-либо объяснить, даже я чувствую это. Она еще не понимает многого. Она сейчас, как слон в посудной лавке, и пока не может оценить последствия разрушений, причиной которых становится. Но она любит тебя...

— Выход?

“...которого нет...”

— Ждать. Но можно прождать очень долго. Или... — Это был Геквакен со своей татуировкой, оба они пробудились и говорили хором.

— ...делай с нею то же самое, — нетерпеливо прервал его Кваазен. — Женщины любят боль. Знаешь, как не везет моим женщинам... Некоторые из них сходят с ума и покупают множество собак. Или подбирают на улице кошек. — Он хохотнул.

— Я боюсь того же для себя, — пискнул самоубийца.

— Никто никогда не застрахован от чего бы то ни было. — Татуировка Геквокена выглядела очень умной.

— Мир таков, каким мы его рисуем в головах других людей, — продолжал Кваазен. — Жен-

щины всегда боятся остаться одни, даже самые сильные. Так страшно остаться в этом мире одной, некого помучить, не за кого спрятаться. Она — не исключение. Используй это.

“...чем сильнее ты, тем слабее она, и наоборот...”

— Я не думал, что жестокость может быть так красива и что красивое может быть так жестоко.

— Не забывай, чья она дочь, — улыбнулся Кваазен. — Она не может быть другой. — Последнее прозвучало как приговор.

“...и это кошмар...”

В комнате вновь появилась блондинка. Белые волосы теперь были длинными, забранными в хвост. С коротким смешком она переступила через тело Мануа. Красочная пантера металась по лодыжке, а нарисованный глаз томно подмигивал. Вздохи заволакивали грудь при каждом ее шаге. Стаканы вновь оказались наполненными.

Женщина выпила, эффектно забросив голову. Остальные, кроме Мануа, выпили вслед.

— Задумайся! — приказал Кваазен, отвлекая самоубийцу от пристального созерцания. — Задай себе вопрос. Что я? Кто я? Душа или тело?

— Душа и тело. — Голова Родика потяжелела, а тело совсем расслабилось. — Эмоциональное состояние — минус 4.

“...Мануа?!..”

— Это важно. В какой оболочке ты просыпaeшься? — Отец демонической девочки словно

грустил слегка, постукивая кончиками пальцев по краешку стола. — Кто ты? Что такое твое четко сформулированное Я?

— Я... — Родику показалось, что от пальцев черного маэстро по поверхности стола разбегаются круги, точно по воде.

“...это — я...”

— Какое главное качество в женщине, по твоему? — сухо спросил Кваазен, сбивая с толку скорой сменой темы.

— Преданность.

— И все?

— Ну, красота...

— Ум, — заявил Кваазен. — Потом — преданность. Красота — это и есть ум, так как умная женщина всегда следит за собой. А умная и преданная женщина — это особый ум и красота, самый насыщенный нектар.

— В том-то и дело.

“...я тоже ищу этот святой напиток...”

— Но в каждой умной женщине преданность надо разбудить... Женщина не сама по себе, и преданность не сама по себе. Нужно ювелирно и вслепую найти струны, проведя по которым пальцами — ты услышишь главную музыку души любой женщины.

— Я искал, но не нашел. — Самоубийца старался побольше вертеть головой, затрудняя возможность Кваазену ловить его точку соприкосновения.

“...потом она задушит тебя этой же струной...”

— Ничто так не удручает в жизни, как сломанный слив унитаза, когда постоянно течет вода, а кусок говна дрейфует на ее струе, прямо как человек в потоке существования. Если ищешь — найдешь. — Слова спящего Геквакена были исполнены философичности.

— Ей этого не нужно...

“...мне тоже...”

— Я только что стер тебе память, — вдруг заявил Кваазен, разверзнув остро нарисованные губы в огромной улыбке. — Память современного человека, все твои триста двадцать четыре телефонных номера канули в безмятежность. У тебя нет ничего, кроме двух номеров, которые ты помнишь наизусть, твой и ее. Я выступаю в роли судьбы. Не мечись, юноша, если предопределено — выбора не бывает. Кого-то ты вернешь, но кто-то уйдет навсегда. Сам знаешь, какой тут жизненный темп, многих ты даже не вспомнишь.

Машинально Родик проверил то, о чем ему говорил маэстро. Голова отказывалась думать, но слепо верила и принимала за чистую монету вкрадчиво-злые тексты Кваазена. В глубине подсознания зрела уверенность, что его программируют, начитывают в разум поведенческие мантры. Голоса звучали будто издали, но Родик понимал каждое слово, словно оно выжигалось у него в памяти.

— Эмоциональное состояние — минус 6, — бесшумно проговорил его рот.

“...о чем мы?..”

— Ты когда-нибудь терял человека намеренно? — продолжал Кваазен скороговорки. — Не просто человека с улицы, а кого-то, кто значил для тебя нечто или даже все? Терял для того, чтобы потом вернуть? Опробовать силу вас, силу ее, силу ваших отношений, силу вашей любви в конце концов? Это своего рода самоубийство, ритуальное, чувственное... — Самоубийцу точно обожгло изнутри. — Когда ты заставляешь человека почти ненавидеть тебя или даже не почти, а потом прилагаешь все усилия, чтобы вернуть его! Переступаешь через себя, сметаешь всю металлическую конструкцию принципов, чтобы доказать ей, как она нужна тебе. А потеря... это больше даже для нее, чем для тебя. Хотя и для тебя тоже.

— Мне больно, — выдавил Родик, чувствуя, как внутренности сжала чья-то горячая стальная ладонь. — Больно!

“...Мануа!..”

— Нужно выпить, — подал голос присутствующий и не присутствующий Геквакен. — Срочно виски ребенку!

— Само собой, мой друг, — подтвердил Кваазен, широко улыбаясь и следя глазами за опять воцарившейся блондинкой. — Тебе больно от того, что ты не понимал ее, а теперь понял. Такова ее натура, она сделала это для тебя же самого. Дала понять себе, что не ошиблась. И оказалось, что ошиблась. Но и этот факт не меняет ничего,

ей тяжело без тебя, так же как и тебе больно без нее. И эта боль будет усиливаться.

— Я создал себе собственную эмоциональную шкалу, — с хрипом выплюнул Родик слова, принимая из красивых пальцев стакан. — Как только я достигаю отметки — минус 7, делаю то, о чем мечтаю, но чего боюсь. — Глаза блондинки поблескивали точно стекло, казалось, они ничего не выражали. Очень холодная улыбка окатила его словно осенним дождем.

“...лечу...”

— Это чего же? — вдруг вскинул ресницы Геквокен.

— Летаю... как птица, — выдавил наш герой, опрокинув в себя стакан, и стремительно метнулся к окну.

Бег этот был стремителен, тем не менее глаза Кваазена, не торопясь, сфокусировались на его персоне, с трудом оторвавшись от аппетитных форм исчезающей в углу женщины. Они внимательно пронаблюдали скольжение в сторону окна. Все его шесть теней собрались подле, щеря сумрачные зубастые пасти, но пропустили самоубийцу, дружно проводив молниеносное тело в податливую зыбкость стекла.

Но зыбкости не последовало. Несмотря на то что Родик отчетливо видел перед собой знакомую прозрачность, прыжок его с размаху пришелся в стену. Едва не сломав себе шею, в полуобмороке он сполз на пол под аккомпанемент оглушительного хохота обоих бесов. Кваазен оглушительно

хохотал оперным смехом, а Геквакен ухал точно филин. В унисон им бесшумно дрожали в подхалимском веселье тени отца демонической девочки.

— На птицу похоже не очень, — продекламировал Кваазен спустя пять минут, едва уняв истерическое веселье. — В том вся твоя проблема, ты бежишь, всегда и постоянно. Нет в тебе силы, не можешь ты исподлобья посмотреть в глаза надвигающейся громаде проблем, хладнокровно подпустить ее поближе, а затем разmozжить одним ударом. Или серией — без разницы — всю ее недружелюбную сущность. — Губы его сложились в иероглиф презрения. — И ее отношение к тебе я трактую как рано оформившиеся, но еще неосознанные материнские инстинкты. Она настолько сильная, что ей нужен кто-то слабый рядом, чтобы помогать ему. Все побочные эффекты, о которых ты сентиментально плачешь, к сожалению, потому, что ты слаб, а она сильна... — Полный самых разных сомнений, он покачал головой. — Это можно исправить, конечно, все недостающее можно воспитать, так вы говорите.

— Что с моим другом? — вспомнил самоубийца про Мануа, неуверенно поднимаясь на ноги.

“...вставай, скотина!..”

— Он увидел нечто жуткое там, куда попытался забраться, — улыбнулся Кваазен, обнаружив в руках платиновый портсигар. — Глупец подумал, что можно безнаказанно посетить голову дьявола и вернуться оттуда таким, каким зашел туда.

Теперь у него будет возможность убедиться, что это не так. — Длинная тонкая сигарета вспыхнула сама собой.

— Он придет в себя? — Мануа комом лежал на полу, обмякшее лицо его напоминало плавленый сыр.

“...жив?..”

— В каком-то смысле да, — затягиваясь, сказал черный маэстро.

— Что это значит? — От этих слов стало не по себе.

— В том же смысле, что и ты — не тот, приходя каждый раз в себя после падения из окна, — вмешалась татуировка Геквакена. — Более того, просыпаясь утром, мы уже не те, что вчера. А спустя год мы мало чем напоминаем того человека, который был нами триста шестьдесят пять дней назад. Тот самый обнаженный смысл, который вы так любите во всем искать, состоит в том, что ты в сорок лет можешь проклинать человека, который был тобой в двадцать. — Татуировка почти кричала. — За то, что он неразумно распорядился вашей общей жизнью — тогда. Он приговорил тебя к тому, что есть у тебя сейчас. Он эгоистично оставил тебе дурацкое наследство. Скажи мне теперь, есть ли смысл искать тот самый смысл? Бесплатный совет: делая что-то, думай, каким эхом это отзовется для другого тебя. Того, которым ты будешь. Вот главный смысл.

Во время этой речи Кваазен всласть затягивался длинной сигаретой, пуская в комнату тон-

кие вьющиеся нити дыма. Последние странным образом не растворялись, а все такие же полноцветные плавно клубились, завязывались в узелки, собирались в загадочные иероглифы и магические узоры. К концу философических воплей татуировки нитей стало очень много, весь этот удивительный клубок копошился в метре от Кваазена, который лениво созерцал происходящее.

— Бывает так, — продолжил черный маэстро, как только татуировка попыталась сделать секундную паузу. — Ты звонишь кому-то, кого хочешь слышать, притом это “слышать” может быть особого характера. Тебе не отвечают, и ты один на один с отравительными гудками, каждый следующий — длиннее предыдущего. Ты идешь к соседу, стучишь в его дверь, тебе срочно нужно одолжить денег или поговорить. Но и там слышишь лишь тишину. Ты идешь домой, хочешь выпить кофе, варишь его, открываешь холодильник, чтобы добавить последний ингредиент — молоко, но его нет, а ты не можешь пить кофе без молока... — Родик вздрогнул, это было на него очень похоже. — Ты начинаешь остро ощущать одиночество, понимать, что ты один в мире. Ты чувствуешь свою прозрачность, осознаешь, что все это неспроста. Ты лезешь за сигаретой, но и курево закончилось. Я могу сделать, что так никогда не будет. Всегда будут молоко, сосед, кто нужно — будет брать трубку, и сигареты не будут кончаться. Поверь, это важно,

какой свет светофора горит для тебя. Он может быть всегда зеленым. И не только он.

“...и здесь всегда горит зеленый свет, даже если он красный...” — вспомнил самоубийца Сашку.

После этих слов Мануа резко пришел в себя, лицо его отливало удивлением.

— О, это надо отметить! — возопила татуировка, и виски уже привычным образом было разлито по стаканам. — И друзья твои не будут падать в обморок в самые неподходящие моменты... — Нарисованная физиономия зашлась в ухающем смехе.

Все выпили вслед за блондинкой. Ее спинной глаз по-прежнему томно моргал в сторону Родика.

Кваазен изловил за хвост сложно сплетенный дымный шар, плавно вращающийся в метре от него и от пола, и утопил его в стакане Мануа, на секунду обнаружившись у того за плечами.

Родик был уверен, что маэстро ни на мгновение не сдвинулся с места, но нечто похожее на маэстро мелькнуло за его другом.

Мануа выпил последний.

Глаза его отчаянно захмелели.

— Иван Нирванович, — покачал головой Кваазен. — Я думаю, вы-то правильно поняли смысл нашего диалога и сможете вразумить нашего общего друга.

Лицо Мануа выразительно отливало глупостью.

— Нирван Иванович, — протянула татуировка. — Вы уж постарайтесь донести до юношеского сознания уникальность ситуации и глобальность выбора. Как говорится, собственное счастье часто призрачно.

— На нашем мужском пути, там или здесь, в независимости от того, куда мы пойдём или даже не пойдём, будь то лево или право, верх или низ, почти везде нас ждёт та или иная женщина. — Мануа приподнялся на цыпочки, лицо его исказила тяжёловесная мудрость. — Она в зависимости от наших или её предпочтений может стать нашей или не стать. Быть с нами долго или не очень, но она есть везде и всегда будет... разная... — Кваазен улыбался и стряхивал пепел на пол, а тот словно разбежался в разные стороны. — В этом смысле женщины преследуют нас, как и мы — женщин. Всем нам быть с кем-то, и в разное время душа желает разного. Но кольцо на палец, ритуальный символ единения душ, надеть мы должны единожды. — Мануа поднял палец, пустовато поглядывая на самоубийцу. — И эта женщина должна быть уникальной, и в голове нашей не должно быть сомнений. Понимаешь?

— Что же сейчас мучает меня, если не сомнения? — Родик качал головой из стороны в сторону, так помогая себе сохранять собственное мнение.

“...пошел ты со своим символом...”

— Слабость, — точно сплюнула татуировка.

— Трусость, — вторил Кваазен, выходя из-за стола. — Любое счастье — мощная энергия, настолько мощная, что способна разрушить земной шар, поверь мне на слово, это не метафора. Для чьей-нибудь маленькой головы это, может, не только слепящий восторг, но и испытание, и адская боль. Ты не знаешь своего счастья, поэтому бежишь от него. Ты не знаком с ним, ты не привык, и ты его боишься.

“...заткнись!..”

— Ты прыгаешь в окна, потому что счастлив, — убежденно выдал Мануа, кивая сам себе головой. — И от кошмарного предчувствия, что скоро счастье закончится.

— И ты не ведаешь, как с этим жить, — подпела татуировка Геквакена. — Кто познал счастье, с трудом сможет прожить без него. Поверь, мы мастера подделок, нам ли не распознать истинное?

“...заткнитесь!..”

— Иногда счастье даже убивает, — декламировал Кваазен. — Но лишь оно способно воскресить. Сколько раз ты падал из окна?

— Четыре... или пять... — ответил Мануа за самоубийцу.

— И ты не умер?

— Нет. — И это был не Родик.

“...странно, но приятно...”

— Это ли не свидетельство, что ты нашел тот замечательный пальчик, на который приговорен надеть сакральный обруч? — Все четверо:

маэстро и его толстый компаньон, татуировка и Мануа пристально вглядывались — Родик у казала — прицельно в его голову. — И со всей ответственностью отдать этому обручу часть собственного тела.

— Если ты можешь засунуть палец в кольцо, чтобы не суметь вытащить его без мыла, — с мрачным пафосом бросил Родик, передразнивая интонацию Кваазена, — значит, ты сам можешь быть пальцем, что заберется в дыру, откуда выбраться ему будет непросто. — Он истерично хохотнул. — Если не невозможно... — Голова его в секунду нагрелась, появилось ощущение, будто сию минуту в ней что-то от чего-то должно оторваться.

“...пошел ты со своим обручем...”

— Ты — сложный мозг, — развел руками Кваазен, встретившись взглядом с Геквакеном. — При том, что ты со всем согласен. — Он щелкнул пальцами, и в комнате вновь появилась блондинка, а стало быть — виски в стаканах. — Ты — парадокс дьявола. Именно потому ты мне интересен. — Лицо его стало каменным. — Потому ты и можешь быть партией для моей дочери, хотя ты и человек. Ты с легкостью поддаешься на все мои скрытые провокации (я говорю не о том, что происходит сейчас), что благодаря этому, а не отрицанию меня выходишь из-под контроля. Но мы это поправим, познакомься... — Блондинка вооружала компанию стаканами с виски. — Височная... — От походки ее делалось жарко.

— Кто? — Мануа точно метил в душу компании.

— Боль, — с нажимом произнес Кваазен, указывая пальцем на блондинку.

— Боль Сергеевна, — со сладострастием и с отчетливыми нотками уважения продолжил Геквакен. — Женщина, сбивающая с ног. — Спящей теперь прикидывалась татуировка.

“...красивое имя...”

— И в паспорте так написано: фамилия — Височная, имя — Боль, отчество — Сергеевна, — подтвердил Кваазен. Он вернулся за стол, с размаху переместившись в поскрипывающее от роскоши кресло. — Занятие ее всегда одно: творить саму себя. И так — с тех пор, как она поняла, что очевидно красива. — В руках маэстро расцвела чашечка с кофе. — В тот самый момент все остальное перестало для нее существовать. Мужчины ее почти не интересуют, зато она весьма интересуется их. Такой у нее талант, и я его активно использую в своих целях. Кстати, ей очень подходит ее имя, потому что в любой душе, которую посетит эта женщина, со временем не останется ничего, кроме Боли. Догадываешься, что я задумал?

Родик покачал головой.

— Она будет приглядывать за тобой пару дней, — сообщил маэстро, сплетая пальцы. — За эти пару дней ты настолько привыкнешься к ее обществу, что в отсутствие Боли будешь сходить с ума. И тебе придется побыть с нами хотя бы для

того, чтобы иногда иметь возможность видеть эту женщину. — Он ледяно улыбался. — Заодно она настроит твой разум на нашу волну. И моя девочка не будет после казаться тебе столь ужасной. А когда Сашеньке надоеет твое среднестатистическое общество, я с удовольствием сделаю так, что ты никогда и никого из нас не увидишь. В твоём сердце останется только Боль. — Все это прозвучало чрезвычайно зловеще. — Ну, может, еще скука.

— За мной не нужно приглядывать. — Родик забегал глазами, пытаясь выглянуть дверь прочь, но равнодушно-красные стены не давали ответа на вопрос, каким образом гости вошли.

“...чтобы куда-то выйти, надо припомнить, как ты вошел...”

— Это нам решать, — осклабился Геквокен. — Тебя нужно наказать за твою глупость. Из всего, что можно было с тобой сделать, — это самое гуманное, пусть и продолжительно-болезненное. Боль оформит счастье, которого ты лишился. Думаешь, удивительные события будут происходить с тобой все время? Ты исчерпал лимит, бытовой мистики больше не будет.

— Она сама не позволит сделать этого, — фыркнул самоубийца. — Сашке нужен я, безумный от нее, а не от кого-то другого.

“...потому что она человек, и этот человек — женщина...”

— Ей не обязательно знать это, — сказал Квазен. — Мое преимущество в том, что я всего

достигаю — любыми средствами. Нет плохих методов, зато есть наличие или отсутствие результата. А если знать, что все временно, тогда исчезают последние ограничения. Кстати, я не имею в виду жизнь, хотя и жизнь тоже. Помнишь Нокка?

— Помню.

— Он действительно придумал кибербабку. Я украл у него это изобретение, а с ним произошел несчастный случай, после которого он пропал. Сейчас за ним охотятся его собственные детища. Я похож на него в этом плане, так как продал кибербабку МВД, теперь она охотится и за мной, своим вторым отцом.

— Я расскажу ей.

“...и с большим удовольствием...”

— Не получится. — Лицо Кваазена смеялось.

— Почему?

— Я попрошу тебя об этом, — услышал самоубийца. Голос был мятный, но с горчинкой. — Так же как попрошу побыть со мной. — Поле зрения застлала вездесущая блондинка, чей свет заполнил даже пронырливые уголки глаз. — Ты теперь будешь делать все, что я скажу, мой мальчик. — Сильная ладонь с длинными острыми пальцами вплелась ему в волосы затылка и крепко зафиксировала голову. — Тебе понравится быть со мной.

Чувствуя, как рассудок трещит, подобно банке под консервным ножом, Родик увел взгляд вниз, стараясь избежать вдумчивой синевы огромных

глаз. Там его встретил вид собственных пуговиц на рубашке, что синхронно на его глазах погнулись, превратившись в ничто. Он предпочел вернуть глаза на место. Сознание нашего героя неумолимо начало меркнуть.

— А теперь задай себе вопрос, — услышал он в самом ухе шепот Кваазена, при этом тело маэстро трепыхалось в стороне. — Зачем ты сюда пришел? Неужели просто поговорить со мной? Неужели ты так хорошо воспитан, что немедленно отреагировал на мою просьбу? — Звуки сочлились сомнением, что было чертовски заразно. — Ты инстинктивно, невольно, подсознательно ищешь ее, ищешь везде. Я против вашего союза, поэтому я познакомил тебя с Болью. Я разрушу вашу тягу начиная с тебя.

“...оставьте меня в покое...”

— Ему будет очень хорошо со мной, Кевин, — услышал Родик нежный рокот. — Даже тогда, когда будет очень плохо, все равно будет очень хорошо.

“...я пойду с ней...”

— Вопрос! — подал голос Мануа откуда-то из-за плеча. — Пользуясь случаем, хочу спросить. Перерождение есть или нет?

— Это один из вопросов, на который нельзя давать однозначного ответа, — ответил голос Кваазена. — Но я дам подсказку. Помнишь своего друга — Диму? Того самого, что сбил на своем замечательном автомобиле ребенка и теперь повсюду слышит его плач? До этого он подписал

контракт с очень серьезными силами, не говорю — людьми, потому что это не люди. Он получил нечто, чего не имел и никогда бы не заимел, не воспользуйся он этой силой. Но взамен он был лишен функции деторождения. Задумайся, отчего?

“...идиот...”

— Мир вокруг нас непрерывно совершенствуется, — впритык к словесам черного мага продолжил Геквокен, сам. — Я уже не могу двигаться с закрытыми глазами, как раньше. Теперь я лишь наблюдаю, пью мир, словно воду. И вот итог моих наблюдений — все находится в развитии. Даже мухи, даже они умнеют, повышается их интеллект, медленно, но повышается. Представьте, что лет эдак через тысячу или две муха сможет понять свое положение в мире и решит его изменить, объявит человеку войну. В этом соль: понять свое положение и изменить.

“...может, и так...”

— Приятно было поделиться с тобой мироощущениями. — Это оказалось последнее, что услышала голова самоубийцы, после чего пол ударил его в затылок. — И не сопротивляйся! В том смысле, в котором ты пытаешься сегодня пронять этот мир, сожительство с Болью тебе так или иначе обеспечено. Хорошая тренировка для тебя.

Сожительство с Болью

Комната воплотилась в четырех белоснежных стенах, поле и потолке, очень удаленных друг от друга. Посередине огромным квадратом ширилось того же цвета возвышение, исполняющее роль кровати, на котором ослепительно и размашисто покоилось совершенное тело очень высокой женщины.

Она замерла, лежа на животе, округлые ягодицы ее пристально вглядывались в потолок. Одна нога полусогнута, а на пояснице время от времени моргал крупный, с большими ресницами зеленый глаз. За динамикой спины обычно можно было наблюдать часами, так как любое волнение мышц или позвонков рисовало на безупречном полотне кожи детальные изображения лица эротики. Сейчас все составляющие этого произведения искусства пребывали во сне.

Золото волос наискось секло чарующую бельшеи и детально рисованных плеч. Крупная голова

покоилась на сильных руках с кроваво-хищным маникюром. Даже стопа ее, круто изогнутая в потолок, светилась убедительной точностью рисунка, где множество линий собиралось в изображение паутины, выглядевшей вполне уместно.

Я не помнил, как мы ушли от Кваазена.

Память огрызнулась короткой картинкой из того временного отрезка.

Я, Мануа и Боль медленно брели по городу. Я и Мануа обалдело раскачивались из стороны в сторону, а поступь замечательной женщины отличалась красивой твердостью.

Потом Мануа куда-то пропал, и мы остались вдвоем с Височной. Она взяла меня за руку и привела в это белое аккуратное пространство.

Тут я наконец опять начал ориентироваться в жизни.

— Где мы? — спросил я, щурясь от света стен.

— Мы у меня, — ответила она, хищными шажками загоняя меня в угол.

— Мне бы попасть домой, — робко промолвил я.

— Зачем, — как будто и не спросила Боль. — Мне кажется, у тебя есть задачи поважнее.

— Какие же? — Лопатки мои легли на стену.

— Любить меня, — отчеканила она, а сильные руки в секунду изорвали мою одежду в клочья.

“...как красиво ты сказала это...”

Я оказался наг, притом неким незаметным для меня образом Боль тоже оказалась голой. И голова моя стремительно закружилась.

У нее была крупная грудь с маленькими и острыми, как пули, сосками. Вели себя они, как шарики, наполненные гелием. Бедра были широки, талия так узка, а ноги так длинны, что при совокупной крупности и вытянутости все вместе сходилось в столь отменной стройности, что во рту моем пересохло.

Я почувствовал нечеловеческую силу в паху.

Взгляд мой упал до самых шпилек, что высоко держали ее пятки над уровнем пола. Затем скользнул по кривой задач — в ее естество, и кровь кипящей волной ударила мне в голову.

Я увидел себя словно со стороны — маленького, но юркого, точно ящерица, прытко носящегося по ее телу, с раскаленными губами и безумными глазами.

То самое “любить” продолжалось бесконечно долго. Несколько раз было так, что я приходил в себя ровно на мгновение и понимал, что любовная возня продолжается, а я участвую в ней уже механически. Притом отчаянно и рьяно, сквозь завесу вздохов, томных вскриков и вырванных волос из моей головы.

Боль выпивала меня до конца, она абсолютно не интересовалась, получаю ли я удовольствие, используя мое малое тело исключительно для собственной неги. Моя спина светилась кровавыми полосами, укусы покрывали лицо, и множество волос покинуло привычное место.

Вдруг я словно очнулся. Как в момент, когда ощутил вдруг отсутствие Мануа рядом или ког-

да просыпался во время полового неистовства, направленного на извлечение из тела Боли заключительных мелодий. Сейчас ее длинные чресла покоились на мне. Ненасытная женщина спала, сплетаясь со мной так, что выбраться из под сладкого гнета чужого великолепия не представлялось возможным. Мышцы мои оказались разбиты вдребезги, я был будто испит до дна, и слышал ее властный запах, и чувствовал ее уютный вес.

Неожиданно я уверился, что ничего другого не желаю, что не хочу выбираться из глубоких объятий. Более того — не могу вспомнить ничего иного, чем мне бы следовало заняться.

Я хотел остаться здесь и только здесь, прочие мирские ценности умерли.

Мгновение — и я уже спал. Мгновение — пришел в себя в тот момент, когда активная, словно трясина, динамика Боли начала удаляться от меня. Нагой шаг ее казался исполненным столь злой сексуальности, что осколки последней мелко разлетались во все стороны, эхом разбиваясь об углы и утопая в моем дрожащем разуме.

— Я... — с трудом выдал я, когда Боль вернулась из души, по-прежнему без единой нитки ткани. — Мне нужно... я...

“...я... я... я...”

— Тебе нужна я, — уверенноотреагировала Боль, падая в белое кресло, что само собой возникло за ее спиной. — И только я. Поверь, это очень неплохая и красивая миссия — служить

удовольствиям исключительной женщины. Или ты не согласен? — Она расположилась весьма развязно, я онемел.

— Согласен, — возопил мой рот без моего участия. — Но... — И тем не менее я пытался бороться.

“...ты... я...”

— Но?.. — усмехнулась Боль. — Я сделала неверный выбор? Твой друг Нирван, думается, был бы уместнее, нежели ты.

Я вдруг оказался подле нее, истерично целуя ее кисть с очень красивыми пальцами.

— Я вернусь, — боролся мой разум с предательским телом, согласным на что угодно, от нее исходящее. — Мне нужно... мне нужно в одно место... а после я непременно вернусь...

“...очень искренне...”

— В одно место? — Взгляд Боли, будто глоток раскаленного металла. — И что же это за место?

— Ну... — задохнулся я и понял, что напрочь не помню, куда мне может быть нужно. Ответ виделся рядом, я пытался вспомнить хотя бы, куда молодой человек моего типа может стремиться, но память, с готовностью просыпаясь, пожимала плечами.

— Еще скажи, что нужно домой, — усмехнулась бесовка, забрасывая ногу на ногу, отчего разум мой рухнул в обморок. — К маме.

“...щенок...”

— Нужно, — выдавил я, борясь с наваждением, и принялся целовать ее ноги.

— Где твой дом? — выдержав паузу, спросила Боль. — Я не прочь познакомиться с твоими родителями, раз уж мы вместе.

— Я... — Этой информации в моей голове тоже не нашлось. — Я... — беспомощно рылся я в собственных данных. Ответы словно висели над головой, но нащупать их я не мог.

“...ничего не помню...”

— Успокойся! — приказала Боль, цепко ухватив сильными пальцами мое лицо. — У тебя нет цели в жизни, ее тебе дам я. Твой дом, как и работа, как и твое место, теперь подле меня, мальчик. Я теперь и твоя мать, и твой начальник. Я нравлюсь тебе?

— Если бы нас не познакомил Кваазен, я решил бы, что ты богиня.

— А как же его дочь? Из-за нее ты шагал в окна.

“...она лишь малолетняя сучка...”

— Сашка... Научи меня забыть ее.

— Можно. — Пальцы ее вновь ухватили меня за волосы. — Но это означает, что только она сможет научить тебя забыть меня. — Волшебное лицо замерло в крайней близости от меня.

— Я не хочу.

— Само собой. Но “я” — означает только “я”. Я есть эта комната. Мне нужно немного, я ведь земная женщина. Любовь и только любовь, постоянно и много. Ты рано состаришься, ты забудешь всех и все, кто и что окружал и окружало тебя. Это тяжелая, но очень красивая миссия. Жалеть ты не будешь. Но готов ли ты...

В ту минуту я был готов. Целуя ее ноги, я словно преисполнялся вселенского смысла, что-то сакральное чудилось мне в каждом прикосновении к ее коже.

“...я готов провести всю свою жизнь так...”

Я сидел на полу, абсолютно забыв обо всем. Пытаясь размышлять о постороннем, я сталкивался с кирпичной стеной. Если же я думал о ней, мысль моя была покладиста и витиевата. Я даже забыл город, в котором находился, не говоря о прочих ценностях опыта. Мне стало страшно и думать о том, что за пределами этой комнаты, ведь именем тому была Неизвестность. Я превратился в домашнее животное.

Я задумался о ней так, что откусил себе полмизинца и, отвлеченный адской болью, долго не мог понять, что произошло.

Кровь унялась, пришли мысли о том, что провести всю жизнь в этой комнате — совсем неплохо. Я не мог вспомнить ничего, кроме этой комнаты. Любые копания вскрывали вязкий взгляд Боли, ее густую улыбку, любые мысли сводились к холодному мрамору ее колен, о которые я терся, словно пресловутый домашний кот.

— Послушай, — отвлек я ее от очередной попытки уснуть. — Что связывает тебя с Кваазеном? — Эту личность, к собственному изумлению, я помнил.

— С Кевином? — спросила она, упрямо закрывая глаза. — Он восхищается моим умением делать мужчин своей собственностью. — Она улыб-

нулась. — Я ведь не джинния. Это не укладывается в его голове, если она у него есть. Мне кажется, он и сам ко мне привязан, хотя и не признается.

— И отпускает тебя со мной? — усомнился я. — Наверное, не только со мной?

“...ты рассуждаешь как земной мужчина...”

— Не только, — подтвердила она. — Иначе он был бы не он. Нам скорее всего пришлось бы поменяться местами тогда. — Она засмеялась сквозь сон. — А так все на своих местах, но это ничего не меняет и ни о чем не говорит.

— А кто такой Геквакен?

— Еще один мой поклонник. — Боль смеялась.

“...красивая философия красивой женщины...”

— Тебя послушать, весь мир делится на твоих поклонников и тех, кто пока не знаком с тобой, — сказал я.

— Мой мир — да, — резонно заметила она.

— Кто он, кроме того, что он твой поклонник?

“...и его чертова татуировка...”

— Заместитель Кевина, — прошептала женщина, словно теряя нить диалога. — Может, и сам Кевин, кто его знает. Однозначно сказать нельзя.

Неожиданно я уснул или отключился.

Секунда — и я опять очнулся ото сна и оказался в комнате один. Она словно вытянулась, став не только прямоугольной, но и длинной.

Я перебрался на пол, недолго постоял, прислушиваясь. После чего побрел из угла в угол, ища что-

либо: выход, новые предметы, Боль. Ничего подобного не обнаружилось, но когда я вернулся к ложу, то застал там крупное стройное тело, погруженное в льняную короткую юбку, босоножки — и все.

— А есть ли ты? — задал я очередной вопрос.

— Иди ко мне и ответь сам, — таков был ответ.

Замечательная грудь выглядела очень реально.

“...если не реально это, что тогда реально?..”

— Ни одного предмета, — с сомнением произнес я. — Ты же женщина, у тебя должно быть много вещей.

— Знакомство с Кевином вызывает забавные эффекты, — ответила Боль. — Один из них — расположение всего, что принадлежит тебе, в некоем где-то. Не знаю — где, но могу извлекать то, что мне нужно, лишь желанием. — Юбка исчезла, великолепный зад обтянулся тугой черной сеткой с крупными ячейками. Волосы закрутились во что-то тугое и аккуратно громоздящееся на голове, а соски поменяли цвет на синий.

“...тебе нравится?..”

Чудовищная сила вновь обволокла мой пах.

Зачарованно пискнув, я метнулся в постель.

Время остановилось, превратившись в бесконечное шевеление, конца и края которому видно не было.

Потом я опять пришел в себя под ласковой тяжестью Боли, совершенно без сил.

— Что ты со мной делаешь? — задал я вопрос, не рассчитывая на ответ.

— То, для чего ты создан, мужчина, — раскаленным голосом обожгла она мое ухо. — Не для потери себя ради непонятных тебе, но внятных ей забав. Не для замены ценностей сильного пола на прихоти слабого, а для того, что заложила в тебя природа в качестве основной программы, мой мальчик. Я извлекаю из массы современного хаоса четко очерченного мужчину. Извлекаю тебя из уни-материала. Когда-нибудь ты оценишь это, только меня уже не будет рядом.

— Тебя не будет? — Сердце мое едва не подбросило ее тело к потолку. — Не будет тебя?

“...звучит как-то уж очень апокалиптически...”

— Конечно, — уверенно ответила Боль. — В жизни мужчины почти каждая женщина появляется, чтоб вскоре или не вскоре уйти. Кроме одной...

— Мне кажется, ты и есть та — одна, — уверенно сказал я, целуя ее плечи.

— У меня другая миссия, мой мальчик. — Удивительная особенность Боли одновременно спать и разговаривать удивила меня в очередной раз. — Эта особенность — тоже из ценностей Кваазена, — поразила меня она еще одной особенностью — читать мысли. — И эта тоже кстати... — Она засмеялась во сне, и мне стало жутковато. — Я не буду твоей женщиной вечно. — Она усмехнулась. — Моя задача — подарить тебе боль.

— Ты сделаешь мне больно? — тонким голосом спросил я.

— Ты сделаешь себе больно, — поправила она. — Боль не в действии, боль в восприятии. Я уйду, и тебе станет чудовищно плохо. Кроме того, чем больше я с тобой, тем больше вещей, отвлекающих тебя от меня, ты забудешь. Такова моя суть, мальчик.

“...это и работа моя, и мое призвание...”

— Забери меня с собой! — Глаза мои непроизвольно тонули в слезах.

— Ты готов делить меня с другими мужчинами? — спросила Боль спустя секундную паузу. — Ты готов забыть обо всем?

— Конечно, нет, — горячо заявил я. — Я убью любого, кто прикоснется к тебе. И я вижу — теперь я нравлюсь тебе.

— Нравишься, — чуть грустно согласилась она. — Мне вообще нравятся мужчины. — Она засмеялась, и я осознал, что все это был сарказм. — И я с удовольствием причиняю им боль. Глядя в искаженные лица, я смеюсь. Я люблю видеть их много, и все — у моих ног. Выдыхая ментоловый дым в пустоту, я знаю, что попадаю в лица множеству соискателей. А насчет “убью”... — Она выдержала звонкую паузу. — Тебе скоро представится такая возможность.

Я собрался задать еще один вопрос, но неожиданно на полуслове сорвался в пропасть сна.

Мгновение — и я опять бодр, глаза мои распахнулись во всю доступную ширь. Стены теперь оказались не пустые, их пространно наполнили черно-белые фото. Отовсюду на меня смотрели

ее крупные губы, сбивающие с ног глаза, художественно разбросанные пряди волос и груди. Треугольник масштабно курчавился в нескольких местах.

Боли видно не было.

Я зачарованно бродил вдоль стен, пока голова моя не закружилась. Я прислонился к стене и вдруг скатился назад, где открылся аккуратный, точно нарисованный проем.

Потом я очутился в такой же комнате — длинной и прямоугольной. В воздухе висела кровать с пространым балдахином. С кровати свешивались две волосатые ноги. Валялась иссушенная бутылка “Джонни Уокера”, беззвучно мельтешил в углу телевизор.

— Сука, — прокомментировал я, заглянув под балдахин.

Там крепко спал пожилой толстяк с небритой физиономией. Я метнулся вдоль стены, тыкая в нее пальцами.

В очередной раз — я угадал.

И оказался в следующей комнате.

Там на кровати, изнеможенные, в тяжелых градинах пота, лежали близнецы, до того юные, что кровь закипела у меня в венах.

Следующую комнату я нашел еще быстрее.

Неизвестно, сколько спален обнаружил бы я далее, но в шестой, в объятиях прелестнейшей девушки в очках, нагой и спящей, обнаружилась сама злодейка. Без нитки ткани, с хитрым взглядом и ошпаривающими движениями.

“...мне кажется, тебе нужно поменять имя...”

— Вижу, ты прогулялся по моим владениям? — спросила она, крепко сжимая в сильных объятиях слепаще-белое тело. — Тебе понравилось? — плеснула она масла в пламя моего разума.

— Ты... — все, что смог произнести я. — Ты...

— Обычно меня находят в объятиях самого отвратительного из обитателей этих комнат, — сказала Боль, гуляя стопами по салфеточной ткани постели. — Я сжалилась над тобой, хотя мне очень хотелось увидеть твоё юное лицо в оскаленной гримасе ревности. — Двойное имя её в тот момент было — Бесстыдство и Совращение. — Я намеренно показала тебе это, мой мальчик, чтобы ты не плодил иллюзий. Обычно я показываю это спустя пару-тройку недель, когда человек уже всецело принадлежит мне и я становлюсь для него пищей, водой и кислородом. Обычно комнат не менее двадцати.

— Сколько же их вообще? — закричал я.

Девушка в очках проснулась, испуганно вытаращившись на меня. Она показалась мне очень знакомой.

“...адский вертеп...”

— Разбудил котенка, дурак, — томно произнесла Боль. — Я и сама не знаю, малыш. Где-то я бываю часто, как у тебя, кое-куда заглядываю раз в год. Кто-то будет ждать меня всю жизнь, но я не приду. Все они — мои пленники, или мои поклонники, если тебе так больше нравится. — Она смеялась. — Некоторые заточены навечно,

по тому или иному умыслу Кваазена или моему, кое-кто временно, вроде тебя. Тебе повезло — я оставила бы тебя навсегда. — Лицо ее дрогнуло сожалением.

Я отвлекся от созерцания нагой красоты, сосредоточившись на девушке в очках. Мы были знакомы, изменился лишь цвет волос, и взгляд, не узнававший меня.

— Это же... — заикнулся я, краем глаза обнаружив, что остался наг. — Это же Сашка...

— Точнее Сашкина тень, — улыбнулась Боль. — Та, которой эта юная дура подменяла себя, когда собиралась покинуть тебя для своих сомнительных целей. Та, с которой-то вы сбежали от ее хозяйки, за что она теперь навечно отдана мне. И я с удовольствием напиваюсь ее любовью!

“...в ней больше тепла, чем в этой статуэтке...”

— Я думал, это ее двойник. — Тень явно не узнавала меня, всем телом прильнув к Боли.

— Всего лишь тень, — уточнила бесовка. — Поэтому не говорит, ищет, к кому прильнуть, но красива, как ее хозяйка. И позволяет делать с ней что угодно. — Бритвенный смех полоснул меня по лицу. — Хватит дурацких разговоров! Ты забыл о своей миссии, мальчик? — Богатое тело вздрогнуло, своей дрожью приковав меня к себе во всех смыслах этого слова. И взбился неистовый микс, где к двум великолепным женским телам примешалась моя мужественная смуглость.

Время опять остановилось.

Сука-1

Я шел в темноте, пытаюсь ни на что не наткнуться. Судя по всему, наткаться было не на что, темнота выглядела ровной и аккуратной. Я не мог дать однозначного ответа на вопрос о своем местонахождении. Мною двигало лишь любопытство, чем все это закончится, и нежелание оставаться во тьме.

Вскоре впереди замаячил огонек, он оказался отчетливо-красного цвета. Инстинктивно я двинулся на него.

Он стал увереннее, начал расти и при приближении оказался сердечной формы.

Я подошел ближе и увидел подле него Сашеньку. Она воровато улыбалась мне, а руки ее были по локоть в крови.

Я был уверен, что это кровь.

— Что ты делаешь? — спросил я.

— Я... — Она замаялась с ответом. — Я краду твое сердце... — Лицо у нее тоже оказалось в алых разводах.

— Зачем оно тебе? — спросил я.

— Ну... — Она будто не знала ответа. — Для коллекции...

Я вздрогнул от такого пассажа и отпрянул от нее.

— Какой коллекции? — машинально спросил я.

— Для такой, — ответила Сашка и показала руку, которую прятала за спиной. Тончайшее серебристое кольцо размером с хулахуп крепко зажималось в белых тонких пальцах, на него, точно шашлык, были нанизаны комочки, похожие то ли на грибы, то ли на грязь. Их оказалось невероятное количество.

Я встряхнул головой, стараясь сбить наваждение.

— Грибы? — не понял я, вглядываясь в комочки, правильно подозревая, что в них все дело.

— Сердца, — засмеялась она, и этот смех не показался мне человеческим.

— А почему... — Я не знал, какой вопрос будет уместнее. — А почему они такие маленькие?.. — Грибы не походили на сердца.

— Потому что вначале я раздуваю их до огромных размеров, — пояснила демоническая девочка. — Тогда они выглядят как дирижабли, таких размеров человеческое сердце просто не выдерживает... — Она сейчас олицетворяла серьезность. — И потому они вянут, сморщиваются и превращаются в такие вот сушеные сердечки. Я их очень люблю. И собираю. — В темноте было

видно ее руку и лицо. Остальное скрадывалось тьмой, что было очень кстати.

— Мое не такое, — показал я пальцем на полноценное, мускулистое, кровавое сердце, что гулко било в ее красной ладони, полное собственной ритмичной музыки.

— Это пока, — заверила Сашка, морща лицо, но оставаясь зловеще красивой. — Так будет недолго, мой котик... Посмотри на свою грудь, — кивнула она. — Задай вопрос, почему оно не там.

Грудь моя выглядела разворочанной, точно в нее попал снаряд. Я ухитрился заглянуть себе вовнутрь и увидел много чего, но сердца там не нашлось.

— Почему же? — ошеломленный моргал я в ее сторону.

— Ты сам мне его отдал, — сказала Сашка. — Ты вычесал его из груди. И делал это долго и нудно, после чего отдал мне, как его хозяйке. Теперь оно мое.

Я заглянул в прошлое: вспомнилось жуткое чесание в области левого соска с тех пор, как Сашка приехала ко мне в точку М. Вспомнилось, как усиливалось это раздражение с каждым днем, как область сердца превратилась в кровавую рану, к которой стало больно прикасаться, но я маниакально продолжал чесаться.

— Верни его, — попросил я, боясь опускать подбородок, так как снизу на меня настойчиво пялился собственный организм. — Я не могу без него.

— Можешь, — уверенно сказала демоническая девочка. — Если будешь рядом, сможешь. А вернуть — нет. Оно мне нужно.

— Зачем? — не понимал я.

Мне абсолютно не улыбалось остаться без сердца. Я не знал, чем подобное чревато, но предполагал, что ничем хорошим для меня это не закончится.

— Для чего оно тебе?

— Я их ем, — не своим голосом продекларировала Сашка, ни тени улыбки на лице ее не осталось. — Горстями. Сушу и ем и не могу не есть. От них и красота, и сила, и много чего. А твое очень большое само по себе, оно должно содержать очень много силы. Я хочу его съесть.

Перед глазами поплыло, темь прыгнула и настигла меня. Я, казалось, упал.

Но вместо этого проснулся в собственной кровати по адресу, который не помнил и откуда как-то ушел, чтобы никогда не вернуться.

Стены были одеты в бледно-зеленые обои с редко разбросанными пляшущими человечками. Странно, но кровать я помнил, не представляя ни улицы, ни дома, ни даже города. Кроме угла с кроватью в комнате нашлись еще три угла, один занимали высокие часы с мятником, другой — потрепанный торшер, еще один — книжная полка. На стенах замерли неразборчивые картинки, у окна кривилось старое глубокое кресло.

Рядом лежала Сашка, она то ли не спала вообще, то ли проснулась от моих вздрагиваний.

— Ты чего-то боишься, — сказала она.

— Нет.

— Ты боишься.

— Ты ошибаешься.

“...не спрашивай меня...”

— Скажи мне.

— Нет.

— Скажи мне!

— Не могу!

— Почему?

— Потому что я боюсь даже думать об этом.

Эти слова ошпарят мне губы.

— Ты мне не доверишь?

“...глагол “доверять” синоним глагола “верить”...”

— Доверяю. Поэтому не произнесу их. Они не мои. Это внутренний черт.

— Кто он?

— Он внутри меня. Он считает, что он знает все. Он постоянно спорит со мной.

При этом я остервенело чешу грудь, оставляя за пальцами кровавые следы.

— Не слушай его! — приказывает она.

— Не могу, — шепчу я. — Он говорит со мной моим голосом.

“...будто говорю я сам...”

Она обняла меня сильными, но тонкими руками. Я тут же растекся, словно желе, и почти начал засыпать, как вдруг рука ее коснулась моего лица. Я обратил внимание на то, что пальцы Сашки странно удлинились, на кончиках

приобретя округлую форму вместо заостренной.

— Что это? — опять вздрогнул я, наваждение не проходило.

— Виноград, — нежным голосом ответила Сашка. — Очень вкусный.

— Виноград? — недоуменно переспросил я.

— Я надела его на ногти, — сказала она. — Пока ты спал, чтобы накормить тебя, когда ты проснешься. — Действительно на длинные ее ноготки — на каждый — была нанизана крупная виноградина или что-то очень на нее в темноте похожее. — Съешь... — Один из пальцев отправился мне в рот, и я проглотил то, что он предлагал. Тут же его сменил другой, потом еще.

Это и походило на виноград, и не походило.

“...какой вкус у винограда?..”

— Это ведь не виноград? — спросил я у ее широко улыбающегося рта. — Это не похоже на виноград, Сашенька.

— На что же это похоже? — будто пустые в ночи ее глаза пугали меня своей матовостью. — Скажи, дорогой...

— Это ведь... — предположил я, чувствуя, что странно захмелел от нескольких виноградин. — Это сердца, да?! — Радуга разлилась внутри меня, ласково утопив в себе любые мысли и нежно надавив на глазные яблоки изнутри.

— Сердца?! — казалось, она не понимала. — Ты с ума сошел! Какие, к черту, сердца?

“...от тебя ничего не скроешь, дорогой...”

— Ты хочешь этого? Ты уверен?

“...нееееееееенааааааавииииииииижуууу-
уууууу...”

— Попроси меня, может, тогда я решусь.

“...я слышал весь этот брееееееееед...”

— Так... так... хорошо... еще... еще... еще...

МММ... так...

“...и я слушаю этот брееееееееееееед...”

— Ну... Что тебе сказать?

“...что-нибудь...”

— Я приеду... убедил...

“...а я?!” — Я ощутил болезненную малость себя.

— Я оставлю ему свою тень. — Она засмеялась, и опять нечеловеческое слышалось в этом смехе. — Они отлично ладят. — Мне стало очень холодно, я уронил сигарету, а голос теперь напоминал штопор, безжалостно ввинчивающийся в мой разум.

“...”

— Когда... Ну, через пару часиков, я думаю.

“...сукааааа...”

— Нужно собраться...

Я появился в проходе кухни. Разум мой онемел, а лицо застлал дрожью аффект.

Сашка курила подле обеденного стола. Сидела она на тонконогой табуретке, закинув ногу на ногу, другая ее ладонь управлялась с телефонной трубкой. На ней имелись только трусы и майка, из-за спины в комнату заглядывала полноценная в своей округлости луна.

В секунду я оказался возле Сашки и с размаху попытался залепить ей пощечину. Вместо этого страшной силы удар пришелся в меня самого, после чего я шумно сполз по противоположной стене.

Почти так же яростно я вернулся, но все повторилось.

— Я — это ты, — сказала Сашка, оказавшись вплотную ко мне у стены. — Ты — это я. Когда ты бьешь меня, дурак, ты бьешь себя... — и до крови укусила мою щеку.

От укуса я пробудился — в очередной раз — на своей кровати.

В комнате кто-то пел волшебным голосом, от которого маршировали волосы на спине. Голос был пленительно-чистым и горячим удовольствием вливался в уши. Я повернул голову в ту сторону, чувствуя, как вплетается в пение хруст собственных волос.

Пела Сашка.

Она в одном халате, что разлетелся в разные стороны полами, кое-как стянутыми поясом от другого халата, сидела в продавленном кресле у окна. Оттуда бил ветер, разметая ее волосы в странном геометрическом беспорядке. Она курила, стряхивая пепел себе под ноги, смотрела на меня и дивно пела — я даже не знал, что она так умеет.

Разум мой будто размяк. Спокойствие и нега заполнили меня по грудь, задышалось томно и сладко. Я стал прислушиваться к словам, что источал этот такой разный рот, рифмы в них не

было, слышались фразы, неупорядоченно сбиваемые друг с другом:

— О глупом котенке песенка... Который лежит и делает вид, будто он спит... Но он не спит, а потому я не сделаю ничего... Кто-то ждет, а кто-то спит... Как наскучило мне все... но и я люблю... глупого котенка, о котором песенка... Чего лежишь? Встань, сделай что-нибудь... Кому сказала? Подъем! Ты же не спишь!

Неожиданно я осознал, что она не поет, а говорит. То, что казалось пением, было полусонным фильтром, сквозь который преломлялся ее голос. В тот момент я констатировал для себя пронизывающую красоту трелей, их мед, что обволакивал и отвлекал.

Я приподнялся на кровати, туманным взглядом заплывая в ее плоскости. Сашка в расползшемся халате пробудила во мне известные желания.

Я перебрался на пол и пополз к ней, но обнаружил, что удаляюсь от нее с каждым движением.

Я поднялся и побежал, но оказался один в кухне. Медленно двигаясь задом наперед, я все же сумел вернуться, но в комнате уже никого не было.

Я несколько раз произнес имя, но в ответ только копошилась тишина.

Я снова лег на кровать, завернулся в простыню и сфокусировался на потолке. Не прошло и минуты, как он начал приближаться, и лишь

прикоснулся он к моему лицу, как я уже крепко спал.

Спустя еще минут десять я опять услышал пение сирены.

— Ну что, малыш?! Так и будешь лежать?.. Мне скучно, ты понимаешь это или нет?.. не делай вид, что спишь, я прекрасно знаю, что это не так... что ты за чудовище?.. ну поговори со мной... скажи что-нибудь... ты, ты во всем виноват... не нужно было так ...

По всей видимости, на этот раз я спал крепче, чем раньше. Пение продолжало оставаться пением, я с трудом различал ее слова, но реагировать не мог, отвлеченно фиксируя их смысловую нагрузку.

— ...не зли меня, я сказала!.. тебе будет больно, очень больно... не притворяйся, тварь!

Неожиданно она подскочила и с размаху ударила меня по лицу. Сон не нарушился, а я с трудом осознал, что это был удар, и преспокойно продолжил спать. Сашка наотмашь ударила по моей щеке еще раз, затем так же яростно — по другой. Я выражал безмятежность, и грудь моя ровно вздымалась.

Она отошла, пристально вглядываясь мне в лицо. Позвала еще раз по имени, склонив голову на плечо и хищно улыбаясь. Распахнула халат, он художественно соскользнул на пол, оставив ее в ранищей наготы. Движением острых ногтей она ущипнула свое плечо. Щипок этот, к моему спящему неудивлению, вырвал из ее тела еще одну

Сашку. Такую же голую, не менее красивую, но испуганную. Оказавшуюся на полу между нами.

— Будешь тут, — сказала первая Сашка. — Я скоро вернусь.

Любимые мною ноги развернули змеиное тело, что в секунду ускользнуло в сторону, которую заметить я не смог.

Вторая Сашка внимательно посмотрела на меня, с мелодичным хрустом поднялась с пола. Подошла поближе, бесшумно легла рядом, обняв меня тонкими руками. Несмотря на сон, я явственно почувствовал тепло ее ладоней, горячее дыхание забралось в мою голову, заставив ее наполниться ватой. Стало невероятно тепло и уютно, биение сердца будто замедлилось.

“...спать, спать постоянно, просыпаться, констатируя жизнь, и тут же засыпать...”

Проспал я необычно долго.

Комфорт имел запах вечности.

Неожиданно меня разбудил голод. Я открыл глаза и понял, что давно хочу есть. Сашки рядом не было, она всегда появлялась в постели неожиданно, так же как исчезала, всегда умудряясь быть и не быть рядом.

Почему-то на этот раз я оказался в ее стенах, хотя когда засыпал — был у себя.

Меня окружали: плечистый платяной шкаф, стол со стеклом, стиснутый высокими книжными полками, тяжеловесные бра металлической наружности, обычный предметный беспорядок.

По квартире плавали запахи легковесных полуфабрикатных облаков, это их древний зов сквозь морфейные толщи сумел достучаться до моих век.

Готовила Сашенька в ослепительной наготе, чуть украденной черным клетчатым фартуком. Лицо ее мерцало одухотворенностью, от нее сладко пахло кухней. Что-то было в этом запахе, так посчитал я, подкравшись к ней сзади и утопив лицо в остром плече. Захотелось поцеловать ее, и это желание я выразил в затылок, что выглядел необычайно красивым сейчас при забранных вверх волосах.

Несложные яства принесли умиротворение в мозг, и правдоподобные сны смешались с неправдоподобными иллюзиями.

Сашка не была настроена на разговор. По ее довольному лицу стало понятно, что она горда собой. При этом она не прекращала дуться.

— Сашенька, — пропел я, тоже теряя в нигде свой халат. — Я люблю тебя, Сашенька! — В окно вломилось солнце, враз нарушив меланхолическое утро и вознеся день. — И имя твое я очень люблю. — К разогретому мясу присовокупилось сухое вино родственно кровавых оттенков.

“...иногда ты истинный ангел, иногда ты полноценный бес...”

В ответ Сашка щурилась на солнце. Улыбка ее пряталась и появлялась. Она не ела и глядела на меня исподтишка, не давая соприкоснуться взглядам. Сейчас в ней нашлось больше детско-

го, чем взрослого, несмотря на телесную зрелость. По лицу путешествовал задор, казалось, невымываемая вредность рассталась с ее чертами. Она вновь стала такой, какой я знал ее в начальные времена ритуальных плясок.

— Ты же ангел, — с нажимом на последнее слово сказал я. — Ты только делаешь вид, что ты человек. Вам, ангелам, нельзя давать знать людям о своем существовании. Поэтому ты имитируешь все, что делают люди. Это по кодексу ангелов. У вас нет перхоти, вы не ходите в туалет, ты не потеешь и тому подобное. Ты только делаешь вид...

Сашка продолжала хранить молчание, по-видимому, так проявилась новая игра, правила которой я не знал. Точка соприкосновения тоже молчала, отовсюду, точно вода, полилась тишина, ласковая на этот раз, абсолютно не вязкая.

Наверное, сегодня был выходной день, плавность висела в воздухе, а солнечные зайчики многочисленным десантом запрыгивали в форточку.

Мы разглядывали друг друга, словно увиделись впервые, улыбки отражали друг друга.

Грудь моя перестала чесаться и даже успела поджить.

“...идеальное время для прогулки...” — подумал кто-то из нас.

Мы включили режим автопилота, чтобы миновать разные сложности и местности, прежде чем оказаться в парке, полном обшарпанных некогда

башен, территорий деревьев и засилья высокой травы. Вся эта хоббитская благодать оказалась огорожена решетчатым высоким забором цвета ржавчины, который всем своим видом подчеркивал рыжую своеобразность.

Побродив среди башен, которые внутри выглядели мертвыми еще более чем снаружи, мы минули размашистую ветвистость неизвестных нам деревьев и оказались в пространности густо исполненной травы. Трава казалась очень высокой и остро заточенной, она должна была ранить легкомысленные тела. Но трава с грустным хрустом приняла эти тела в свои глубины. Самым адекватным нам показалось спрятаться в зеленые вытянутости, и один мир сменился другим.

Сытое, выпавшееся и довольное тело мое начало любовную атаку любимой, которая не менее быстро оценила прелесть нашей невидимости.

Где-то рядом поле нарезали человеческие ходы, по ним двигалось в сторону точки Б. разноликое человечество. Голоса и поступи сливались с оглушительным, но нежным хрустом флоры и нашим дыханием.

Мы были будто рядом, и будто нас не было.

Мы творили любовь в ее первобытном виде, а в трех шагах от нас интеллигентные семьи вели рифмованные диалоги.

Солнце ненавязчиво пыталось участвовать, наполняя теплом незащищенные участки, особое ощущение острой удовлетворенности наполняло голову возвышенными словами.

“...люблю тебя...” — иступленно зывал я сквозь колдовскую динамику.

Ответом мне звенела тишина, хотя лицо Сашки пестрело восклицаниями. Глаза ее были закрыты, а рот дрожал хмельной улыбкой.

“...ангел!.. — сотрясал я застенки точки соприкосновения, — ...бес!..”

Потом мы лежали на спинах и смотрели в небо, что бездонное медленно перегоняло караваны гигантских облаков, которые, точно корабли без названия, величаво и почти незаметно плыли в сторону Европы. Солнце то пряталось за них, то появлялось, заставляя глаза щуриться, разило очаровательным теплом.

Трава казалась снизу ненормально высокой. Сквозь призму взаимного покоя, наложенного на млеющую горизонтальность, под обрывки чьих-то незначительных фраз создавалось ощущение вращения Земли вместе с нашими телами, где мы играли осевую роль.

Мы лежали очень долго, я говорил, рассказывал разные разности, что-то спрашивал, даже слегка обижался. Сашка молчала, поглядывала на меня, улыбалась, перекатывая во рту травинку, но не комментировала ничего.

Рядом кто-то ссорился, мирился, философствовал, просто говорил, просто гулко ступал по седому асфальту.

Потом стемнело, и мы вновь включили автопилот, держась за руки. Это считалось Сашенькиным изобретением: “...Автоматизм — чудный

механизм, я умею впадать в автоматизм, думать о чем-либо или не думать, при этом что-то делать, и когда прихожу в себя — много дел уже переделано, а я о них и не помню...”

Я делал так постоянно с тех пор, в автоматизме я проводил целые дни. Главное оказалось — в нем не увязнуть, чтобы он не сменился аутизмом, так как расстояние между ними недлинное.

Дома Сашка тут же заперлась в ванной и ни слова не обронила. По правде говоря, не очень-то мне ее слова были нужны, все, казалось, и так понятно. Лишь привычность сопрягать происходящее со звуком подзуживала меня говорить и ждать ответа.

“...кто знает, может, в этом есть и плюсы...”

Ожидая ее, я принялся скрипеть половицами. Любые старые половицы скрипят, но скрипят не наобум, как может показаться, каждая скрипит по-своему, подобно клавишам любого инструмента, у которого есть клавиши. Я ступал с одной на другую, менял угол воздействия, тяжесть, точку приложения сил и т.п. Пол закрипел престранной музыкой — в которой звуки явно различаются: есть визг, есть шепот, есть скрипка и есть гобой. Не в любое время можно повторить подобное, особое состояние души, ее нагота провоцируют такие эффекты и множество других, укладывающихся в контекст бытового мистицизма. Одним дано участвовать в нем, другим — никогда.

В ванной зашумела вода, она тут же стала фоном, на который наложилась несложная мело-

дия. Я увеличил скорость себя, а с ней — моей музыки.

Напротив висело прямоугольное зеркало, и со стороны то, что я делал, выглядело смешно. Я смеялся, а в заживающей груди возрастало тепло.

Я и творил музыку, и танцевал под нее.

Танцуя, я не сразу различил еще один примешавшийся писк. Но вскоре пришлось, так как он явно не вписывался и расстраивал общую слаженность. Это был телефон, что вкрадчиво, но метко нарушил творческую атмосферу.

Музыка пропала, остались скрип половиц и шум воды из-за белой двери.

— Алло? — спросил я у множества дырочек в черном куске пластмассы.

— Привет, — колыхнулась тишина в трубке Сашкиным голосом. — Как ты там?

— В смысле?

— В прямом, — саркастически изламывался ее голос. — Я вот соскучилась, например.

— ... — Со мной остались только гудки.

Недоуменно поморгав, я вернул трубку на место и направился к белым дверям. Крючок, который делал их запертыми, славился символичностью. Легкий рывок — и навстречу мне выпал горячий прямоугольник пара, за ним сквозь целлофановую штору отчетливо проступало тонкое Сашкино тело. На всякий случай я заглянул и туда, но вид совершенного зада моей любви убедил меня. Армия капель стремилась по вкусным из-

гибам к водостоку, а аккуратные пальцы покачивали в задумчивой неге эту ладную конструкцию.

Я вышел в коридор, бесшумно прикрыв за собой двери, в тот же миг телефон зазвонил опять:

— Оденься поярче, — сказали мне оттуда Сашкиным голосом. — Нас пригласили на вечеринку.

— Какую вечеринку? — переспросил я. — Кто пригласил?

— Один мой друг, — ответила она. — У него день рождения.

— Я его знаю?

— Поторопись. — Гудки показались мне пронзительными.

“...иногда очень полезно порыться в собственном шкафу: можно создать неповторимый образ...”

Я послушно обратился к платяному шкафу в спальне, в руки попались пестрая рубашка кирпичных тонов и коричневые вельветовые брюки.

Едва я погрузился во все это, как в комнате обнаружилась завернутая в полотенце Сашка. Лицо ее казалось печальным. Пряча глаза, она отгородилась зеркальной створкой, поколдовала за ней и вынырнула в тугих серых джинсах, при белой рубашке с короткими рукавами.

— Прекрасно выглядишь, — отозвался я, уловив вопросительность, насытившую все вокруг. — Так что за день рождения? — Сложная девочка опять ничего не ответила, а увлеклась феном и прочей женской алхимией.

Потом мы обратились к выходу.

Не мой праздник оказался совсем недалеко: на той же лестничной клетке.

Ободранная дверь была не заперта, о чем Сашенька оказалась осведомлена. Как только дверь приоткрылась, нас засосала внутрь энергичная музыка, намека на которую не прослеживалось секунду назад.

Внутри все выглядело следующим образом: масса народу лениво мельтешила в образе танца посреди неправдоподобно большой залы, притом не созвучны местной планировке оказались и ширина пространства, и высота потолков. Обои пестрели изумрудными полосами на разбавленно-зеленом фоне, паркетный пол отличался выразительным блеском. Каждая стена имела в себе двустворчатую дверь со стеклянными вставками, сквозь которые проступала человеческая обильность. Два черных кожаных дивана утопали в разномастном люде, высокая почти музейная люстра выглядела нарисованной. Низкий журнальный столик держал на своей стеклянной сущности алкогольное изобилие, там же имелись подозрительные белые разводы, сомнительные пакетики и обрывки бумаги. Два полосатых кальяна весело курились густым дымом, картина с нечетким изображением пьяной голой братии словно шевелилась в унисон происходящему.

“...очень утомительны насквозь чужие праздники...”

Успев окинуть взглядом открывшийся пейзаж, я не досчитался Сашки. Оживленные лица

улыбались одной гигантской улыбкой, женщин было немного, а те, что имелись, казалось, оставили свой разум дома. Полоумно кривляясь, одно создание из этого меньшинства ухватило меня за руку и утянуло на один из диванов, пробив там своим телом свободное место.

— Пееееей, — странно протянула она, и я едва ее понял.

Косметика на лице девушки поплыла, глаза пылали инопланетным огнем, и во всей своей целостности она напоминала подражание Пикассо. Красивыми выглядели лишь волосы, иссиня-черные, непроглядно-густые, да длинные ногти, поразительной длины и рисунка.

В посудине, которую она насильно вставила мне в руку, плескалась коричневатая жидкость.

— Что это? — постарался я перекричать музыку.

— Осооооообый чааааааай, — улыбнулась она в ответ, расправляясь с такой же жидкостью в своем стакане.

“...в устах твоих подобное звучит зловеще...”

Я узнал ее, то была спутница Сашеньки в одном из измерений. Когда состоялось наше знакомство, именно ее отец Мануа уволок в диванные дали. Это несколько успокоило мою остервенелую голову.

Морщась, я выпил, обои вдруг значительно потемнели, пол посветлел, а лицо девушки перестало напоминать маску.

Музыка точно слегка удалилась, перестав быть кричащей.

— У кого день рождения? — спросил я.

— Его зовут Юра. — Речь девушки перестала быть странной, зато глаза ее горели безумием.

— А где он? — спросил я, вертя головой. — Надо бы его поздравить...

— Она скоро вас познакомит, — хохотнула девушка, теребя в руках пакетик.

— Она? — уточнил я, допивая чай, который перестал быть горьким.

— Сашенька... — ответила та, отвлекаясь от меня.

Больше на вопросы девушка не отвечала, заглянув в ее глаза, я увидел, что они ничего не выражают. Пакетик в девичьих руках оказался пуст, и мне стало очевидно, что она сейчас отсюда далеко.

Я поднялся и начал выбираться из плена острых плеч голосащей публики. Поскитавшись, глаза мои не нашли Сашки, после чего я обратился к одной из широких дверей, ища продолжения истории.

За дверью я увидел себя и, не узнав, попробовал разойтись с самим собой в дверном проеме, как вдруг распознал знакомые черты и понял, что уткнулся лбом в зеркало. То же оказалось за другими дверьми, пространство состояло из одной, пусть и большой комнаты. Прочее, что мелькало во все четыре стороны, было не чем иным, как отражением описанной действительности.

“...иллюзия тому второе имя...”

Я вновь обратился взглядом к тому, что все-таки было материальным. Машинальной змеей в руку мне заполз продолговатый мундштук кальяна, так же спонтанно я сунул его в рот и глубоко затянулся. Стены совсем потемнели, а пол стал почти белый. Лица приобрели понятные выражения, я же почувствовал себя родственным окружению.

Ноги побрели в сторону диванов, я искал девушку, что встретила меня тут, но на старом месте ее уже не оказалось, зато имелось сплошное засилье прочих тел. Легкими движениями рук я принялся разгребать человеческий завал, отбрасывая невесомые тела себе за спину.

Скоро я докопался до все еще отсутствующей девушки, после чего нашел Сашеньку. Она сидела на диване с неизвестным мне молодым человеком светлой наружности, в смысле лица и волос. Он держал ее за руку и что-то говорил, чему бестия согласно кивала. На груди его размашистыми золотыми буквами было вышито: “Юра”.

— Привет, — сказали они мне одновременно, пенясь неподдельным дружелюбием.

— Наверное, — невпопад ответил я, беря Сашку за вторую руку и притягивая к себе. Тут мне стало понятно, почему я не мог различить ее на аляповатом пятне массовки. Неизвестно когда демоническая девочка успела переодеться: кроме короткой черной юбки на любимом теле был

угрожающе короткий топ ядовито-зеленого цвета, да минималистские туфли той же расцветки. Острые каблуки глубоко сидели в полу, поэтому мне потребовалось время, чтобы отодрать ее от дивана.

— Чего тебе? — недовольно спросила Сашка, искрясь прежним сволочизмом.

“...и зачем я тебя позвала?..”

— Тебя! — агрессивно ответил я. — Вижу, ты научилась разговаривать?

— Никогда не не умела, — заковыристо ответила она, оглядываясь за спину, пока я тащил ее к другому дивану.

“...просто кое с кем порой не хочется...”

— Кто этот Юра? — спросил я сквозь зубы.

“...а придется...”

— Мой старый друг, — ответила она раздраженно. — Мы знаем друг друга сто лет, мы общались, а ты нас прервал. — Волосы ее были уложены не так, как когда мы явились на праздник, и губы светились другой помадой.

“...такая вот легенда...”

— Зачем мы пришли сюда? — Я пробил своим телом место на втором диване, и мы оба втиснулись туда. — Я неудобно себя чувствую, я никого тут не знаю. Ты убежала, мы даже не купили подарок...

— Не страшно, — отозвалась Сашка странно-улыбкой. — Я уже подарила ему кое-что от нас с тобой.

“...маленький такой подарочек...”

— Неужели, — протянул я. — И что же ты подарила?

“...чтобы что-то дарить, нужно что-то приобрести...”

— Не важно, — махнула она рукой. — Ему точно понравилось. — Улыбка ее отливала злобой.

“...или сделать... своими руками...”

Я ощутил на себе чей-то пристальный взгляд. Глянув напротив, я заметил Юру, что стоял, прислонившись к стене, и с ошпаривающим любопытством разглядывал меня. В руках он держал кальянный мундштук, к которому медленно прикладывался, выпуская в потолок тяжкие струи. Они — быть того не может — превращались в дымные сердца, что медленно ползли по потолку в нашу сторону.

— Сколько ему исполнилось? — попытался я сменить тему, чтобы выключить ее раздраженный тон.

“...сранных лет...”

— В смысле? — Сашка изобразила недоуменный вид.

“...о чем ты вообще?..”

— В прямом. — Была моя очередь раздражиться. — У него же день рождения? — Создавалось ощущение, что мы перестали понимать друг друга, настроились каждый на свою волну. Точка соприкосновения едва прощупывалась, а то, что все же черпалось, было исполнено околесицей.

“...что празднует тут весь этот сброд?..”

— День рождения, — подтвердила она, пряча в глубине глаз двусмысленность, однако я ее почувствовал. — Но немножко другое, не то, которое празднуют обычно... — Она увидела сердца, что собрались в приличную грядку над нашими головами, и лицо ее раскрылось улыбкой.

“...день рождения, но не то...”

“...как это понимать?..”

“...как хочешь, так и понимай...”

“...зачем ты так?..”

“...не понимаю — как так?..”

Я отвернулся от ее наглой красоты и потянулся за стаканом с необычным чаем. Мне потребовалось чем-то промыть мозги, которые, казалось, пытались выдавить виски изнутри. Когда я оторвал посудину от лица, силясь продолжить диалог, мне в лоб пялился неосмысленный взгляд небритого ровесника, что, пуская слюни, что-то мямлил.

Я вскинул брови в сторону Юры, но того уже не нашлось на прежнем месте. Я задрал подбородок к потолку и увидел, как дымные сердца плывут куда-то в сторону одной из зеркальных дверей.

Ноги сами собой сорвались туда же, но подле неподдельного зеркала остановились. При этом странное сердечное облако, не медля ни секунды, растаяло в хитром стекле, откуда в меня вперилась моя собственная яростная физиономия.

“...вернись!..”

“...выпей, потанцуй, я скоро вернусь...”

“...нет!..”

Но ответа не последовало.

“...прошу тебя...”

Только музыку слышало сейчас мое ухо: резкую и злую, агрессивную, притом — танцевальную. Я повернулся спиной к своему отражению и в два шага сиганул в центр залы, где люд завивался в петлях па. И я забился в ритуальных конвульсиях, где с трудом угадывалась система, намекающая на танец. Электронные волны подхватили меня под руки. Я влился в общий ритм, что закачал меня из стороны в сторону, разбросал по углам мои руки и прочие конечности, взбеленил мое сердце, принявшееся гнать кровь с невероятной скоростью.

На получасовом издохе, когда я уже почти ослеп от пота и валился с ног от потери сил, самостоятельная рука подхватила со стола тяжелую бутылку и подбросила ее в ладони. Поймав, она со всей мочи запустила зеленоватое тело в дразнящее стекло псевдодвери. Та осыпалась кусками, еще секунда, и я уже был в зазиявшем проеме.

На фоне окна, в свете далеких звезд, отчетливо проступила двойная фигура, стиснутая таким образом, что ни доли просвета между двумя разнополюми телами нельзя было различить. Не предаваясь вредным размышлениям ни секунды, я бросился к ним во всю доступную прыть, но в тот же миг окно погасло, а фигуры исчезли. А мне удалось со всего маху сокрушить кого-то на пол и вдобавок достать его коленом.

Потайная комната неожиданно наполнилась телами, их оказалось великое множество — и под ногами, и на ногах. Размахивая кулаками, я уронил несколько человек, после чего сам оказался сбит с ног. Огромный человеческий шар прокатился по мне, с трудом я выкарабкался из него, расплескивая агрессию во все возможные направления, но затем вновь оказался под грудой тел.

Так повторялось несколько раз, затем я побежал прочь, поняв, что после еще одного раза могу уже не встать.

Темнота вскоре отозвалась звоном разбитого стекла, эффектно рассыпалась кусками, и я оказался в первоначальной комнате, вход в которую пробил из другого зеркала напротив. Со всех сторон надвигались люди обоих полов, и все тянули ко мне руки.

Я не стал дожидаться их ярости и набросился первым, само собой, меня легко уронили на пол и тяжело обрушились всем весом. В голову пришла мысль, что меня сейчас разорвут на сувениры. Кто-то истошно вопил женским голосом, слышались звуки глухих ударов и музыкальный треск материй. Но я уже не чувствовал боли, хотя голова моталась во всех направлениях. Я протяжно выл, неминуемо вырываясь и нанося ответные удары во что ни попадя.

Тогда же я продолжал чувствовать невыносимую пустоту внутри себя, голодную и сухую, казалось, что-то оборвалось или замерло. Что-то,

что наполняло жизнью мое существо. Я не мог понять, я не мог объяснить, я не хотел даже думать, поэтому судорожно искал боль вокруг и внутри, чтобы растопить в ней едкое масло человеческой измены.

Мои пальцы полнились чужими волосами, под ногтями запеклась чужая кровь, я сбил костяшки на обеих руках, а своему отражению я ужаснулся во множественных кусках разбитых зеркал.

Неожиданно от меня отступили. Я увидел лица, на каждом из которых проступала надпись “здесь был я”, где отчетливая, как разбитый нос или опухшее веко, где отчетливая более, как потеря сознания.

Я лежал на спине, растерзанный и обессиленный. На мне не было рубашки, а лицу придали новое видение, от которого мурашки разбежались кто куда.

Между мной и глухо kloкочущей толпой находилась Сашка, в белой рубашке с короткими рукавами и тугих серых джинсах. В руке она держала осколок зеркала, доподлинно принявший вид мачете. С кончика произвольного оружия громко капала кровь, разметающаяся и на рубашке, и на ее лице. На кое-ком из отпрянувшей публики имелась отчетливая надпись “здесь была она”.

— Уходи! — завопил кто-то из толпы. — И заведи его с собой, пока мы его не убили!

Толпа виделась как одно лицо. Оно рычало, скалилось и готовилось приблизиться опять.

Сашка ухватила меня за руку и нечеловеческим рывком поставила на ноги, острое плечо ее поймало мою голову, что отказывалась держаться на собственной шее.

Мы засеменили к выходу, нас провожали глухим рыком и попытками наказать, но зловещий осколок в руке моей женщины сдерживал чужую отвагу.

Когда за нами захлопывалась дверь, краем опухшего глаза я приметил Юру. На нем не проступило ни царапины, он улыбался нам вслед большой улыбкой, архитектуру которой мне очень хотелось нарушить.

Мы стремительно пересекли лестничную клетку. Двери собственной квартиры распахнулись под напором наших тел, и Сашка впихнула меня внутрь, одномоментно вдавив дверное полотно обратно в раму и возмутив спокойствие спящих замков. Что-то объемное размазалось о дерево с той стороны, кто-то старательно поскребся, кто-то прошипел в замочную скважину.

Затем все стихло.

В тени

Стул виделся стеклянным: в нем великолепный зад Боли, сокрытый в иллюзорные ниточки стрингов, казался неопишуемых размеров, он заполнил всю отменную обтекаемость формы стула. От подобных видов нелегко было оторваться, я млел и терял разум. В унисон чаровал коварный изгиб крестца, который горделиво вел фешенебельную спину, чью позвоночную розу фантасты-ботаники вырастили исключительно для поцелуев. А вездесущий глаз моргал время от времени, подглядывая за мной.

Она хищно улыбалась, глядя на меня профилем, она постоянно курила, а я старался прятаться за ее спину, так как оказался восхищен этой розой. Боль звала меня к себе, но я не шел, избрав такую тактику общения с ней, хотя получалось это далеко не всегда. Кроме нас в комнате, по-прежнему салфеточно-белой и невозможно чистой, находилась Тень, все в тех же непривыч-

ных для меня очках. Она спала на висящей в воздухе кровати.

Время таким образом умирало уже большое количество часов. Сколько, точно сказать мог только не я, так как для меня сожительство с Болью сказалось полным умерщвлением времени внутри моего личностного пространства. Казалось, исчезло прошлое, казалось, не нужно будущее, перед глазами мерно покачивалось на волнах безделья ласковое настоящее. При этом я с маниакальной скрупулезностью помнил все, что связывало меня с хозяйкой той, которая мирно спала за моей спиной, и все, что связывало меня с ней самой.

— Вспомни, — звучал в четырех стенах глубокий и удивительно молодой голос Боли, — ты хотел куда-то уйти от меня? Куда-то тебе было очень-очень нужно. Кажется, на работу? — Смешок вздрагивал в ее больших губах.

— Работа? — Мое лицо, казалось, ничего не выражало. Сейчас я с трудом припоминал, что обозначает этот термин. Я не знал, ждет ли кто меня за этими стенами, все будто растворилось в их вкрадчивом скипидаре. Думалось, что у меня есть только эти стены и только Она.

“...будь директором там, и я буду работать...”

— Помнишь, ты еще спрашивал про дверь отсюда? — смертельно улыбалась роскошная из роскошных. — А ведь я могу показать их тебе, чтобы ты ушел туда, куда хотел... Если получится, конечно...

— А есть ли она — дверь? — сомневался я, искавший ее везде и в итоге поисков даже набредший на отца Мануа, что жил несколько стен отсюда — за попытку проникновения в голову Кваазена. — Дверь в полном смысле этого слова... — Не то чтобы я хотел уйти, но знать, где выход — на всякий случай, — казалось мне важным.

“...эти местности полны кроватного скрипа, и ни разу не слышал я скрипа двери...”

— Дверь есть всегда, — столь сладко курила Боль, что мне хотелось курить тоже или по крайней мере быть ее сигаретой. — Нет ничего такого в этом мире, что не имело бы дверь...

“...а отличил бы, услышав?..”

— Ты расскажешь, где она?.. — недоверчиво фыркнул я.

“...конечно, ведь это напрочь разная музыка...”

— Я не могу, — притворно вздохнула ведьма. — Мне запрещено, но кто-то тоже знает, и ему никто ничего не запрещал, любовь моя...

— И кто же это?..

“...”

— Твои прыжки, дарлинг, — отвлеклась демоническая женщина, пуская точно живые струи дыма в потолок. — Твои прыжки... — Я сразу забыл, о чем только что хотел спросить. — Расскажи мне о них, ведь это все не просто так?

— Просто так, — со скучающим видом ответил я. — Потому что мне пресно. — Я знал, что

расспрашивать ее бесполезно: в лучшем случае она уснет, в худшем — будет издеваться.

— Каждый кузнец своего скучно, — шелковым тоном продолжала Боль. — И господин своего весело. Все меняет ракурс, мой дорогой мальчик. Ощути хотя бы контраст природы и этих залежей асфальта. — Она кивнула куда-то себе за спину, в сторону, за которой должна была скрываться старая городская реальность. — Подумай, глядя на, допустим, лес, что манит тебя с обочины, посмотри на деревья, к примеру, и удивись. Они производят кислород, которым дышит маленькая планета, они дают жизнь всему, что способно реагировать... — Она переложила упор тела с левого плеча на правое. От этой игры позвоночный цветок осуществил хищное натяжение материи спины, в очередной раз гениально изменив полотно. — Посмотри на них внимательно, на их великолепный, но странный вид. Это ли не природная алхимия, пронизанная электрическими импульсами мистики, что генерирует живительные процессы в мире? Если разобраться, в нем полно толкиенизмов... — Спинной глаз ее вытаращился на меня.

“...и все мы в каком-то смысле хоббиты, а в каком-то — эльфы...”

— Может, мой ракурс открывается с высоты птичьего полета, — с непроницаемым лицом произнес я, — а снизу я вижу черно-белые тона... — И вдруг обнаружил, что голый, хотя секунду назад на мне были белая рубашка и чер-

ные трусы. — А вообще мне больше нравится другой ракурс... — Я имел в виду ее спину, и она знала, что я имел в виду.

— Проигнорирую этот перл, — поморщилась Боль, и у нее это чертовски красочно получилось. — Жизнь нужно наполнять мистикой, мой глупый друг, потому что ужасно то, что одинаково. Вся наша жизнь — обои, которые нужно регулярно менять, при смене декораций происходит насыщение мозга серотонином, и жизнь кажется полноцветной. Делать что-то — так наотмашь, отдыхать — так по полной, чтобы дрожал пол и не мешал дождь. Ежесекундная занятость — вот что вычищает мозги от максималистской ереси, тогда ты здоров.

“...бег по жизни, а не конвульсии...”

— Может быть, — зевнул я, становясь на колени и начиная медленно к ней подползать. — Ответь тогда, зачем было вычищать мне разум, чтобы сейчас рассказывать о неведомой мне красоте?

— Иногда нужно делать format C какой-нибудь ненасытной голове. — Лицо Боли все так же отливало безразличием. — Чтобы убрать отрицательное, что густо замешалось и срослось с положительным. Лучше относиться к этому так... А красоту не нужно вспоминать или искать, нужно просто научиться видеть. В секунду создавать в голове полет, что являет собой твой особенный ракурс. Тогда мир предстанет в ином свете. — Пол вспылал золотым цветом, что символизировала собой художественно-осенняя листва. —

Посмотри внимательно на желтый лист, — он с собратьями музыкально хрустел под моими коленями. — Разве он — не венец совершенства? В том самом упадническом смысле, который символизируем и проповедуем мы? — Я и глаз пытались переглядеть друг друга.

“...ты напоминаешь мне этот лист, мальчик...”

— А кто вы? — спросил я, прокраившись под стулом и оказавшись прямо под ее чудесными ногами. — Давно хотел спросить и спрашивал, да ответа вразумительного не получил. — Мы пристально и сверху вниз смотрели друг другу в глаза. — Кто ты, Боль? Кто такие Кваазен с Геквокеном и его татуировкой? Что вы за мафия? — Вид снизу был вычурен настолько, что не нуждался в описании.

— Мы... — протянула Боль, точно задумавшись. — Думаешь, я знаю ответ? Есть лишь предположения, которыми полна и твоя голова, за одной лишь разницей, что подтверждений правильного ответа я видела гораздо более. — Она пустила дым в мою сторону. Он сложился в маску ее лица, что широко улыбнулась мне и попыталась поцеловать. — Думаешь, я задавала когда-либо этот вопрос, а он когда-либо мне ответил? Нет. Могу лишь сказать, что ты сам давно и правильно на него ответил, дружок...

“...ни к чему сотрясать воздух столь известными именами...”

— Я ответил на него, когда жил с дочерью и еще не знал отца, — сквозь паузу согласился я. —

Она высосала из меня все добро и любовь, которыми я обладал. Оставила сухое дно...

— Все наоборот. — Боль наклонилась ко мне и вставила в мой рот свою сигарету. — В тебе переизбыток сил твоих внутренних резервов, аккумулирующихся для чего-то, что ты сам только предчувствуешь, — вещала она. — Если энергия залеживается, если она просто копится, то она начинает бродить, окисляться, превращаясь в дурную силу. И если ты периодически не сливаешь ее, наступают ужасные последствия: начинает болеть голова, человек не знает, чего желает, задумывается над глобальными вопросами. Переживает собственную значимость, на него давит жуткое социальное бремя. В итоге несчастный может убить или себя, или даже кого-то... — На голой груди ее я увидел подвеску: платиновые пальцы с острым маникюром крепко держали в кулаке кусочек мизинца. Того самого, что я откусил себе когда-то.

— Мне кажется, если я сейчас скажу, что отнюдь, — демоница наполнила меня до краев своим ядом, — ты сама расскажешь про сухое дно. Как разговаривать с тобой? Говорить обратное тому, что я хочу услышать, и слышать то, что я хочу? Каково твое настоящее мнение? Твое, а не все эти многочисленные кваазеновские призмы...

“...иногда я не уверен, говорю ли я с тобой...”

— У меня нет мнения по этому вопросу, — опять сквозь паузу ответила моя прекрасная тю-

ремщица. — Я с удовольствием оставила бы тебя себе, просто как игрушку, почти не интересуясь твоим содержимым. Молодую, своенравную игрушку, которую, не исключено, — она показала мне мизинец, что болтался на ее шее, — через некоторое время выбросила бы в настоящее окно или нарисовала его перед тобой...

— Но... — Я приподнялся на локтях, стараясь удерживать нить диалога. — Но...

“...доскажи...”

— Но меня смущает формулировка заключения тебя сюда, — ответила женщина. — Звучит она так: “Пусть побудет у тебя недолго, пока моя девочка не забудет его или не потребует назад”. Кваазен очень любит дочь, если она будет твоей, то и он будет твоим...

“...за последнюю фразу я могу поплатиться своим положением, малыш...”

Я откинулся назад.

Мы помолчали.

Боль задумалась и перестала обращать на меня внимание, а я получал эстетическое удовольствие от ее развратного вида снизу, сквозь стеклянное зарево стула.

— А сколько тебе лет? — дерзко нарушил я расслабившуюся тишину.

— Так много, что говорить об этом неприлично, — отозвалась Боль из глубины своих мыслей. — У меня нет возраста, и я очень медленно старею. Это еще одно из преимуществ, данных мне Кваазеном. Я родилась в те времена, когда

оружие было только холодным. Тогда мы и познакомились. — Она криво улыбнулась. — Я подписала один документ, и с тех пор мы вместе...

Я уснул, недослушав. Пол не казался удобным ложем, поэтому сквозь глубокий, словно могила, сон я несколько раз удивлялся тому, как долго он длится и как же наверняка будет болеть спина при пробуждении.

Дрожа от перегрузок перехода из одного мира в другой, я поднялся и обнаружил свою наготу и дальнейшее желание спать. Все там же на кровати, лишь сменив позу, под увлекательными изгибами простыни спала Сашенькина Тень. Она была ювелирной копией Сашки, она, похоже, спала и двигалась тоже. Я прожил с ней несколько месяцев, но разницы заметить не смог, лишь неизмеримо больше доброты плескалось в этих глазах и меньше ярости копошилось за преградой висков. Странная нежность прилила вдруг к моему сердцу, невнятная истома наполнила грудь и голову, я оказался подле кровати со спящей Тенью и стремительно забрался в нее. Одинаковым казалось тепло, одинаковым мнился запах, те же самые мурашки заплясали на моей спине сумасбродные танцы. Я прижал стройное тело к своей изрубцованной груди и почувствовал то же дыхание. Куда-то делись столь неприличные очки.

“...Сашенька...”

Этот сон был самым долгим за всю мою жизнь. Я не знаю, сколько мы спали, так владения Боли

обходились без часов. Я помню тысячу поз, которые сменил в том ненормальном сне. Сашкин запах, которым наполнилась моя голова, наши скрещения рук, переплетения ног. Раскаленные поцелуи с закрытыми глазами, спинные ложбинки, полные моих губ, горячее дыхание, что заставляло нас то скидывать с себя простыню, то зарываться в нее.

Мы спали так долго, что я проснулся с ощущением странной близости ее, точно мы прожили вместе много лет и наше “мы” превратилось в окаменелость. Мы спали так долго, что я почти забыл, как это — не спать.

Когда я насилием сумел разлепить глаза, то увидел, что лицо мое заросло густой растительностью, я чудовищно хотел в туалет, но с трудом добрался до него, так как тело не слушалось из-за истощения.

Вернувшись, я обнаружил поднос с едой, что деловито висел в воздухе около кровати. Тень еще спала, и я инстинктивно набросился на еду, представленную мясом, тостами, виноградом, шоколадными конфетами и большой посудиной красного сухого вина, на которое я подналег, стоило унять голоду. Вино оказалось выразительно-мягкого вкуса с отличительно фруктовыми нотами, мясо виделось совершенным.

В углу сам по себе созрел телевизор, завелся и начал показывать развлекательные шоу, я уже отвык от них, поэтому жадно вперился в цветной экран.

Отвлечься получилось только тогда, когда рядом раздался хруст тостов. Я завернул голову и увидел Тень, что в полупрозрачной белоснежной тунике оказалась справа от меня и с завидной энергией уничтожала содержимое подноса. Глаза ее еще светились дремой, но чем меньше пищи оставалось на подносе, тем больше разума грезилося в ее взгляде.

“...Акси...”

— Я скучал, — заявил я.

Тело вдруг поросло белым шелковым халатом, между пальцев прорезалась сигара с тлеющим концом, в руке опять нашелся гигантский бокал с вином, который я минуту назад вернул на поднос.

Мне стало удивительно хорошо, при этом не прекращали дрожать руки от неосознанной истоми раздражения.

Тень промолчала, но поблагодарила взглядом. Мне показалось, что ей это было важно и нужно. К этому существу я испытывал сейчас больше тепла, чем когда сбежал вместе с ним, определив, кто есть кто. В ее взгляде и улыбке, что вдруг залила умильное поле ее лица, я читал тождественное, поэтому больно улыбался сам, видя в ней старого сообщника и близкого друга.

Неожиданно мы поцеловались. Это произошло молниеносно в плане начала и затянуто в смысле динамики, остро и вкусно, когда мы едва не пили губы друг друга, чувствуя звенящую мелодию поцелуя. Руки сплелись пальцами в одно целое, головы слились в восьмерку.

“...Алекса...”

Еще мгновение, и мы вновь зарылись в простыни. Прочие ткани покинули тело, а разум мой мог только рычать и отстреливаться горячими и скоростными составами, груженными удовольствием. В этом диалоге Тень точно обрела голос, он проявился в рычащей констатации принятия правил игры, затем подросток до карамельного скуления, что сменилось тяжеловесным стоном, который казался песней для моих ушей. Стон разросся, точно дирижабль, он инкрустировал в себя все происходящее, захватил мой разум, окунул в себя все мои мысли, вытеснил все и вжал это в стены, после чего на секунду замер и ухнул вниз, вместе с ней, вместе со мной. Резко, будто оборвался грузовой лифт и с двумя телами и кроватью в режиме свободного падения устремился куда-то со свистом, с диковатой легкостью летящих в нем предметов.

Дыхание наше стало и легким, и тяжелым, сплетя пальцы, мы лежали не шевелясь, слушая агрессивное бурление неги внутри наших онемевших конечностей.

Так прошло еще какое-то время, оценить расстояние которого нам не было дано.

Силы начали возвращаться в наши тела, мы отменно выпалились, поели и расстались с дурной энергией.

Ее пальцы все сильнее сжимали мои, мы опять скрестили взгляды, и вызов прочел я между ее бровей.

“...уйдем...”

Это прозвучало почти шепотом, и я не сразу уверился, что мне не показалось.

“...куда?..”

Я спросил на всякий случай, и даже не то чтобы спросил.

“...в окно...”

Я зашевелился:

“...ты знаешь, где оно?..”

В руках Тени отыскиались очки, она аккуратно зафиксировала их на кончике носа и приподняла одеяло. Странная темь плескалась под ним, там, где начинались самые интересные части наших тел, словно туда пролили чернил.

“...там...”

Я увидел в глазах ее пламя, что выглядело странным для всегда уравновешенной Тени.

Она обжигающе улыбнулась, вперилась в темноту и в момент погрузилась туда. Я попытался ухватить ее, резко зашарив под одеялом, но пальцы мои не нащупали ничего, а через мгновение исчезла выпуклость на кровати, и я остался один.

В постели со мной больше никого не было, зато откуда-то со стороны понеслись острые звуки каблучков Боли.

“...мальчик мой...” — услышал я в собственной голове, но это не походило на голос моей тюремщицы. Он подстегнул меня, и я молниеносно накрылся одеялом с головой. Темнота засосала тело, точно трясина, казалось, оно плава-

но утонуло в ее чарующей ласке. Я старательно заработал коленями, уползая в неведомое темно. Где-то там я слышал прерывистое дыхание Тени, на которое чутко реагировал движением конечностей. Пальцы мои щупали ткань и уверенно сигнализировали о том, что странный выход спрятан где-то в одеяле, я не верил и полз, убежденный, что сейчас выпаду с обратной стороны Боли под ноги.

Но мрак не кончался, он вдруг превратился в бесконечность, по которой я старательно выбирался, удивляясь, когда она проваливалась резко вниз или заставляла карабкаться вверх. Хищный осколок тоски появился в сердце спустя некоторое время моего передвижения, в рвущих гранях мрака прослеживались безупречные черты Боли.

“...с таких пор и начинают нравиться окна...”

Чернь манит, словно человеческим голосом. Я не думаю долго, в конце концов падения и полеты — это в какой-то степени моя стихия, пальцы в какой-то момент теряют плоскость и хватают воздух. А сердце подлетает к горлу, после чего некоторое время все происходит одинаковым образом, так что я перестаю даже понимать — лечу я или нет. Становится ощутимо холоднее.

Потом мрак начинает разжижаться на глазах, что вновь обретают свою функцию. Я убеждаюсь, что лечу камнем вниз. Руки мои истерично цепляются за воздух, паника взрывается без того нервное мясо моего мозга.

“...не цепляйся...” — подсказывает кто-то.

На секунду я замираю, так как голос знаком. Но я слишком напуган, чтобы распознать владельца голоса.

“...просто лети...” — подсказывает он.

Самоубийца взмахивает руками так, как если бы имел крылья, взмахивает уверенно и широко, раз за разом усиливая силу взмаха. Падение резко замедляется, становится возможным оглядеться, и оказывается, что тело нашего героя мелко дрожит в словно нарисованном небе.

Внизу темнеют крыши домов, это высотные дома, но наш герой машет руками гораздо выше их.

“...не маши...” — хохочет кто-то невидимый рядом.

Самоубийца уже знает, кто это.

Он перестает дергать руками, которые отчетливо занемели, но падения не происходит, лишь ветер шелестит одеждой, и странное тонкое предчувствие, как игла, пронизывает тело. Под ногами нет ничего, от этого внутренности пробирает дрожь, руки безумно щупают воздух, тщась найти в нем твердые частицы. При всем этом чувствительно холодно, и ледяные потоки накатывают, точно волны, — следующий холоднее предыдущего.

“...как тебе крылышки?..” — рисуется из небесной сини Тень.

Она нага, смертельно хороша, а тонкий рот ее несет на себе кровавый цвет помады. За ее спиной горят переливчатой прозрачностью боль-

шие стрекозиные крылья, они мелко дрожат, благодаря чему бестия не только не падает, но чертит между облаками сложные фигуры.

“...идут тебе...” — не раскрывая рта, отвечаю я.

За своей спиной я замечаю такие же, почти неразличимые, но солнечно-ослепительные, словно собранные из чистейшей мозаики цвета слезы, дрожащие в синхронной истоме, благодаря которой я вдруг понимаю, что могу летать.

“...ты же не говорила?..” — шепчу я, констатируя, что она все еще в очках и они ей выразительно к лицу.

“...я не знаю, как это получилось...” — не издавая ни звука, шепчет в ответ Тень.

“...мы сбежали...” — истуПЛенно шепчу я.

Где-то глубоко в душе я немного скучаю по Боли, но сейчас эта малость почти неощутима. Меня манит голое тело моей девушки, той лучшей ее части, которую я в свое время распознал и выкрал у ее демонической части. Я рад, что она не говорит, так как говорящая часть сказала в свое время слишком много. Тем не менее я рад, что могу теперь слышать ее, чему мы так и не научились в тот самый наш первый раз.

Неожиданно, будто договорившись когда-то, мы хлестко сплетаемся, крепко обнимаясь, судорожно вжимая тело в тело, ослепительно целуясь и не обращая внимания на то, что парализовали крылья друг друга, и уже камнем несемся вниз к подоткнутым туманом крышам дремлющих многоэтажек.

Перед самым фиолетовым обманом асфальта мы с трудом расцепляем объятия и вспархиваем, удручив уже безумно хохочущее притяжение.

Тень устремляется вперед, очаровательно дрожа крыльями, что изумительно блестят на солнце, придавая ей неземной вид. Я спешу за ней, и ликование распахивает мою грудь, точно ставни. Я кричу ей вслед слова любви, она показывает профиль, полный ослепительного сияния доброй улыбки.

Мы спускаемся ниже, так как там ощутимо теплее. Мы осязаем, как вокруг роскошно правит феерический бал шикарная женщина Осень. Город накрыт ее пространной вуалью, золото размашистыми кляксами и паутинами переулков заполнило собой все.

Дыхание ветвистой лентой цепляется за колючий воздух, полный тревожных перемен, городской шум — будто ее безумный смех.

“...Сандра...”

На сумасшедшей скорости мы снизились к крышам и петлями вокруг друг друга устремились вперед, проскакивая между высоковольтными проводами и макушками высоких деревьев. На лету я успевал заглядывать в окна домов, где в искусственном свете развиваются человеческие драмы, чье многоэтажное видео мелко волновало меня в ключе собственных осмыслений.

Казалось, Тень знала, куда мы держим путь, ее уверенные пятки мельтешили чуть впереди

меня, я же, вертя головой по многозначительным сторонам, старался не отставать.

“...куда мы?..”

“...туда, где нас не найдут...”

Город вскоре остался позади: с транспортным засильем, каменной геометрией и человеческой мозаикой. Мы опять набрали высоту, удивляя иногда встречающихся птиц.

Вдали оформился и потемнел новый город, поменьше, и мы с удвоенной прытью припустили к нему, прицелившись в его темноту, которая спустя несколько мгновений разложилась на малого калибра пятиэтажки и узкие улочки. Один из домов был выбран мишенью, со всего размаху мы размазались о его красную кирпичность, незаметно провалившись в одно из распахнутых окон и оказавшись в знакомой комнате.

Я помнил, что определенно был тут когда-то, но детали на ум не приходили.

В комнате оказалось полно листвы, видимо, окно забыли закрыть. Толстый слой пыли на полу и предметах подсказывал, что это произошло давно. Круглый стол со скатертью задвинут в угол к зеркальному шкафу, который отразил наши голые худые тела, но уже без крыльев. Слева подпирал одну из стен бледно-красный диван, над ним распростерся большой календарь прошлого года с фотографией золотых рыбок, снятых в предельной близости. Старый паркетный пол заиграл печальный джаз, стоило только нашим ногам выпрямиться на его потрепанной сущности. Имелись

еще: черно-белые картинки улыбчивых женщин, большая картина в старинной раме со стилизованным кодом внутри нее — Е-95, большой советский телевизор, мертвый на вид и покоящийся на полу. Ключки бумаги там же, толстые папки фотографий на одноногой рояльной табуретке и стопки глянцевого журналов в одном из углов.

Я обнял Тень за хрустальные плечи, покрыл их долгими поцелуями, с удовольствием наблюдая, как по спине сериями запестрили мурашки, как задрожали прозрачные волоски на ее затылке.

“...удивительно, но не холодно...”

“...сейчас мы выше этого...”

“...мы были тут...”

“...ты жил тут со мной... ней...”

“...нас тут не найдут?..”

“...не будут искать...”

“...ты уверена?..”

“...тогда нас нашли потому, что мы пытались спрятаться слишком глубоко...”

“...и?..”

“...чем глубже, тем ближе к ним...”

“...любопытно...”

“...чем ближе к ним, тем дальше от них...”

“...я не помню ничего из того, что тут могло происходить...”

“...красота Боли, как скипидар, она стирает любую память, заполняя ее собой...”

“...я мало помню...”

“...еще немного, и ты не помнил бы ничего, кроме Боли...”

“...но я хорошо помню тебя и ее...”

“...видимо, такая была идея...”

“...почему ты была там?..”

“...моя хозяйка наказала меня так...”

“...из-за меня?..”

“...за то, что я убежала с тобой, вместо того чтобы просто присматривать...”

“...она отказалась от тебя насовсем?..”

“...ей не нужна тень, она отбрасывала ее больше из конспирации...”

“...ты не носила раньше очков...”

“...она хотела убить меня вначале...”

“...”

“...потом отдала туда, это был подарок...”

“...Боли?..”

“...той всегда нравилась моя хозяйка...”

“...а очки?..”

“...чтобы отличаться... чтобы ты отличал...”

Я медленно развернул ее лицом к себе, лицо Тени дрожало во внутреннем плаче, а руки вплетали собственное существо в мое тело. Она мерцала диковинным светом, что исходил из-под кожи, но не глубже. Она то улыбалась, то прятала лицо в моей груди, я крепко вжимал ее нагую хрупкость в свою.

С громким хрустом под нашими ногами умер красивый лист, и в этом звуке прозвучала собственная мелодия.

“...мне нужно в душ...”

“...сейчас?..”

“...лучше да, но я ненадолго...”

“...я буду ждать тебя вечно...”

“...столько не придется...”

Она уходит в дверной проем, о котором я забыл сказать. Она кажется талантливо нарисованной простым карандашом до мельчайших деталей, под ногами ее поют сухие желтые листья, которых в комнате удивительно много.

“...я люблю тебя...”

Слышу я в своей голове и мгновенно реагирую:

“...я тоже тебя люблю...”

Глубоко в квартире хлопает легкая дверь, я даже приблизительно помню, где она находится. Я поворачиваюсь к окну и вижу пепельницу с лежащей в ней одинокой сигаретой, коробок спичек я нахожу под ногой. Это кажется мне невероятной удачей, я закуриваю, глядя в окно, за которым осень оголяет деревья и загоняет людей в плащи. Но мне не холодно, я с наслаждением курю, упиваясь своей наготой. Я стараюсь смотреть вдаль, насколько это возможно в городе.

Зашумела вода.

Передо мной на подоконнике оказывается журнал, я не помню — был ли он минуту назад. Лянцевая бумага слегка дрожит, и, как только я пробегаю взглядом раскрытые страницы, ветер изящным движением переворачивает их дальше. Я читаю что-то о магии любви. О том, что мир мистичен лишь тогда, когда сердце бьется чуть быстрее, когда чуть злее стучит в висках кровь и дыхание прерывисто, а руки не чувствуют соли.

Я замечаю, что вокруг в немой музыке вьются листья, которые только что послушно лежали на полу. Прислушавшись, я начинаю слышать и саму музыку, классические вариации которой мне не знакомы.

А ветер листает страницы.

“...я люблю тебя...”

Слышу я чуть издалека, а буквы о секретах насыщения цвета предметов и жизни, превращения всего в сменные обои, придания всему особого вкуса приторно покоряют мою голову. Разум хмелеет, голова наполняется теплом и удивительно добрыми мыслями, а в сигарете мнится непостижимая глубина.

Я читаю журнал до конца, он посвящен любви, я не слышу ничего о другом и с наслаждением внимаю неназойливым строчкам.

Усиливается музыка, ей нежно подпевает окно, добавляя инструментальных нот, я подтанцовываю, вкрапляясь в синхронное таинство листьев.

“...я так тебя люблю...”

Слышу я дальше и обращаю внимание, что нахожусь уже не у окна, а в центре комнаты, кручусь вокруг своей оси на носках, тянусь руками к потолку, а шкаф достоверно троит мой медленный образ в своих глубоких дверцах.

“...и я...я...я...”

Шепчу я в ответ, слыша высокое эхо, что устремляется прочь — за стену.

Мне хочется видеть Тень, сердце мое благодарно дребезжит этим мыслям, и я по-балетному

прыгаю в дверной проем. Спусти узкий коридор, полный так же танцующих листьев, где я продолжительно вьюсь и подпрыгиваю, меня выносит к очаровательно белой двери, ведущей в ванную комнату.

Она приоткрыта, и я с удовольствием распахиваю ее, ведущую в рай, исполненный — я вспоминаю — розового.

Прямоугольное зеркало запотело, на нем ее тонкий пальчик нарисовал два сердца, одно чуть больше другого, краями наложенные друг на друга.

“...Айс...”

Приписано еще ниже, чуть в стороне — и мое имя.

Тень лежит в ванне, ее бледное лицо горит свирепой болезненной красотой, что в пепел выжигает мой разум. Из отчетливо красной воды виднеются ее правильной формы голова с забранными вверх волосами да рука, что свесилась за борт. По внутренней части руки быстрым штрихом течет на пол кровь, не капая, а падая ровной струей, там уже лужа, в которой болезненно замерли листья и — невесть откуда — роскошная алая роза.

“...нет!..”

Оказывается, это оглушительно ору я, мечась и не зная, что предпринять.

Незнакомая классика сменяется тревожным органом, я поскальзываюсь на крови и едва не падаю, пытаюсь обнять любимое тело и вытящить его из воды томно-гранатового цвета.

“...зачем?..”

От моего вопля на стене дрожит зеркало.

Тело Тени удивительно тяжелое, но мощным усилием я вырываю его из объятий горячей воды.

“...я же тень...”

“...какая ты тень... если ты тень, то и я...”

Мы едва не падаем вместе, когда я наступаю на агрессивную розу. Мы выпадаем из ванной в коридор, по которому я бегу так, что расплываются обои.

“...зачем?..”

“...мне очень хорошо с тобой...”

“...тогда почему?..”

“...я же тень...”

“... и что?..”

“...сегодня было слишком все хорошо...”

“...иии?!.”

“...когда я счастлива, мне хочется умереть...”

“...что за глупость?..”

“...прощай...”

Мы врываемся в комнату, листья лежат уже понуро, а у стены призывно краснеет низкий диван. Я бережно кладу дорогое тело на его ткань, сам же срываюсь к шкафу, распахнув который нахожу несколько плотных и белых полотенец. Я рву их на полосы невероятным усилием, секунда — и я с рыком перетягиваю руки Тени чуть повыше локтей, секунда — и я, трясаясь в немых рыданиях, ползаю вокруг нее, то обнимая, то целуя, то отстраняясь.

Музыка теперь напоминает жесткий визжащий инструментальный джаз.

“...ты не должна была...”

“...это она...”

“...она?..”

“...сейчас мне кажется, что это она...”

“...”

“...она не оставит нас в покое...”

— Я люблю тебя, Сашка... — иступленно читаю я старую мантру. — Люблю тебя...

“...я тоже...я...тоже...”

Глаза Тени закатываются, но кровь уже почти не течет. Я трясусь ее, обвиняю в чем-то, целую в холодные губы, холодные щеки, уши, плечи, живот, колени. Я не даю ей отвлечься от меня, я кричу любовные мантры, я почти пою что-то, точно старый безумный шаман.

Наступает небольшая пауза, я замечаю, что листья опять начинают виться, что неведомая сила подбрасывает их, заставляя крутиться в совершенных спиралях. Атмосфера опять взрывается классикой.

Глаза Тени несомненно живые, они фокусируются на мне, и губы вздрагивают самой красивой в уродливом мире улыбкой. Ее нагота, сдобренная алыми разводами зловещего, но художественного рисунка, вопиюще прекрасна и хрупка. Уродливые порезы, проложенные в трех местах по трассе жизни, пугают жутковатым контрастом.

“...никогда... обещай мне, никогда больше...”

“...никогда...”

“...обещай!..”

“...никогда... обещаю...”

“...не смей, никогда!..”

“...будь со мной...”

“...всегда...”

Чуть позже я нахожу под диваном большой чемодан, полный одежды, которую я помню краем памяти и в которую я бережно одеваю свою девочку и погружаюсь сам.

В кармане светлых джинсов я обнаруживаю непечатую пачку сигарет, в холодильнике лукаво и уже долго охлаждаются бутылка кровавого вина, немного легких закусок. Там же — две упаковки молока, а на кухонном белом столе я вижу полную банку гранулированного кофе.

Все это складывается, кроме кофе, в небрежный натюрморт на маленьком подносе.

Потом мы сидим на диване, взявшись за руки. Мы пьем отменное вино и смотрим в пол, где мельтешит ленивой картинкой пожилой телевизор. Окно закрыто, пол все так же полон золотыми фрагментами, руки моей женщины погружены в толстый слой бинтов.

Иногда мы курим, иногда исподтишка ловим взгляды друг друга, иногда с размаху ударяемся губами, чтобы устроить продолжительный поцелуй.

Так прошло несколько дней, потом холодильник опустел. Тень из слабой заметно стала сильной, мы спали все меньше, а бодрствовали все больше. Мы посмотрели уже все альбомы с фото-

графиями, где я, и она, и Сашка, и почему-то я не помнил, что мы так много фотографировались. Мы пролистали все журналы, и все они поведали нам о любви, все они содержали романтические стихи и практические советы. Мы говорили немного — все было давно понятно без слов, я удовлетворился обещанием и ею, она была удовлетворена тем же и мною. Я обожал ее молчание, я конвульсировал от наслаждения редко-редко слышать ее в подкорке своего мозга.

Зато мы часто целовались и много времени проводили в постели.

“...я бы выпила вина...”

Слышу я. Это намек.

“...ты обещала...”

Напоминаю я, одеваясь потеплее, на улице остро обжигается дождь.

“...пожалуйста, недолго, дорогой...”

Шепчет внутри меня самый роскошный в пустозвонном мире голос. Я тороплюсь, а он настигает меня в подъезде, щекочет мне разум и встряхивает подсознание. Обрывки фраз я слышу и в магазине, где старательно брожу между полок, набивая корзинку и отсылая ей мантры назад.

Все получается невозможно быстро, и я возвращаюсь очень скоро, заряженный самым горячим теплом раскаленных эмоций. Я бесшумно проникаю в нашу квартиру, что глубоко утонула в розоватом цвете взаимного счастья. Я не запираю дверь, чтобы не возиться с ключами, я на цыпочках ношусь по квартире, ища свою любовь.

вятся снова невинными, хотя только что в них гостило злое неместное веселье.

Она испуганно разворачивается, на ходу выключая телефон, и вот уже мне ласковой улыбкой светится Тень. Тонкие ноги делают робкие шажки ко мне, а музыкальные пальцы тянутся в мою сторону.

“...любимый!..”

Слышу я уже в затылок, ноги несут меня прочь в ту комнату, с которой начался обман.

По дороге опять размышляет обои, я вспоминаю хитрые лица Кваазена и Геквакена, вечную усмешку Боли, сказочность обретения Тени подле меня.

Мне все становится ясно, я плачу и хохочу.

“...но я ведь люблю тебя...”

“...эмоциональное состояние — минус 7...”

Констатирую я, и с размаху сигаю в окно, точнее чуть вправо, помня предыдущий опыт прыжка в кабинете Кваазена. Стена в том месте осыпается кусками стекла, этот звук оглушительен, а спиной я чувствую почти вплетающиеся в меня пальцы, но они немного опаздывают.

Я вылетаю в окно головой вперед. Лишь кричащий ветер наполняет одежду самоубийцы легкомысленной лаской. Сердце в этот момент не бьется, оно замерло в груди от страха и ожидания, а мысли фонтанируют, мгновенно перемалывая все, что было и что могло бы быть. Одежда трепещет, и это самый красивый звук, на который способна ткань, руки будто ловят воздух,

предательски надеясь найти что-либо, что не будет утекать сквозь пальцы. Кожа не чувствует дождя, точно капли летят мимо, словно кожа уже не материальна.

Секунды хватает, чтобы разглядеть, куда предстоит упасть беспокойному телу. Это огромная куча сметенных воедино и законченных в своей красоте листьев, она приближается...

Она гораздо дружелюбнее, нежели суровое лицо асфальта, распростершегося на многие километры вокруг, хотя в очередной раз это нелегкая физика для тела, падающего с высоты шестого этажа.

Далее тишина, темнота.

И Боль.

Сука-2

В моей руке дрожит клочок бумаги в голубую клетку, с потрепанными краями. В нем много смысла, который до сих пор держит меня здесь, в нем много того, отчего мое истеричное сердце бьется вдребезги о тяжелые решетки собственной груди.

Я цинично пью, чтобы магия бумажки не просочилась в мозг. Я борюсь с ней, но в этой бумажке заключено очень много колдовской силы. Под ее давлением начинает мастурбировать моя память, извергая нужные насильнице воспоминания.

Я помню Сашкино сосредоточенное лицо, огрызок карандаша, пишущий что-то на той бумажке, тогда ослепительно новой и аккуратной.

Мы сидим на бортике набережной самой чудесной точки П., на улице волшебного тепла. Наш пульс бьется в унисон и учащенно.

— Что ты пишешь? — спрашиваю я ее, пытаюсь заглянуть поочередно то в бумажку, то в глаза.

— Письмо человеку, которым я буду через десять лет, — с серьезным видом отвечает Сашка, не позволяя мне заглянуть в манящие клетки.

Она пишет долго. Мы переговариваемся о всякой всячине, потом покидаем бортик, идем гулять в парк, после чего она все-таки отдает мне ровный клочок бумаги. Жадно я заглядываю в него, ожидая увидеть письмо маленькой Сашеньки взрослой Александре, но вместо ожидаемой философии вижу беспредельно милое и нужное мне:

“Я тебя люблю я люблю тебя люблю тебя я тебя люблю люблю я тебя я так тебя люблю я люблю тебя я люблю так тебя я тебя люблю я люблю я люблю тебя я тебя люблю тебя я люблю я люблю тебя всегда люблю тебя я только тебя люблю и буду любить”. Нет ни запятых, ни точек, в них нет необходимости. Мы прижимаемся к друг другу так крепко, что еще чуть-чуть, и кости наши начнут ломаться. Мы синхронно смежаем веки и неистово целуемся, при этом губы наши чувствуют друг друга настолько, что глазам действительно тут нечего делать.

“...почему мы закрываем глаза, когда мы спим, когда мы мечтаем, часто — когда мы летим или когда целуемся?” — слышу я нежное мурлыканье самой красивой в мире кошки.

“...потому что многие прекрасные вещи невидимы...”

“...я буду любить тебя с закрытыми глазами...”

Насилием я вытесняю эти подозрительно яркие воспоминания за преграду своей утомленной головы, я срочно выпиваю еще — передо мной высится высокая бутылка с кирпичной жидкостью коньяка, рядом радикально нарублен лимон.

Сейчас иные диалоги полнят наш общий пельный мир:

“...я думал, ты особенная...”

“...ты не ошибался...”

“...за что?..”

“...так вышло, ты должен меня понять...”

“...молчать нам с тобой теперь не о чем, ему говори...”

“...не хочу ему, хочу тебе, тебя и быть только с тобой...”

“...я не желаю слышать это говно!..”

“...как тебе не стыдно...”

“...мне стыдно?.. это ты, чудовище, переслало мне чужеродную ересь, даже сама не потрудилась написать — переслала... ты демон, ненавижу тебя...”

“...не говори так...”

“...он мне все рассказал, он понял меня, он мне сказал, что ты год живешь с ним, животное... я тебя просил не врать мне...”

“...ты все понимаешь не так...”

“...я рад, что узнал это... не хочу тебя знать, я просил просто быть со мной честной, сука...”

“...заткнись, урод!..”

“...я уродского в твой адрес ничего не сделал, я не урод, урод...”

“...ты подавишься этими словами...”

“...фальшивка, я любил тебя, но я выблюю эту любовь, и еб...х стихов я посвящу тебе так много...”

“...выслушай!..”

“...нет, я уже выслушал вас обоих, и твой голос истинный услышал!..”

“...ты не хочешь слышать, как все было на самом деле...”

“...ты была мне родной...”

“...я не спала с ним, это был флирт...”

“...сегодня я испытал настоящий кошмар, не знаю, как буду жить без тебя, но что я знаю точно — с тобой мы не будем вместе никогда...”

“...ничего не значащий флирт...”

“...я не могу проверить, как было, ты виновата, что допустила такое... я искал тебя вчера там, а ты была, но не была со мной...”

“...я была с тобой...”

“...я верил тебе, я дышал тобой, я тобой гордился...”

“...ты — чудесный человек, которому я за многое благодарна...”

“...лучшая благодарность — верность, остальное — слова...”

“...несмотря на все твое недоверие, я была верна тебе...”

“...в уголках твоих губ запеклось...”

“...думай, что хочешь!..”

“...и правильно, потому что со вчера я мертва, ты убила меня выстрелом в голову...”

Спустя несколько часов я вновь нахожу правду, которую мне никогда не расскажет она:

“...как ты можешь так?.. если месяц назад мы расстались, почему я узнаю об этом только сегодня?.. этот секс был на память?”

“...”

“...ненавижу...”

“...”

“...зачем лицемерить?.. зачем слово “любовь”?..”

“...все не так...”

“...ты разбила мне сердце...”

“...”

“...я никому никогда не поверю...”

“...”

“...это ад, я не хочу жить...”

“...оставь меня!..”

“...я не против... зачем так, за что?..”

“...а просто так!..”

Началось же это движение из ангела в бесы с недолгой телефонной трели. Тогда мой падший ангел крепко уснул в моих объятиях, и трубку не по обыкновению поднял я.

На другом конце провода спустя неуверенную паузу попросили ее.

Я спросил:

— Кто ты?

— Это... это Юра...

— Юра. — Я помнил этого человека. — Как ты, Юра?

— Я... — Юра словно растерялся. — Я нормально, как ты?

— Я... — Я тоже терялся. — Я не нормально...

— Почему?

“...как тебе сказать, сука...”

— После твоего дня рождения все очень плохо, Юра, — глухо отвечаю я. — Что-то изменилось, что-то стало не так... — Я уйду в ванную, где запираюсь среди розового кафеля.

— Дня рождения?..

— Это ведь был твой день рождения... — Его вопрос сбивает меня с толку.

— Ну да, — тут же реагирует он подозрительно поспешно. — Конечно, день рождения.

— Сашка спит, — вспоминаю я, для чего он звонит. — Я не буду ее будить...

— Не нужно, — тихо отвечает он. — Я перезвоню...

— Зачем? — Я почти агрессивен. — Зачем ты перезвонишь, Юра?

“...кто ты такой, чтобы сюда звонить...”

— Я... Ну...

— Скажи мне, пожалуйста, — становлюсь я неожиданно ласков. — Ты давно знаешь ее, вы действительно старые друзья?

— Ну... — Он молчит недолго. — Мы действительно знаем друг друга... много времени.

— Пойми меня, пожалуйста. — Меня начинает потряхивать. — Пойми меня, как мужчина, ты мог быть в такой ситуации, ты легко мог быть на моем месте. Я чувствую — что-то не так, я чувствую, что меня обманывают. Я не хочу быть дураком...

— Я... — Юра в замешательстве. — Я не понимаю тебя...

— Я люблю ее, — с нажимом произношу я. — Я люблю ее очень сильно... Ты знаешь, какая это страшная любовь, когда у тебя за спиной творят что хотят. Я не могу проверить это, я не могу быть уверен в чем-то. Я живу в точке М., она в точке П. Я хочу, чтобы ты понял меня. Она нравится тебе?

“...скажи!.. скажи мне то, что я и так знаю...”

— Она... — Юра вздыхает. — Да, нравится...

— Как сильно она нравится тебе? — спрашиваю я.

— Очень сильно...

“...ильно... ильно... ильно...”

— Мы общаемся с ней год... — с надрывом рассказываю я. — Я больше чем люблю ее, но я, как и ты, как и кто угодно, хочу быть уверен. Я чувствую, что-то не так. У меня к тебе маленькая просьба, крохотная просьба, возможно, она покажется тебе необычной...

— Говори...

— Я хочу, чтобы ты побыл моими глазами. Ты знаешь, мы никогда не увидим того, что нам не захотят показать. Подлые люди будут рисовать в твоей голове другие картинки, нежели они могут рисовать человеку беспристрастному, у которого ты — как им кажется — никогда не спросишь...

— Я не понимаю...

“...я не могу...”

— Ты понимаешь, Юра. Ты должен меня понять, пойми, когда ты сам будешь в такой ситуации, дай бог, чтобы нашелся кто-то, кто поймет тебя, кто согласится быть твоими глазами в том мире, который тебе не показывают. Поверь, она будет твоей, она останется с тобой, она не может быть одна, мне кажется, ей даже не бывает много. Но я ничего не могу доказать... Она постоянно врет, она будет говорить тебе, что не может тебе врать, но это не правда, она врет всегда, ее естественное состояние — состояние лжи, что бы она ни говорила. А мне хочется верить, неистово хочется верить влюбленному дураку даже в то, что по определению не может быть правдой. Помоги...

— Я...

— Она уже читала тебе свои стихи? Не правда ли, они чудесны? А ее рассказы? Она очень умна для своих лет, фантастически умна. Я не смогу вывести ее на чистую воду без тебя — она талантлива не только в стихах... — Я задыхаюсь на секунду.

— Я слышал кое-что...

— ...она уже просила не называть ее "она"?..

— ...она просила никогда не говорить в ее адрес "она"...

— Знаешь, почему я знаю? Потому что она делает так всегда и, как степлером, с характерными щелчками, прикрепляет тебя к себе. Долгое время она прекрасна, долгое время ты дышишь ею, как кислородом, но потом, когда она понимает, что ты не можешь без нее... тогда она превраща-

ет твою жизнь в ад. Когда ты ничего не можешь понять, но в глубине души знаешь — что-то не так. Она испытывает тебя без устали. Правда, она чудесная? Правда, она чертовски мила?

“...ты еще ни хрена не знаешь...”

— Да...

— Мне не нужно ничего, что ты можешь увидеть, я хочу знать лишь то, что ты уже видел...

— ...

— Она говорила тебе обо мне? — Я почти шептал, чувствуя, что накинул психическое лассо на голос в трубке. Я понимал, что он слушает, а значит, нужно немного дипломатии, и мы достучимся друг до друга.

— Говорила, что наши с ней отношения напоминают ей то, что когда-то было у вас с ней...

“...хочется орать...”

— А каждый день я слышу о ее любви ко мне. Я прошу ее сказать, если она почувствует не любовь, но она никогда не сделает этого. Я нужен ей, ей нужен ты, все мы нужны ей. Попробуй, потом вспомнишь мои слова... Она все слышит, но ничего не понимает. Это кошмар! Помогите мне, прежде чем ты сам окажешься на подобном дне рождения... пойми меня, как человек человека... Вы ведь знакомы совсем недавно?

— ...мы познакомились на этом самом дне рождения...

— Мы случайно оказались там?

— Нет... и это был не мой день рождения...

— ... — Меня знобило.

— ...хотя и мой, наверное, тоже...

— Что ты имеешь в виду, Юра?

— Она сказала, что это день моего рождения в ее сердце...

— ...так больно, Юра...

“...в моем сердце осиновый кол...”

— Извини, я не мог предположить...

— Ты действовал так, как действовал бы я. Зачем нам думать о ком-то, кого не знаем? Ты познакомился с ней...

— Да. Она так смотрела...

— Она смотрела так, словно ваша встреча была предопределена...

“...я знаю, что буду делать...”

— Мне тоже пришла эта мысль в голову...

— И?..

— Я подошел и заговорил... Мы назвались, немного поговорили, она сказала, что почти здесь одна ...

— Так...

— Я спросил, что это значит...

— ...

— И она сказала, что здесь с другом. Просто другом, добавила она...

— Я не просто друг, Юра...

“...и я оставляю тебе это хреновое наследство...”

— Мне тоже так показалось. Ты не похож на просто друга...

— Что она говорила еще?

— Читала стихи, потом прочла рассказ, все это показалось мне гениальным. Я сказал ей об этом, она сказала, что ей очень приятно слышать такое...

— ...именно от тебя...

— Да, именно. Она заставила меня курить кальян, хотя я не люблю кальяны. Она сказала, что хочет мне открыть что-то, чего я еще не понял. Так — сказала она — я лучше запомню ее...

— Она сведет с ума кого угодно. В ней есть власть...

— Она попросила, чтобы я побыл рядом с ней в тот вечер...

— ...ты не мог не согласиться...

— ...я не мог не согласиться...

— ...я тебя понимаю...

— ...и мне понравился кальян...

— Потом вы ушли. Что было потом?

— Мы целовались в другой комнате...

Слезы застлали мое лицо.

“...лжешь, сука!..”

— Мы целовались бесконечно, а потом во-
рвался ты...

Меня сотрясал плач, но я не издавал ни звука. Розовый кафель, куски штукатурки — все это словно сыпалось мне на голову, мой красивый мир расползлся по швам в режиме реального времени. Кажется, я видел это краями глаз, так как взгляд мой жадно впитывал слова, выпадающие из дырочек телефонной трубки.

— ...ты не увидел нас почему-то, хотя мы были ближе всех к тебе...

— ...она знает, что я плохо вижу, что при всем желании я не смогу увидеть вас, пока не подойду близко... совсем близко... тем более в темноте...

— ...ты набросился на другую парочку, что стояла возле окна, ты сбил их с ног...

— ...я не хотел...

— ...на тебя набросились остальные, они все друг друга знали там, а тебя не знал никто...

— ...мне не было больно...

— ...я сказал ей: твоего друга бьют, надо помочь ему. Но она ответила: не надо, он заслужил...

— ...мне было больно по другой причине...

— ...она увела меня куда-то в угол, где продолжала целовать...

— ...адская сука...

— ...она кусалась...

“...чертовы детали...”

— ...это она тоже умеет...

На полу у себя под ногами я увидел темное пятно. Такие пятна обычно означают прилипшую намертво жвачку, которая в результате концентрации пыли на своем липком теле приобретает непроглядно черный вид. Отодрать ее невозможно, где-то они располагаются целыми сериями, и чем старше общественный пол, тем больше этих вечных пятен. Но что подобная субстанция делала в опрятной квартире, где засилье предметов на полу продолжалось не больше недели — и затем в любом случае торжествовала упорядоченность, — было не ясно.

— ...тебя валили, но ты снова вставал, ты вышиб зеркальную перегородку — и кутерьма переместилась в зал...

— ...вы остались?..

— ...да, я не видел, что было дальше...

— ...она все это время была рядом?..

“...и вот он — главный вопрос!..”

— ...она ушла от меня через несколько часов...

— Послушай, Юра. Мне нужно, чтобы ты разрешил использовать все, что ты мне показал. Я должен рассказать ей то, что я видел...

— Не надо...

— Послушай, ее сила — в моем неведении, в том, чего я не знаю и знать не могу... Если я просто уйду, не объяснив, я не одержу победу тем самым. Я должен показать ей то, что увидел. Должен ее переиграть, тогда она проиграет. Разреши...

“...ты должен или тебе придется...”

— Я потеряю ее тогда...

— Нет, вовсе нет. Я поделюсь с тобой стратегической информацией... Я знаю ее год, ты же знаешь ее несколько дней. Это поможет тебе. Просто скажи ей потом, что ты любишь ее, что ты без нее не можешь. И она простит тебя. Такие слова ослепляют ее... Правда, ненадолго... Разреши, Юра, я все равно уйду, я не буду мешать. Еще минуту назад я любил ее, сейчас мои вены разрывает лед, мое сердце наполнено острыми ранящими осколками... Но я не хочу уйти просто и непонятно..

— Чем еще можно ее удержать? Я должен знать, расскажи ты...

— Хочешь попробовать? Понимаю. Бесполезно тебя переубеждать сейчас, ты подумаешь, что я делаю это намеренно... Рассказывай ей о том, какая она красивая, говори, как тебе необыкновенно с ней, ведь в какой-то степени это и будет так. И никогда не называй ее “она” в ее присутствии. Дело не в этом слове, это будет поводом, чтобы сделать тебе что-нибудь неприятное. Она была в детстве толстой, ее не любили мальчики, потом неожиданно она выросла и расцвела и стала пользоваться вниманием. Она удивилась, когда заметила это, но чувство мести за то, что ее не любят, осталось. И она мстит...

— Еще?..

— Телефонные звонки — они постоянны, они вездесущи, ты никогда не избавишься от них. Ее любимая игрушка — телефон, он будет звонить постоянно. Она не будет отключать его, она не даст вам побыть вдвоем — никогда. И ты никогда не смиришься с этим, но и не сможешь ее убедить. Если ты заставишь заткнуться адскую штуковину, ты победишь ее. Иначе она постоянно будет водить тебя по чужим дням рождения...

— Звучит как проклятье...

“...кевинкваазен кевинкваазен...”

— И пока не пройдешь сквозь него, не пове-ришь, что это так. Я устал смотреть в холодное лицо, где нет и отблеска твоей тоски и боли. Мне легче, я оставляю это дурное наследство тебе.

Я насытился ересью, я больше не хочу. И не буду. Теперь я чертов Айс...

— Расскажи ей, что видел...

— Спасибо за то, что ты был моими глазами...

— Не за что, я просто понял тебя...

Глаза мои увидели еще одно черное пятно на полу. Оно появилось в метре от первого и казалось таким же. Я приоткрыл дверь ванной и увидел, что на полу в коридоре их уже пять, размером с яйцо.

— Родик, — услышал я сонный, но капризный, как всегда, голос моего дьявола. — Где ты, Родик?

— Говорю по телефону, — ответил я, присев и внимательно разглядывая диковинные пятна.

— Хватит! — приказали из-за стены. — Это длится слишком долго. Я замерзла...

“...кому какое теперь до этого дело...”

— Дьявол проснулся, — сказал я в трубку. — Мне пора расставить точки над i.

— Пока, — сказал в трубке мой дружественный враг. — Извини, что все так вышло...

Мы рассоединились.

Я медленно закурил и таким же шагом, собираясь с мыслями, побрел в комнату. Черные пятна встречались мне на протяжении всего пути, я не мог поверить, что просто не замечал их раньше.

На красном диване лежала демоническая девочка. Она выглядела сонной, была нага и потрясно мила. Захотелось простить ей все, но я уже превратился в сгусток сухого льда.

— Кто звонил? — спросила она чрезвычайно нежным голосом.

— Замечательный человек, — отозвался я, встав в дверном проеме и изучая ее взглядом садиста. — Один просто замечательный человек, который меня понял. — Чтобы видеть ее лицо и глаза, я зажег свет.

“...который понял меня, хотя не знал, а человек, который знал меня кучу времени, так меня и не понял...”

— Да? — Развратно-прекрасная, она щурилась в мою сторону. — И как же зовут этого замечательного человека?

— Юра, — ответил я, холодно улыбаясь. — И я совершенно спокойно оставлю тебя ему в наследство. Я могу быть уверен, что он должным образом позаботится о тебе, Сашенька...

“...все будет хорошо...”

— Юра... — Лицо ее вздрогнуло ровно на секунду. — И чем же так хорош этот Юра?

— Ты мне скажи... — рассмеялся я. — Для меня он хорош тем, что был моими глазами. И теперь я знаю все, ведь я видел все... И мне легко и хорошо. Мне особенно легко еще потому, что я всегда изменял тебе...

— ...и я всегда изменяла тебе. — Лицо ее полыхнуло ненавистью. — Ты же, надеюсь, не думал, что все это время был у меня один?

“...думаю, был чертов конвейер...”

— Я вообще не думал об этом. Вот почему я так спокоен сегодня. Но и это не последняя при-

чина, по которой мне спокойно и уютно сейчас. Тебе интересно?

— Нет...

— За время нашего общения ты убедила меня, что я страдаю бредом ревности. Я почти поверил тебе, полагая, что мой маленький прекрасный верный кот страдает от такого параноика, как я. Однако теперь я знаю, что все, казавшееся мне это время, имеет основания. Когда кажется, креститься нет необходимости. Надо слушать, ведь это собственное шестое чувство пытается до тебя достучаться, показывает то, чего ты в упор не желаешь ни видеть, ни слышать. Теперь все незавершенные моменты, которые я накопил в памяти, восполнились, все встало на свои места. Я знаю — что было, как было и каким образом...

“...приятно осознать, что всегда был прав...”

— А мне плевать! — яростно, но и спокойно отозвалась Сашка. Однако в руках ее появилась сигарета. — И что теперь? Уйдешь сейчас?

— Зачем? — Я казался притворно милым. — На дворе ночь. Я лягу спать — лягу с тобой. Мы крепко обнимемся и будем сладко спать до утра, после чего я уйду. Навсегда, и совершенно спокойно, так как о тебе теперь есть кому заботиться. И это даже хорошо, что тебе плевать — не будет сцен. Мы просто чудесно выспимся, после чего расстанемся навсегда.

“...как много в этом слове...”

— Ты не сможешь без меня... — Лицо Сашеньки наполнилось пятнами, отлечительно множе-

ственными и красными, мне хотелось думать, что это проявились пятна стыда. — Так же, как и я — без тебя...

“...не делай этого, я тебя прошу...”

— Мы научимся, любимая, — парировал я, приближаясь к ней и попутно раздеваясь. — Это может оказаться проще, чем мы думаем. Гораздо проще... Юра — хороший мальчик, он действительно похож на меня в начале наших с тобой отношений.

— Мне не нужен Юра! — взвизгнула она. — Мне нужен ты...

— Ты не думала так, когда мы были на дне рождения, когда меня били... — Я остался только в трусах, погасил свет и полез под одеяло. — Теперь у тебя будет время все переосмыслить...

— Я вытащила тебя оттуда! — Сашка бросилась ко мне, прижалась всем телом и начала голодно целовать лицо. — Ты забыл? Мы ушли вместе... — Я не чувствовал ее рта.

“...я так не думаю...”

— На этот вопрос я нашел ответ, — сказал я, не отвечая на ее ласки. — Я все видел...

— Он сам звонит мне! — Сашка настойчиво пыталась разбудить во мне желание. — Я пообщалась с ним на этой вечеринке — и все. И забыла, а он звонит и звонит. Что я могла сделать? Я не догадывалась, что он начнет доставать меня.

— Конечно, его же никто никогда не кусал за лицо. — Тело мое словно потеряло чувствительность. — Он в себя не может прийти, бедный

глупец. Прекрати, пожалуйста, я очень устал. Наконец-то я могу просто поспать, когда утомлен. Хотя, если учесть, что это последний раз...

“...ненавижу тебя...”

— Я понимаю, что ты сейчас чувствуешь... — Сашка выглядела как само понимание. — Мы просто выспимся и поговорим завтра. Правда, милый?

— Ты не понимаешь. — Я зевнул ей в лицо. — Ты слышишь, но не понимаешь. Я пытался докричаться до тебя целый год, теперь попробуй докричаться до меня. Ты мне все время что-то доказывала, я много чего переосмыслил, даже то, над чем посмеивался скептически. Наша совместная жизнь превратилась в доказывание. Мы как-то говорили с тобой на эту тему, вися в окне на двадцатом этаже. Я думаю, ты помнишь тот разговор...

“...если когда-нибудь при тебе я променяю тебя на другого...”

“...ты все хорошо понимаешь, и “при тебе” — не ключевые здесь слова...”

— Теперь я докажу тебе кое-что сам, — холодно закончил я. — То, что пытался до тебя донести, а ты смеялась. Сегодня наша последняя совместная ночь...

— Я докажу тебе обратное, — засмеялась она в ответ смехом, который я более всего ненавидел. — Ты плохо знаешь меня, мой мальчик, хотя и прожил со мной год. Ты ни хрена не понял, котик мой. Тебе никуда от меня не деться, я

всегда буду рядом, пока хочу этого. Твое мнение не имеет значения...

— Блажен, кто верует. — Я повернулся к ней затылком и сомкнул глаза в намерении уснуть. — Уверенность — это хорошо... Но я все сделаю, чтобы переиграть тебя.

— В противном случае я убью тебя... — прошептала Сашенька, обнимая меня сзади и медленно целуя в шею.

“...или доведу до сумасшедшего дома, любимый...”

— Зло, — ответил я через плечо, — и зря.

— Как бы там ни было, влюбленная женщина способна на все, а я не просто рядовая женщина, мой дорогой... — Ее горячее дыхание, точно раскаленный воск, влилось в мое ухо.

— Теперь здесь живет цинизм, детка. — Мне начало казаться, что мой разум погружается в сон.

Странное облегчение поселилось в душе, словно все происходящее касалось не меня, а некоего киногероя. Тонкая пленка льда покрыла голову, сердце, мозг, руки, я даже не слышал своего сердцебиения, не чувствовал пульса.

— Родик... — шептал мне на ухо дьявол. — Ну прости меня... Все не так, как он тебе рассказал. Он же любит меня, он расскажет тебе что угодно. Зачем ты веришь ему?

— Тонкая материя доверия, — шепчу я сквозь сон. — Она, как паутинка, она даже нежнее и тоньше... Когда вы лежите в ней оба и держитесь за руки, нужно приложить все усилия, что-

бы не разорвать ее, потом эту зыбкость не склеить... Твои интриги не уходят в никуда, они как зарубки, я не хочу о них думать, но они саднят в самые замечательные наши с тобой минуты...

“...мы забудем все это...”

— Прекрати!.. — За моей спиной плакали.

— А потом паутинка рвется, и все, что было, летит в никуда...

— Ненавижу тебя...

— Оставь при себе свое плохое настроение...
Давай спать...

— Ты не уйдешь завтра?

— Я уже ушел... И оставил тебе в кровати свою тень, чтобы тебе не было грустно...

“...понимаешь меня?..”

— ...ТЫ...

Я засыпаю.

Я слушаю сквозь сон, что моя горячо любимая демоническая девочка говорит что-то удивительно добрым голосом. Она корит себя, она возвышает меня, она говорит еще нечто, чего я уже не могу разобрать.

Я просто сплю.

Сон прекрасен, как психический ластик. Он стирает все плохое, и, пока тебе не начали сниться стрессовые кошмары, вызванные длительностью и яростью переживания, он абсолютно необходим. Во сне я забыл то, что произошло...

Мы проспали опять ненормально долго. Видимо, разум, предчувствуя продолжение зла, не желал просыпаться. Во сне мы неистово обнима-

лись, иногда даже целовались. Сашка воспринимала все это как перемирие, как свою победу.

Я же во сне вернулся к состоянию “до”, и, когда глаза мои с трудом распахнулись, они долго моргали, довольствуясь тем редким ощущением, когда в голове отсутствуют мысли. Мозг, наверное, боялся думать, потому что, как только он начал, в душе у меня похолодело и сердце сжалось в кровавый комок.

Я вспомнил.

“...я потерял Сашку...”

С утра все привиделось тяжелее, чем мнилось, глядя на ночь. Может, вечером кровь перенасытилась адреналином и я, отупев, плохо чувствовал происходящее. Оно грызло гранит моего силового поля, но добраться до меня не могло, а сейчас я был вне психологических костюмов, а соответственно — беззащитен.

“...ее больше нет...”

Боль нахлынула агрессивной стеной и в прямом смысле задавила мое полусонное существо.

Я попробовал предположить, что мне все приснилось, но красочность воспоминаний и детальное воспроизведение диалогов в голове пели песню об ином.

Дрожащими руками я отыскал сигарету, ноги мои понесло на кухню, где в холодильнике я нашел ледяную бутылку коньяка и большой лимон. Со скоростью мысли я отправил в себя серию глотков, желая отвлечься от мирского. Стало чуть легче и гораздо теплее.

Я глянул на пол и оторопел: доступная взгляду плоскость оказалась усыпана черными ровными пятнами, их проявилось так много, что общей совокупностью все это выглядело элементом дизайна. Там же я увидел клочок бумажки, которую машинально поднял и узнал то самое письмо человеку, которым она будет через десять лет.

Я просмотрел заново его несложную суть, и на глазах моих проявились слезы.

В кармане моем в приступах вибрации затрясся сотовый, я достал его и прочел:

“...я люблю тебя...”

Сообщение веяло теплом, но рядом с ним имелась приписка — уведомление о пересылке и номер телефона, который я тут же стремительно перенабрал и следом, услышав мужской голос в туманном нигде, отключил.

Меня затрясло, шизофреническая рябь холодной прытью пробежала по моему разуму, глаза мои налились кровью и разлились прозрачной слезой. Я выпил еще, затем еще, заел половиной лимона и не почувствовал ни жидкости, ни фрукта.

Глаза обратились к странным пятнам, что, казалось, прибывали на глазах. Я присел на корточки и ткнул в одно из них пальцем, все еще подозревая, что это вездесущая жвачка. Палец ушел в никуда, пятно было дырой в полу, которую словно заткнули кусочком ночи.

Я попробовал на ощупь другое пятно, потом еще одно. Все повторилось.

Меня не удивило происходящее, в нем было не без логики. Мой мир, такой упорядоченный в последнее время, склеенный остро пахнущей субстанцией любви, начал на глазах крошиться в бесполезную пыль.

Я перечитал еще раз письмо человеку, которым она планировала быть через десять лет, затем я еще раз посмотрел сообщение в телефоне. Потребовался еще алкоголь. Он будто улетал в никуда, я не чувствовал ничего, кроме тепла, и лимон по-прежнему был лишен вкуса.

Я набрал тот номер. Отозвался незнакомый человек, который долго не мог понять, что мне нужно. А когда понял, мы проговорили с ним около часа и выяснили массу демонических подробностей.

В душе моей пустело с каждым откровением, мозг отказывался вязать все это в один смысловой узел со спящим за стеной человеком.

Мы рассоединились, говорить стало не о чем.

Ноги понесли меня в комнату.

Сашка не спала и без единой нитки лежала поверх одеяла. Пальцы ее управлялись с сигаретой, лицо выглядело умиротворенно-печальным.

Размашисто я распахнул шкаф, руки мои выдернули чемодан, который я принялся ожесточенно и хаотично собирать.

— Что ты делаешь? — робко спросила она спустя несколько минут моих манипуляций.

“...ты не видишь?..”

“...не делай этого, я ведь люблю тебя...”

“...я не знаю тебя... я не знал тебя такой...”

“...о чем ты?..”

“...у меня ощущение, что тебя где-то когда-то подменили...”

“...это же я...”

“...я хочу узнать, где это произошло... куда я пришел с моей девочкой, а ушел с демоном...”

“...ты бредишь...”

“...может быть, моя девочка еще там, наверное, ей нужна моя помощь...”

“...ты меня пугаешь...”

“... ты — это не она, она была чистым прекрасным человеком, а тебя я не знаю...”

“...прекрати!..”

Я резко разворачиваюсь и начинаю говорить, слова мои, точно пули, они пропитаны ядом и со смещенным центром тяжести.

Мы продолжительно выясняем отношения, иногда срываемся на крик, иногда говорим, не издавая звуков, но диалог не прекращается ни на секунду. Иногда она становится собой и начинает огрызаться, пытается убедить меня, что все выглядит не так, как я представляю, но это то как раз уже лишено всякого терапевтического смысла. Чаще она просто скулит и просит простить ее, демоническое лицо непрерывно линуется слезами, но меня это уже не трогает. Мои глаза давно живут своей жизнью.

— Все не так! — визжит она, когда чемодан собран, я начинаю погружаться в верхнюю одежду. — Ты сам все это выдумал, ты говорил не с

тем человеком. Это есть только в твоей голове, на самом деле этого нет!

— Сколько живу на свете, столько замечаю, что когда кажется, всегда так и есть, — как-то от-
решенно, но убежденно повторяюсь я. — Кажет-
ся — это и есть шестое чувство, научиться слы-
шать его — значит правильно трактовать свое
“кажется”. После того как ты поступил иначе, в
тебе появляется досада, будто ты был уверен, что
необходимо было поступить наоборот, но по не-
понятной причине поступил так, как поступил.
Нужно доверять своему “кажется”, по крайней
мере обращать на него внимание... Иногда толь-
ко оно способно рассказать правду. Я ухожу...

“...никогда и ни в чем я еще не был так уве-
рен...”

— Но почему? — Голос ее дрожал, слова едва
различались.

— Существует три проверки, которые устраи-
вает женщина, — отозвался я, направляясь к
двери. — Она думает, что это проверки мужчи-
ны, но в первую очередь это проверки ее самой.
Проверка красотой, когда она использует свою
силу, чтобы прибрать мужчину к рукам. Про-
верка любовью, когда она погружает их обоих
в котел эмоций, где оба кипятятся, стяжая свое
счастье. И проверка изменой, когда либо она
есть, либо ее нет. Точнее, когда есть условия, но
последнего нюанса, той самой трещины — нет!

— Какой трещины?! — кричит она мне в спи-
ну.

— В котле!

Жуткий вой раздается у меня за спиной.

Я молча тереблю замки, желая поскорее покинуть это пространство.

— В каком котле?! — выдавливают она сквозь плач.

— Эмоций!

“...тебе незнакомо это слово...”

— ... — плачет она оглушительно.

— Мы не прошли с тобой эту проверку, а потому — акуп.

— Подожди... Мы можем притвориться, будто мы только встретились... — Она обхватывает меня руками и так приковывает к себе.

— Не можем. Акуп, — судорожно тереблю я замки, но они не поддаются. Я пытаюсь опять и опять, Сашка висит на мне всем своим вкусно пахнущим голым раскаленным телом, не переставая громко плакать, а дверь бездушно не поддается.

С трудом я отдираю от себя маленького дьявола, сажаю его голой попой на пол и решительным шагом иду к телефону. Я чувствую, что это ее проделки, но настроен выбраться любыми способами, даже если придется вызвать службу спасения или пожарных.

Телефон предательски молчит, в нем нет ни гудков, ни каких-либо других звуков, а его электронное табло жизнерадостно мерцает обычными знаками.

— Выпусти меня... — с металлом в голосе цежу я. — Я все равно уйду...

— Нет... — мотает она головой. Ее лицо от слез подурнело, вид ее слегка безумен. — Ты останешься здесь со мной...

“..ты — мой...”

Я делаю шаг в ее сторону — и теряю координацию. Одна из дыр в полу оказывается настолько большой, что в нее по колено проваливается моя нога. Я не чувствую стопой ничего, нога висит в свободном пространстве, эксперимента ради я даже болтаю ею в нигде.

— Что это? — Глаза Сашки широко распахиваются, казалось, она только начинает замечать великое множество пятен. — Это ты сделал?

— Интересно, как? — хмыкаю я и отправляюсь на кухню. Чемодан и пальто остаются в прихожей, там же жалобно и театрально всхлипывает моя демоническая девочка.

Меня сейчас интересует исключительно коньяк. Я сажусь на стул и начинаю с небольшими интервалами поглощать жгучие порции — одну за другой. Даже безвременная кончина лимона не способна остановить меня.

Мне тяжело оставаться в этих стенах в разумном состоянии. Они давят, они в один миг стали совсем чужими, меня раздражают всхлипы в прихожей, и я ни на грамм в них не верю.

Я поглядываю в окно, помня, что нахожусь на шестом этаже и тут нет балкона.

Почему-то вспоминаются ее слова:

“...я знаю, как ты умрешь...”

“...этого не знает никто...”

“...ты покончишь жизнь самоубийством... прыгнешь из окна...”

“...невероятно...”

“...и разобьешься на мелкие осколки, а я буду собирать их с асфальта и плакать...”

Пустота внутри меня говорит, что это не будет больно.

“...больно, когда ты полон жизни, энергии, счастья, любви, а когда внутри пусто — это как раздавить шоколадное яйцо в руке”, — утверждает она огромным ртом.

Но я тут же уверяюсь, что это не мои мысли: я не могу убить себя, я слишком люблю жизнь. Кроме того, это будет ее победой, а я не хочу доставлять ей такое удовольствие. Я буду жить и этим отплачу ей более того.

Я выпиваю еще, и мне становится жарко.

“...хочу смены декораций...”

“...но дверь заперта, ее предали замки...”

“...хочу отрыва...”

“...отрыв — отрыву рознь, в особом смысле и окно — отрыв...”

“...хочу отрыва от земли...”

“...мои ли это мысли и что все это означает?..”

“...хочу прыгать выше головы...”

“...куда делись жалостливые всхлипы?..”

“...хочу забыть раз и навсегда...”

“...вот это, наверное, я сам, хотя — о чем я?..”

“...хочу освободиться...”

“...а что я делаю все сегодняшнее... утро?..”

“...нужно уехать далеко...”

“...пожалуй, это мои мысли...”

“...и вернуться новым человеком...”

“...как много в этом слове...”

“...все это я найду на другой планете...”

“...а это кто?..”

“...да кто все это говорит...”

Голова наполняется шумом обсуждения всего на свете.

Я смотрю в окно, там ярко щурится почти зимнее солнце. В точке П. оно иногда бывает таким, в точке М. оно всегда болезненное в это время.

Неожиданно стул выпадает у меня из-под зада, и я с шумом валюсь на пол. Оказывается, одно из пятен опасно разрослось и поглотило стройную ножку стула. Я остаюсь лежать, приходит мысль, что, может, одно из пятен возьмет и поглотит меня и там сквозь чернь я найду что-нибудь другое.

Внезапно алкоголь, который столько безрасудно был пущен в мою кровь, наваливается откуда-то сверху непомерно тяжелой тушей. Меня словно размазывает по полу, после чего я, что весьма логично, засыпаю.

Снится Сашка, и в том мире я опять забываю о происшедшем.

Мы смеемся над чем-то, кругом ночь и фонтаны, брызжащие ярко-красной водой, она бежит впереди, я пытаюсь ее догнать, и так продолжается бесконечно долго. Даже сквозь сон я чувствую, что невыносимо счастлив.

А потом пробуждаюсь.

Я лежал на кровати, которую спина моя знала наизусть. Я лежал в одежде, хотя постель была разобрана, а в одном из углов на самом кончике лежа сидела какая-то потерянная Сашка. Она тоже была в одежде — серых джинсах и полосатой майке, на голове ее обжился волосяной апокалипсис. Она смотрела точно сквозь меня, и мне стало не по себе, я приподнялся и хотел поставить ноги на пол, но пола не оказалось. Стопы зависли в нигде, снизу на меня безумно глядела чернильная темь, конца и края которой я не видел. Пол будто аккуратно вырезали по трафарету стен, подле которых остался даже плинтус.

— Так уже несколько часов, — прошептала Сашка. — Дурацкие пятна съели пол...

Я достал из кармана монетку и бросил вниз. Она пропала в темноте, и, как жадно мы ни вслушивались, ни одного звука не донеслось. Я посмотрел на стены: черные пятна появились и там, их расцвело пока немного, но я помнил, как быстро они сожрали незыблемый пол.

— Повод поспать, — вслух подумал я и вернулся на точки оси координат, на которых очнулся.

“...может, когда я проснусь, все будет иначе — в смысле пола или в смысле того, что стало явью...”

— Не спи... — шепотом попросила Сашка. — Мне страшно...

— Я рядом, — ответил я, подмечая черные пятна на желтоватом потолке. — Если что, потряси, и я убью любого...

— ...

— ...из-за кого меня разбудили...

— Пожалуйста... — попросила она.

“...побудь со мной еще немного...”

— Я не могу, — ответил я. — Мне нужно отключить голову, слишком тяжелые мысли струятся в ней... мне больно...

— А мне страшно...

— Поспи тоже, сон делает нас бесстрашными...

— Я пыталась, не могу...

— Что-то подобное я уже видел, тогда все закончилось нормально... — и уснул, но прежде чем уснуть, успел удивиться тому, что темь забрала все предметы с пола, кроме кровати.

“...что особенного в кровати?..” — подумал я, но уже спал и не ответил.

Когда я проснулся в следующий раз, Сашка оказалась на том же месте, в той же одежде, но с аккуратной прибранной головой и ясным спокойствием в глазах.

Стены представляли собой нагромождение клякс, будто кто-то начал собирать пазлы — и бросил.

Я попытался заговорить с Сашкой, она не ответила. Я попробовал лаской, ничего не вышло, я начал говорить гадости, она просто опустила лицо.

Я заметил, что из черт ее пропала въевшаяся задорная вредность, которую не теряло лицо моего маленького дьявола, даже если он спал или плакал.

Я улыбнулся своим мыслям, мне вспомнился первый мой сон наяву, когда я познакомился с лучшей частью моей женщины. Я крепко сграбастал ее ладонь, хищная гримаса раскроила мое лицо, и, не давая ее страхам сопротивляться мне, рывком увлек нас в крошечное неведомо.

Все заняло несколько секунд. Во мне не было страха, я жаждал бегства. Бегство казалось и прекраснейшей мстью, если можно подобным образом называть чувство, поселившееся во мне.

Мы упали боком туда, где когда-то был пол, и не вызвали даже всплеска. Все тут же померкло, глаза стало бессмысленно держать открытыми. Я чувствовал только тепло ее ладони, она, пожалуй, так же чувствовала только это.

Наши пальцы сплелись намертво.

День, когда город сошел с ума

После очередного попадания в белые стены, с особыми запахом, модой и темами, я неожиданно пришел к выводу, что люблю больницы. Во-первых, так легче думать, когда вынужден находиться в подобной атмосфере более месяца, во-вторых, это единственное место, где ты можешь запоем читать. В-третьих, там кормят, так или иначе заботятся, и повторяюсь — там очень много времени для размышлений.

Пока на голову влияет некий негативный эффект, ты находишься под разными обезболивающими средствами, поэтому любое зломыслие пребывает в некоем отстраненном парении от тебя самого. Все будто не с тобой и не про тебя, и увлекательно думать о ком-то, кто отдаленно на тебя похож. Потом, когда средства тебе уже не нужны, голова начинает понимать, что схожесть не случайна, но острой боли такие осмысления уже не приносят, напротив, ты способен разо-

брать соображения на атомы и принять верное решение. Эволюция мышления тут такова: как только решение перестает казаться правильным, ты опять попадаешь на больничную койку, и все происходит заново.

— Шестая жизнь сгорела, — погрозила мне пальцем знакомая медсестричка, которая сквозь кальку препаратов кажется очень-очень привлекательной. — Помни, кот, всего их девять...

Я киваю, чувствуя далекое эхо боли. Это не легкая задача. У меня опять с десятков переломов, пара смещений, вывих и, разумеется, повсеместный ушиб мягких тканей. Разум мой словно витает над телом, я думаю, но мысли мои очень далеко от меня. Иногда мне даже кажется, что я слышу мысли каждого человека в палате, но, конечно, все эти мысли — мои.

Не успели меня прикатить в палату, как я стал местной знаменитостью. Что не странно — человек, выпавший в шестой раз из окна, невольно притягивает внимание.

Палата — самая обычная: десяток коек, при каждой квадратная тумбочка, пара стеклянных шкафчиков, завидной худобы и всегда под ключом, и — белые стены, белый потолок да большое окно в заиндевший город.

Через месяц я был способен общаться с окружением и почти не использовал обезболивающих, тем не менее внешне я все еще напоминал сплошной гипс. Ко мне начала медленно, но верно возвращаться память, утраченная во время

сожительства с Болью, из ее пыльного грунта я старательно выкапывал мелочи и детали, из которых кропотливо составлял факты собственной биографии. Времени на подобные конструкции у меня оказалось более чем достаточно, и через полтора месяца я помнил, где проживаю, где работал, помнил даже лица, в которых угадывал ближайших родственников и друзей.

За это время вестей от демонической девочки не поступало, последний раз я видел ее в ванной, когда осмыслил очередной нечеловеческий обман, что и привел меня сюда опять, чтобы разобраться в себе. Конечно, это был странный выход, но иного не дано, когда имеешь дело с бе-сами. Они всегда будут рядом, они всегда будут в твоей голове, если только не научиться слышать собственную голову со стороны, если не обезбо-ливать собственную личность, что в другом состоянии словно горит заживо.

Для меня больница — спасение, не ведая, что творят, доктора самым правильным образом приводили меня в чувство. До следующей встречи с моей демонической девочкой.

Краем уха я слушал диалоги больных, что окружали меня, я редко общался с ними, предпочитая находиться сам с собой и оставаясь в загадочном образе человека со множеством жизней.

— Знаешь, что радует? — спросил сосед со сломанной ногой.

— Что? — хрипловато уточнил тот, со сломанной шеей.

— Что мы доживем до того времени, когда автомобили станут летать...

— Да ну? Если так будет, то очень не скоро...

— Скоро, скоро... А как иначе решить проблему пробок? Думаешь, она решится сама? Или решат эстакады, что тянут друг над другом? Как в притче о Вавилонской башне...

— Что же будет, если все это поднять в воздух? Можешь представить?

— Могу! Аппарат, напичканный электроникой, управляемый компьютером по четким схемам навигационных систем. Это не так сложно, как может показаться...

Я перевернулся на другой бок и увидел немигающий взгляд седого бородача. Это пылился сосед справа, он сращивал два ребра и ключицу.

— Скажи, почему ты делаешь это? — спросил он, стоило моим глазам сфокусироваться на нем.

— Делаю — что?.. — прикинулся я деревом.

— Ну, окна, — уточняет бородач. — Зачем тебе?

— Понимаешь, — говорю я медленно и с расстановкой. — Всю жизнь свою я бегу от суицида. Как бы и где ни отдыхал, как бы ни пытался отвлечься, уйти с головой в работу, в семью, в наркотики, в философию... я все время думаю о суициде. Просто в разное время суицид приходит ко мне в разных формах, в разных одеждах, но всегда он хочет одного. Меня...

“...от темечка до пяток...”

Я вижу, как глаза бородача широко раскрываются, он опасливо смотрит на меня и больше ни

о чем не спрашивает. Я улыбаюсь в душе, ясно — я никому не буду рассказывать об истинных причинах моих полетов. Зачем кому-то знать о том, что в известную тоску я впадаю по причинам чувственным. Мне вспоминается: стоило (в первый раз) моим костям срастись, а телу — избавиться от сумрачного цвета синяка, как одна палата сменилась другой. И если до сна одна наполнилась людьми в гипсе, то после — немые стены наполнились дурашливой публикой.

— Что я здесь делаю? — строго спросил я тогда меланхоличного доктора.

— А где вы хотели быть, мой друг, шагнув в окно? — задал он резонный вопрос. — Тут вам самое и место...

При этом мой “сашконометр” зашкаливал.

Тогда все решилось быстро. Сашенька хотела меня лишь проучить, и спустя неделю существования с политическими деятелями и пришельцами с других планет я вернулся в ее объятия.

Равновесие не продлилось долго, ересь недавнего времени не давала мне покоя, отношения потеряли стержень, клей, что неразрывно держал нас вместе, вдруг разохся, и казавшийся сакральным союз распался. Мы остались красивой парой, но ощущение неповторимости смылось, аромат уникальности вытравил яд фактов, которые поставили под сомнение прекрасное, что присутствовало в несоизмеримых масштабах.

И я сбежал через несколько дней. На этот раз один, без Тени, так как с тех пор она пропала, и до моего попадания к Боли я ничего о ней не слышал.

За мной старательно ухаживала светлоголовая медсестра. Она тщательно пыталась быть и теплой, и очаровательной, первое ей удавалось ювелирно, второе страдало от того, что слишком хорошо выходило первое.

Она разговаривала со мной больше других и больше, чем с другими, она приносила мне странные блюда на ужин, которые я сначала не ел, но агрессивно уничтожал чуть позже. Она разрешала мне курить, она много чего мне разрешала.

Больничное окно продемонстрировало, как красавицу и женщину-вамп — осень — вытеснила балзаковская ведьма — зима. Я наблюдал агрессивные стенания этой ведьмы, ее чудовищные выверты, которые сменились насыщением красок супротив мрачной болезненности.

С приходом весны я начал чувствовать в себе силы, и больничные стены безупречной белизной все чаще вызывали во мне невыносимую зевоту.

— Мне тут надоело, — заявил я доброй медсестричке, которая считала мои жизни.

— Я поговорю с доктором, — улыбнулась та подозрительной улыбкой.

Мне показалось, что она имеет на меня виды.

Незадолго до выписки мне приснился странный сон. Он был про Сашку, хотя эти несколь-

ко месяцев я редко даже вспоминал ее. Мне казалось, точно мы живем на разных планетах. Понятно, что так проявлялась установка моего разума, так работала защитная реакция психики...

Она абсолютно нагая сидела на серой ледяной гальке возле странного озера, которому не хватало края, которое не двигалось и смотрелось исполненным простым карандашом. Было пасмурно, темно и явно холодно.

Сашка дрожала, и лицо ее омрачалось несчастьем, а красивые губы отливали фиолетовым. Волосы туго собрались на затылке в пучок, лоб открылся, а глаза выглядели неживыми.

— Обними меня, — услышал я, когда сделал несколько шагов в ее сторону.

Глаза ее очень медленно сфокусировались на мне, казалось, она так замерзла, что и подобное несложное действие давалось с трудом.

— Мне так холодно, — сказала она, трясаясь, а я все медлил и стоял на месте.

Меня тоже начало знобить и передергивать, я невольно обнял себя за плечи. На мне висела какая-то одежда, разглядеть ее я не мог. Пытался отыскать сигареты, но в одежде не оказалось карманов.

— Мне так одиноко, — печально продолжала Сашка.

Я развернулся и побежал. Я бежал очень долго, иногда оглядываясь и видя, что она все так же сидит — неподалеку.

Сон не кончался: демоническая девочка становилась все фиолетовее и звала меня все жалобнее. Наконец я упал, совершенно лишившись сил. Я повернулся к ней лицом, вглядываясь в ее непроглядно-черные сейчас глаза. Этот же цвет приняли и губы, и ногти, что судорожно царапали гальку.

А потом я проснулся.

Оформилось раннее утро, палата ломилась от тишины, и, как я ни пробовал, уснуть не получилось. Я пролежал несколько часов, думая о дурацком сне и его подозрительном реализме, пока не распахнулись двери и в них не заглянула та самая медсестра.

— Не спишь?

— Нет...

— Тебе пора... — сказала она грустно. Ее большие лисьи глаза наполнились явственным сожалением, а белая шапочка отсутствовала.

— Куда? — Я приподнялся.

— Тебя выписали только что... — Она пожала плечами. — Есть вещи-то другие?

— Нет, но это не важно. — Я соскользнул с простыни и принялся одеваться в белое, больничное.

— Склеили ведь, собрали... — еще печальнее произнесла медсестра, оставаясь в проеме и поглаживая меня взглядом. — Опять...

Вещей у меня было немного, книги я решил оставить, предвкушая очаровательную легкость бытия.

— Спасибо. — Я потупил взгляд под ее настойчивой бровью. — Если бы не ты...

— А... — Она почти ничего не ответила и исчезла в коридоре.

Я пошел за ней, оглядываясь по сторонам, но все еще спали.

Белизна коридора показалась мне особенно масляной, узорный линолеум особенно скользким, но шаги стали уверенными. Я не чувствовал дискомфорта при ходьбе, что чувствовал совсем недавно.

Я обратил внимание на сетку на икристых ногах медсестрички. Она медленно плыла впереди, словно уже занимаясь своими делами, но ее интимный затылок будто замер в легкой паузе ожидания.

Невольно мне вспомнились слова Кваазена, озвученные Мануа:

“...вдоль нашего мужского пути там или здесь, в независимости от того, куда мы пойдем или даже не пойдем, будь то лево или право, верх или низ, почти везде нас ждет та или иная женщина...”

— Тепло там? — отгоняя эти мысли, спросил я, медленно двигаясь к выходу.

— Очень тепло, — через плечо горячо сказала медсестра. — Такая странная весна, и опять уже горит торф...

— Торф? — Я помнил, как это бывает.

— Да, — очень ласково подтвердила женщина. — Так дымно, что кажется, будто мир поде-

лился на комнаты. Ничего не видно дальше двух шагов...

— А в окно незаметно, — пожал я плечами, почти нагоняя ее и удерживаясь, чтобы не поймать в недобрые пальцы ее коричневый маникюр.

Это выглядело бы бессмысленным, а оттого злобным и эгоистичным. Я удерживался, хотя полгода на больничной койке аккумулировали во мне большое количество дурной энергии, тревожно плескавшейся по периметру моего существа.

— Еще вчера не было так... — вздохнула медсестричка, усилив шум своих каблучков. — Может, это что-нибудь значит?

— Наверняка нет, — перепрыгнул я смысловой силок.

— Ты так просто и уйдешь — в дым? — Она с надеждой заглянула в угол моего серого глаза. — Навсегда? — Пальцы ее словно случайно искали меня, но я виртуозно уворачивался.

— Нет, — покачал я головой, глядя вперед, где курились разбавленные светом и дымом приоткрытые двери прочь. — Ты забыла... У меня еще три жизни, пару из них я должен этому месту... И тебе...

— Мне было бы достаточно одной, — тонко произнесла она, роняя голову в дрожь обиды.

— Мне много трех... — ответил я, и мои бледные пальцы оплели желтую ручку сладкой двери.

Справа от нас спал с открытыми глазами легковесный старик, исполняющий забавную охранную роль. Рядом с ним дремал дисковый телефон, который начал призывно звенеть, стоило нам поравняться с их почти школьным столом.

Мне показалась знакомой трель, так звенел лишь один телефон на моей памяти, и это было странное совпадение. На звук среагировал только я, ни охранник, ни моя спасительница будто не слышали почти человеческий писк.

Медсестра успела повязать мне галстук — тонкий и черный, как шнурок, он придал моему забавному облику совсем не больничный вид.

Телефон противно шумел, подмывало взять трубку, но я проигнорировал это словно не мое желание и отважно вышел за дверь на широкое клетчатое крыльцо моего временного пристанища.

— Спасибо... — чуть виновато сказал я за спину.

— Не возвращайся, кот... — сказала она мне в спину.

— Вернусь... — ответил я, прыгая со ступени на ступень и все больше отдаляясь.

Город, как когда-то, пребывал в страстных объятиях торфа, спину мою продолжал сверлить телефон.

Несмотря на конец весны, жара воцарилась нечеловеческая, но я давно не был на улице и заметил это не сразу.

Больница мгновенно растворилась за моими плечами, я оглянулся через несколько шагов, но не увидел приземистого розового здания. Стало легче.

“Эмоциональное состояние плюс 2”, — подумал я.

Память моя была в порядке, я не помнил слишком много, но достаточно, чтобы понимать, куда двигаюсь, и выбрать цель движения. Окружающая белесость придавала всему застаренность черно-белой фотографии. Из словно сигаретного тумана выпадали деревья, чтобы спустя пятнадцать шагов размыться. Кое-где одинокими пятнами прогуливались голуби, поутреннему необычно медленные и с умными глазами. Я знал: немного впереди есть размашистый супермаркет, мозг невнятно правил туда, хотя смысл только формировался.

Из сумрака проявился еще один больной, одетый так же, как я, но без галстука, отчего он выглядел эксцентрично. Шаркая тапочками, с непрозрачным пакетом, он спешил оттуда, куда я двигался, туда, где я уже был много раз и куда в очередной раз уходил. Свобода...

— Не оглядывайся, — сказал он, минуя меня, но утверждать, что так произошло, я не могу. — Иначе увидишь невообразимую жесть... — Мне показалось, что лицом и голосом этот человек напоминал отца Мануа.

Его шаги стихли, и откуда-то справа напозла отчетливая сухая музыка рояля. Возникнув как галлюцинация, она разрослась и стала зловеще приближаться.

Завороженный, я шел на звук, плодя фантастические предположения. Я насчитал шагов триста, прежде чем из тумана плавно выплыла сложная композиция.

Подле огромного, как поверженный шкаф, рояля ядовито-коричневого цвета флегматично, но диковато плодила общее действо странная троица.

Очень высокий и худой человек во фраке занимал острую позицию на трехногом рояльном табурете. Колени его хищно целились в стороны, а тонкие длинные пальцы собирали музыку на черно-белых клавишах и выплескивали за борт — в жизнь, что сопровождалось выбросом широченной ленты торфяного дыма из широко распахнутой пасти рояльной крышки. Лента расширялась спустя короткий промежуток и забирала в себя все небо и почти все четыре стороны, за исключением узкого квадрата видимости, который равномерно двигался вместе с владельцем зрения. Если музыка преисполнялась тревожности — лента темнела, если она ускорялась — облако расширялось, если затихала — немного более светлые тона начинали валить из странного инструмента. Забавнее всего выглядела огромная черная кроличья голова с большими пушистыми ушами, что крепко сидела в остром черном воротнике фрака и покачивалась в такт музыке.

Подле маэстро находилась принцесса в кремовом дутом платье а-ля старина, в котором ее руки,

ноги и голова казались диковинными цветками, растущими из пышных розовых бутонов. Голова была светлой и тщательно уложенной в нечто светское. Она улыбалась себе и пела — старания выражалось много, а голоса не замечалось. Немая певица жестикулировала, изображая погружения в себя.

Она не обращала на меня внимания, когда я невероятно медленно тек мимо нее. Половина ее лица, видимая мне, выглядела совершенной, все казалось гармонично всему. Но стоило мне мигнуть загадочную принцессу, и я увидел другую половину. Казалось, ее пожрал пожар, черты размыло, кричащая цветность прилила к тканям.

Я увел взгляд в сторону так, что даже розовость пропала из углов глаз. Но именно тогда я услышал пение. Оно было чудесно и пылало, уши благоговели, дрожа на лезвии ее голоса. Странность заключалась в мелочи — голос мерещился взрослым, так могла петь лишь зрелая женщина, а принцесса едва ли достигла совершеннолетия. Стоило повернуть голову назад — и девушка становилась немой, продолжая отчаянно петь.

Рядом с ее широким розовым платьем медленно и рывками ездил четко по кругу небольшой пластмассовый велосипед на трех колесах. Он отчетливо пустовал, тем не менее кто-то с осязаемым трудом крутил педали и увесисто сопел. Яркая красно-желтая гамма трехколесника была кричаще ядовитой, она обжигала глаза — слезы и луковая резь появились мгновенно.

— В большом городе приятно видеть знакомых людей, — поведал кто-то невидимый невольно плачущему мне. — Ты как?

Я не увидел, кому ответить, и не был уверен, что слышал это. Потому засеменял прочь, фиксируя запоздалости типа высоты маэстро, что казался выше меня, сидя на стуле, или полнотенности прически даже на сожженной стороне головы принцессы.

Музыка удалялась, туман густел, и я обратил внимание на то, что мой персональный квадрат сужается. В этом виделось что-то нехорошее, я прибавил шагу, держа руки наготове, пока пространство видимости настойчиво сокращалось.

Вскоре звуки рояля пропали, на смену пришел жестяной свистящий вжик, полный холода и плохих предчувствий. Я сбавил темп, стараясь подражать кошке, во мне точно собралась в энергию пружина.

В негативе местности прорезалась огромная фигура в массивном поварском колпаке и фартуке, заляпанном алыми брызгами. Она методично пластала великанским ножом большие фиолетовые куски мяса на мелкие фрагменты и имела зверскую бессмысленную физиономию. Курчавые длинные волосы тяжеловесным хаосом обкладывали угловатые черты.

Гигантские волосатые руки проделывали манипуляции на сплошном листе нецарапаного металла, который лежал на металлическом же столе. Огромная гора нерубленого мяса занима-

ла половину листа, порезанная органика порциями сыпалась в огромный таз, упертый в фар-тук страшного повара.

Глаза свирепца пристально воткнулись в мое тело и цепко двинулись следом. Мне казалось невозможным уклониться в темень — было жутко упустить повара из виду. Меня полнила уверенность, что он бросится за мной, размахивая исполинским ножом, который мнился безрас-судно пьяным от выпитой крови.

Мой путь пролег совсем рядом. Повар замед-лился при моем приближении, звук рождался реже, но стал отличимо длиннее. Глаза его ста-новились все бешенее, крови в них становилось все больше.

Тем не менее я благополучно минул его, хотя издай он шмыг носом даже ради шутки, и я был бы уже далеко, попутно растеряв две из своих оставшихся трех жизней.

Едва темнота сомкнулась за моей спиной, я припустил в сторону, не жалея ног и дыхания. Все слилось в одну дымку “кофе с молоком”. Сердце стучало так, будто это не ноги, а оно осу-ществляло толчки изнутри грудной клетки, бро-сающие меня далеко вперед.

Вжик подозрительно исчез, исчезло и время, бежал я очень долго, меняя направления, исте-рично стараясь не уклониться назад.

Потом мрак начал светлеть, точнее — он про-должал быть густым, но цвет его вдруг проявил-ся телесным. Обманчивая дымка плодила иллю-

зии деревьев впереди, но, сколько ни старался, достичь ни одного из кажущихся стволов мне не удалось. Подобные образы росли и ширились.

Судя по теням, впереди наметилась чаща, но вместо нее я со всего размаху влетел в толпу оживленной публики. Народу оказалось много, они сразу заметили меня и стали пытаться обступать или по крайней мере приблизиться. Возможно, эти игрища устраивал со мной мой загнанный разум, а многочисленные фигуры стояли на месте, раскачиваясь и гудя многоголосый зловещий мотив. Тут было множество карликов вперемешку с полнорослыми прокаженными, напоминающими внешне шахматные пешки, а прочая чело-векообразность выглядела фигурами постарше. Лица большинства были стерты замысловатыми экземами и язвами, чудовищные наросты и вздутия обкладывали лоб и глаза, отвратительные бели пенились повсеместно. Они тянули руки, но не прикасались, они пытались обступать... Озираясь, я мчался через их строй, проделывая чудеса ловкости, чтобы избежать столкновения.

Так же неожиданно, как и возникла, жуткая толпа сменилась знакомым шевелением. Множество голых тел двигалось в едином ритме. Словно вымазанные в саже, мужчины и женщины неистово целовали и целовались, сливаясь в фейерверке вожделения. Вся эта компания издавала будто один стон, который, конечно, был органичной совокупностью массовой музыки стонов. Над скопищем витал соответствующий

запах, полотна торфяных простыней покрылись наглой и содержательной порнографией.

Когтистая рука попыталась ухватить меня за лодыжку, но, вовремя распознав сильное тело ползшей на коленях голой женщины с пламенем в глазах, я увернулся, подобно рыбе.

И в тот же миг прибавил ходу, чтобы оставить сладострастное сборище вне моих органов восприятия, хотя знакомый зуд в голове предлагал иные версии развития событий.

Орнаментом моего бега извилистыми рядами с обеих сторон побежали маленькие жирные свечки. Они горели оранжевыми пуговками ласкового огня, дым от которых валил дружной пеленой. Теперь торфяное засилье виделось во все не торфяным.

Было возмутительно жарко, я ощущал себя мокрым насквозь.

Свечки таинственно клонились то резко влево, то круто вправо, ведя меня в ведомую лишь им сторону. Потом они кончились.

Минуту ничего не происходило, кроме моего дыхания и шороха подошв, но дальше по бокам замелькали узкие решетчатые двери. За ними с дикими воплями и попытками выпростать руки и схватить меня за одежду сходили с ума разные сущности с человеческими лицами.

Я стремглав пролетел и эту местность, не похожую на то, что я привык видеть вне тумана.

Под ногами звякнуло стекло, я оказался на огромном зеркале, что выдало мою взлохмачен-

ную персону с безумными глазами. Мимо метнулись белая кучка в кристаллическом беспорядке и огромная свернутая трубочкой купюра. И здесь я только прибавил шаг.

Зеркало закончилось, и обувь вернулась к асфальту.

На пути встретились свиньи, загоны свиней, что, оглушительно хрюкая, сновали любопытными пятаками в щелях досок. Гораздо более свободные козы, инопланетно блея, перебегали дорогу. Глаза живности светились неживотным умом, я почти ждал, что вся эта масса встанет на задние конечности и понесется за мной.

Ноги, казалось, вознамерились стереться бегом, мой квадрат видимости стал мал настолько, что я не видел ничего ниже своего колена и ничего — дальше своей руки.

Опять зазвенел телефон. Все тот же стол — теперь без охранника, но с беспокойным дисковым аппаратом, подпрыгивающим от внятного ему раздражения, мелькнул в углу моего глаза. Я спешил мимо, но самым наглым образом он несколько раз повторился с разных сторон, после чего мое тело со всего маху размазалось о высокую фигуру. Она заставила мое сердце убраться глубоко в пятки, так как я решил, что это безумный повар все-таки настиг меня.

Но от повара пахло хорошими духами, у него оказались светлые волосы, силуэт светился чем-то манящим. При ближайшем рассмотрении он оказался Болью.

— Привет, мой мальчик, — сказала она, прижав меня к себе и погладив одной рукой по включенным мокрым волосам. — Я тебя зажда-лась...

— Ты... — иступленно обрадовался я некоторой определенности в ее лице. — Ты...

— Не ожидал? — спросила она, широко улыбаясь.

“...ты лучшая из тех, с кем можно столкнуться в глубоком тумане...”

На ней туго замер черный блестящий костюм из офисной серии, волосы не менее туго собирались в проткнутый накрест пучок. Волшебные глаза, как обычно, вбирали в себя все внимание и разум.

“...или даже в крошечной темноте...”

— Что это было? — спросил я.

— Это было твое прошлое, малыш, — сквозь короткую паузу сказала она. — Которое хочет стать твоим настоящим... Они так просто не отпускают...

— Они...

— На эти вопросы ты уже знаешь ответы, — покачала она головой, и улыбку ее вымыло с прекрасного лица. — Не будем повторяться, я и так сильно рискую, появившись тут... Если меня увидят с тобой...

— Тебя не прислал Кваазен? — Я подозрительно сощурился, прижимаясь к ней.

— Нет... — Что-то в ее лице старательно намекало мне на то, что это правда.

— А если бы он прислал тебя, ты сказала бы?

— Да, ведь это ничего не изменило бы. Ты пошел бы за мной при любых условиях, если бы я хотела...

“...ты же знаешь...”

— Ты подсунула мне Сашку под видом Тени...

— Это да, и я призналась бы тебе, если бы ты спросил тогда, но тогда ты еще не мог задать подобного вопроса...

— Я сбежал от нее в окно, как только понял, что это она...

— Очень правильный поступок...

“...я горжусь тобой...”

— Почему ты говоришь так?

— Не из каких-либо сложных соображений. — Боль опять распахнула свой шикарный рот в чудесном эмоциональном оскале. — Исключительно из женских мотивов... Простое дурацкое соперничество...

— В чем его идея в нашем случае?

— В твоём? Я хочу ее победить, потому что проиграла ей не в твоём...

— Все так просто?

— Еще проще... Ты просил научить тебя забыть ее, я научу...

“...мужчины говорят: ничего личного, а женщина в тех же условиях действует из личных соображений...”

— Из мести?

— Месть в женском мире называется другими словами, котенок. — Во рту ее образовалась си-

гарета. — Я вижу, как ты дорог маленькой сучке, таким образом, я раню ее в самое сердце, которого у нее, к сожалению, нет...

— Мое сердце? — вдруг вспомнил я. — Оно у нее? — Руки упустили горячее тело Боли и схватились за грудь, испещренную шрамами.

— Ты сам ответишь на эти вопросы. — Она беспокойно начала озиаться. — Я чувствую приближение Кваазена, тебе пора убираться.

“...бежать без оглядки, бежать что есть силы...”

— Ты поедешь со мной? — спросил я ее.

— Недолго, — ответила Боль, крепко ухватив меня за руку и потянув в известную лишь ей сторону. — Совсем немного...

Мы принялись нарезать дымность, точно масло. Боль ориентировалась бодро, уверенно меняя направления. Мы стремительно запетляли в серой мгле.

Спустя минут десять из ниоткуда выплыли фонарный столб и неровный бордюр, подле которого, словно неживой, замер автомобиль — старая черная “Волга”.

Навстречу нам выскочил человек с тревожным лицом, который вблизи показался мне тем самым влюбленным ментом, только в кожаной куртке и при брутальной физиономии.

— Срочно уезжаем, — сухо отрезала моя недавняя тюремщица. — Это Ур...

Я и Боль молниеносно погрузились в автомобиль. Ур прыгнул на переднее сиденье, на водительском находился еще кто-то.

— Твоя машина? — спросил я у хищного подбородка Боли.

— Машина — чтобы меня не узнали, — ответил хищный подбородок сквозь ироничную улыбку.

Внутри старой “Волги” было много наклеек разнообразного содержания, пахло тем не менее подозрительной новизной.

Машина сорвалась с места и понесла нас прочь. Мгла, похоже, не собиралась отпускать пространное черное тело автомобиля, местами она густела так, что становилась ржавой.

Огромные свечи, имитируя фонарные столбы, проплывали мимо, с них медленно стекал воск, а оранжевое пламя порождало окружающую смуглость.

— Это Ит, — кивнула вперед Боль. — Он ответит тебя... — В зеркале заднего вида мелькнуло одутловатое лицо, дрогнувшее ответным кивком и тут же пропавшее, отчего я смог рассмотреть лишь заплывший затылок, утыканный короткими черными волосами.

— Куда мы едем? — спросил я, но тут машину вынесло в утреннее зарево.

Солнце настойчиво побежало рядом с нами, будто перепрыгивая с одного пышного облака на другое. Я отвлекся, так как уже забыл, что значит видимость окружения вне зрительного квадрата.

— Куда мы едем, Боль? — спросил я тем не менее спустя несколько минут копаний в законных пространствах.

“...с тобой куда угодно, но все же?..”

— Ребята расскажут, — отозвалась она сквозь иронию, внимательно всмотрелась мне в лицо, придушила улыбку, попробовавшую раскрыться, и сказала напоследок: — А мне пора. — Руки ее дернули ручку дверцы.

И на полном ходу сложная женщина покинула разогнанный автомобиль. Я не услышал шлепка дверцы, я не заметил, как она раскрылась, но, в ужасе дернувшись к заднему окну, успел заметить темную фигуру, томно плывущую прочь от дороги.

Я вернулся глазами к макушкам моих невольных спутников.

— Куда, — повторил я вопрос спустя короткую паузу, — мы едем?

Два массивных затылка отвернулись друг от друга, обнаружив две тяжеловесные челюсти. Одна принадлежала влюбленному менту, в другом я узнал недружелюбного таксиста.

— Ты знаешь... — ответил таксист, он же — Ит.

— Мы не знаем... — вторил ему мент, он же — Ур.

В лицах их отсутствовал юмор, я старательно высматривал сарказм, но и его не заметил.

“Волга” неслась вперед, ее покачивало на узкой асфальтовой ленте, которая вела нас неизвестными тропами в неизвестно куда. Выйти, подобно Боли, мне не хватало смелости, почему-то имелась уверенность, что это невозможно.

Некоторое время я молчал, после чего опять попробовал вступить в контакт со старыми знакомыми. Они делали вид, что видят меня впервые, отвечали словно не на мои вопросы, и спустя полчаса ничего не стало прозрачнее и яснее.

Ит и Ур

Местности за окном казались слайдами, наложенными невпопад. После продолжительной степи появились подобия городов, скорее даже районов, быстро сменяющиеся странными пейзажами — российскими и не совсем. Мне почудилась мексиканская пустыня с артистичными кактусами, сюда же вкрапился фрагмент неведомого хай-тека с домами невероятной вытянутости, потом кратковременно наметилась клочковатая гористость, а далее мы окунулись в сибирский лесок.

Калейдоскоп продолжался долго, чем дальше, тем абсурднее становились его картинки. Начали путаться времена года, я видел то зиму, то лето, множество незнакомых слов и фраз, которыми полны любые местности, где живет человек. Ко всему острой болью напомнила о себе моя голова.

Наконец я взмолился:

— Я умру сейчас от этой бессмысленности!..

Зубы мои скрежетали.

“...или убью вас обоих, чтобы внести нотку разнообразия...”

Оба типа удивленно уставились на меня в зеркало заднего вида, их огромные лица с трудом помещались в крохотный прямоугольник. Казалось, они даже не следили за безопасностью дороги, не говоря о ее направлении.

— Куда мы едем?! — Лицо мое дышало яростью, хотелось нанести им увечья.

— Ты знаешь... — опять повторил таксист.

— Мы не знаем... — пожал плечами мент. — Боль сказала увезти тебя туда, куда захочешь...

— Я никуда не хочу!

— Потому мы и едем в никуда...

Подобного я не ожидал. Пейзажи за бортом действительно напоминали мои мысли: клочковатые, рваные, непохожие.

Поводив глазами по природной дисгармонии, я выдал постоянную мысль последнего времени:

— Хочу на другую планету...

“...не хочу даже мельчайших повторов...”

— Куда? — Две широкие физиономии опять соприкоснулись в миниатюрном зеркальном мире.

— На другую планету! — лихо подтвердил я. — Можно без возможности возврата... — Я шумно сглотнул от собственной дерзости. — Я уверен! — тут же выпалил я в их вопросительные лица.

— Невозможно, — покачал тяжелой головой Ит в ответ на удивленный взгляд Ура. — Нет никакой другой планеты...

— Подожди, — прервал его Ур. — Как — нет? Что есть другая планета? Не место ли, где деревья не похожи на наши? Где другого цвета песок и вода, где иное небо, что глубже и пространнее. Где люди не говорят на понятном нам языке. — Казалось, его осенило. — Где иная архитектура, где иные краски жизни. И звезды не те. Не это ли мы называем другой планетой?..

“...другие планеты гораздо ближе к нам, чем кажется...”

Ит, не меняясь лицом, выжал тормоз, отчего меня размазало по спинкам их сидений, и, крутанув руль, развернул нос “Волги” в противоположную сторону, приложив мое тело о правую дверцу.

Мы недолго постояли, дав пыльному облаку разбиться о лобовое стекло и лениво осесть, постукивая по крашеному металлу одноголосой мелочью камешков. Вздывая пыльный хвост, автомобиль рванул назад.

Калейдоскоп стал еще безумнее, казалось, что за тонированными стеклами начался кинофильм, который поставили на быструю перемотку назад. Мелькали дома, пустоши, леса, водные глади, чего только не мелькало из природного разнообразия и человеческого безобразия.

В один момент я приоткрыл окно и высунул пальцы, тут же что-то тяжелое поймалось мне в

руку. Я разжал пальцы, ладонь оказалась пуста.

Мне вспомнилась Сашенька, трогавшая свою жизнь на высоте двадцатого этажа. Я улыбнулся, так как иллюзия была полной. Я держал свое существование на ладони, я слышал его тяжесть кожей. Я перебирал пальцами, чувствуя, как оно струится между ними.

Определенно я был точкой на своей оси координат, и вот это было моей реальностью.

Устав наблюдать за жизненным галопом, я уснул. В последнее время, по крайней мере до больницы, я делал так постоянно, это было, как мне казалось, полезным свойством.

Снов, как обычно, не привиделось. Даже отдыхая, я ощущал, как предчувствие чего-то нового вкрадчивой негой скитается по членам моего тела. Сквозь дрему я понимал, что улыбаюсь чему-то, и улыбка эта длилась непривычно долго.

Проснулся я от страшной духоты и яркого света, которые в ненормальном количестве оказались складированы в автомобиле. Невыносимо ярило солнце.

Окна машины были открыты до упора, дверцы — распахнуты. Мои спутники исчезли.

“Волга” стояла в тени стройных деревьев, чьи голые тела тянулись поразительно высоко, подпирая небо. Высунув голову, к своему удивлению, я обнаружил по соседству пространную пальмовую рощу. Глянув в другую сторону, я увидел замершую во внутреннем покое водную гладь.

Рядом со мной скромно высился белый бумажный пакет с острыми углами, сунув туда руку, я извлек в предметный мир короткие белые шорты, невесомую майку, мягкие сланцы и большие черные очки. Тело выпало из душного салона, песок под ногами был белым и глубоким. Следов моих спутников нигде не проступало.

Тяжелая здесь, точно броня, больничная пижама отлетела в сторону. Я облачился во все новое, в кармане нашлись пачка сигарет и несколько купюр незнакомых денег.

Очки воцарились на носу, чуть убавив остроту солнца, сланцы понесли меня прочь от машины в сторону воды.

По пути встретились смуглые люди с огромными улыбками и узкими глазами, которые дружелюбно сказали мне что-то, чего я не понял, но в ответ улыбнулся.

Местные краски отличались мультипликационностью, подобных пестрых гамм я не встречал в своей более строгой цветовой действительности. Небо казалось невероятно глубоким, в нем торжественно замерли нарядной пушистости гигантские облака, походившие на абстрактные скульптуры сложных тематик. Горячий воздух словно висел в пространстве, лениво коптясь и посапывая. Вселенское безмолвие воссоединилось в гармонии сотни свойств, которыми можно описать реальность.

Возле воды, что флегматично щекотала берег, я нашел Ура и Ита. Оба, неожиданно толстые, в по-

лосатых трусах, валялись каждый на своем полотенце, а на головах их восседали белые панамы.

Они почувствовали мой взгляд, синхронно приподнялись на локтях и вперились в меня невозмутимыми взглядами сквозь большие солнцезащитные очки.

— Намажься маслом, — подал голос Ит и бросил в меня плоским коричневым флаконом. — Местное солнце съест твою кожу быстрее, чем ты влюбишься в этот край...

— А где мы? — Я поймал флакон и выдавил на ладонь прозрачное масло.

— На другой планете, — усмехнулся Ур. — Хороший выбор...

“...в этом месте глагол “любить” имеет свой постоянный насыщенный смысл...”

— Надеюсь, мы задержимся тут. — Ит улегся на полотенце, раскидав конечности. — Здешние очень легких нравов, они любят пришельцев, всегда им рады. Тут все стоит сущую мелочь, всегда тепло и солнечно. Сплошная экзотика...

— А какие тут женщины... — перебил его Ур. — Их очень много, они обожают пришельцев и способны заставить тебя забыть обо всем на свете...

— Кстати! — всполошился Ит. — Я тоже совершенно забыл...

Он перетряс свою одежду и подал мне блеклый клочок бумаги. В местных красках скучный цвет смотрелся чужеродно, таковым был и по существу.

Так выглядела телеграмма, она содержала короткую фразу:

“я люблю тебя...”

Дата оказалась месячной давности, подписи не нашлось, но сомневаться в авторстве не приходилось.

— Почему только сейчас? — поднял я глаза на невозмутимого Ита, пекущегося на солнце.

— Тут эти слова не значат ничего, по крайней мере для тебя и сейчас, — пожал тот плечами. — Там ты бы всполошился, начал думать и делать глупости...

“...так как это любимое твое занятие...”

— Я всегда удивлялся, какое значение имеет для людей эта фраза, — сказал Ур. — Код для достижения определенных целей...

— Отмычка к чужой голове, — подтвердил его напарник.

“...я бы даже сказал — хобби...”

— Гипнотические свойства для любого разума несут в себе эти три слова. И даже частота произношения ослабляет их силу незначительно...

Я удивился разговорчивости моих спутников.

Планета оказалась действительно веселой.

Стемнело, и мы убрались с пляжа ближе к людям. К тому времени кожа нашей троицы потемнела, плечи возбужденно пульсировали.

Пески сменились светлого цвета землей, местами тянулась к небу совсем короткая травка, занимающая целые пространства, разбавленная нередкими каменистыми нагромождениями

диковинных форм и размеров. Вскоре все чаще стал попадаться асфальт, кустистость подле него выглядела более беспорядочной.

Стоило “Волге” вползти в одну из горящих огнями улочек, как дальше ехать стало невозможно. Улица представляла собой изобилие питейных заведений, из которых за ненадобностью убрали двери, затем, подумав, убрали и стену, где эта дверь предполагалась крепиться. Шумная массовость жила бурной жизнью, каждый приют странника окатывал мимо идущих своей музыкой, цветным мерцанием вывесок, особым видом.

Подобная открытость олицетворяла изнанку ночной динамики, людей прогуливалось множество — и местного вида, и нам подобного.

Женское изобилие поражало глаз и чувство. Одетые в цветные минималистские одежды, смуглые низкорослые инопланетянки что-то кричали на незнакомом языке вперемешку с подобием английского. Заведения имели при себе армии женщин с огромными улыбками и тяжелыми копнами волос, каждая пыталась привлечь внимание жестами и криками.

Где-то просто пили и гуляли, где-то танцевали на улице или под навесом очередного бара. Атмосфера пенилась добродушным весельем, гримасы счастья непроизвольно выплескивались на лица.

По заданным траекториям рисовали прямые своих целей крохотные ящерки. Они сновали

повсюду, и моему затуманенному мозгу виделся их особый смысл, заключающийся в соединении кусков реальности методой их скоростных перемещений в любом направлении. И вертикальное, и горизонтальное движение юрких тел будто сшивало кадры действительности в протяженную цепь. Они не поддавались поимке, зато их можно было фотографировать.

— Я люблю эту планету! — вопил уже пьяный Ит, на шее которого повисли две местные девушки.

Мы с Уром вели себя потише, но всеобщее опьянение жило своей массовой жизнью, поражая человеческую душу желаниями, чьим фундаментом становились покой и радость.

В руки без спроса забрались высокие коктейли, начиненные незнакомыми фруктами, дым кальянов вскружил наши головы, а общество наше разрослось, вместив в себя миниатюрное женское трио. Девушки лопотали без перерыва, глядя нас темными ладошками по рукам и ногам, аккуратно мостя свои смешные лица на наших плечах.

“...концентрированные залежи любви...”

Кратковременным привалом стал длинный узкий переулок, выкрашенный в неоновые цвета, где пространной армией простирались далеко вперед высокие трехногие табуретки. Барной стойкой служило отсутствие одной из стен, вместо которой подрагивали от музыки деревянные нагромождения, полные войск другого рода, а

именно — бутылочного. Напротив и совсем рядом высилась стена серого кирпича, полная забавных, словно детских, рисунков. Вдоль стены двигались и шумели красочные человеческие фигуры, это опять предлагалось к общению многочисленное женское сообщество. Там же висели тяжелые прямоугольные колонки, стреляющие в толпу разрывными снарядами электронной музыки. Кое-где хищно вились металлические клубки с горящими на конце каждой нити крохотными пулевидными лампочками. Огромная вывеска подпрыгивала на цепях прямо над головами схлестывающихся потоков, текущих с двух сторон, и ярко-красно сообщала: Boom Boom Bar.

И по-прежнему неумоимо шили полотно местной реальности невозмутимые и невидимые гекконы, иногда мелькая гибкими телами в косо наклепленных бумагах, несущих странные надписи.

Mai Thai — 120THB

Long Island Ice Tea — 150THB

B50 — 100THB

От созидания странных символов меня отвлекло чье-то пристальное лицо, крадущееся в нервном уголке моего глаза. Я обернулся к нему, едва не поранив собственной сигаретой черную бровую надменность с большой выпуклой улыбкой. Лицо отшатнулось, вспенив черную массу волос, что разлилась по плечам и кистям рук с длинными наманикюренными пальцами.

Создание оказалось женского пола, но значительно выше даже меня, с чертами, исполненными излишне резкой четкости и красоты. Короткие одежды содержали крупноватое тело, смуглость и стройность которого тем не менее вязали взгляд.

От неожиданности я засмотрелся в будто зеркальные зрачки, откуда так же разительно интересовались мной.

Вдруг мою голову поймала в теплые ладони одна из наших миниатюрных спутниц. Она оказалась сильнее шейных позвонков, уведя мой подбородок в сторону и нашептывая что-то, что я не мог разобрать.

Увидев мои туповатые глаза, инопланетянка улыбнулась и зашептала на ухо очевидное:

— Its not women.

Ур с Итом тоже отвлеклись от своих женщин, но только ради канонадного хохота, печалась, что забава не продолжилась. Толстяки искренне надеялись, что ошибку распознаю я самостоятельно — и желательно не сразу. Я изумленно вернул брови в ту сторону создания, последовательно отсекая женскую предметность и с испугом обнаруживая нечто спорное. Ответ на мое недоумение был мгновенно озвучен.

— Long Island Ice Tea! — прокричал я крадущемуся во мраке бармену, отвернув голову от инопланетного чуда. Это подействовало, и человек исчез, чтобы вскоре появиться.

— Тут очень дешевые пластические операции, — сообщил мне расплывающийся на

глазах Ит. — Потому законы природы тут нарушены. Люди становятся кем хотят, что привело к необходимости осторожности в случае строгого соотношения внутренних весов в ключе “правильно” и “неправильно”... — сказав это, он захохотал, отхлебывая из бокала и переключаясь на свою широколицую пассивность.

“...так странен мир чужих голов...”

Я в очередной раз припал к высокой посудине, где застыл в притеснении кубиков льда чайного вида коктейль. Его свет оказался так ярок, что ближе ко дну я зажмурился, а когда открыл глаза, то уже лежал на полу.

Из окна напротив, в многочисленные прорехи портьеры, прямо в глаза мне радужно смеялось дневное солнце веселой планеты. Под похмельным телом обнаружилось подобие циновки, но супротив обычной — высокая и мягкая. В художественных вывертах, в беспорядочной гармонии на таких же ложах вокруг меня спали оба толстяка, предусмотрительно закутанные в простыни. Подле притворялись мертвыми их крохотные спутницы, нечаянно оказавшиеся нагими, во всей своей равномерной смуглости и хрупкости.

Контраст белого и темного, толстого и стройного был забавен, я беззвучно рассмеялся, оглядывая стены, на которых висели покосившиеся картины без рам с несложными изображениями нагих женщин.

В углу стоял обессиленный кальян, на полу в собственной геометрии смотрели в разные стороны пустые бутылки.

— Виски... — распознал я.

В воздухе почти телесно плавал стойкий аромат, который всколыхнул мою память, откуда выпал почти синхронный хохот нашего трио, что гурьбой пробивалось по узкой деревянной лестнице вверх. Периодически между нами появлялись женские тела, отличающиеся нескладностью при отчетливой четкости пропорций.

Я приоткрыл невысокую дверь напротив окна и увидел те самые ступени.

Выглянув в окно, я обнаружил широкий балкон. Он вел от своего каменного бортика тонкую извилистую лестницу, которая стекала в маленький сад, полный гигантских цветов.

Я заметил нечто, напоминающее розу, но с непомерным алым бутоном, поданным в густой совокупности с множеством зеленых листочков, точно облитых белой краской. Кое-где тянули хищные лапки веточек розовые беззаботные цветочки, что распускались гирляндами с небольшим промежутком между непосредственно цветами, чьи тонкие длинные нити стволов щерились во все стороны редкими колючками. Размашистые тела низкорослых папоротниковых придавали пышную праздничность саду, здесь же целыми сплетениями подхватывали под руки вездесущие лианы. Большинство цветов раздулось величиной с мою голову, я с опаской

тарашился в их прекрасные лица, отыскивая идеальные пропорции и геометрическое совершенство.

В какой-то момент мне почудилась собственная малость, сродни той, что донимала Алису в Стране чудес.

Неожиданно один из розовых цветков оторвался и закружился в воздухе, игнорируя полнейший штиль, стусившийся в ослепительной утренней жаре. Машинально я попытался его изловить, но руки поймали воздух, а бутон издевательски замер перед самым носом, словно предлагая повторить попытку. Раздраженно я опять резво дернул ладонью, но пальцы опять ничего не поймали, а цветок под воздействием колебаний легко пустился за низкую каменную ограду.

Мне показалось обязательным пойти за ним, что я и сделал, перескочив через забор в один прыжок и последовав за странным летающим растением.

Цветок летел очень плавно, поэтому, как бы медленно я ни шел, отстать не мог. По пути он стал, по-прежнему не торопясь, облетать, уменьшаясь в размерах. Он таял в полете, но в пыль не обратился, а по-хозяйски влетел в самый темный бар, который выискался в жилом переулке.

Темнота тут шевелилась и выглядела не местной, а цветок со всего своего нескорого размаху присел на коктейль некоего господина, что сидел на барном стуле спиной к отсутствующей

стене. Из-за края его панамы высовывался квадрат телевизора, чуть дальше замер в духоте очень смуглый бармен. По углам в баре пылились будто неживые фигуры, рядом с которыми высились разнообразные стаканы и бутылки.

Человек в панаме словно ожидал цветок и одновременно с его приземлением солидно уменьшил свой коктейль, капая на себя испариной стакана.

Я удивленно замер за спиной, одетой в бывалую рубашку и родственного вида белые штаны из легкой ткани. Персонаж отставил стакан, пальцы его приподнялись над стойкой бара и, вооруженные хищными ногтями, забарабанили по тиковой столешнице механический и острый мотив.

Я узнал музыку:

— Ты...

— Я, — ответила спина, еще немного поиграв на невидимом пианино.

“...ты ожидал увидеть кого угодно, но не меня...”

— У тебя ноги?.. — воскликнул я, когда человек крутанулся на стуле и оказался ко мне лицом; в его руку впорхнул бокал.

— Да, — словно забыв об этом, констатировал Нокк. — Да... А ты, как вижу, все не знаешь пока?

— В последнее время я часто встречаю знакомых в ролях, которые никогда им не придумал бы. — Глаза мои с сомнением сузились. — Это

ни при каких обстоятельствах не может быть совпадением. Не пояснишь?

“...в чем соль этого массового театра, в чем боль этой заковыристой режиссуры?..”

— Один человек, который тебя знает, помог тебе скрыться, а другой человек, который тебя знает, помог тебя найти... — с умным видом заявил старик, выливая остаток коктейля в свою бороду, за которой притаился алчный рот.

— Ты меня знаешь? — ухмыльнулся я. — Мы виделись раз, наш диалог длился полчаса.

— Я не имею в виду себя, — засмеялся Нокк. — Я здесь с другой целью. Как только малышку Боль чуть прижали, она с виноватым видом общилась, где тебя поискать. Ей всегда такое сходит с рук, она очень давно при Кваазене. Он по-своему любит ее, хотя когда-нибудь и она может перегнуть палку.

“...тоже по-своему...”

— Она и не знала...

— Знала направление...

— У нее неприятности?

— Нет, ненастье миновало. — Нокк поднял руку, спящий бармен проснулся и вложил ему в ладонь новый коктейль раздражительно кислой окраски. — Я задал бы другой вопрос: о людях ли мы говорим, когда говорим о людях?

— Не понимаю тебя, как, впрочем, и всегда. — Я занял стул рядом, а бармен, не спросив, соорудил мне коктейль вчерашнего цвета. — Кого, кроме людей, я вижу вокруг себя?

“...и кроме бесов, если можно их так называть...”

— Можно, — разрешил старик, вперяясь в меня мутноватым взглядом. — Они — да, ты — да, но мы — и Боль, и Тень, и Ур, и Ит, неужели так сильно напоминаем тебе людей?

— Боль... — повторил я, и по телу моему разлилось тепло. — Боль — да...

— Иногда — да, но не всегда, — опять уклонился в болото непонятного Нокк. — Часто никого нет, есть только ты, отказывающийся воспринимать все, как должно быть, поэтому твой мозг пытается достучаться до тебя веером вроде бы цветных персонажей... Но каждый из них — это твоя атрофированная эмоция, что пытается пробудить тебя ото сна...

“...обреченно стучит тебе в темечко...”

— И ты? — Такой неожиданный поворот смутил меня. — Но ведь это же... бред...

— Бред, — согласился Нокк, заколыхав бородой и выпивая в один глоток солидный коктейль. — Но что хранится в человеческих головах, как не он? Масса бреда... Всякая... И формы у него всякие, сынок... — В баре стало будто еще темнее.

— Ты говорил о своей задаче, что ты имел в виду?

— Мне нужно вернуть тебя назад, — флегматично сообщил старик. — Отбить тебя у твоих эмоций, которые пытаются сопротивляться. Я должен тебе все объяснить, я — лицо беспристрастное. Кто, если не я?

— А ноги?

— В награду за работу с тобой...

“...но я рад повидаться...”

— Что за работа?

— После нашего диалога рано или поздно ты придешь к тому, что я аккуратно вложу в твою голову как программу. Ты будешь бежать против ветра еще, может, не один месяц, но потом смиришься и придешь с опущенной головой. С виноватым видом, как малышка Боль...

— Ты с ними, значит?

— Нет, ты с нами, — вздохнул старик, продолжая опорожнять бокалы. — И мне нужно довести это до твоего разума. Провести нужную мысль скрытой тропой сквозь лес психофильтров, из которых самые рьяные — Ур и Ит. За это мне вернули ноги, отнятые давно, когда я попытался осуществить первый побег со своим изобретением, которое работает теперь против меня...

— Кибербабка? — вспомнил я.

“...сдается мне, что этот мир переполнен разными кибербабками...”

— Да, — качнул головой Нокк. — Глянь туда...

Я проследил за его взглядом и увидел, что в соседнем баре через символическую дорогу не притрагивается к высокому бокалу пива очередная киберстаруха, закутанная в тряпицы местных расцветок. Она смотрела куда-то в сторону, отличалась смуглостью, но несомненно — это была она.

— Они следят за мной, — прокомментировал Нокк. — Забавно, как они быстро тебя нашли?

“...будто ехали за тобой следом...”

— Как у них это выходит?

— Ты удивился, да? Это первый твой побег, он прост, как жизнь. Ты поедешь в то место, о котором всегда думал и которое всегда видел в голове, даже говорил о нем не раз, но ты об этом не помнишь. И с наивным лицом едешь, полагая, что тебя не найдут. В следующий раз им будет сложнее тебя вычислить, твой выбор будет уже не так явен, и им придется задействовать всех своих агентов, приложить все свои силы. Третий раз будет еще сложнее... Но так или иначе, они обнаружат тебя или ты придешь к ним, опять забыв, что там уже с ними встречался...

— Как всегда — путаница, Нокк, — поморщился я. — Было бы лучше, если бы ты говорил меньше и проще, я вязну в твоих рассказах...

“...ты вязкий, как болото, а речи твои — топь...”

— Ты не слушаешь и не хочешь понять. А осознаешь ли ты, что предметный мир, каким ты его видишь, не таков? Все предметы, с твоей точки зрения, имеющие определенную форму, таковы потому, что твой разум расшифровывает их код таким образом. И Боль, и Ит, и Ур — лишь набор психических символов.

— Не выйдет, — покачал я головой. — Ты не заставишь меня поверить в эту шизофрению...

— Предметы человеческого труда таковы и одинаковы для любого из людей потому, что у всего человечества, за редкими исключениями, дешифратор реальности настроен одинаково. Но в другом восприятии эти предметы будут иметь иной вид, иную форму, даже цвет. Это касается и людей. Люди и себя видят особым образом. Для существа с другой планеты вы выглядите так, как сами представляете существ с другой планеты. Глядя на себя в зеркало, ты видишь лишь картинку, которую расшифровал для тебя твой мозг, но это не означает, что она истинна. В реальности человек еще то чудовище, имей ты иной угол зрения: бег твой от зеркальных предметов превратился бы в вечность. А самое интересное в этом, что она-то видит, каков ты на самом деле... И при этом любит тебя, чудовище! — В этом месте Нокк дико захохотал. — Ты понимаешь, о ком я?

“...вот куда ты клонишь, старый бес...”

— Я желаю счастья ей в поиске меня в других людях, — осклабился я в мстительной гримасе.

— И сам будешь заниматься тем же? — заглянул мне в угол глаза старик.

“...признай...”

— Едва ли, — покачал я головой. — Слишком много отрицательного намешано в коктейле под названием “Она”, потому я буду теряться в различии черт и разности новых социотипов. Для нее же пусть будет это приговором...

“...я должен разбавить воспоминания под грифом “она”...”

— Она слишком сильна, чтобы заниматься подобными глупостями, — усмехнулся Нокк. — А ты слишком слаб и невольно посвятишь свою короткую жизнь поиску ее в каше типажей. И, если будет нужно, убедишь себя в обратном и не вспомнишь, кого напоминает тебе очередная избранница...

Мне захотелось его ударить. Все это я слышал и видел под разными соусами. Мой воспаленный взгляд взлетел к его бородатой физиономии, а пальцы цепко ухватились за нее.

Оказалось, это не борода, в руке моей было зажато влажное полотенце, а сам я только что отодрался от него лбом. Тело покоилось в размашистой горизонтали, слева лежала загорелая туша Ита, что забалдевшим взглядом следил за мной, а справа будто бы спал размороженный Ур.

— Приснилось что? — участливо осведомился толстяк. На его спине сидела миниатюрная инопланетянка, сильными ладонями наминая его тучность, точная ее копия босыми ногами охаживала Ура, не менее крепкие пальцы гоняли тепло по моему телу.

— Где мы?.. — спросил я, одновременно сообщая ответ.

Где-то рядом плескалась вода, тиковые циновки чуть приподнимали нас над полом, остро пахло цветами. Было очаровательно тепло.

— На массаже... — заглянув себе за плечо подтвердил подозрения Ит. — Второй час как, и спим по очереди.

— Эмоции на массаже... — брякнул я. — Мы у психиатра?

— Не понял... — Ит нахмурился. — Не видишь, где мы?

— Вижу, но в последнее время многое из того, что я видел, было срежиссировано или просто быть не могло... — Сильные пальцы тем не менее убеждали меня, что все это явно, но и диалог с Нокком проигрывался в моей голове с достоверной точностью.

“...кто пишет эти бредовые диалоги?..”

— Поздновато сообразил, — усмехнулся Ит. — Сейчас уже лучше об этом не думать. Бежать от этих мыслей надо было в самом начале, когда ты начал понимать, кто эта бестия. Теперь тебе нужно преодолеть эти мысли, убежать не получится. Моя задача — помочь тебе в этом.

— В последнее время вокруг много людей, у которых определенные задачи относительно меня, — продолжал я запальчиво. — Самые разные! А может, нам с ней нужно разобраться самим? Ведь это личное, и никто в личном не поможет, кроме самих участников процесса...

— Только сам! — неожиданно согласился Ит. — Только ты! Именно этим ты сейчас и занят: ты должен забыть ее голос, запах, цвет волос, внешность, тело, все!..

“...будто спрашиваю сам и сам даю ответ...”

— Я не видел ее кучу времени... — ответил я. — Наверное, полгода, но я отчетливо помню каждую ее черту, словно она сама вкладыва-

ет в мою голову снимок себя в момент, когда я о ней вспоминаю... — Ловкие руки взяли за мою макушку.

Ит усмехнулся:

— Скажу тебе честно. Ты забавляешь меня, да и вообще все люди забавляют меня. А ведь все, что в тебе есть живого и что есть ты или она, — это серая кашка в твоей или ее черепушке. Остальное — гидрокостюм. Комбинезон, который помогает выжить в условиях этой планеты. Адаптированная биосистема. Вы посвящаете ей массу времени, времени, идущего не на сохранение здоровья, а всего лишь на демонстрацию. Чертова бессмыслица — два влюбленных мозга пытаются достучаться друг до друга с помощью собственных тел, — не прерываясь, он глубоко затынулся невесть откуда взявшейся сигарой. — То, что в твоей голове, — это обычный марсианин, который когда-то прижился здесь, надел чехол и бесконечно живет. Но забывает, что было сто лет назад, он без конца перерождается. И вас таких шесть миллиардов. То, что ты помнишь, только оболочка, и забыть — самое простое. Сложнее забыть обаяние той самой серой кашки, так как это ее гипноз и ее паутина...

— Я могу его научить, — подал голос Ур, бесцеремонно втискиваясь в диалог. — Все еще прощ: нет серой кашки. Это всего лишь компьютер, который обрабатывает команды биокостюма. Ни больше ни меньше. — Он выразительно посмотрел на Ита, а потом на меня. — Он слуша-

ет желудок и, когда тот хочет есть, дает команду искать пищу и есть. Он улавливает опасность и дает команду бежать... И миллион прочих команд. В тебе есть и кое-что другое: твоя энергия, ее часто называют душой, которая невидима, неуловима, не имеет соразмерного эквивалента и представляет невообразимую ценность. Энергия может искать родственный источник вовне. Но в нашем случае это тупик.

“...эта энергия — и есть ты...”

— Почему? Может, я тянусь к ней душой. Противоположности притягиваются...

— У той особи, которую мы с тобой сейчас обсуждаем, души нет... — помятое лицо Ура тоже забавлялось сигарой.

— Мне кажется, для него слишком сложно — так, сразу, — недовольно покачал головой Ит. — Надо было сперва про кашку, потом, когда он это понял бы и освоил, — про душу... — Сигары толстяков жутко воняли.

— Он — умный мальчик, — уверенно заявил Ур, пуская кольца. — И у него не так много времени... И ответ на вопрос, который ты давно ищешь. Ты можешь сформулировать этот вопрос?

— Какой? — потерялся я. — О чем мы вообще?

— Зачем? Почему? Ради чего? Версий много, а смысл один... — подал голос Ит.

— И каков же ответ? — упавшим голосом спросил я.

— Все ради той самой энергии, — печально продекламировал Ур. — Тем, у кого ее нет, она

очень нужна. Ей достаточно просто питаться тобой, откусывать от тебя куски, ее отцу энергия нужна вне тебя, без тебя. Так или иначе... А когда она говорит тебе, что ей нужен ты, она не лжет. Ты действительно нужен ей, но не в твоём примитивном понимании, когда ты воображаешь, что она любит твоё тело или твой разум. Ей нужен истинный ты, тот самый невидимый ступок энергии...

“...весь ты — до щепотки...”

— Я не верю...

— Посмотри на свою грудь, — посоветовал Ур. — Ты уже кое-что выцарапал оттуда с её помощью, то, за чем постепенно улетит твоя энергия. Ты уже отдал дом своей души, осталось совсем немного — и биокостюм твой опустеет.

— Я умру? — Пальцы массажистки стали невыносимо холодными.

— Нет, но ценности представлять ты не будешь. Ты станешь просто телом, — с леденящим спокойствием пояснил Ит. — В тот момент они оставят тебя в смысле своего внимания, а ты будешь делать какие-нибудь абсолютно тупые задачи для Кваазена и его свиты.

— Кто вы такие? — Я повысил голос и остро заглянул в глаза толстяка.

— Мы те, кто помогает тебе сопротивляться. — В них было темно и непонятно.

— Вы — не люди? — убежденно спросил я, вертя головой от одного к другому.

“...это факт...”

— Это имеет значение? — в затылок переспросил Ур.

— Я должен знать... — Пальцы принялись причинять мне боль.

— Ты скоро узнаешь, сейчас эта информация может все испортить, — сказал Ит после небольшой паузы. — Потерпи. Скоро все станет на свои места, и ты ответишь на все свои вопросы. На часть ответим мы, на часть даст ответы она, часть поймешь сам. А пока — помни то, что ты и так понял и сказал. Только сам и только ты. Это дело более личное, чем ты мог представить. Речь идет о твоей душе...

— Они делают это постоянно? — Лица толстяков сочились инфантилизмом, казалось, они говорили о бытовых вещах.

— Нет, — покачал головой Ур.

— Да, — убежденно заявил Ит.

— В том смысле, что обычно этим занимаются Боль и Геквакен, еще куча народу, — пояснил Ур. — Дочь и отец — редко, только если энергия особо ценная. Что за ценность в тебе, мы не знаем, потому что не знаешь ты сам.

— Вы знаете то, что знаю я? — прищурил я глаза.

— Да. Хотя мы наблюдаем тебя со стороны. — Ит дымил сигарой так, что его лицо полностью скрылось за сизым облаком. — Но ты часто не можешь правильно оценивать происходящее, так как находишься в центре его, в самом пекле, а нам, как говорится, со стороны виднее...

— Это похоже вот на что: ты не слышишь свой голос правильно, — подал голос Ур. — На самом деле он звучит иначе... Ну, ты знаешь... Внешний источник фиксации может удивить тебя, транслируя тебе самого себя. — Он засмеялся и закашлялся сигарой.

“...сталкиваясь с самим собой даже в зеркале, мы всегда удивлены...”

— Значит, вы...

— Позже, все — позже, — строго оборвал меня Ит. — Не смей сейчас и думать об этом...

— О чем же думать?

— О солнце, о небе, о множестве женщин, об океане, о том, как велик мир и как мало ты его знаешь. Ищи отвлечение...

— Вы говорили, у меня мало времени... — вспомнил я.

— Да. Но пока ты не готов, твое возвращение бессмысленно, — казалось, Ит твердо знает то, о чем говорит. — Все равно что просто сдаться. Отвлекись — и в конце концов победишь.

“...и победа порой прячется в непредсказуемых местах...”

— Вы подскажите мне, когда?

— Нет, поймешь сам... — проявился Ур.

— К чему эти сигары?

— Хороший вопрос, — засмеялся Ит. — Во-первых, это очень важный диалог, потому они весьма к месту в человеческом ключе.

— Во-вторых, это не простые сигары, — продолжил Ур. — Мы не уверены, что нас не подслу-

шивают, а лишнюю информацию врагам лучше не давать.

— Дым отгоняет джиннов, — заключил Ит. — Наш диалог минует их гигантские уши, что не менее важно, чем твое незнание сейчас. Пони-маешь?

“...или повторим все?..”

— В общих чертах... — признался я.

В тот момент толстяки крепко и глубоко за-тянулись вонючими сигарами, затем повернули головы в мою сторону и густо выдохнули мне в лицо и затылок.

Веки мгновенно отяжелели, голова начала генерировать сон, пропадая в котором я услышал:

— Необходимо стереть даже следы этих мыслей...

И разум мой застлала чернильная тьма.

Смерть ДД

На следующий день я проснулся в другой комнате, под самым чердаком местного жилища — без толстяков, хотя в окружении трех женщин. По всей видимости, я уснул недавно, так как голова моя все еще трещала и соображала обрывками, а тело управлялось само по себе. Оно с трудом сумело устоять на ногах, оставив горящую живым огнем макушку валяться на циновке, после чего неустойчиво, но упрямо затрусило в сторону мирно спящих инопланетянок. Похоже, и в их разумы сон проник недавно, так как на мои попытки общения реакции не последовало.

Я сокрушенно вернулся к своей голове, поднял ее с циновки и по деревянной лестнице покинул жилище, отдавшись под тяжеловесный гнет солнца.

Оформился яростный день, который показался сокрушительным для моего похмельного мозга, что отказывался держаться на дрожащих плечах.

Поспешно я забрался в один из первых баров, что встретились по дороге. Один коктейль все тех же цветов — и силы прибыли, я более храбро вышел опять под созидательное око низко-висящего светила.

Я помнил вчерашний диалог, созрели свежие вопросы, и я искал моих спутников, дабы отяжелить их мозги, но каждый последующий бар лишь добавлял очередной коктейль внутрь меня.

Путь мой оказался продолжителен. Чем более я терял равновесие, тем больше женщин пересекало этот путь. Они широко улыбались, и их улыбки еще долго бежали за мной, покусывая за икры. Хотелось вернуться и забыть о происходящем в канве моего существования. В очередной раз оказаться вне времени.

Но я не знал, насколько могу доверять моим новым друзьям, их разговоры об отсутствии времени и отсутствии готовности противоречили друг другу и очень напоминали привычные диалоги прочей странной публики с их логическими тупиками. Потому голову полнили образы ежеминутно покидающей меня души, неровным шагом я брел по солнечным улицам, чувствуя, как что-то теплое струится из и за меня.

Барам уже не было точного числа, но мои спутники не появлялись.

Солнце начало клониться книзу, и я осел в одном из питейных заведений с местной жительницей, диалог с которой состоял из соприкосновений бокалов.

Это движение запомнилось частотой, ничего другого не запомнилось, так что было совсем не удивительно проснуться на следующий день на пляже от утомительных солнечных ласк. Утро только наметилось. Пробуждение, шум океана, лежаки вокруг, ошетилившиеся поперечными досками, оказались неожиданны и ни с чем не связаны в памяти. Я невольно опешил, обнаружив все это.

С трудом на ум пришла молчаливая спутница из вчера, я пошарил руками по карманам, но они пустовали. Вспомнить, были ли деньги и было ли их достаточно, чтобы пить, есть, общаться с женщиной и остаткам быть украденными, я не смог, потому отнесся к данности спокойно, разумно предполагая, что они могли закончиться в первом звене цепочки.

Льняные штаны мои засалились, пестрая майка расцвела пятнами, я потерял сланцы, а руки мои дрожали. Тем не менее я чувствовал себя сносно, солнце дружелюбно пекло мою макушку, а океан дурашливо бросался на берег, чтобы тут же отпрянуть.

Длинноногие пальмы вдруг одарили тяжелым кокосом, он рухнул мне под ноги в ту секунду, когда я почувствовал голод и жажду. Настроение приподнялось. Но все оказалось сложнее: я разбил в кровь обе руки, прежде чем острым камнем сумел сокрушить орех и добраться до молока и кокосовой стружки. Я напился и наелся этой экзотикой на полжизни вперед.

В тот момент задачи мои предстали в весьма туманном виде. Самое умное, что пришло мне в голову, — скинуть одежду, постирать ее и повесить на пальме сушиться. Потом я окунулся в океан и барахтался там до тех пор, пока все намеки на похмелье не вымылись из моей головы.

Уставшее тело накренилось и с размаху вонзилось в песок, я с наслаждением забылся на белых крупинках, облитых светом.

На пляже начали появляться люди, медлительные парочки таких же пришельцев, как я. Они отважно брели по раскаленному песку, отыскивая свое место под солнцем.

— Вы не устали? — спросил я наконец в никуда. — Я вам говорю, толстяки...

Минуту ничего не происходило, потом в прибрежных волнах материализовалась вначале одна голова, затем вторая, обе выглядели смущенными и недоуменно переглядывались.

— Как ты узнал? — спросил Ит, загоревший дотла и напоминавший местных жителей.

— Я слышал ваш хохот, еще когда разбивал кокос, — усмехнулся я. — Подумал, что показалось, потом вспомнил, что нет ничего вероятнее того, что кажется.

Мои спутники синхронно покинули воду, на ходу закуривая сигары.

— Скажи, что это пошло тебе на пользу, — улыбался Ур, подозрительно сухой до оранжевых трусов.

— Определенно, — осклабился я. — Вначале я подумал, что вы решили так вылечить меня от

дурных мыслей. Утопить в отвлечении. Потом я решил, что вряд ли. Ведь свинья найдет грязь где угодно...

— В твоем случае чуть иначе. — Ит плюхнулся справа от меня, будучи в алых плавках и замет-но поправившийся. — Грязь всегда и где угодно найдет свинью.

— Отлично сказано, — подтвердил Ур, падая слева и вручая мне сигару. — Точная метафора!

— Я устал от этого места, — заявил я. — Тем более все уже знают, что я здесь...

— Очень вовремя, — подхватил Ур. — Пора путать следы...

— Курите, — мрачновато посоветовал Ит. — Ибо сумерки сгущаются...

Я посмотрел в небо, но солнце висело высоко. Вопросительность набухла в моем взгляде, но серьезные лица моих помощников дали понять, что светило ни при чем. Мы помолчали немного, старательно набирая в рот дым и выплескивая его в жизнь, толстяки поминутно косились по сторонам и вертели головами, а я чувствовал себя спокойно.

— Куда двинем? — полушепотом спросил Ит. Они сосредоточились на моем лице.

— На другую планету, — сказал я, мгновение подумав. — Туда, где нет автомобилей, где жизнь растет из воды, но где безопасно. — Я кашлянул и добавил их недоуменным взглядам: — Должно же быть такое место?

Толстяки переглянулись.

— Задачака... — протянул Ур.

— Почему же? — Ит изменился в лице. — Сразу, конечно, не сообразишь, но поискать можно. Должно быть, на Земле такое место...

— Возможно, это отражение они еще не видели в его голове... — будто для себя сказал Ур и перешел на шепот: — На время это может быть решением. Пора уходить. — Он поднялся на ноги, расставаясь с тяжелыми сигарными шлейфами, за ним прытко вскочил Ит: — Бежим!

Оба оказались без сигар, с которыми теперь медленно и томно управлялись двое чуть более прозрачных двойников. Машинально и я распрямил колени, сигара перестала быть осязаемой и при громоздком моем удивлении осталась в руке кого-то, поразительно похожего на меня.

— Что происходит? — выдавил я, таращась во все глаза.

— Тише! — зашикали толстяки и рысцой метнулись вдоль берега, я припустил за ними, пытаюсь не отстать, что получалось с трудом.

Мои спутники неслись вперед так быстро, что мне стало понятно выражение “сломя голову”. Они не оглядывались, хотя элемент истерики в нашем беге имелся.

Это продолжалось долго и, если учесть местный климат, было еще тем испытанием. Вода ручьями покидала три тела, стремглав меняющих координаты присутствия на собственных жизненных картах, а пляж одел сумасшедшие ноги в высокие песочные носки.

Ур рухнул и прочесал несколько метров на собственном животе.

Он бежал первый, потому, поднявшись, вернулся к нам, полоснув безумным взглядом по красным лицам, и возопил:

— В воду, иначе догонят! — И с шумом ворвался в бескрайнее тело океана.

Сегодня он пребывал в задорном настроении, он шумно играл мышцами волн, с наслаждением разбивая их о плоский берег. Прыткому Уру удалось ловко проскочить меж жидкими кручами и через мгновение скрыться под водой по самую макушку, а меня с Итом веселый старик поймал перед самым вхождением и, громко хохоча, размазал о песок.

— Куда он? — задумался я, выгребая из волос и плавок землю.

— Пойдем водой, — ответил Ит, выглядевший слегка контуженным.

— Это безумие! — округлил я глаза. — Мы утонем...

— Постараемся не утонуть, — пожал плечами толстяк и пополз к воде. — В любом случае добраться до места, растущего из воды, можно только по воде. — Он нырнул в низовье волны, обманув старика, что планировал вновь вышвырнуть его.

Я последовал за ними, старательно подныривая под волны, чтобы не оказаться на берегу. Вскоре мое туловище вместе с головой обмякло в океане, тогда синяя поверхность надумала заменить собой небо.

Два расплывчатых тела плавно прыгали по дну, высоко подлетая над полем цветных водорослей, оглядываясь на меня и махая руками. Я повторил их опыт. Дыхание не исчезло, оно стало только медленнее и глубже. С удивлением я, точно в невесомости, совершил пространственный прыжок, начиная постигать систему управления телом в жидких условиях.

Граница нового неба начала удаляться, свет стал бледнеть, а вслед за этим — темнеть. Я спешил, ведь толстяки двигались поразительно шустро, меня пугала мысль потеряться в странном мире.

Мимо с любопытством сновали местные жители самых иноземных наружностей, но опасаться их у меня уже не было времени.

Я догнал Ита и Ура возле старой доброй “Волги”, что обнаружилась в джунглях теперь гигантских водорослей и не выглядела работоспособной. С трудом мы сумели распахнуть дверцы, старательно подоткнутые песком и обжитые улитками. Толстяки суетились и выглядели напуганными.

Пуская длинные серии пузырьков, мы уселись, Ур начал пробовать заводить автомобиль. Тот, понятно, долго не реагировал. Потом проснулся и зарычал. Я потряс головой, короткой паузы было достаточно, чтобы осмыслить бредовость происходящего.

“...такого не может быть...” — выдохнул я.

Но тут вода ожила и наполнила собой мой рот и легкие. Я широко распахнул глаза и заметался, пытаясь что-либо предпринять...

И очнулся в темноте, на кровати. Перед глазами еще мгновение мерцали жирные затылки моих спутников, не замечающих, что мне нужна помощь.

Это напоминало банальный гостиничный номер, глаза быстро привыкли к темноте, и я разобрал вполне европейское окружение предметов в пространстве. Босые ноги спрыгнули на холодный пол, шлепая по которому я добрался до окна, спрятанного в шторы.

За стеклом царствовала ночь, впереди я разглядел мистический блеск воды, глянув вниз, увидел краешек булыжной мостовой, подсвеченной фонарным столбом готического вида. Луна пряталась в тучные абстракции, однако позволяя понять, что граница водного мира и мира земли простирается очень далеко. Я распахнул окно, выискивая взглядом новые детали.

Воздух лился свежестью, ночь дышала уютной прохладой. Стало понятно, что я — в другом конце осязаемой реальности. В угол глаза забралась неторопливая изогнутая деревянная конструкция, что лениво покачивалась на речных морщинах чуть левее. Справа слегка выступал вперед булыжный мостик, который рос над каналом и упирался в арку, соединяющую два высоких дома бледно-оранжевого и хмуρο-зеленого оттенка.

На подоконнике лежала пачка сигарет, я забрался в нее, но она оказалась пустой. Разочарованный, я вернулся в кровать, пытаюсь постичь,

что из всего произошедшего в последнее время было сном, а что — былью.

Многие моменты выглядели слишком явными в моей памяти. Почти сразу же при постановке вопросов “Было?” “Не было?” я ощутил серию дежавю, убедивших меня в несомненной реалистичности недавних приключений в мире белого песка, плотоядного солнца и бездонного неба. Я посмотрел на свои руки, их смуглость не позволяла усомниться.

Во вторую ночь в месте, растущем из воды, мне приснился странный сон. Будто я выпал из окна, очень медленно спланировал вниз и с хрустом остановился, кляксой разметавшись по суровому лику асфальта. В момент, когда все вокруг стемнело, живыми остались лишь уверенность, что я умер, и только мысль, даже воспоминание, что самоубийцы не попадают ни в одну из отведенных на “после жизни” точек, зависла в некоем нигде.

“...чистище...” — пришло на ум зловещее слово. Под его аккомпанемент, эхом мечущийся по остаточному явлению моего разума, темнота разверзлась, ее сменил насыщенный, идеально белый свет. Он был структурирован почти пунктирными линиями и углами, совместно образующими пространственный прямоугольник, в котором я и помещался.

Я завертел головой, пытаясь выглядеть альтернативу, но после нескольких минут метаний обнаружил в одном из углов узкое, высокое, дутое черное кресло.

Мгновение — и совершенно незаметно в нем материализовалась Боль во всей своей красоте и наготе:

— Здравствуй, малыш, — томно продекламировала она, пытливо гоняя по моему лицу признаки удивления.

— Привет, — ответил я спустя короткую паузу. — Я опять у тебя в гостях?

Меня снова посетило дежавю, я припомнил начало сна, припомнил свои отчаянные шаги с холодного камня подоконника в законное никуда, падение, удар, электростанция, “кевин кваазен”, затем белый свет. Определенно я видел Боль чаще, чем помнил об этом.

— Нет, — с добрым выражением лица сказала она и тут же убила его хищной улыбкой. — Теперь ты дома, дорогой.

— В смысле? — И я увидел себя со стороны, в глазах моих грезилось прозрение.

— В гостях ты был тогда, мой мальчик, — потянулась Боль и положила ногу на ногу. — И еще тогда... А теперь ты дома, как я и хотела... со мной... навсегда... в многочисленной армии моих вечных поклонников.

— Но я не хочу... — Я начал пятиться, не сдвигаясь с места.

— Теперь это не имеет значения. — Боль улыбнулась торжествующей улыбкой. — Ты наконец сделал то, что сделал. И теперь поступаешь в мое вечное пользование. Я предупреждала тебя. Я пыталась открыть тебе глаза, но ты

слишком упрям и предпочел оставить их закрытыми.

— Так ты... так это... — заметался я, начиная забывать слова, обозначающие то, что было уже понятно во всю доступную ширь моей души.

— Все именно так, — сладко кивнула моя прекрасная тюремщица. — Ты все правильно понял, только поздно.

— И ничего нельзя сделать?

— Теперь — нет, ты сам поставил жирную точку. Собой.

— Я...

— Ты, дорогой. Маленькая сучка долго боролась за тебя, но и она устала от твоего упрямства. И отдала тебя мне.

— ...

— Не правда, ли забавно, как поздно приходит порой понимание? В этом, наверное, — каверзнейшая каверза жизни, что как постфактум приходит к нам через прозрение.

— Это лучшая из версий ада, — сказал я, вглядываясь в совершенное лицо Боли.

— Это не ад, мой мальчик, для тебя, а для меня это просто лучшая версия.

— Мне было хорошо с тобой. — Я начал свою игру.

— Теперь так хорошо не будет... — По лицу Боли замечалось, что она все прекрасно понимает и не собирается играть со мной ни в какие игры.

— Почему?

— Тогда ты не принадлежал мне, теперь ты — моя собственность. Ты знаешь по опыту — нельзя становиться собственностью женщины, из этого получается лишь безумие. Мы не знаем, что делать с властью, потому ею злоупотребляем.

— Исполни единственное мое желание, — попросил я, неожиданно перебив ее.

— Нет. Отныне ты исполняешь мои желания, — с холодным взглядом не согласилась самая красивая женщина между землей и небом.

— Только одно... последнее... Я ведь имею право на последнее желание?

— Вообще-то нет, но — так и быть — я слушаю тебя.

— Покажи мне другие места, тут я уже был.

— Для тебя это запрещено, милый. — По ее высокой груди шустро бегал некогда мой мизинец, вставленный в витую оправу и прикованный тонкой цепью к ее шее.

— Да, но я хочу только взглянуть, несколько секунд. Раз я не могу попасть туда, пусть хотя бы увижу, что там... одним глазом... Прошу тебя!

— Там нет ничего интересного.

— Позволь мне судить об этом.

— Ты был там сто раз, дурачок!

— Я бы запомнил.

— Поверь мне...

— Покажи...

Неожиданно я оказался в темноте, пронизанной мириадами кровавых клякс и точно живых пучков света. Окружающие плоскости пучились

диковинными углами и выступами, зловещие шипы проступали тут и там. Истерия электронного абсолюта, как обычно, снимала столь дорогую пенку с великого множества безумных пришельцев, вьющихся в судорогах ритуальных плясок и ничего не замечающих.

Высилось очень много зеркал, как и ранее, в безумной скорости вращался золотой диск, периодически расплескивая режущие глаз оттенки алого и желтого.

Кто-то сатанически хохотал совсем рядом, но, как я ни пытался, разглядеть демонического весельчака не удавалось.

Оформилась яркая вспышка, и я вновь вернулся в белую комнату пред волшебные очи моей новой хозяйки.

— Это — ад? — недоверчиво переспросил я ее.

— Да, милый. Воплоти мысленно это в вечность, и вопросов у тебя не останется. Вечная работа на силы зла, производство без сна и отдыха энергии для пользования темными силами. Это ли не ад, мой мальчик?

— Тогда рай, — попросил я.

— Этого я не могу, — покачала она великолепной головой, на которой забавы ради собирались, чтобы опять рассыпаться и опять воплотиться во что-либо, разнообразные прически. — Эта территория закрыта для меня, ты понимаешь...

— Ты можешь описать? Ты видела?

— Нет, и нет точного описания тех мест. Скорее всего ты сам формируешь то, что ждет тебя

там, и можешь в любой момент изменить действительность. Но никто не знает точно и никто не скажет наверняка.

Из глубины меня возникла и мгновенно вытянулась в полный рост сокрушительная боль, на высоких частотах и в невыносимой тональности. Она распахнула меня изнутри, будто ставни, я захлебнулся в пронзительном крике, который почему-то не прозвучал. Спустя минуту немого вопля я стек, точно сироп, к ее красивым ногам.

— Что это было? — просипел я, медленно обтекая ее стопы своим нынешним вязким началом.

— Как ты думаешь, дорогой, почему меня называют Болью? — услышал я в ответ, чувствуя, как где-то во мне появились слезы.

Я в который раз увидел себя точно со стороны. Мы уже находились не в углу, а в центре белой комнаты, из которой пропали пунктирные углы и линии. Мы висели в салфеточном нигде.

Хотя почему — мы?

Лишь невероятно красивая женщина столь изящной резки, что отсутствие одежды на ней смотрелось бескомпромиссно уместно, чья стать ювелирно была выложена в узком, но высоком дутом кресле, зачем-то установленном в пространной сиропной лужице отчетливо алого цвета.

На этом моменте я проснулся в клокочущей дрожи, которая швырнула меня с постели. Только когда я увидел себя в зеркале, потрогал холодный камень подоконника и рассмотрел умиротворяющую водную рябь, подсвеченную

ранним жизнерадостным солнцем, спокойствие пожелало вернуться в мой разум. Сон помнился поразительно отчетливо и до сих пор держался в моей памяти вплоть до мельчайших деталей.

Я умыл лицо холодной водой, маниакально почистил зубы, оделся в найденные в номере еще вчера джинсы, майку и солнечные очки.

В этих стенах оставаться не хотелось, я выбрался на ковровую дорожку в коридор. Оттуда я попал в зеркальный лифт и, таращась сам на себя, переместился в вестибюль маленькой гостиницы, где вместе с толстяками занимал три одинаковых номера.

Опять грезилось совсем раннее утро, и мои спутники скорее всего спали.

Вчера мы занимались освоением нового пространства, всем по вкусу пришелся покоящийся на водной глади город, в котором время, похоже, остановилось триста лет назад. Узкие лабиринтные улочки, протяженные и обжитые каналы, множество набережных, утыканных лодками, бульжное засилье, повсеместные арки и мостики погрузили нас в особую атмосферу, исполненную будто с помощью машины времени.

В городе без автотранспорта было относительно немного людей и много крылец и ступеней, спускающихся в воду. В изобилии имелись ресторанчики и бары, непременным атрибутом которых оказалась одна обязательная стена в виде библиотечного стеллажа. Вместо книг там высились и пестрели бутылочные емкости, со-

держашие в своей сути винные зелья, дарящие под стать великолепной кухне радужное настроение и ласковую негу. Стяжая ее во всех многочисленных проявлениях, мы допоздна гуляли по городу, ныряя то в один лабиринт улиц, то в другой, заливисто хохоча и гоняясь за эхом в очаровательной узости. Дышали смазанным влагой воздухом во всю возможную доступность груди, паковали в короткую память объекты старины и архитектуры, которым для полной антикварности не хватало паутинного засилья.

Я отвлекся в полном смысле этого глагола, прежняя жизнь пряталась на задворках моего подсознания, таясь там и ожидая своего часа.

Кивнув улыбчивой черноволосой девушке за гостиничной стойкой, я прошеествовал мимо, разглядывая старинные фрески, прочь — за стеклянную дверь. Она вывела меня на тонкий каменный пояс, осуществив изгиб по которому я попал на массивный мост формы полукруга, а оттуда — на набережную.

Солнце только набирало высоту, но вдоль воды уже сновали большеглазые парочки с фотоаппаратами. На бликующей глади замерли красивые лодки формы пьяного месяца, пилотируемые чернявыми юношами в полосатых толстовках и широкополых шляпах.

Ровные ряды цветных домов, утяжеленных лепниной и фрагментами иных оттенков, праздничным и витиеватым фоном проводили меня до непривычно просторной площади, впаивной

в великолепное соседство прекрасных зданий. Все это навевало ассоциацию с огромным тортом для торжественных случаев. Многочисленное голубиное сообщество освоило площадь, клокоча в мерном гуле и чертя кривые своих задач и целей. Они, ничего не опасаясь, облепляли хрупким дружелюбием любое щедрое тело, сыплющее хлебные крошки.

Недолго понаблюдав за этим, я зашел в бакалейную лавку, мостившуюся в торговых рядах тут же, где купил большую дизайнерскую булку. Через мгновение голубиная армия осторожно скрыла меня беспокойной массой от вязких, но уже слишком теплых домоганий реальности.

В третью ночь в новом месте мне приснился еще более странный сон. Я опять был в белом нигде, на территории Боли, но самой Боли не виделось.

Немного прогулявшись, не будучи уверенным, иду ли, я обнаружил отца Мануа, что с лицом, скроенным из меланхолии, глядел в пустоту. Он просиживал место на краю длинной лавочки, конца которой увидеть не получилось.

Я потряс его за плечо, обрадованный находкой, но отец не отреагировал. Взгляд его стал еще глубже, казалось, то, что видел он, в корне отличалось от того, что замечал я.

— Мануа? — позвал я его, дрожа пальцами перед лицом друга, но он, похоже, даже не дышал.

Позади меня раздались шаги. Владелец поступи будто намеренно позволил мне услышать

звук движения — шаги прозвучали точно вежливое покашливание.

— Пойдем, — сказал мне Кваазен, материализовавшийся подле меня. — Пусть этот мальчик посидит тут. Мы с тобой должны прогуляться.

Он распахнул окно, которое из ничего схематично начерталось перед нашими лицами. Почти сразу мы синхронно выпрыгнули из него, по кривой высоты двадцать первого этажа на одну из крыш задумавшихся пятиэтажек.

Я будто перестал управлять собой, ветер вдребезги разбился о мои губы и подбородок.

— Ты дьявол? — спросил я, захлебываясь агрессивным воздухом.

— Если называть этими шестью буквами то, что вы имеете в виду, когда произносите их, то да, — ответил он и захохотал, и я узнал этот жуткий смех. Так смеялись джинны, когда я дрался с ними в комнате Малевич, так смеялись джинны, когда я прыгнул из окна впервые.

— Поговорим о тебе, почти год не виделись, — произнес Кваазен, не давая мне задумываться. — Вот ты живешь, вроде ты по-прежнему есть, но где ты есть, как ты есть? Можешь объяснить? — Ноги несли это длинное тело с невиданной скоростью. — Я вижу тебя, но что отличает тебя от галлюцинации? — Мы на секунду вонзились в морщинистый кирпич старого дома, он подбросил нас, мгновение — и мы уже мчались по крыше следующего здания.

— Я, — сказал я, чувствуя, как холодные пальцы Кваазена сжимают мое плечо. — Я... Я — есть, я могу ущипнуть себя и посредством боли убедиться, что чувствую, а значит, существую, — попытался посложнее сформулировать я.

— Глупости. — Кваазен сморщился, пока скорость наша посекундно увеличивалась. — Вытяни руки в стороны, ладонями туда, куда бежишь. Чувствуешь сопротивление? Теперь сожми руку, будто пытаешься что-то взять. Чувствуешь плоть?

— Да, — неуверенно ответил я, сжимая руку так, как он сказал. — Я действительно что-то чувствую.

Плоть это была или нет, но в руках перекачивалось что-то мягкое, ласковое, однако набирающее силу с каждой секундой, параллельно нашей скорости.

В ноги к нам бросилось просторное здание завода.

— Это жизнь, сынок, — заявил Кваазен, начав сильными пальцами вырывать из картинку, служившей фоном, большие прозрачные куски, чтобы тут же уронить их. — Это плоть твоей жизни, ее тело, только сейчас ты можешь потрогать ее и убедиться, что ты есть. Понять, какая она на ощупь, потрогать, как женщину. Я открываю тебе великий секрет, жалкое подобие этого можешь попробовать, если разгонишь машину до скорости более ста и вытянешь руку в окно. — Он усмехнулся. Тело его начало размывать, зре-

ние с трудом улавливало подобное передвижение в пространстве. — Но это будет никчемная имитация. — Его глаза сверкнули перед моим лицом. — Разведи руки шире!.. — возопил он, и я послушно разбросал члены по сторонам. — Если бежать быстрее, твоя жизнь может раздавить тебя и оставить мокрое пятно...

Вспомнилась Сашка, торчащая из окна на высоте двадцати этажей.

Соппротивление реальности, сквозь которую мы неслись нечеловеческим галопом, становилось все сильнее. Ладони, судорожно щупающие стусившийся воздух, вплетались в вязкие потоки, которые остро ассоциировались с окружающим узлом действительности. Казалось, что за нашими спинами на теле жизни остаются глубокие царапины.

— Теперь ты знаешь, что ты есть, — хохотал Кваазен мне в ухо. — Ты щупал зад и грудь своей действительности. Теперь ты знаешь, где ты, каков твой космос. Теперь еще вопрос: кто ты? Не что, а кто? Какое твое четко сформулированное Я? Ответ не задумываясь. Ты кто? Кто ты тот, кто познал свою реальность? Как кусочек чего ты мчишься сквозь хаос и время?

— Я знаю, кто я, — зло огрызнулся я. — И ты знаешь. К чему риторика, Кваазен?

— Ни черта ты не знаешь, — фыркнул дьявол. — Ты — множество, тебя может быть много и есть много, а может быть еще больше. В зависимости от твоей формы меняется твое имя,

потому не нужно слишком умного лица, мой юный друг.

— Я... — еще тверже впился я в него взглядом. — Я — тот, кто не будет тебя слушать. Я тот, кто сделает все по-своему. Я тот, кто бросил твою дочь и не вернется к ней. Ищите себе другие души... Моя останется при мне.

— Самое смешное — что будь у тебя душа или нет, разницы ты не заметил бы, — убедительно ввернул Кваазен, вырываясь вперед.

— Твое второе имя — ложь. Как и у дочери твоей.

— Дурак, — отвернулся от меня отец демонической девочки. — Или идиот.

— Лучше быть дураком, чем стать дьяволом или его приспешником, — прошипел я.

— Дьяволом ты не стал бы... — с сомнением отозвался носитель сатанинского скипетра. — А генерал-дьяволом мог быть.

Кваазен не сказал больше ни слова, лицо его исказила глубокая зевота. Он посмотрел на меня, словно я говорил на непонятном ему языке. И растаял.

Очередная стена вздыбилась передо мной. Я отчетливо увидел подогнанный кирпич, алый, точно желе, к подозрительной прозрачности которого я с размаху бежал по воздуху. Стена, как приговор, неумолимо приблизилась. Я зажмурился, ожидая страшного удара...

Я открыл глаза, лежа в постели, где просыпался несколько дней подряд.

“...яблоко от яблони...”

Стремительно сомкнув глаза, я мысленно бросил в аляповатую темноту волновавший меня вопрос:

— Он придет в себя когда-нибудь?

Спустя короткую паузу обоим сухо прошелестели:

— Придет когда-нибудь...

Я убедился, что мне это не слышится, и спросил:

— Что нужно сделать для этого?

Спустя пучок мгновений массивные часы на телевизоре протикали:

— Ему необходимо увидеть другой конец лавки с того конца, на котором сидит он. Это нелегко, но возможно, по крайней мере ему удавалось видеть его раньше. В отличие от некоторых.

— Оставьте ваши словеса, — дерзнул я, потягиваясь и готовясь распахнуть глаза. — От них сводит зубы...

Скрип кровати поддразнил меня:

— Может, ты ему поможешь?

Вопрос застал меня врасплох, и, сбросив окулы с глаз, я тихо произнес:

— Как?

— Это нетрудно, — влажно шумела улица в угол форточки. — Тем более что друг с тобой пошел тогда, не задавая вопросов.

— А именно?

— Поласковее с девочкой моей себя вежи, щенок...

Разверзлась тишина.

“...о дальнейшем позаботится она...”

В четвертую ночь появилась Сашенька — в белой балетной пачке, в трогательных телесных балетках, почему-то при светлых волосах, уложенных назад и высоко изогнутых надо лбом, не менее крутом.

Она отслоилась от моей кровати, где я будто дремал, потому я не мог быть уверенным в ее неиллюзорности.

Мой вид не отражал эмоций, я хотел выглядеть выше их, зато в глубине меня клокотала взрывоопасная радость.

Сашка была другой, и дело не только в волосах. Нос из вздернутого превратился в отчетливо прямой и чуть уменьшился.

Она задорно смотрела на меня, старательно улыбаясь.

— Ты изменилась... — сказал я, дотронувшись до ее волос, чтобы еще раз убедиться в отсутствии обмана.

— Да... — подтвердила она, склонив голову.

— Зачем? — Я вглядывался в ее нос, даже придвинулся, стало любопытно — есть ли шрамы, пусть размером с волосок, но ничего подобного я не увидел.

— Захотелось. Чтобы стать другой. — Она немного подумала. — Чтобы стать иной, не той, которую ты знал. Может, тогда ты сможешь полюбить меня опять.

— Я и не разлюбил тебя вовсе, — светясь глазами, признался я, будучи удивительно добрым во сне. — Просто все получилось не так, как

должно было быть, и результат не помещался в выдавленную под него форму.

— Еще если бы я пришла сюда такой, какой была, сюда уже примчались бы твои собачки, — детским голосом продекламировала Сашенька.

— Мои собачки? — Я недоуменно вскинул брови.

— Да, — подтвердила она, трогая белыми пальцами мои губы. — Твои толстые собачки... — Мне вспомнились Ит и Ур.

— Ты знаешь, кто они? — спросил я, задумываясь во сне, что в последнее время часто задаю вопросы и еще чаще слышу ответы не от тех людей, что должны их давать.

— Сам знаешь, — странно посмотрела на меня Сашка, губы ее тронула обида.

— Не знаю, — покачал я головой, во сне копаясь сам в себе в поисках истины.

“...во сне можно найти самые необычные вещи и самые неочевидные ответы...”

— Тогда посмотри в зеркало, — зло полоснула моя демоническая девочка, не разжимая губ. — Внимательно и пристально загляни в уголки собственных глаз и, может, увидишь, кто прячется там. — Она растворилась в моей постели, оставив белеть скучную тихую простыню.

Во сне я поводил рукой, пытаюсь уловить хотя бы волос на месте, где только что явно шевелилось дорогое мне тело. Но простыня была холодной и отчетливо чистой.

Я вздрогнул, почувствовав чужое присутствие в непосредственной близости. Я вздрогнул и подался вперед, круто заворачивая голову под хруст собственных позвонков.

Сашка сидела за моей спиной почти вплотную, и не успел я открыть рот, как она приблизила свои розовые губы к моему уху и прошептала:

— Мне все это надоело. — Она сделала вид, что хочет укусить меня за мочку, я дернулся, и в эту секунду ее не стало. — И ты мне надоело. Я больше не приду к тебе, — убежденно бросил голос невидимой Сашки напоследок.

Я потряс головой, пытаясь отогнать ненужное направление мыслей, и обнаружил, что не сплю. Более того, не было даже сонливости.

Я сидел на кровати, среди крахмальных холмов одеяла и подушки, внятно рассуждая и не в силах найти подтверждения только что пережитому.

Я сполз на пол и поспешно оделся, мне хотелось покинуть номер, он был слишком пустым.

Зеркальный лифт опять проявил косящихся на меня со всех сторон двойников, двери его не открывались утомительно долго.

Несмотря на раннее утро, толстяки злобно намазывали молчаливое масло на пористый хлеб в гостиничном ресторане. На фоне их фигур круглый трехногий стол с полосатой скатертью казался крохотным.

За массивными спинами виселось арочное окно, за которым порывисто колдовал редкий

дождь. Рама при подоконнике была крестовидной, мне показалось, что это не случайность. Я присел рядом, ошпарив кипятком дно чашки.

— Думаешь, значит, — скривился тут же Ит, неодобрительно переглядываясь с Уром. — Не спишь, в гости зовешь... Контактируешь вовсю... — Они пили кофе из маленьких чашек, но при них был огромный зеркальный кофейник.

— О чем ты? — наморщил я лоб, не понимая причину неодобрения, что глубоко въелась в щекастые лица.

“...разве можно начинать утро с такого настроения...”

— Ты не отвлекаешься, — прошипел Ур. — Мы тут три дня, а они уже нашли нас. Как ты думаешь, каким образом?

— А они нашли нас? — начал я понимать, к чему они клонят.

— А ты не знаешь? — звонко воткнул чашку в блюдце очень злой Ит. — Ты же думаешь о ней без конца. Ты же туда-сюда гоняешь целые составы нейронных связей на тему ее, по ним они и вышли на наш след, идиот! — взвился он, раздавив в руке яйцо всмятку.

— Полегче! — оскорбился я, возбуждаясь от горячего чая. — Откуда я знал? Мне всего лишь каждую ночь снятся сны. Я не могу управлять собственными снами. Когда я способен контролировать что-то, я не думаю на подобные темы. По крайней мере не думаю ничего хорошего. Я думал, что это остаточное явление. Просто сны.

“...яркие, цветные, красивые...”

— Не просто сны, — не унимался и Ур, маниакально поедая тосты с маслом. — Он думал, Кваазен его поberi! Забудь все — и хорошее, и плохое. Не думай ни хорошо, ни плохо, ни отвлеченно. Нет такой темы в твоей голове, не о чем тебе тут думать! — С каждым глотком чернильного кофе глаза его распахивались все шире. — Как можно помочь тебе, если ты сам не хочешь помочь себе?

— Нужно менять место дислокации, — уверенно вставил Ит. — Подумай, чего бы еще ты хотел...

— Мне нравится тут, — пожал я плечами, храбро глядя в багровые от кофе и ярости лица. — Тут так умиротворенно. Я никуда не поеду.

— Может, морду ему набить? — сквозь зубы спросил Ит Ура.

— Ты же знаешь, не поможет, — вздохнул Ур. — А было бы чудно.

— Вы мне надоели, — сухо бросил я в румяные лица. — Оставьте меня в покое. Я уверен, что разберусь сам во всем. Я не знаю, что нужно мне, откуда вы можете знать это?

— Каждая женщина обладает талантом незаметно, но цепко затягивать тебя в невидимые паутины тонкого флирта, такого же липкого и настойчивого, как у паука, — с сомнением глядя мне в глаза, произнес Ит. — Мы думаем, что делаем все сами, но это не наш талант. А твоя женщина — не каждая. Ты можешь разбираться

вечность, она легко тебе организует это. Каждый ответ будет порождать новые вопросы, и так до бесконечности. Ты можешь плутать вечно. Но и этого не случится — времени у тебя совсем мало.

“...настолько мало, что скажи мы тебе, сколько, ты потеряешь покой...”

— Она ушла, — утомленно ответил я. — И больше не придет, она сказала, что ей все это надоело.

— То, что говорят люди, надо понимать с точностью до наоборот, — усмехнулся Ит. — А твоя женщина — не просто человек или даже не совсем человек. Не ищи истины в ее словах, вообще не ищи там ничего, потому что за каждой с трудом открытой дверью будешь находить три новые с еще более сложными замками. — Он подлил себе кофе, не спуская с меня глаз. — Тем более что скоро ты побежишь к ней. С точки зрения здравого смысла ей нет резона гоняться за тобой, все, что ей нужно, у нее в руках. Она делает это только потому, что она женщина.

— Извини, — театрально развел руками Ур. — Но нам придется вывезти тебя насильно, милый друг. — Первая его улыбка за сегодня выглядела зловеще.

“...началось...”

— По крайней мере я должен сходить в туалет, прежде чем мы выдвинемся, — сдался я. — Давайте подумаем, где очень холодно, почти нет людей и, кроме того, — минимум достижений цивилизации. Может, даже лес вокруг или горы.

И обязательно холодно. К примеру — Оймякон! — Толстяки удивленно переглянулись и поежились. — Пусть будут дикие звери и никакой связи с внешним миром. — Я поднялся и двинулся прочь, пока напуганные моим предложением спутники молча глядели друг на друга.

В туалет я не пошел, минув искомую дверь, и сразу направился из гостиницы, прибавив ходу, как только оказался на улице. Возвращаться я не собирался, все мои вещи находились при мне, некоторое количество местных денег должно было хватить на пару недель.

Ближе к вечеру, устав от прогулок, я наугад зашел в ресторанчик поправить баланс сил. Там, к своему удивлению, столкнулся с невозмутимыми толстяками.

Они поприветствовали меня возгласами комического удивления и пригласили к их столу — отужинать.

Мы поели, запили ужин бутылкой великолепного сухого вина цвета позднего заката, переговариваясь на отвлеченные темы.

И я опять сбежал, применив все тот же нехитрый прием.

На другом конце города отыскался крохотный отель, куда я и заселился, с удовольствием уснув и не запомнив ни единого сна.

Наутро в лифте я столкнулся с моими спутниками, что опять же весело меня поприветствовали, пригласили позавтракать, что и было осуществлено.

Кофепитие я пресек очередным побегом — до того, как толстяки взялись за чашки.

В этот раз спутники мои запропастились, я с опасением заходил в разные заведения и гулял по городу, ожидая неминуемой встречи, но она не состоялась.

И Сашка пропала на несколько месяцев. Не проявилась ни она, ни сны, казалось, все они махнули на меня рукой.

Вскоре мне надоело солнце, прячущееся на крышах и чердаках, мелькавшее в тонких разрезах между домами и страстно заливавшее площади, набережные и воду ослепительной краской. Мне осточертели круглые столики при кафе на набережных, я устал от передвижений на моторных лодках. Я утомился каждый день восхищаться местным вином, несмотря на то что оно оставалось прекрасно.

Я поступил на работу — официантом, чтобы продолжать снимать номер в заурядном отеле и хладнокровно пить вино. Но разносил еду недолго. В самое неожиданное время на меня напала зевота, победить которую было невозможно, от нее пронзительно болело лицо. Особенно часто приступы случались во время работы. Я уволился. Деньги мне благородно высылали из точки М.

Мистика пропала. Единственным событием, которое не вписалось в канву размеренного существования в чужом городе, оказался странный стук в дверь на сорок седьмой день моего

пребывания тут. Я уже спал в очередном из недорогих отелей славной местности на воде, вдруг в двери требовательно поскреблись. Не ожидая гостей, я попытался продолжить спать, но постукивание не прекратилось. Спустя мгновение я стоял в раскрытых дверях номера, но тускло подсвеченный коридор с потертой дорожкой убедительно пустовал.

Я лег в кровать разочарованный, но тут опять кто-то принялся стучать. Я прыжком вылетел в дверь, но опять столкнулся с пустотой. За ночь подобное произошло шесть раз.

На следующий день я сменил отель, и покой вернулся ко мне, но с тех пор я принялся зевать. Ее величество Скука овладела моим сознанием, я то и дело вздыхал по прошлому, меня беспокоило будущее.

Я мысленно звал толстяков, но ответом стелилась тишина.

Спустя еще неделю зевательная мания обратилась в оглушительный кашель, от которого болели грудная клетка, челюсти и даже суставы.

Спустя еще неделю я понял, что так жить нельзя, и город начал ощутимо тяготить. Я собрал небольшой чемодан, которым успел обзавестись за время меланхоличного пребывания тут.

Освоил в пешем передвижении несколько километров, через разветвленную сеть переулков выбрал на тонкую полоску моста, за которым раскинулся автовокзал. Отсюда начинал быть и простирался вдаль незабвенный автотранспорт.

Я изловил такси и с удовольствием погрузился в его ужатое тело, назвав в качестве точки достижения самое позитивное из значений, а именно — аэропорт.

Пожилой человечек за рулем, не меняясь лицом, усвоил информацию и поддал газу. Для местной умиротворенности он оказался весьма прытким водителем, за тонированным стеклом заспешили бесцветные индустриальные пейзажи вперемешку с шерстяным на вид водным фоном.

Я зевал, чихал и извинялся, таксист пожимал плечами сам себе и спешил избавиться от болезненного пассажира методом скорости. Так или иначе я успел задремать за время нашего путешествия, когда доброжелательная рука потрясла меня за плечо, вырывая из плена грез, и помогла вынуть из багажника большую часть моей жизни, уложенной в кожаную узость.

Накрапывал дождь, я ощутил себя невыносимо одиноким. Захотелось сделать что-нибудь злое, чтобы отвлечь тоску.

Предстал выбор места назначения, стоило всплыть сквозь самостоятельную дверь в просторное кондиционированное помещение аэропорта с пространным залом вначале и множеством коридорных рукавов и самостоятельных эскалаторов после покупки билета.

Я потоптался подле прямоугольной панели, прокручивающей названия точек на оси координат и номеров летающих средств, наделен-

ных способностью меня туда доставить. Небольшое количество людей улыбались мне с разных сторон, но в ответ на их улыбки я принялся свирепо зевать, а после — оглушительно зачихал.

Наибольшей притягательностью, ясно, отличалась точка М., удачно совпало время вылета, и через час, пройдя утомительные процедуры, я находился в самолете. Недуги мои унялись, проявляясь лишь изредка, но вместо них тело обглодала пронзительная слабость, от которой мне опять сделалось тоскливо и захотелось жалости в свой адрес. Рядом разместились молодая пара, они держались за руки, весело шептались и предавались поцелуям, явно игнорируя меня, что было нормально.

Я принялся смотреть в иллюминатор, там казалось интересно первые десять минут полета, пока железное тело не погрузилось в фантомные миры облаков. В тот миг стало мерещиться, что жизнь представлена только узким пространством самолета.

Я открыл журнал, вдыхая его приторный запах. Я ненадолго отвлекся, созерцая глянцевого женщин, изучая множественные вещи, большинство которых забывал, как только переворачивал страницу. Журнал закончился так же быстро, как в сердце моем засвербело подозрительное беспокойство, основной платформой которого распознала злость. Я пытался не смотреть туда, где увлеклись до вязкости влюбленным диалогом, который остро пульсировал в моем мозгу каж-

дым словом. Я наклонился вперед, вклеив свой взгляд в черную рамочку телевизора.

Впереди тоже сидела пара.

— С днем рождения, любовь моя, — услышал я и заскрежетал зубами, пытаясь не обращать внимания, но у меня не получилось, а перекрестный огонь весенних грез в середине августа почудился нарочито громким.

Я попросил вина, потом еще, вместе со мной основательно предалась вину молодежь, становясь все страстнее и яростнее. Я пытался умиляться, но все больше завидовал.

— Спасибо, — зашептал спереди тонкий пленительный голос. — Спасибо...

— Я тебя люблю, — почему-то мне в ухо сказали справа, отчего я вздрогнул, но увидел лишь включенный затылок его и ее острый локон.

— Ты необыкновенная, — продолжали издеваться спереди.

— И ты, — горячо говорили справа.

Вино подбросило мне зуд в вены, я заелозил в кресле, желая скорейшего приземления любой ценой. Борясь с зудом, я выпил еще пару бокалов, но эффект походил на привлечение огня к бензину, и вскоре я едва сидел, силясь не слушать и слушая, пытаясь не думать и думая.

Я опять отдался иллюминатору, выглядывая снежные макушки вековых гор, что иногда мелькали в бесконечной облачной вате. Долго не моргая, глядя на ослепительное зрелище, я будто пробудил третий глаз во лбу. Взгляд мой сосредото-

точился и усилием воли отстранил великолепную картинку назад за пластиковую линзу иллюминатора, а в одном из возможных углов его проявился древний рисунок тонким пальцем. Кто-то когда-то удивительно совершенно нарисовал на гладкой прозрачности мелкий рисунок двух дутых сердец: одно — весомо крупнее, другое — аккуратно поменьше. От осознания почти невидимой данности я словно растекся в кресле большой вздрагивающей эмоциональной лужей. Дыхание мое участилось, бросило в пот. Я вцепился в подлокотники, силясь усидеть, и ощущение чего-то навсегда потерянного с размаху упало мне на голову.

Когда самолет пошел на посадку, мое лицо имело цвет простыни, а пальцы глубоко увязли в податливый пластик. Проявилось предчувствие неминуемой беды, я в секунду уверился, что самолет не приземлится как следует. Стало жаль себя, стало жаль пары справа и спереди, в ином свете прорезались события последнего и не совсем времени. Эмаль цинизма, в ключе которого я воспитывал себя все прошедшие полгода, покрылась миллионами трещин. Они побежали с невероятной скоростью, соединяясь в созвездия, после чего принялись осыпаться мелкой скорлупой, высвобождая жидкую массу горячего эмоционального тепла.

Мне сделалось легче, я обмяк и приготовился спокойно разбиться о землю.

Самолет медленно снижался, я чувствовал приятное давление на каждую пядь тела, одно-

временно купаясь в пенистой ванне чувственных переосмыслений. Добро заполнило мою голову до краев, и, замерев в ласке этого морального массажа, я сумел вернуться в реальность, лишь когда железная птица мягко вздрогнула, ювелирно поймав взлетную полосу.

В точке М. оказалось очаровательно тепло, щурясь от приветливого солнца, я в восторге ступил на ступени трапа, а оттуда — в длинное тулово немом автобуса. Множество пассажиров заполнили его со скоростью воды, меня прижало к просторному окну. Широкие двери, вздохнув, воссоединились, и агрегат помчался по тепеливому асфальту с неожиданной прытью.

Ветер ворвался в салон сквозь длинную форточку, вдребезги разбиваясь о мое лицо. Я почувствовал, как невидимые ладони обняли меня за голову, запустив пальцы глубоко в волосы, одновременно и страстно целуя мой рот. Я закрыл глаза, отдавшись мгновению.

Толпа, казалось, отступила, перестав существовать, автобус неся к оплавившемуся на жаре зданию аэропорта, плодя иллюзию полета. А я продолжал целовать собственную реальность, собственное есть. Или жизнь моя, вдруг наполнившаяся смыслом, синхронно и сладко продолжала целовать меня.

Во тьме закрытых глаз с налетом яркого солнца за шторами очей точно, до мельчайших деталей, нарисовалось лицо Сашки. Схематичное в стилизации карандаша, но от этого невыносимо

живое. Как бы то ни было, смысл жизни моей имел ее черты, ее блеск глаз, ее улыбку, и этот поцелуй оформился мне понятным образом именно через образ ее.

Я распахнул глаза, и лицо исчезло, а поцелуй остался, он продолжал таять на моих губах, и тонкие ласковые пальцы по-прежнему играли с моими волосами.

В здании аэропорта я купил сотовый телефон и, дрожа руками от нетерпения, оформил номер. Бумажка с вязью цифр лежала на дне чемодана, я не уничтожил ее раньше, объяснив себе это проявлением излишней эмоциональности.

“...зачем рвать фотографии и прочую атрибутику?.. только безразличие вылечит от этой болезни, а излишняя эмоциональность загонит в ту же самую реку вновь...”

Или это подсознание, зная все гораздо лучше меня самого, оставило мне такую лазейку, выход в случае возможного переосмысления, которое сознанию тогда казалось невозможным?

Торопливо я набрал номер. Оказалось, я не нуждался в подсказке, номер по-прежнему был выдавлен на меди своенравной памяти.

Спустя длинную паузу родился гудок, потом другой, раздались траурные звуки отбоя. Я пере-набрал. Гудки, опять на другом конце провода положили трубку. Так повторялось несколько раз. За это время я успел пообедать в кафе и покинуть уютное здание аэропорта. Однако стоило мне выбраться на стоянку такси, чтобы следо-

вать в пока не определенном направлении, как телефон задрожал нервной дрожью.

Высветилось сообщение:

“...ты знаешь, где искать меня...”

Я все понял, вернулся назад и купил еще один билет. Он адресовал меня в южную точку в российской системе координат, где когда-то я провел небольшое количество дней, осваивая непростой мир абсента.

Самолет взлетел спустя пару часов. Почти сразу удалось уснуть, и весь перелет я проулыбался во сне, созерцая романтические картинки бреда, из которых при пробуждении не смог ничего вспомнить.

Вся видимость окружения южной точки оказалась отполирована тяжеловесным зноем, солнце вело себя агрессивно, и я поспешил к такси.

Под ногами зашумела галька, к тому времени я скинул рубашку, повязав ее на поясе, пальцы мои нервно играли с сигаретой. Море обрадованно поприветствовало меня. Прошло несколько лет, но оно, казалось, помнило мое бречное тело, призывно прошумев что-то почти человеческим голосом. В самом краю глаза промелькнул ультрафиолетовый бар, которому некогда было отдано время и здоровье. Я спешил, потому решил ностальгию оставить на потом. Вскоре бар стал неразличим при оглядывании, а мне нестерпимо захотелось остановиться в одном месте. Уверенность в том, что это именно то место, вытеснила все прочее.

Я принялся за поиски, вцепившись в эту вселенную гальки с маниакальным остервенением, я искал глазами рыжий камешек, который видел раз в жизни. Я не был безумен в тот момент, я был стоически уверен, что найду его. Но это произошло не так быстро, как предполагалось.

На третий день с высокой бутылкой абсента, погруженного в гальку на треть роста для поддержания тепла, с мультипликационными дирижаблями облаков над нетрезвой головой, с разбитыми от истерик в кровь руками я старательно ползал по пляжу, далеко от места, которое наметил.

За три дня ко мне привык разнообразный люд, что первое время моргал в мою сторону удивленным оком, пряча взгляд в море, стоило мне перехватить его.

Когда начало смеркаться, я был на пике взвода, и зубы мелкой крошкой сыпались у меня изо рта. Я покачивался в изрядном подпитии, пот съел мою одежду, а плечи пульсировали красным.

Я поднялся на ноги, держа в руке очередной рыжий камешек, который оказался тривиально пуст, как и прочие из великого множества перевернутых мной. Облака в зеленом зареве виделись мне в форме улыбок, казалось, небо хотело над идиотом, ищущим в море гальки единственный камень с неведомым смыслом.

“...его давно съело море...”

Власть наматерившись, я побрел прочь, но через секунду вернулся, чтобы забрать почти пу-

стую бутылку из пламенных объятий проклятого пляжа. Под ней на самом дне призывно мелькнул огненно-рыжий камень. Без особой веры я подхватил его гладкое тело, подкинул над ладонью и, поймав другой стороной, ошпарил свой разум и взгляд пронзительной цифрой “13”.

“...сука...”

Я сел на гальку и залпом допил зеленый осадок из злодейской тары. Я проводил взглядом солнце, упившись чайного цвета закатом, я долго смотрел на волны, выкалывая зеленым взглядом, как иголкой, на его полотне разнообразные картины.

Прошло несколько часов, никто не появился, я остался на пляже один.

Я докурил последнюю сигарету.

Я зашвырнул демонический камень далеко в море так, что даже не увидел всплеска.

Я побрел прочь, вслух называя себя неприличными словами.

Мне стал ненавистен этот мир, этот пляж, это море, я хотел стереть это все с лица земли большим злобным ластиком.

Сашка сидела на берегу моря и смотрела вдаль спустя каких-то пятсот метров от того места, где я нашел камень. На ней рос ослепительно белый купальник, который чудесно гармонировал с ее зубами, маленькие стопы пребывали босыми. Опять каштановые волосы оказались собранными в банальный хвост, в ее случае казавшийся неземным.

— Привет, — сказала она, не глядя на меня, как только я приблизился.

— Привет, — тихо ответил я, неуверенно опускаясь рядом.

— Если бы я не появилась, — усмехнулась она своим мыслям, — завтра ты искал бы этот камень под водой.

“...и не только завтра...”

— И нашел бы? — вроде бы спросил я.

— Нашел бы, — убежденно произнесла она, повернув голову и глубоко посмотрев мне в глаза.

— Почему я нужен твоему отцу? — спросил я прямо.

“...поговорим на темы более приземленные...”

— Ты нужен мне — в первую очередь, а у папы больше исследовательский интерес. В любом городе интересно жить, — неожиданно продолжила Сашка голосом Кваазена. — Город полон умельцев, если общаться с нужными людьми, у тебя будет целый штат самородков, делающих что-то очень хорошо. Порой весьма необычные вещи. — Она улыбалась мне, и я видел, что она искренне рада видеть меня здесь.

— Что это означает? — нахмурился я.

— Это означает следующее: кое-кто обладает определенным талантом, настолько редким, что скорее всего единственным в мире. По крайней мере аналогов некоторым нет точно. — Все это произнеслось удивительно теплым голосом при меланхолично грустном взгляде.

— Что еще за талант?

“...дай угадаю...”

— Не знаю, говорить ли тебе... — Она опять увела красивые глаза в сторону моря.

— Скажи, я должен знать, если мы решили все изменить...

— А мы решили все изменить? — вроде бы спросила Сашка.

— Думаю, да. Раз мы здесь.

— Хорошо. Ты не поддаешься влиянию. Я и папа легко управляем любой головой, которая нужна нам. Вытворяем с любым телом что захотим и что прикажем его разуму, под видом его самого. С тобой это не получается, что удивительно. Кажется, что ты делаешь все так, как говорим тебе мы, точнее — я. Но в самый ответственный момент, когда я уже уверена в своей победе, ты изображаешь все с точностью до наоборот... и я ничего не могу поделать. И папа. Отчего? В этом есть какой-то смысл, это более чем неоднозначно. Это нелогичный, почти мистический момент, который привлекает меня и с некоторых пор интересует папу. Ему кажется, что лучше, если ты будешь с нами... со мной... И я хочу этого тоже.

“...действительно хочу...”

— Ты шутишь? — Я не совсем понимал, о чем шла речь.

— Может быть, но больше я не скажу тебе ничего. — Теперь с серьезным видом она плавала глазами в облаках.

— И не надо, я не верю в эту чушь. — Абсент воспламенился в моей крови.

— Зря и зло, — грустно ответила она, вернув лицо в мою сторону.

— Это мои слова, и они о нас, — процедил я, поднимаясь на ноги.

— Это все твои фантазии. — Сашка тоже встала на ноги, всматриваясь в мое лицо, словно видела впервые.

“...блики в глазах...”

— Понимаешь, когда я люблю кого-то, я отношусь к нему как к ангелу, сдуваю пылинки, идеализирую... Я сам сажаю его на облако, с которого он потом громко падает, — меня понесло, и это выглядело почти откровением. — Ты ангелом была недолго, я бы даже сказал — совсем недолго. Потом ты явила мне свое настоящее лицо.

— Я могу объяснить тебе это по-другому. Я начала с хамства, потому что люди обычно этим заканчивают. Зато теперь день ото дня моя любовь к тебе усиливается, так же как и твоя.

— Почему ты делала то, что ты делала?

“...я не уверен ни в тебе, ни в себе...”

— Потому что иногда ты вел себя как жирная, жужжащая муха.

— Ты всегда будешь говорить так, как ты говоришь?

— Я буду стараться говорить иначе. — Она увела взгляд в сторону и почти незаметно улыбнулась краем рта.

— Почему-то и в это я не верю.

“...или это будешь не ты...”

— Понимаешь ли, любимый, — уже злее выдала моя демоническая девочка спустя короткую нетерпеливую паузу. — Мы приговорены друг к другу, друг без друга нас нет. Мы можем бороться с этим, но бывает любовь как карма. Тогда телефоны перестают работать, чтобы мы не созванивались с кем-то другим, отец-дьявол понимает, что бессилен. Все происходит так, чтобы ты был моим, а я — твоей... Я долго думала об этом, хотела забыть тебя, как круги на воде. Я думала — ты не нужен мне... Но оказалось, что это не просто, оказалось, что каждый твой прыжок — часть моей жизни, если я хочу, чтобы ты остался жив... Видимо, есть потусторонний смысл в нашей интеграции, милый, ритуальность, которую даже мой отец не видит, но чувствует... своего рода каббалистика... Без нашего союза мир расползется на клочки, распадется на атомы. Мы — винтик в середине мироздания. Ни я, ни ты отдельно не представляем ценности. Не просто так я постоянно ищу тебя, не просто так ты нашел этот камень. Здесь ведь море гальки, а ты нашел его за три дня. Ты чувствуешь меня издалека, так же как я тебя. Я вычислила вас с Тенью не по ее запаху, я нашла вас потому, что всегда знаю, где находишься ты. У меня было свое море гальки.

— Я не верю в этот бред. Вы с отцом мастера иллюзии, ты просто не хочешь оставить меня в покое. Может быть, не только меня, — парировал я, играя желваками.

— Иногда мне кажется, что смотреть рекламу и говорить с тобой — одно и то же, — раздражение выплеснулось на ее правильные черты, отточив их до остроты.

“...не знаю, зачем я терплю это...”

— А я люблю рекламу.

— Поверь, я могу научить тебя невероятным вещам. Я научу тебя программировать жизнь с помощью предметного мира. Иногда постановка предмета превращает его в винт, на котором начинают стремительно крутиться шестеренки твоей удачи, а если каждому предмету найти то самое — особенное место? Тогда успех захлестнет тебя. Ты еще только генерируешь цели, а они уже — с невероятной скоростью — воплощаются в материальном мире. Так будет! Я научу тебя управлять людьми так, будто они созданы, чтобы послужить маленьким ступком энергии в достижении твоих задач. Я научу, как вкладывать в их голову фанатическое убеждение в необходимости того или иного действия. Ты сможешь управлять массами. Я научу тебя заглядывать в чужие головы, желанием мысли ты сможешь отнимать у людей их таланты. А как тебе понравится — ты сможешь изменять чужую память!

— От некоторых вещей у меня мороз по коже. — Я попятился, а она подступала ко мне.

“...забирать то, что по определению неба не является твоим...”

— Что же ты такой глупый? Ты был лишь овечкой из стада, которое я преспокойно пасла. Слу-

чайно прибился, как и прочие, но быстро стал любимой, с красным бантом на шее. А теперь я распустила стадо, не осталось никого, потому что гоняюсь за тобой.

— Это все ложь! — Я чувствовал ее дыхание, раскаленное и вкусное.

“...ложь — вкусная, как карамель...”

— Я жизнь тебе спасала не менее трех раз, свинья неблагодарная!

— Ты это делала не для меня, не из хороших побуждений. Ты не могла позволить, чтобы я достался Боли, так?

— При чем тут Боль? — прищурилась демоническая девочка.

— Я знаю, кто она, — заявил я.

— Это одна из причин, но не единственная. — Сашка не спорила, но голос ее стал злее. — Любые действия пронизаны хитросплетениями мотивов. Я не могла позволить, чтобы моя любимая и горячо любящая овечка просто прыгнула с обрыва...

“...и разбилась на нелепые осколки...”

— Есть вещи, которые я любил очень недолго, — пиво, кальян и ты, — отрезал я.

— Ты нашел меня, чтобы плеснуть кипятком своей злости?

— Ты — суккуб, — по слогам произнес я ей в лицо, мы стояли вплотную.

— Ты не думаешь так! — Мне показалось, что в глазах ее сверкнули слезы, но давно стемнело, и утверждать я не мог. — Может, ты и разлюбил

кальян, может, не пьешь пиво. Но меня ты любишь, любишь больше всего на свете. И никогда никуда от меня не денешься.

— Ты — человек, который причинил мне самую невыносимую, самую злую, самую нестерпимую боль, которую только можно представить. Я никогда не прощу тебя.

“...не ты первый...”

— Тебя нет без меня.

— А ты? Ты есть без меня? — сник я так же резко, как завелся.

— Все справедливо и для меня! — Она кричала.

“...будто не видишь...”

— Тогда верни мне мою душу. — Я знал, как проверить ее искренность.

— Что? — Глаза Сашки зловеще сузились. — Какую, отец тебя возьми, душу?

— Верни мое сердце, ты забрала его отсюда. — Я показал на свою исполосованную грудь.

— Ты сам отдал мне его, — процедила демоническая девочка. — Я не забирала.

— Верни его на место! — тихо, но твердо приказал я.

— Зачем оно тебе, дорогой? — Голос ее опять дрогнул. — Поверь, в моих руках надежнее, чем в твоих.

— Это мое сердце! — объяснился я одной фразой.

— Я подумаю, — тихо произнесла Сашка. — И приму решение.

“...когда-нибудь...”

Из ниоткуда, заставив меня вздрогнуть, а посредством изменений моего лица испугав и Сашку, за ее тонкой спиной объявился Ит. Выражение его жирной физиономии отливало хладнокровной злобой, глаза зловеще прищурились.

Я не успел сказать ни слова, как он сделал резкое движение, от которого к лицу демонической девочки прилили бель и холод.

— Ой... — сказала она тихо, и губы ее сделались прозрачными.

Ит вильнул вправо, и сквозь щель между рукой Сашки и ее телом я увидел в руке его большой тонкий нож — стилет.

— Нет! — завопил я, осмыслив, что происходит. — Не делайте этого!

Сашка вздрогнула опять, по прекрасному лицу ее пробежала рябь, а в глазах прорезался недобрый огонек. Она подпрыгнула, обернувшись вокруг своей оси и явив моему дрожащему глазу алую спину, а Иту — очаровательно разъяренный лик. Ит отступил от неожиданности, но, опомнившись, взмахнул своим оружием.

“...что же ты делаешь...”

Чуть раньше нового удара Сашка издала истошный визг, пронзительность которого размазалась о напор толстяка. Секунда — и он взмыл вверх, где, превратившись в едва различимую точку, птицей пересек значительный кусок неба и рухнул далеко в море, не донеся до нас даже звука.

Оттолкнув меня, столь же неожиданно в заварушке объявился Ур, выхватывая из-за пояса шорт-тов еще один стилет. Я, просыпаясь, вцепился ему в голову, но не успел ничего сделать, и еще один острый укол пришелся под беззащитную лопатку.

— Не смейте! — вопил я, вырывая у толстяка клочья волос. — Оставьте ее мне!

Белый купальник стал красным, кем бы ни представлялась демоническая девочка, кровь ее оказалась тривиально алой.

“...рубиновой...”

Мгновение — и она повернулась лицом к нам. Ненависть ее глаз могла плавить металл.

Толстяк грубо отшвырнул меня в сторону. Он взмахнул стилетом, но Сашкин вопль подхватил его, точно лепесток, и вышвырнул за пределы видимости.

Ее силы к тому иссякли, она покачнулась, схватившись за грудь, и мягко осела на песок.

— Помоги, — по-детски прошептала она, и в уголке ее рта сверкнула ниточка крови.

“...посмотри, что ты наделал...”

— Нет, девочка моя! — подполз я к ней и бросился целовать плечи и руки. — Не смей! Ты сильная, ты самая сильная! Это ничто для тебя! Помогите! — вспахал я криком слоившуюся тишину, но вокруг, казалось, все вымерли. — Нет! — Я вопил, а из глаз демонической девочки поспешно выветривалась жизнь.

— Люблю тебя, — прошептала она слабеющим голосом.

— Дело сделано. — Подле тела Сашки из ниоткуда возник Ит, с его тела капала вода, он тяжело дышал. — А я думал, уже бессмысленно все.

Ее дыхание остановилось.

— Не совсем. — Это появился Ур. Одежда его порвалась, лицо светилось разводами и ссадинами. Он учащенно курил сигару.

— Убийцы! — оскалился я, пытаюсь встать.

— Подержи его, — поморщился Ур, вооружаясь теперь ножом.

Ит перехватил мое жаждущее мести тело и не без труда отнял зажатый в руках камень.

В то время Ур склонился над бездыханным телом демонической девочки, взвинчивая до высот мою и без того сумасшедшую ревность. Он поколдовал над ней острым куском стали и вернулся с маленьким окровавленным комочком в руках.

— Ешь! — приказал он мне.

— Не буду, — с ненавистью процедил я, пытаюсь укунить его или ударить Ита.

— Ешь, дурак! — сплюнул Ит. — Может, и так поздно, не приживется.

На ум пришел старый сон, где я видел этот комок, похожий на гриб или лопнувший шарик. Когда-то место его было в груди моей. Я взял собственное сердце из рук толстяка и неуверенно засунул в рот. По вкусу оно напомнило горький изюм.

— Вы убили ее, — запричитал я, сглотнув собственное сердце и захлебываясь в слезах. — За-резали мою девочку! Вы — убийцы!

— Нет, — покачал головой Ур. — Ты — убийца! Ты убил ее, мы делаем лишь то, что ты нам говоришь.

“...разве ты не заметил?..”

— Я не просил об этом, — всхлипывал я, махая руками на краю истерики. — Кто вы такие, черт вас побери?..

— Мы — это ты, — зловеще проворковал Ит мне в лицо. — Ты — это мы! Загляни в зеркало и увидишь нас. Тебя нет без нас, нас нет без тебя. Вот правда, а не то, что тебе размазывала по ушам эта стерва.

— Почему я раньше вас не видел? — спросил я Ита, задыхаясь от слез.

— Скажи спасибо Боли, она просто добавила красок, и мы стали различимы. Мы всегда были с тобой, и ты всегда слышал нас. Но потом ты запутался. Почему-то она пожалела тебя и свела нас нос к носу. Умная женщина, это был единственный вариант тебя спасти, — с непроницаемым лицом ответил тот.

— Она боялась, что ты не сможешь сделать то, что должен, в самый ответственный момент, — продолжил Ур. — Вот и показала нас тебе, чтобы помочь тебе же. Чтобы ты начал распознавать свои левую и правую руки в момент спасения своей души.

— Вы — мои руки? — онемел я. — Правая и левая?

“...своими руками...”

— Не совсем, — поморщился Ит. — Но можно сказать и так. Чтоб ты понял.

— Значит, это ты убил свою любовь, — зло дыхнул мне в лицо Ур. — Зарезал, как свинью. Стоишь тут весь в крови и слезы льешь, а надо отмываться и бежать.

Он толкнул меня в грудь, так как взгляд мой вновь сфокусировался на белом теле в красных кусочках ткани, беспомощно замершей за их широкими спинами.

— Смотри-ка! — сменил тон надменный Ит. — Лицо-то просветлело, и в глазах проявился тот самый блеск.

“...она умерла...”

— Прижилось-таки! — облегченно вздохнул Ур. — Успели! Я тоже заметил улучшения.

Действительно, после смерти демонической девочки непостижимое облегчение овладело телом и разумом, казалось, нестерпимый зуд пропал отовсюду, что характеризовалось мускульной или умственной деятельностью. Тело невольно обмякло, а мысленный табун ленивой иноходью уклонился в совсем уж инфантильные дали.

Я успокоился так же неожиданно и скоро, как впал в раж. Только слезы продолжали течь.

“...это ли не праздник?..”

— Тебе нужно уехать, — подсказал решение Ит, потому что я настроился стоять тут вечно. — Далеко, далеко...

— Там, где много людей и тебя не найдут, — вторил ему Ур, доставая из кармана шортов плоскую коробку сигар. — В такое море гальки, где тебя не откопать.

— Туда, где делают такие сигары, — Толстяки заставили меня взять коробку. — Там, где ты обретешь новый смысл, благо теперь у тебя есть душа.

— Беги! — крикнул Ит и толкнул меня в грудь. — У тебя нет времени!

— Найдет? Кто? — спросил я напоследок перед серией многолетнего бегства.

— Думаешь, такой отец простит тебе смерть дочери? — крикнул мне Ур уже почти в спину.

— Она умерла? — спросил я дрогнувшим голосом.

— А ты не знаешь? — зашумело в моих ушах. Я бежал со всех ног.

Суицид

На плоском, как бритва, берегу появился странный человек. Появился, чтобы остаться надолго.

Он лежал в тени плетеного зонтика не один день, почти не шевелился, и глаза его были преимущественно закрыты. Лицо его казалось исполненным блаженства, иногда он курил очень дымные сигары без запаха, и ароматный кориичневый ром приносили ему иногда, но чаще всего он выглядел как неживой. Он не купался, никто не видел, чтобы он вставал с места, казалось, он старался выглядеть, точно его здесь нет. Когда первые купальщики приходили на пляж, его тело уже лежало на привычном месте, уходил он тоже всегда последний. Благодаря постоянному присутствию на солнце он стал темным, как кофе.

Через некоторое время на теле его появились татуировки, на левом и правом предплечье, а также спине и животе смотрели в разные сторо-

ны по глазу, нарисованные столь детально, что выглядели настоящими. Как выяснилось позже, такое же око имелось на спине незнакомца, иногда чудилось, что оно моргает.

Рядом с незнакомцем начали появляться женщины, бравшие на себя основную долю динамики вокруг его зонтика и лежака. Часто недолго присутствовали разные женщины, часто они не повторялись, но всегда их имелось не больше одной на ту или иную единицу времени. Они купались, приносили ему ром, если рядом не было служащих повсеместно раскинувшихся шейков. Они что-то весело щебетали или молчали, как он.

Как ни напрягались большие уши присутствующих на этой солнечной картинке действительности, туда не долетало ни звука голоса странного мужчины, не было видно ни толики его движений хотя бы в угоду смене позы. Слегка двигалась его левая рука, вооруженная обычно угловатым стаканом или жирной коричневой сигарой, плодящей кучевые облака в высоком опаленном небе. Но и это происходило лишь в отсутствие скучающих взглядов.

Субъекта не донимали тренирующие стойкость окружающих комары, что старательно использовали свой час с шести до семи, отведенный им добродушным небом. Его избегали многочисленные торговцы, чей талант исчислялся исключительно ваттами назойливости, они будто не видели его, а он будто не видел их пестрых товаров.

Он находился там настолько долго, что к нему стали относиться как к чему-то извечно присутствовавшему, с ним даже здоровались, хотя ни разу не было понятно, отвечает ли он на приветствие.

Человека словно выпотрошили, вытащив эмоции, он, несомненно, жил, но слишком мало реакций осталось в обгоревшей в лучах голодного солнца оболочке.

Когда начинался период дождей, человека можно было видеть в одном из деревенских баров, где он меланхолично занимал стул у барной стойки, смотрел в телевизор, иногда с ним рядом сидели женщины, чаще он пил один. Человек сидел несколько часов, потягивал вино, не заводя диалогов с барменом, после расплачивался и неторопливо шел домой, прячась от пристававший дождя под широким зонтом.

Он снимал маленький домик в пальмовой роще недалеко от бара и чуть дальше от пляжа, там на печатной машинке древнего вида он иногда писал тексты. Домик выглядел едва ли крепче карточного, дверь его никогда не запиралась, потому что там нечего было красть. Целлофановая пленка изогнулась над его письменным столом с описанным антиквариатом, над постелью и шкафом, над телевизором и книжной полкой. На прочий скарб во время дождей обильно капала вода. Он курил сигары, сидя на стуле по щиколотку в теплой воде, пил местное кислое вино и печатал — когда лениво, когда словно заведенный.

В этой славной точке мира почти всегда висело доброе жаркое солнце, люди носили легкую одежду, ночи запомнились местами шумные, а местами полные покоя.

Так продолжалось несколько лет, пока на пляж не пришел кот. Он был пронзительно черен, глаза его мерцали подозрительным умом, он держал хвост трубой, смотрелся не тутошним, но чувствовал себя будто дома.

Увязая в песке, кот деловито подобрался к умиротворенной фигуре, которая не собиралась его замечать. Кот привлек внимание, присев неподалеку и пристально вперив немигающий взор в профиль человека. Вид его олицетворял усмешку.

Спустя минут десять он достучался. Человек не видел здесь подобных котов, но этот ему показался знакомым — сегодня утром он видел похожее животное недалеко от своего домика. Человек встал и направился к коту, который не испугался, а спокойно ожидал приближающуюся фигуру.

— Ты куда, дорогой? — встрепелась молодая брюнетка с соседнего лежака.

— Сейчас, — ответил ей человек, а глаз на спине заговорщицки подмигнул.

Девушка решила, что ей это показалось, и спряталась в солнечные очки и журнал.

Человек подошел к животному, которое с наглым видом рассматривало его и явно выпрашивало пинок. Понятно, что ничего подобного не

последовало. Две пары глаз скрестились. После минутной дуэли человек достал сигару, откусил кончик и, не сводя глаз с животного, медленно закурил. Сизоватые клубы устремились в небо, часть их припустилась в сторону самоуверенного кота, который заволновался и начал бегать кругами, будто кого-то разыскивая. Человек зашел ему за спину, наблюдая суету животного, что вертело ушастой головой и передвигалось прыжками.

— Консуэлла, — негромко сказал человек, — Нужно идти.

— Почему? — опять встрепелась брюнетка. — Сейчас самый загар.

— Нужно, — веско пояснил человек, тяжело посмотрев на ее недовольные губы. — Тебе — и без меня.

— В смысле? — Холод прилил к щекам молодой женщины, она приспустила очки, показав большие зеленые глаза.

— Потом объясню, — остро процедил человек.

— Не понимаю тебя, Родион! — В голосе собрался избыток металла.

— Не надо ничего понимать, — вздохнул я. — Иди ко мне домой и жди меня там. Так нужно.

Брюнетка вскочила в обиженной прыти и театрально начала собирать вещи в большую корзину, что пряталась под лежаком.

— Я не пойду к тебе, а пойду к себе! — объявила она. — Захочешь увидеть меня, найдешь. —

Красивые ноги раздраженно понесли свою прекрасную обладательницу прочь.

Кот так же мгновенно вострепнулся, провернулся вокруг своей оси и через секундную паузу устремился за девушкой, пока я, старательно дымя сигарой, собирал свои вещи в цветную сумку. Мгновение — и я облачился в шорты и майку.

Возвращаться домой показалось неразумным, куда идти еще — не придумал, поэтому просто двинулся за животным. Не прошло много времени, как кот, потерявшись на мгновение из вида, вдруг предстал старым недобрым Нокком. Он так же прытко припустился за Консуэллой, беспокорно вертя по сторонам головой.

Я флегматично двигался за ними, думая и чуть отставая. Вскоре я ушел круто вправо, закулив новую сигару и немного ускорив шаг. Машинально пальцы нащупали в кармане шортов крохотный мобильник, я извлек его на яркое солнце и привычно выжал цифры — не глядя.

— Они меня нашли, — сообщил я туда спустя недолгую тишину.

— Это должно было произойти когда-то, милый, — суховати ответили оттуда, выждав. — Убежишь или вернешься?

“...в лоно семьи...”

— Ты тоже всегда знаешь, о чем я думаю?

— Ты человек, и ты предсказуем. — Легкий смешок всколыхнул на моем темечке короткие волосы. — Ты уверен?

— Я видел Кваазена... — уверенно заявил я, резко обернувшись и несколько шагов пройдя спиной.

“...почему не сотню джиннов?..”

— Сам Кевин? Ничего себе... — протянула Боль. — Наверное, он планирует месть.

— Сначала это был кот, потом я увидел старого нищего...

— Нокка? — Мы всегда понимали друг друга легко.

— В кого еще старый бес любит перевоплощаться? — процедил я.

— Ты перегибаешь палку, мой мальчик, — раздраженно сказали из крошки-трубы. — Не забывайся, да и я не могу давать ответы на такие вопросы... — Она помедлила. — Почему он не убил тебя сразу? — Голос ее лился, скучливо металлический. — Ты бы уже был подле меня.

“...действительно непонятно...”

— И я задаюсь этим же вопросом. — Я прослушал ее голос внимательно, надеясь нащупать подсказки, но ничего там не нашлось.

— Как ты убежал?

— Сигары...

— Понятно. Ты уже звонил ей? — словно и не спросила Боль, но я услышал вопрос подсознанием.

— Она не умерла? — Голос мой вздрогнул.

— Умерла, — почти уверенно заявила Боль. — Ты же сделал это, не так ли?

— ... — меня как ошпарило.

“...я бы не смог сам...”

— Этого я не знаю точно, не видела ее давно... — опять выждав, добавила Боль. — Очень давно. Кевин уверен, что ты что-то сделал с ней. — Она смеялась надо мной. — Но задумайся, при этом он тебя не убил.

— Ее телефон по-прежнему выключен, — признался я, сжимая трубку в ладони с риском поломки. — Номер не существует.

— Нужно изменить что-то в себе, может быть, — предположила Боль совершенно не с той интонацией. — Возможно, тогда что-то изменится снаружи.

— Не слишком ли много “может быть”?

— Как знать... — издевательски вздохнула Боль. — Может, слишком мало.

— Иногда мне не нравится с тобой разговаривать, — сказал я ей, катая желваки, и нажал отбой.

“...диалоги с вашей братией от мала до велика, как на краю карниза...”

Я вышел к узкой дорожной ленте, мечущейся вблизи невысоких построек жизнерадостных цветов. Загорелый асфальт старательно отрабатывал каждый сантиметр своей шершавой плоскости. Кроме всевозможного авто- и мотозасилья по нему с традиционным звуком двигались флегматичные коровы с непилеными рогами, собаки, не знающие лая, да множество разнообразного люда местных и иноземных тонов, а также иноземцев в местных тонах.

Массивные автобусы с трудом разъезжались на узкой фиолетовой полосе, стучаясь зеркалами и падая одним из своих боков в кирпичного цвета песок. Они протяжно, с ленцой, сигналили друг другу и прочему круговороту существ, но действовал известный звук только на полных собственной осмысленности коров.

Я впечатался в этот спокойный поток, дымя неизменной сигарой. Мне требовалось подумать, несмотря на то что этим занятием я был занят последние пять лет. Мне требовалось еще раз задать себе тот последний вопрос и дать на него тот последний ответ. Сложность заключалась в том, что ответ оспаривал все деяния последних лет, начиная с первого восхождения на подоконник и прыжка в сторону все того же вопроса. Он сводился к простой формуле ошибочности поведения в определенный момент развития ситуации. Он противопоставлял ситуации “сейчас” и “тогда”, вытравливая из общей массы временных данных ключевые события и практику старого и нового времени. Искомый ответ сходиллся в неистовой кровавой бойне с человеческими приложениями: гордость (тем более оформленная в сероватые цвета мужского начала) и самолюбие (тех же категоричных оттенков). Даже опыт участвовал в противостоянии, ведя себя наиболее двулично и устраивая чехарду из материала, подтверждающего концепты “за” и “против” и отрицающего.

Легче всего проследить мысленную цепочку, распростершуюся на сумасшедшее расстояние

пяти лет. В уменьшенную версию которого я привычно забрался. Здесь среди множества элементов реальности, машинного и телесного звена, каждый из которых двигался по заданной кривой, от одной точки цели к призывно манящей другой, смешиваясь, пенясь, соотносясь и почти не сталкиваясь, было легче всего почувствовать свое место в этом лейкоцитном движении.

Я опять достал телефон, непослушные пальцы набрали номер, который голове было невозможно забыть.

“...номер не существует...” — ответил мертвый голос, в котором слышались знакомые нотки.

Я позвонил опять. И опять те же слова прозвучали в моем пытливом мозгу, но знакомого в них мой мозг уже ничего не встретил.

“...номер не существует...”

Спустя час, проследив событийную последовательность в том ключе, в котором я сумел ее запомнить и воспринять, наслоив прошлое на тиканье настоящего, затем вытеснив это все в голодные упорядочивающие миры подсознания, затаив дыхание, ответив и послушав оглушительный шум этих слов в будто опустевшей своей голове, я принял решение. Далось оно не сложно, ведь я уверился, что консенсус — мой личный, в нем не проступало эхо чужих голосов или нот заинтересованных нашептываний. Все четыре новых глаза на теле моем пристально вглядывались во тьму моих соображений, пытаясь выследить присутствие чужака, но по-

темки полнились лишь собственным пониманием.

Прошло достаточно времени, чтобы в чужой голове размылся мой портрет, перестал быть четким набором символов и черт, теперь я вознамерился внести туда ряд новых деталей, которые научили бы мою демоническую девочку вести со мной себя правильно.

Сегодня я столкнулся нос к носу с ее злоеющим отцом, это произошло по иному сценарию, нежели я мог бы предполагать.

Объяснение могло быть только одно.

В случайной лавке я купил за сущую мелочь — небольшой, кривой, но злоеюще острый нож с удобной деревянной ручкой и кожаным чехлом. Я на ходу запрыгнул в желтый от старости автобус. Едущий в обратную сторону, примостился возле пыльного окна, выбросил ненужный остаток погасшей сигары и почти задремал.

В конце концов, когда-нибудь я должен был суметь закрутить Землю в обратную сторону, так пусть началом этому послужит сегодня.

Разбудил меня звонок телефона, я глянул заспанными глазами на табло и увидел номер одной из женщин, с которыми я коротал время на пляже и пил вино в баре. Пальцы отжали кнопку отбоя, я вынул сим-карту из трубки и убил ее, резким движением нарушив целостность. Казалось, это прошлая жизнь пытается достучаться до меня, еще более прошлая, чем та, которой я жил последние пять лет.

Я спрыгнул с автобуса так же — на ходу, глаза уловили знакомые линии одной из деревень, обильно раскиданных по окрестным холмам. Ноги мои зашлепали по красному песку, в сторону сгрудившихся пальм, за которыми по пестрому куску пространства топорщились густо понатыканные крохотные домишки, сросшиеся с природой. Вплотную с ними подрагивал от легкой электронной музыки деревянный бар, вывернутый наизнанку своими покосившимися столиками, стойкой, немногочисленными посетителями. В качестве элемента современности в небо пристально пялилась спутниковая тарелка.

Нужный дом из желтого песчаника, с плоской крышей, просторным для такого дома крыльцом, на котором замерли в безветрии кресло-качалка и высокий кальян, произрастал из холма на краю деревни.

Я пошел к нему не напрямик, а искоса, выбирая в качестве целей абсолютно не нужные мне постройки, чтобы появиться из-за потемневшего дерева и двинуться к еще одной ложной цели, по цепочке которых я подобрался к искомому жилью. Наверное, от этого веяло бессмысленностью, фигура, которую я собирался обнаружить, должна была так или иначе почувствовать мое появление. Тем не менее в соответствии с планируемым я вел себя и двигался, как преступник, сутулясь от кратковременных набегов вины.

Однако меня не ждали.

Двери традиционно были не заперты, с порога меня встретили порожние бутылки виски и рома. В квадратной комнате со стенами, спрятанными в огненно-красную ткань, на кожаном черном диване кренилось огромное тело Ура. Он оделся в пятнистую от времени майку с рисунком бульдожьей морды и драные шорты, бывшие когда-то штанами. Прямо за его опухшей головой в жалюзи пряталось солнце, выражение лица пенилось отсутствием, а на журнальном столике перед ним высилось и теснилось огромное количество промышленной упаковки из-под еды. Стеклой посудой оказалось заставлено буквально все — даже кричащий телевизор и крохотный подоконник с цветком. Стакан забылся в руке толстяка, на полу размещались целые бутылочные армии, всюду призывно валялась реклама доставки пищи. Несколько гляцевых журналов покоилось в самых удивительных местах, давая понять, где нелегкая только не заставала пьяную тушу моего собственного сердца. Эту брэнность цементировали два ленивых вентилятора под потолком, что шумно гребли лопастями закисший воздух.

Ни одна из нескольких невзрачных картинок на стенах не висела прямо, предметы словно переминались не на своих местах.

Ожиревшее от обжорства, полумертвое от пьянства тело продолжало крениться, пока с шумом не рухнуло на пол, недооценив силу притяжения и необходимость координации.

От удара Ур проснулся. Стакан шумно откатился от него, и первая реакция оказалась в ту самую сторону, но посудина была пуста, поэтому озабоченные пуговицы глаз забегали по комнате и остановились на мне.

— Ты? — удивился толстяк, с трудом сумев встать и закрепиться в положении сидя. — Какого хрена тебе нужно?

— Славно проводишь время, — презрительно бросил я, медленно двигаясь по кругу и стараясь зловеще оформить ситуацию. — Достоинство сви-
ньи.

— Все так спокойно, даже слишком, — зевнул Ур и потянул к себе коричневую бутылку, на поверку оказавшуюся пустой. — Скучно мне, дери тебя черти! — Он попытался приподняться, но непослушное тело грузно завалилось.

“...вот и развлекаюсь как могу...”

— Вы хотели этого, — напомнил я

— Мы? — вскинул брови толстяк. — Мы делаем лишь то, что — так или иначе — хочешь ты. Забыл? Нас нет без тебя, амиго. — Он дурашливо помахал мне руками.

— Я передумал! — резко прервал я пьяные бредни. — И пришел известить тебя об этом первым.

“...adios amigo...”

— Что ты имеешь в виду?! — посерьезнел Ур и опять попытался встать. — Ты... — На этот раз ему удалось чуть больше, и, тяжело дыша, он повалился на стол, поверх многочисленной цветной упаковки.

— Я думаю, ты услышал меня, — с ледяной улыбкой произнес я. — Расстояние между нами медленно сокращалось.

— Я ни при чем тут, — вскинул дрожащие брови Ур. — Я кто? Я всего лишь стучу и стучу, ритм мне заказывает совершенно другой орган. Ты же знаешь, кто заказывает музыку...

— Может быть, — согласился я. — Но помнишь диалог про компьютер, про биотело, которое просто скафандр в условиях местной действительности? Я правильно тебя понял. Чтобы понять ее — мне не нужны ни ты, ни он. Я должен быть просто собой, я должен вынуть себя из скафандра, заткнуться должен ты, и замолкнуть должен он. — Я вытащил из кармана чехол, откуда извлек злое кривое лезвие. — А если ничего не получится, меня ждет следующий прыжок, после которого не будет ничего... — В тот самый момент я возник за его спиной.

“...и в этом будет больше смысла...”

— Ты же погибнешь! — взвизгнул Ур. — Как ты без скафандра?

— Знаешь... — Я сделал короткую паузу, разглядывая острие. — Я думаю, что после четырех падений из окна я либо уже мертв, либо она не даст мне умереть и сейчас.

— Она уже раз украла твое сердце, — захрипел толстяк дрожащим голосом. — Ты забыл и это? Ты станешь частью тьмы!

— Если у меня не будет сердца, — процедил я тише, чем говорил до этого, — ей нечего будет

красть у меня. — Я схватил его за волосы на затылке и взмахнул вросшим мне в руку клинком.

— И тогда ты не будешь нужен ей, — в одно слово успел выпалить Ур перед тем, как я перерезал ему горло.

“...это я и хочу проверить...”

Все произошло мгновенно, конвульсий было ровно на минуту, после чего жирное тело замерло среди пестрого картона без движения. Я вытер нож о кусок залежавшегося целлофана. Еще мгновение — и у меня стало престранно легко в левой стороне груди. Стало гораздо тише, куда-то пропал гул, который я, оказывается, слышал каждый день, так что даже перестал его замечать, льдом и покоем наполнилась вся территория — от плеч до пупка.

Я жадно втянул воздух ртом. Холодный, он наполнил мою голову трезвостью мысли, все вопросы в секунду замаршировали и направились каждый на свое место. Все стало предельно ясно и понятно.

— Ты меня не обманешь, — сказал я невидимому врагу. — Ты всего лишь система для управления биокостюмом, ты сам мне рассказал про это. — Я покинул жилище собственного сердца.

Когда я уходил, оно не стучало.

Я добрался до дорожной ленты. Точно нарисованное углем тело автобуса вскоре потеснило корово-человеческую массу с автомобильными вкраплениями, вобрало в свои душные узости

мое расслабленное тело, после чего перенесло его на полчаса дальше.

Я нанял такси и двигался еще около часа на север, следя взглядом за диковинными махинами облаков в небе, после чего покинул кондиционированный салон возле приземистой гостиницы из розового кирпича “Глория Энн”.

Номер на первом этаже под символическим номером 6, что балконом выходил на бассейн, встретил меня открытыми дверями. Меня там ждали, абсолютно не боялись и скорее всего даже не считали достойным противником. Угадывались сложности вопреки всей пассивности доброго сердца.

Существо, которое встретило меня там, очень изменилось с нашей последней встречи. В обстановке чугунной мебели отчетливо готического вида, в больших апартаментах цвета вишневого йогурта, за тяжелыми портьерами, стирающими с лица номера огромные окна, остро отточенными движениями двигался по путаной траектории старый добрый знакомец — Ит. Он стал тощим и статным, глаза его запали в центры широких черных кругов, волосы будто приклеились в голове. Казалось, в нем прибавилось лишних движений, взгляд скакал по предметам, а лицо линовалось всеми группами морщин одновременно.

Ит ждал меня, так как глаза его прицельно фокусировались на двери, он машинально жевал сухие губы и всем видом выдавал ошпаренные кокаином ноздри.

Помещение его номера было вытянуто в прямоугольник, комнаты вырастали друг из друга. Повсюду размещалось много зеркал, занимавших даже углы, которые они прятали за собой. Света плавало совсем немного, и всюду набился полумрак.

Мой родственный недруг облачился в узкий черный глянцевоый костюм-тройку, при нем — серебристый галстук.

— Ты скучал по мне? — холодно спросил я, не зная, как его поприветствовать (в смысле моего тут возникновения и последующих планов).

— Не очень, — признался Ит, вращая глазами в мою сторону. — На расстоянии мы смотримся лучше. Может, объяснишь свои поступки?

“...если можно назвать твоё безумие подобным словом...”

— Что именно тебе объяснить? — вскинул я брови, сделав шаг к нему и наблюдая реакцию.

— Ты убил Ура, — застыв, напомнил Ит. — Зачем?

— Думаю, ты всё понял, — не стал я вязнуть в нудных диалогах и сделал ещё шаг.

“...не будем терять времени, ты понимаешь, о чём я...”

Ит попятился, но равно настолько, чтобы это прошло едва заметно:

— Она давно умерла. Ты убил её.

— Вы заставили меня сделать это, — с ненавистью прошипел я. — Чертов двигатель и проклятый компьютер.

— Тогда так было нужно, кретин, — с презрением выдохнул в меня Ит, становясь еще удобнее. — Иначе ты уже не помнил бы своего имени. Твоя любовь была тем, что заменило тебе душу, и ее стало возможно преспокойно извлечь из тебя — эти материи имеют схожую консистенцию. Но скоро, без души, ты превращаешься в безвольное тело, молчаливого слугу, — подчеркнул он взмахом ладони, — ведь душа — Вселенная, а любовь — только часть этой Вселенной. И когда ты замыкаешь свою Вселенную на желании человека, тогда превращаешься в тупого фанатика, в слепой инструмент. Мы не могли позволить сделать ей это. — Камни его логики били прицельно, но я знал, что никто так не знает меня, как он, соответственно и клавиши, на которые стоит нажать, чтобы я остановился.

“...осмысли — и вопросов не останется...”

— Я понимаю вас, — пожал я плечами. — Но тем не менее должен убить тебя, чтобы отомстить за нее — раз и чтобы остаться с ней без вас — два, а значит, сохранить в себе свою душу — три. Я долго думал и понял, что иначе — никак. — Рука моя выхватила из кармана чехол, секунда — и в ладонь мне опять врос острый клинок.

— Ты обезумел! — вскричал Ит, делая большой шаг назад. — Опомнись! Как это решит пункт второй? Ее не вернуть! — В одном из зеркал мелькнули его бледный облик и моя угрюмая решимость.

— Сердце можно обмануть, разум можно подчинить, — ответил я. — Я должен разобраться со

всеми этими вопросами сам. Без вашей помощи! Не первый раз раскрываешь заговор собственного сердца и ума против себя. Парадокс в том, что вы же и впустили ее в мой мир, а потом убрали оттуда, когда прознали, кто она. Вы решили, что она становится слишком опасной. Я чувствую, когда ты лжешь мне, так же как ты чувствуешь, когда я лгу тебе.

— Мы отобрали у нее твое сердце, — поникнув голосом, выдавил Ит. — Ты сам видел это.

“...сейчас бы уже не было никого из нас...”

— Она женщина, — покачал я головой, осклабясь в дьявольской улыбке. — Им свойственно воровать сердца. И кстати — умы.

— Но не души, — укоризненно глядя, поднял палец Ит. — Не души, — протянул он.

— Моя женщина ворует и души, — парировал я. — Теперь у нее не будет такой возможности. — Я бросился к нему с ножом.

Ит уклонился от моего удара с подозрительной прытью, я успел только чиркнуть по кончику его рукава, тут сильный удар в нос отшвырнул меня в готическое кресло.

— Все верно — она именно такая женщина, — согласился мой недруг, закатывая рукава. — И еще — дочь дьявола. Так с чего ты взял, что будешь ей интересен, когда она не обнаружит в тебе того, что они с отцом так любят? — Он оказался рядом со мной, когда я пытался встать, и мощным левым хуком вернул меня на место.

“...когда она обнаружит пуштышку...”

— Столько прошло, — в голове моей зашумело. — Люди не уходят из жизни друг друга после такого количества времени. Пусть все это началось большой дорогой любви, а закончилось тонкой тропинкой ненависти, это было не просто так.

— Она не совсем человек, — напомнил Ит, опять встав в боксерскую стойку. — А кроме того, не пытайся понять женщину, разница между вашими мирами началась еще тогда, когда тебя окружали синим цветом, а ее розовым. У вас абсолютно разные программы в голове. — Он обманным движением увел мой нож в никуда, после чего точным ударом в челюсть выбил мне зуб и уложил — теперь на пол. — Поверь мне, своей программе! То, что для тебя не просто так, для нее может быть дурацким принципом. Или скукой! Или заботой о старом больном папочке. Да чем угодно, Кваазен тебя, идиота, дери...

— Я отключу тебя, — пообещал я, вытирая кровь с лица и поднимаясь. — А если что будет не по плану, мне поможет еще один прыжок. Последний. — Я обманным движением сфокусировал его на руке с ножом, после чего сумел правой вскользь достать его подбородок. — А иначе мне неинтересно!

“...ты повторяешься...”

— Кваазен был прав на твой счет, — презрительно заявил Ит, отступая к следующей комнате. — Ты — неприспособленное к жизни существо, если бы не она, ты давно был бы мертв.

Ты — суицидальный мальчик, этим и только этим можно объяснить все твои поступки, вплоть до сегодняшних.

“...ты тоже...”

— Все мы самоубийцы, — спокойно согласился я, медленно тесня его дальше. — Мы пьем алкоголь, мы пьем кофе, курим сигареты, и если бы только это. Что мы делаем, если не убиваем себя каждый день множеством способов? Мы объясняем себе как-то это, но, что бы ни было в нашей голове, на самом деле это просто убийство. Убийство самого себя. Каждый день. В этом плане, может, я честнее сам с собой, чем некоторые. — Скоординировав все силы, я осуществил стремительный прыжок в сторону моего недруга. — В том числе — ты!

“...и это значит, что время слов кончилось...”

Спустя медленную переступь последний шаг получился неожиданным и осуществился в тот момент, когда в глазах Ита зародилась краткосрочная грусть, вызванная прислушиванием к собственному состоянию.

Этого мгновения хватило, чтобы он не успел среагировать должным образом. Нож по прямой юркнул ему в грудь.

Ит охнул и отскочил назад, сорвавшись с лезвия, но я не дал шанса ему опомниться и в тот же миг сбил с ног, настигнув еще одним титаническим прыжком.

В следующей комнате, куда мы по инерции переместились, на пути совместного падения

нам встретился стеклянный прямоугольник журнального столика. Он с чудесным звоном погиб под нашими борющимися телами, а Ит попытался отбиться телефонной трубкой, что выпала ему в руку вместе со стеклянными брызгами. Но я, вошедший в раж, легко расправился с пластмассой крепостью своего черепа и одним тяжелым ударом закончил поединок.

— Дурак... — просипел Ит, стремительно становясь прозрачным. — Даже ее убийство могло быть спланировано ими, не говоря уже о том, что сейчас делаешь ты...

“...не буду спорить...”

В глазах недруга разлился холод, он успокоился быстро и без театральности.

Я поднялся, тяжело дыша, с десятков порезов лениво кровоточили, а пару осколков пришлось, поморщившись, удалить за пределы туго натянутой кожи.

Я чувствовал новые изменения в себе: холод залил мой лоб, на секунду стало больно, после этого ледяные пальцы двинулись ниже и объединились с морозом в груди.

Все упростилось еще больше, у меня проявилась цель, и ничто — ни ложное, ни рациональное — не сдерживало меня.

“...и даже ваше появление, мои мертвые друзья, могло быть инсценировкой...”

Я достал телефон, вставил в него старую сим-карту, непослушные пальцы набрали номер, который моей голове невозможно забыть.

“...номер не существует...” — ответил мертвый голос.

Это не взволновало меня.

— Ошибся? — риторически переспросил я сам себя.

Пальцы упрямо опять выжали кнопки:

“354546463646474737625618189”.

Там, сквозь длинную паузу, родились гудки.

Я звонил, пока нас не рассоединили. Затем я выждал минут десять и позвонил еще раз. Опять донеслись гудки, потом опять произошел механический обрыв надежды. Но это уже было не важно: там видели, что я звонил дважды, а значит, рано или поздно разговор состоится, иначе этот номер никогда не проснулся бы.

“...кевин кваазен кевин кваазен геквакен геквокен...”

Конец или начало

Прошло еще полгода. Я наслаждался хладнокровием, все было ясно далеко наперед. Я отсыпался, отъедался, предавался туризму, в общем, вел свой обычный образ жизни, за одним изъятием — женщин вокруг меня поуменьшилось. Потом они исчезли, на этом зиждился свой собственный смысл, я точно знал его, хотя и делал вид, что все происходит неосознанно.

Тем не менее я настолько смирился с ожиданием, что тот самый день наступил для меня неожиданно.

Около пяти утра в белую дверь некоего скромного отеля в некоем замечательном городе на чудесной планете вставили ключ, который должен был находиться в кармане моих джинсов. Замок зачарованно щелкнул, в номер бесшумно впорхнула дьявольски красивая девушка, что так же тихо разделась и по-свойски забралась ко мне под одеяло.

Мы обнялись, наши тела давно были заточены друг под друга. Все края совпали, все ложбинки слились, раскаленное тепло захлестнуло два молодых разума, беспредельно и обоюдно тянущихся. Громко щелкнул телесный замок, головы совпали в границах красного цвета, дыхание стало одним на двоих. И сон тут же безжалостно смежил веки.

Наступило пять утра, страшное время быка, когда нужно спать и только, ни в коем случае не открывая глаза, чтобы не увидеть страшное. Мы проспали длинное количество часов, словно не осознавая реальности происходящего. Каждый тянул тот самый замечательный сон, не желая его покидать, вождедея его продолжения.

Даже когда глаза распахивались навстречу друг другу, сквозь дрему, почти случайно, мы лишь тепло моргали в красивые лица, в странном покое засыпая мгновенно. Наверное, было бы неинтересно проснуться, если не проснуться так, как проснулись мы.

Вместе.

— Доброе утро, — сказали мне удивительно теплым голосом.

— Привет, — сквозь намеренную паузу отзывался я.

— А где же мой кофе в постель? — спросила Сашенька, улыбаясь самой колдовской из своих улыбок.

— Наверное, там же, где мой, — старательно зевая, ответил я. — Я думал, это сон.

— Я тоже, — пожала она плечами и спрыгнула с кровати на пол.

— Чего ты так долго? — нахмурился я ей вслед.

— Соскучилась, — засмеялась она и спряталась за шумом воды. — Я думала помучить тебя еще пару лет, — добавила она, резко закрутив кран и тут же вновь его расслабив.

Я выбрался из одеяла, нашел брюки с сигаретами. Утренняя зябкость манила из-за прозрачного стекла, узкая булыжная улочка разбегалась на десяток длинных переулков, а я вытянулся на крохотном балконе над всем этим. Солнце только вылилось из-за будто рисованных домиков и выглядело совсем молодым и бледным.

Прохладно, голая кожа покрылась миллионной армией мурашек, тем не менее, прежде чем закурить, я жадно подышал сладким воздухом во все возможности легких. Дыхание тоже имело свой вкус, сейчас я явно чувствовал это. То самое ощущение в свое время притупилось из-за его неизменности, что привело к тому, что мы забыли вкус кислорода еще в детстве. Теперь я чувствовал это иногда, по крайней мере сегодня.

Потом я закурил, иллюзия пропала, я посмотрел вдаль, насколько позволял утренний туман. По его вине обзор был ограничен, потому картинка смотрелась рваной.

В стекло балконной двери очаровательно поскреблись, я обернулся и увидел удивленные глаза и беззвучно кричащий рот. Так оказалась

воспринята моя абсолютно нагая фигура, подрагивающая на ветру и кутающаяся в узкий шлейф сигаретного дыма.

— Ты эпизденически прекрасна, — сказал я, не пугаясь этих слов, лишь мат в момент тот был необходимым образом эмоционален. — И ты это знаешь. — Она не могла меня слышать, но по довольному выражению лица ее понял, что она меня слышала. — Но не злоупотребляй этим, — попросил я тихо и чуть меньше шевеля губами, отчего Сашка нахмурилась, но по взгляду я понял, что она разобрала и это. — А иначе, если потребуется повторить все то, что я сделал и делал эти несколько лет для твоего воспитания, я сделаю с легкостью опять. — Ее губы прижались к стеклу, всего две секунды, но я даже согрелся за прозрачной преградой. — И ты это знаешь. — Я пустил колечко, которое медленно вспорхнуло с моих губ и было настигнуто резким взмахом сигареты. — Это в моем стиле. — Клочок дыма превратился в сердечко.

Это выглядело красиво, я повторил, и сердце вышло еще более аккуратное. Сашкины влюбленные глаза сияли из-за стекла, и я, сообразив, что кошмарно замерз, метнулся к ней. Мы долго грелись в кровати, пуская дрожь, словно электричество, в тела друг друга, в тот момент она напоминала шарик в пинг-понге, который бродит по богатой территории наших кож.

— Поваляемся в кровати? — вкрадчиво осведомились у меня спустя час.

— Нет, — зевнул я в потолок. — Надо кое-куда съездить.

— Куда же? — обрисовали мой профиль любимые глаза.

— Скоро узнаешь, — загадочно отозвался я и, спрыгнув на пол, принялся методично осваивать собственные ткани. — Почему молчит наша точка соприкосновения? — вдруг осмыслил я нечто, что непонятно волновало меня уже час.

— Мы перестали ее отличать от просто слов, — объяснила Сашенька. — Теперь мы в непрерывном диалоге. — Она засмеялась.

Мы синхронно почистили зубы перед широким прямоугольным зеркалом, встречаясь там взглядами и улыбаясь белыми улыбками.

Потом Сашка оделась тоже, мы нашвыряли в ее сумку разных предметов, в надобности которых не имелось уверенности, и вышли на улицу.

Там лукаво поигрывал солнечными зайчиками ленивый мотороллер, который тут же попал к нам в ноги и под методичное жужжание поволок наши легко одетые тела в сторону выезда из города. Узкие улочки сменялись одна другой, люди уступали нам дорогу, широко улыбаясь и щурясь от приветливого солнца.

Декорации зданий сменились пространным куском неба, тесной извилистой асфальтовой лентой и цветными полями, чьи расстояния не покрывались глазом.

— Это же картофельное поле, — разочарованно протянула Сашенька из-за моего плеча спустя еще полчаса.

— Да, — тихо подтвердил я. — И оно чудесно. — Вселенский штиль, казалось, складировался перед нами во всем своем покое и зыбкости.

— Правда? — Она пыталась понять, дрожа зрачками в прозрачной водиче белков.

— Конечно, — подтвердил я мятным голосом. — Когда ты была в последний раз на картофельном поле?

— Пожалуй, я вообще на нем не была, — спустя недолгое размышление призналась моя демоническая девочка. — Никогда.

— Тогда наслаждайся, — улыбнулся я ей профилем. — Возможно, это в последний раз, когда ты была на картофельном поле. Идем! — Мы взяли за руки и пошли по картофельному полю.

Определенно мне нравилась эта фраза.

Небо отличалось головокружительной глубиной, в нем зависли огромные трехмерные формы белоснежных облаков, а поле запомнилось непокрываемой протяженностью. Только взошедшая картошка старательно тянулась ввысь, едва достигая наших щиколоток, но была уже размашистой, с широкими выпуклыми листочками.

Если долго прогуливаться глазами по небу, затем глянуть далеко вдаль, смерив то самое поле взглядом, а после резко уронить его себе под ноги, создается иллюзия собственной огромности во вселенском масштабе. Смешной карто-

фель виделся чем-то сродни баобабам, широкие зеленые стволы несли на своей круче кучерявую растительность, а наши гигантские ноги аккуратно несли великанские тела в гуще баобабовой рощи. Ни конца, ни края ей видно не было, всюду наливались энергией молодые деревья, а время нашего путешествия перевалило за полчаса.

Пальцы наши, подержавшись недолго кончиками, внезапно сплелись, словно договорившись.

Солнце мягко красило все в свои теплые цвета, оно выглядело страстно ярким. Очаровательная безлюдность волновала нашу кровь, мы не видели даже птиц, и единственной динамикой в природном мирке стала наша собственная.

— Мы заблудились, — сказал я, остановившись.

Сашка заливисто вздрогнула связками в замечательном спазме смеха, мы повернулись друг к другу лицами и крепко и долго поцеловались.

— Заблудились в картофельном поле, — услышал я нашу точку соприкосновения.

Еще я услышал, как, тихо зашумев, срослись места пайки, соединив в одно целое элементы реальности. Во всем чувствовалась и пенилась гармония, поцелуй с трудом прекратился. Жадные взгляды двух пар пронизательных глаз не моргая копались в любимой внешности друг друга.

Сашка чихнула:

— Прости, — чуть краснея, добавила она, смеясь. — Кажется, я заболеваю.

— Ничего, — ответил я, тянясь к ней губами. — Думаю, наши микромиры найдут общий язык.

Мы опять горячо поцеловались.

Станный, едва различимый шум обволок вначале наши уши, затем мысли, а в итоге — конечности. Шум жизни. Мы так долго слышали его, что стали глухи к нему. Он приелся настолько, что стал частью тишины, и очень было нужно постараться, отринуть все, не слышать ничего, сосредоточиться на этом нежном и одновременно мощном шорохе, чтобы распознать его. Легкий гул, который напоминает шорох моря. Иногда он напоминает электрическое гудение.

Мне становится понятно, что есть “электростанция”, которую я слышал так часто.

— Жизнь шумит, — тоже поняла Сашка, когда мы на секунду прервались.

Этот звук проходил сквозь нас, мы казались частью его. Мы купались в нем, мы чувствовали, что мы есть.

— Будет ли так долго? — задался я старым вопросом. Легкая тень прорисовалась на моем лбу, глаза сузились, вобрав в свою пристальность мою демоническую девочку.

— Все будет просто хорошо, — ответила она и в тот момент верила в это. — Несмотря даже на то, что у тебя теперь нечего воровать! — Она звонко и с эхом рассмеялась. — Придется украсть тебя целиком. — Ее пальцы сильно сдавили мои. — Навсегда!

— Мне уготована сладкая участь, — отозвался я и за руку потянул ее дальше.

Мы шли по картофельному полю в неведомую сторону и чувствовали себя великанами. В нашем мире все виделось большим: небо, реальность, любовь, я и Сашенька. Нестерпимо хорошо и волшебным, хотелось, чтобы это вечное поле таким и осталось.

— Послушай, отец Мануа находится у Боли уже кучу времени, — вспомнил я.

— Я поговорю с отцом, — отозвалась Сашка. — Кое-что твоему другу придется вспомнить, но со временем все побочные эффекты исчезнут.

Прошло еще полчаса, я скинул майку, вознамерясь поймать на бледную кожу первый загар. Мы расцепили пальцы, и между нами даже вкралось несколько метров. Я слегка отстал, потом опередил гибкую фигурку, но ненадолго, чтобы спустя мгновение поравняться.

Неожиданно картофель закончился, в необозримую даль раскинулось гороховое поле собранного урожая. Из земли в великом упорядоченном множестве торчали острые стебли, обломанные в том месте, до которого их пощадил комбайн. По инерции мы тем же шагом попытались проникнуть дальше, но тут же ободрали ноги и с перекошенными лицами замерли на месте. Острота и жесткость обрубков стеблей сделали движение едва возможным, злобно и хищно щерились они на нас во всю доступность человеческого глаза.

— Зачем? — внимательно посмотрел я на Сашку.

— Не знаю, — отвела она виноватый взгляд. — Прости.

Мы сделали несколько утомительных шагов, осторожно ступая по узким просекам.

Впереди забрезжила вода, она представилась пронзительно синей и простиралась до горизонта. Мне показалось подозрительным наличие здесь моря, я был почти уверен, что по плану местности подобного здесь не могло быть, скорее всего просто моей демонической девочке надоело и картофельное, и гороховое поле.

Вскоре мы различили полоску белесого пляжа и несколько цветных зонтиков, математически ровно и правильно тянущихся ввысь.

— Кстати, возвращаясь к Мануа, — сказала Сашка с серьезным видом, от которого моя понимающая улыбка сбежала с лица. — Помнишь его теорию перерождения? Мне бы хотелось срочно реализовать ее. — Румянец выплеснулся на ее щеки.

— К чему такая спешка? — не сразу сообразил я, о чем она.

— Если учесть твою страсть к окнам, — сердито воскликнула она, дергая меня за руку и заставляя остановиться в какой-то полусотне метров от бескрайней синевы, целующей небо, — я проявляю чудеса нерасторопности. Можно даже назвать это преступной халатностью.

— Мне кажется, теперь я смогу контролировать эту любовь, — солнечно улыбнулся я, приглашая присоединиться. — Как и любую другую.

— Я настаиваю, — заглянула Сашенька глубоко мне в глаза. — Чтобы я была спокойна. — Эта мысль показалась мне глубокой и всеохватной. — Чтобы я знала — если что-то случится, я смогу вырастить себе еще одного маленького тебя. И что ты будешь со мной вечно. И наоборот! — Она улыбалась, но не губами, а глазами. — Я тоже хочу жить вечно.

— Тогда мы в любом случае расстанемся, — заметил я. — Об этом ты не подумала?

— Ничего подобного, — фыркнула моя демоническая девочка, надевая на свой совершенный нос невесть откуда взявшиеся темные очки. — Потом мы найдем друг друга в других людях. Это будет очень нескоро и очень несложно.

— Ты уверена? — прищурил я глаза на ее последнее утверждение. — Ты уверена? — переспросил я ее по существу самой просьбы.

— Да, — горячо подтвердила Сашенька. — Так нужно... просто поверь мне... — Она сильно поцеловала мои губы, точно ставя печать на почти уже наше решение.

Я ответил, а потом задумался.

Моя грудь наполнилась тишиной, мое сердце печально молчало. Я потрогал пальцем висок, он был холодным, даже ледяным. Страстно захотелось, чтобы сердце мое вновь застучало и виски мои опять стали теплыми.

— Пусть будет так. — Мышцы моего лица размягчились. — Пусть будет ребенок с большими глазами.

— С большими глазами, — зачарованно повторила Сашенька. — Где будет отражаться наш мир.

Станный современный мир, где время летит очень быстро и картинки жизни меняются таким бесконтрольным галопом, что люди совсем запутались в калейдоскопе прошлой, настоящей и будущей жизни. Тот самый мир, где никто точно не знает, как нужно себя вести в данную единицу времени, и где, чтобы впустить любовь и — главное — удержать ее, надо перерезать горло собственным сердцу и разуму.

Литературно-художественное
произведение

Роман Коробенков
Прыгун
Мистическо-лирическая повесть

Редактор Алла Хемлин
Художественное оформление и макет
ДМИТРИЙ ЧЕРНОГАЕВ
Верстка Владимир Дёмкин

Подписано в печать 20.02.12. Формат 84×108/32.
Бумага офсетная. Гарнитура Swift.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Заказ №

«Столичный Скорород»
korobenkoff.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета
в ОАО «Первая образцовая типография»,
филиал «Дом печати – Вятка».
610033, г. Киров, ул. Московская, д. 122.

